

Михаил Петрович Любимов - бывший сотрудник разведки, работавший многие годы за границей, кандидат исторических наук, автор нескольких пьес.

Все имена, места, образы и события в этой книге являются художественным вымыслом, и любое сходство с действительными ситуациями, умершими или живыми людьми объясняется чистой случайностью.

Михаил ЛЮБИМОВ

*Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь.*

А. К. Толстой

The soul of the spy is somehow the model of us all¹.
Jacques Barzun

Вместо предисловия

СССР, Москва,
Тверской бульвар, 23,
Михаилу ЛЮБИМОВУ, эскавайру.

Дорогой сэр,

Памятуя наши плодотворные дискуссии о сокращении разведывательной деятельности противостоящих блоков, я рискнул прибегнуть к Вашей помощи по одному весьма щепетильному вопросу Месяц назад, когда я покидал рыбный ресторан "Скоте", ко мне подошел человек, заявивший, что знает меня по телевизионным выступлениям (говорил он на добром ирландском языке), сунул в руки пакет и удалился, бросив на прощание "Уилки просил опубликовать это".

Помните ли Вы шумный процесс над австралийцем Алексом Уилки, обвиненном не только в шпионаже, но и в убийстве? Называя эту фамилию, я допускаю натяжку, ибо Уилки жил и по фальшивым паспортам, используя еще массу разных фамилий

Вернувшись к себе на Стеноуп-террас, где, если Вы помните, мы провели немало приятных бесед за чашкой чая, я достал в библиотеке подборку старых номеров "Таймс" и внимательно перечитал весь процесс.

Алекс Уилки обвинялся в работе на советскую разведку, что он категорически отрицал, как и свое якобы русское происхождение. Держался он спокойно, смело, даже дерзко Свидетельские показания оказались недостаточно убедительными более того, у меня сложилось впечатление, что британские спецслужбы не были заинтересованы в раздувании всего дела, а даже пытались его замять. Основная часть процесса проходила за закрытыми дверями. По слухам, значительная доля обвинений строилась на весьма драматических материалах предоставленных американской разведкой.

¹ Душа шпиона - это некоторым образом слепок с нашей души. Жак Барзан

Что касается загадочного убийства, так и не опознанного лица, то Алекс Уилки сам признал свою вину, которую, правда, невозможно было отрицать, поскольку полиция схватила его на месте преступления. В итоге по решению суда он получил тридцать лет тюрьмы

Связавшись со своими друзьями из секретной службы, я узнал, что незнакомец, подстергший меня у "Скотса" является уголовником, недавно освобожденным из тюрьмы, через которого Уилки передал пакет с рукописью, опасаясь ее экспроприации. Страхи его были напрасны, поскольку тюремные власти по устойчивой британской традиции всячески поощряют литературные экзерсисы, учитывая их исключительно целебное терапевтическое воздействие на заключенных.

Недавно в "Тайме" я прочитал очередную статью о жизни Уилки в тюрьме. Ведет он себя в тюрьме примерно, пользуется авторитетом у заключенных и по-прежнему отрицает свое русское происхождение. Мои друзья добавили, что он много читает, делает выписки (тюремным библиотекам Англии могут позавидовать многие оазисы культуры Европы) и считает свой литературный труд забавной игрой которая завершит его бурную жизнь.

Теперь о самой рукописи.

У меня сложилось впечатление, что Уилки отважился на жизнеописание и, возможно, даже на исповедь, прикрыв все это фиговым листком литературной формы. Я не претендую на роль литературного эксперта, но мне не по душе ни излишний натурализм, ни манерность, ни шпионский сленг, ни постоянная самоощущения, доходящая до абсурда, которые мешают читателю окунуться целиком в повествование,

Уверен, что и Вы, сэр, будучи поклонником Чарльза Диккенса и Льва Толстого, во многом согласитесь с моими, возможно, не совсем зрелыми, суждениями.

Особенно поразила меня, сэр, эзопова манера повествования, все эти шитые белыми нитками "Мекленбург", "Монастырь", "Маня" и прочие выдумки отравленного конспирацией ума. Зачем это нужно? Неужели Уилки серьезно полагал, что его художественная проза может быть использована против него для пересмотра дела или для возбуждения нового дела о шпионаже? Если он так считал, то это не делает чести его специальной подготовке: в практике судов Соединенного Королевства не было еще дел, построенных на доказательствах, взятых из беллетристики обвиняемого.

Направляю Вам рукопись и надеюсь, Вы найдете ей достойное применение.

С надеждой снова увидеть Вас в Лондоне,
искренне Ваши профессор Генри Льюис.

Профессору Генри Льюису,
7 Стеноуп-террас, Лондон.

Дорогой сэр!

Глубоко благодарю Вас за рукопись и, особенно за теплое письмо. Я тоже часто и с удовольствием вспоминаю наши беседы у камина и особенно Ваше выступление на

конференции по поводу разрушительного воздействия шпионажа на моральное состояние общества - теме, столь близкой моему сердцу. Совершенно убежден - и тут, если помните, мы сошлись с Вами в едином мнении, - что перестройка в международных отношениях невозможна, если существуют шпионаж и шпиономания.

Теперь о рукописи. Как Вы понимаете, я не преминул тут же обратиться в соответствующие компетентные органы и получил следующий ответ: "Никакого Алекса Уилки, связанного с советской разведкой, не было и нет, и весь шпионский процесс инспирировался определенными кругами, заинтересованными в нагнетании международной напряженности. Что касается лиц и событий, описанных в так называемом романе Уилки, то они целиком являются плодом явно больного воображения автора, начитавшегося триллеров Форсайта, Кленси и Ле Карре".

Тем не менее, учитывая счастливую эру гласности, я решился опубликовать это произведение, интересное прежде всего как человеческий документ и, если использовать ваш тезис, как свидетельство распада личности, ведь увы! тайная война наложила отпечаток на психику и поведение всех нас.

Возможно, Вам, сэр, покажется странным, но Уилки вызывает у меня чувство сострадания, несмотря на прекрасные условия, предоставленные ему в английской тюрьме. Мне трудно судить о тюремной жизни, ибо до сих пор судьба была милостива ко мне и уберегла от близкого знакомства с пенитенциарными системами.

Но говорят, у нас в стране тюремные библиотеки, возможно, не уступают английским. Судя по мемуарам Роберта Брюса Локкарта, в лубянской тюрьме, куда он попал за участие в заговоре против советской власти, имелся отменный выбор литературы: Фукидид, "Воспоминания о детстве и юности" Ренана, "История папства" Ранке, "Путешествия с ослом" Стивенсона и множество других превосходных трудов.

Не без умысла прикоснувшись к уважаемой персоне сэра Роберта, хочу напомнить Вам слова, высказанные ему на прощание тогдашним зампредом ВЧК Петерсом. "Господин Локкарт, Вы заслуживаете наказания, и мы освобождаем Вас лишь потому, что нам нужен в обмен арестованный английскими властями Литвинов. Всего хорошего. И у меня к Вам личная просьба: в Лондоне живет моя сестра, Вам нетрудно передать ей письмо?"

Локкарт утверждает, что точно выполнил просьбу зампреда.

К чему я плету эти нити? Поверьте, сэр, я отнюдь не мечтаю о тех временах, когда шеф КГБ начнет передавать письма своей сестре, живущей по соседству с семьей директора ЦРУ, через задержанного американского резидента. Просто этот эпизод наводит на мысль о существовании кодекса чести даже между самыми непримиримыми противниками. Почему бы не привести в наш деморализованный подозрениями мир нечто из времен благородного рыцарства? А говоря на более приземленном языке, почему бы не отказаться от методов шпионажа, унижающих человеческое достоинство? Это Вам не размышления у камина, которого мне так не хватает здесь. И последняя бусинка в этом ожерелье, которое я так неумело нанизывал: насколько успешно, по Вашим данным, развиваются контакты между ЦРУ и КГБ? Можно ли надеяться, что на следующую конференцию мы заполучим представителей всех главных секретных служб мира?

Надеюсь, Вы не будете возражать, если я опубликую наш эпистолярный обмен в качестве предисловия к книге.

С искренними пожеланиями Михаил ЛЮБИМОВ

Р. S. вы упрекаете бедного Уилки в пристрастии к эзопову языку и излишней конспирации. Что ж, возможно, в Англии художественный вымысел не может быть положен в основу уголовного обвинения. Однако не забывайте, уважаемый сэр, что время не стерло из памяти Уилки нашедшие процессы Даниэля и Синяевского, на которых им, увы, инкриминировались высказывания героев их собственных литературных произведений.

Что тут удивляться? Мне вполне понятны перестраховка и предусмотрительность осужденного разведчика, решившего не давать никаких карт ни самому гуманному в мире британскому правосудию, приговорившему его к 30 годам, ни так и не признавшему его Отечеству.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

КОТОРАЯ ВВОДИТ НЕИСКУШЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ
В БОГАТЫЙ МИР ГЕРОЯ, ЛЕТАЮЩЕГО В ТЕМНУЮ НОЧЬ НА ТАЙНОЕ
СВИДАНИЕ

***Большая в Гаммельне тревога.
Крыс развелось там - страсть как много.
Уже в домах не счесть утрат.
Перепугался Магистрат...
...Вдруг волшебник - плут отпетый -
Явился, в пестрый плащ одетый,
На дивной дудке мари сыграл.
И прямо в Везер крыс сознал.***

Легенда о Крысолове

Я выключил телевизор, набросил пиджак, обозрел из окна темную ночь, в которой только пули свистели по степи, и спустился вниз по лестнице, позванивая ключами от машины. У подъезда под суровым ветром трепетали белый плащ миссис Лейн и ее продрогший сеттер с отвратительной мордой судьи, не устающего выносить смертные приговоры.

- У вас железная воля, миссис Лейн! Подумать только, в такую тоскливую погоду не пожалеть себя ради этого благородного создания (тут создание, словно почувствовав мое кривляние на котурнах, состроило рожу еще постнее, вызвав не предусмотренное ситуацией воспоминание о предводителе Монастыря, Мане), а я еду ужинать в Сохо, ведь в местных пабах, дай Бог, чтобы раздобыть вечером пару хотдо-гов, да это и понятно: народ экономит, обжирается овсянкой дома и выбирается за сто ярдов лишь за пинтой пива, Какой смысл держать в пабе горячие блюда? К тому же я люблю итальянские рестораны, не зря ведь во мне горит четвертушка итальянской крови, хотя все остальные предки - австралийцы (время от времени не мешает обыгрывать легенду, это полезно для дела и тренирует и без того феноменальную память), и посему день, проведенный без ветчины по-пармски, то бишь дыни с ветчиной, похож на муки человека, который с утра не успел почистить зубы и мечтает вечером добраться до щетки². Хорошо, что в тракторных цены вполне доступны для скромных тружеников (легенда - всегда легенда, соседей интересует чужой карман, и никто толком не знает доходов на радифирме почтенного Алекса), хотя, признаюсь, миссис Лейн, ветчина по-пармски - это не главное в жизни (мысль простая и афористичная!). Счастливой прогулки, не простудите гордость нашего дома! Разве встретишь такую прелесть даже на лужайках Хемстед Хила? Спокойной ночи, привет вашему мужу, у него уже прошел насморк? Мне всегда приятно с вами поговорить, я ему так благодарен за то, что вчера он помог завести мне машину - проклятая сырость - у него золотые руки, ему надо открыть частную мастерскую, вам бы не помешала пара миллионов, миссис Лейн, правда? Хватит и

² Тут соврал, каюсь, по совету дружка-стоматолога лет десять не чищу зубы, а протираю ватой и массирую пальцами, потому и хожу без вставной челюсти.

одного? Смех. Аплодисменты. Занавес.

Первый переулочек, второй, третий, поворот направо, левое колено³, выезжаем из Хемстеда, два километра по прямой, налево и правое колено, далее прямо к автострате.

На уроках в семинарии за такую грубую проверку прочистили бы во всех наклонениях, представляю своего грозного дядьку: "Попытка с ходу выявить "хвост" сразу обнаруживает вашу принадлежность к известной организации".

На автострате фиксирую "роверы" 07435 и 24132, впрочем, наружное наблюдение - по-простому наружка - обычно меняет номера. А если серьезно обложили и оборудовали закрытые посты, и пошли несколькими бригадами по параллельным, и вставили в машину игрушку-датчик, он же "клоп", и прочее, и прочее, то все равно полная хана - проверяйся хоть сутки. Если ты погорел и петля затягивается, то остается только зайцем бегать вокруг капкана - никуда не деться! - или ожидать шапку-невидимку да ковер-самолет.

"Хвост" - почти всегда конец, финита ля комедия, почти всегда. Бывают, конечно, и случайности - так однажды меня взяла в Ве́ве швейцарская полиция, клюнув на иностранный номер машины. С тех пор бегу провинциальных мест, где тупые ксенофобы видят в каждом заезде гангстера и шпиона. Нельзя нашему брату играть с "хвостом", мы же не белая кость, прикрытая дипломатическим паспортом: они, как свободные лорды, раскатывают на своих лимузинах с "хвостами" и еще предлагают на остановках пиво утомленным сотрудникам наружки, мышкам-норушкам.

Небольшой "форд" резко вывернул из темноты и остановился у бензоколонки, другая машина, полыхая дальними фарами, приближается сзади, карамба, стоп! Выскакиваю к автомату за сигаретами, которые не курю, дамочка в спортивной куртке роется в сумке, достает свои гривны, получает пачку и отходит к "форду" 125-11, сзади она вполне ничего, хотя ноги чуть подкачали.

"Мерседес" 767-19 проскочил мимо, ложная тревога! Разворачивайся, Алекс, доезжай до бакалей и дуй на другую автострату.

Мышек-норушек вроде бы нет, но в голове учебный фильм ужасов, популярный в семинарии: встречный поток разбегается в боковые улицы, на ходу меняя номера, поворачивает на все 180°, пристраивается сзади, по бокам и впереди, блондины перекрашиваются в brunetов, бросают под заднее стекло клетчатые кепи, розы и апельсины, дабы выглядеть гуляющими ковбоями, шоферы наклеивают бороды патриархов или перевоплощаются в юных леди, музыка играет танец с саблями, в кадре - объект слежки, злобный и неврастеничный, как все иностранные шпионы. Вот он паркует машину, вытягивает трубочкой губы в любимой "Боже, слава королеву!". Бодро шагают бригады сыска: обнявшиеся две сестрички-шизофренички, старушка - божий одуванчик и пьянчуга с растянутой шириной (действие, естественно, разворачивается в Мекленбурге). Ослабевший объект мирно движется к перилам универмага, где в магнитном контейнере таится план уничтожения всех военных баз Мекленбурга, вот он прикоснулся к перилам - вспыхнул, вспыхнул, вспыхнул фотоаппаратов! И берут подлеца под белые руки наши молодцы, и тянут, завернув оные за спину, в "черный ворон"... Не дай бог такое!

Правый поворот - до сих пор холодок пробегает по телу при воспоминании об этой альпийской дыре Ве́ве - от страха чуть не выпрыгнуло сердце и дрожали руки, когда

³ Левое колено: до упора, налево и первый поворот направо (*жаргон Монастыря*).

разводил костерик в унитазе гостиничного номера.

В окна летели липовый цвет и дурацкие марши из соседнего ресторана, полиция повертелась вокруг, проверила подозрительного австралийца у портье и бросила к чертовой матери: почему меня зацепили?

Перехожу в другой ряд, набираю скорость. В зеркальце - пустая мгла, сворачиваю налево, еду на красный (благо на улице ни полицейских, ни собак), еще пару миль, и, если не верить во всевидящее око спутника, в черную магию, в сверхдостижения электроники и химии, от которых и блохе не укрыться в Лондоне, то можно бросать машину и двигать по маршруту проверки на своих родимых костылях.

До встречи с Генри еще целый час, с ума сойти, как медленно тянется время! "The inaudible and noiseless foot of Time!"⁴, как писал идол моего австралийского папы. Что же скажет Генри? Неужели рыбка сорвалась с крючка? Будет очень обидно, это затян timer всю операцию "Бемоль", потребует новых сил.

Нет, Генри настойчив и родился с серебряной ложкой во рту, у него не сорвется... А если вдруг ни черта не выйдет и все полетит в тартарары? Центр меня по головке не погладит, такое вставит...

И прежде всего старый друг Челюсть, подброшенный фортуной под самый купол Монастыря, уважаемый Николай Иванович, один из главных распорядителей судьбы владельца небольшой фирмы радиотоваров, легкомысленного австралийца Алекса, - видимо, зависть к его звезде никогда не вылезет из моих пропитых печенок.

Так и видится он мне в далекой ретроспекции в виде огромного бесформенного юнца, входящего в кабинет, что выходит окнами на улицу Несостоявшегося Ксендза (весь район дышит этим именем, тут и его памятник, и площадь, чего тут только нет), вот Челюсть входит в развевающихся штанинах и мрачном, как вся История, галстук, открывает дверь и выпускает вместе с собою шквалы коварного ветра. "Дуй, ветер, дуй!" - словно кричит король Лир из своего небесного угла⁵, и ветер отбрасывает оконную раму, звенит стеклами, обходит все углы и выдувает (еще не повесили нитяные сетки) в июльскую жару документ на тонкой бумаге и не просто выдувает, а возносит над площадью и несет в сторону улицы Убийенного Царевича, показывая нижестоящим гриф "Совершенно секретно".

Ужас до сих пор не остыл во мне, вижу, как у Челюсти опустилась грандиозная челюсть (отсюда и гениальная кличка, придуманная мастером Алексом), мы снежной лавиной катимся вниз по лестнице, распугивая руководящих гусей, вниз, вниз, мимо оторопевших охранников прямо на улицу. "Не трожь! Не трожь!" - кричал Челюсть какому-то приезжему ориенталу, протянувшему потрескавшуюся руку к драгоценной бумаге, словно за дыней.

Но ветер снова дунул, и секретный документ метнулся под стоящий автомобиль, припал к колесу - тут я и настиг его, и взял, как мяч, на живот к величайшему разочарованию иностранных агентов, бродивших по площади Несостоявшегося Ксендза в поисках легкой добычи...

Третья остановка метро, выхожу из последнего вагона, замедляю шаг, пропускаю всех вперед, запоминая облики, одна тетюшка обернулась, сверкнули очки, утешает, что

⁴ Невнятная и бесшумная стопа Времени (*Шекспир*).

⁵ Шекспир прочно вошел в меня, не зря мы с папой-австралийцем целыми днями корпели над глоссариями.

мною еще интересуются женщины. Вроде все чисто, впрочем, проверка в метро похожа на проверку на переполненной Пиккадилли...

Но главное - оторваться от района, где брошена машина. Если ее найдут, то начнут шуровать вокруг...

Челюсть, конечно, сделал карьеру, ничего не скажешь. Правая рука Мани. И не только благодаря своей бабе и всесильной фортуне - башка у него приличная, прекрасный череп, карамба!

Ах, как умен он обыгрывать даже самый малый бильярдный удар фирмы, как изящно шлифовал он язык документов, торжественно текущих наверх! Деревенская лужа оборачивалась всемирным потоком, и казалось, что правительства, страны и целые континенты приходят и уходят лишь по мановению дирижерской палочки Монастыря и нет никаких объективных законов, открытых разными Гегелями и Марксами, - просто Маня, Челюсть, я и другие скромные и самоотверженные ребята тянем, как бурлаки, баржу Истории, а Самый-Самый и Сам стоят на берегу, смотрят в подозрительную трубу и корректируют путь.

Коленка на десять голов выше своего шефа Мани, способного часами метаться между формулировками "считаем возможным" и "считаем целесообразным", как буриданов осел между двумя охапками сена. Челюсть, конечно, молоток, морда, правда, подкачала: лошадино-удлиненная, как он утверждает в кругу ближайших друзей, унаследованная от предков-декабристов (в анкете - сам видел - твердо поставлено: "из крестьян", удивительно, что кусок лаптя забыл приклеить). И уши торчат, просвечивают на солнце.

Парочка на остановке автобуса (о, бойся влюбленных парочек, рабочих-ремонтников у места встречи, киоскеров, газетчиков, торговцев цветами и пирожками!), "хонда" и "кортина" из боковых переулков - терпеть не могу проверяться без машины, а на машине опасно: случайная бригада или выборочный контроль над районом, они любят эти штучки! - два велосипедиста, "фиат", где же автобус?

Вот и он, краснобокий симпатяга! Всего человек-то шесть, тихо, спокойно дремлют. Смотрю назад: пошел дождь, стекла запотели, и совершенно бесполезно бдеть дальше. А вдруг Генри не выйдет на встречу? Во будет номер! Но пусть лучше будет запасная, чем полное фиаско на этой. Вдруг потянуло в сон - совсем спятил! Стареешь, Алик, стареешь! О, где твоя юность? Утраченная свежесть? Зеленая велюровая шляпа? Серое ратиновое пальто из монастырского ателье? Посиделки до утра? Ведь две ночи мог не спать - и как штык! Где прошлогодний снег? Увы, бедный Йорик!

Еще одна остановка, карамба, дождь, нажимаю кнопку "по требованию", остановка, прыгаю в лок, раскрываю зонт-парашют, дальше - через проходник⁶ меж двухэтажных коттеджей к железнодорожному спалам и на Глостер-роуд.

Центр обожает проходники с переходом через железную дорогу - ведь это отрезает навеки возможный "хвост", идея проходников приводит шефа Маню в экстаз, а потому все это будет тщательно расписано мною в отчете: "В проходник за мною никто не последовал, при выходе оттуда ничего подозрительного не зафиксировано", впрочем, лучше "не было", дотошный Маня наморщит лоб, почешет "ежик" и спросит: "Не зафиксировано - это что? Возможно, было, но Алекс не видел, да?" - отчет и контроль, как атланты, подпирают

⁶ Нечто вроде пешеходной дорожки, обычно знакомой лишь местным жителям (*жаргон Монастыря*).

купола Монастыря.

Вот и железная дорога; надеюсь, что мышки-норушки еще не научились прыгать через рельсы в своих быстроходных каретах.

До встречи осталось целых пятнадцать минут, но лучше раньше, чем позже, никогда не забуду, как опаздывал однажды на явку и мчался по улицам во весь опор среди бела дня, расталкивая и пугая достопочтенных леди и джентльменов. А однажды перед встречей схватил живот, хорошо, что дело было в парке. А если серьезно: нашему брату неплохо носить с собою портативный ночной горшок.

Скоро ровно год, как я вернулся из славного Мекленбурга и приступил к реализации проклятой "Бемоли", черт побери, как летит время, невнятное и бесшумное!

Вызван я был в столицу высочайшим указанием Мани, вызван срочно и торжественно, проведен через все границы и контроль в духе самой образцовой конспирации, и - что самое невероятное! - принят на дружескую грудь лично Челюстью, ибо встречал он меня прямо в аэропорту Графа - Владельца крепостного театра, впервые так обласкало меня начальство.

- Что произошло? - спросил я, не спеша освободиться от железных объятий и все еще размышляя, за какие такие грехи меня срочно вызвали под родные осины.

- Мы должны срочно ехать к Самому! Немедленно!

- Могу я заехать домой переодеться? - я был в добротном остинридовском твиде и брюках из cavalry twill⁷, с цветастым шейным платком под клетчатой рубашкой и не имел особого желания являться пред светлейшие очи в таком богемном виде: Сам любил строгие костюмы, однотонные галстуки, суровость и аскетизм во всем - брал пример с Несостоявшегося Ксендза.

- Ты что? С ума сошел! Нас же ждут!

И мы помчались по средней полосе, светя фарами и рыча спецсигналом - так, наверное, летел гонец к царю Салтану с вестью, что родила царица в ночь.

Свернув с улицы Убиенного Царевича под арку (тут нам преградили было путь алебардами, но, окаменев, взяли под козырек), мы поднялись на лифте, пахнувшем незабвенным тройным одеколоном, в просторный кабинет, где за письменным столом возвышался Сам, а перпендикулярно к нему восседал весь синклит.

Сам слыл человеком умным не только в монастырских кругах, но и во всем Мекленбурге (косой среди слепых), он сверкал и купался в пышной седине, блестел передними золотыми зубами и ласково шурил глаза. Начал он в задумчивом ключе, свойственном всем бессмертным лидерам Мекленбурга, а именно - поинтересовался, как я доехал, не заболел и не устал ли (ответы он, естественно, не слушал), предложил чаю с сушками, которыми в последнее время увлекались на высшем уровне, и долго рассматривал свои ногти, прежде чем приступить к повести, печальнее которой нет на свете.

Опасаясь поранить губу сушкой (в светских кругах на Пэл-Мэле такие деликатесы и не снились), я краем глаза наблюдал, как Заместитель Самого (домашняя кличка Бритая Голова), подставленный под Самого предусмотрительным Самым-Самым, дабы умный Сам не возомнил слишком много о себе и не организовал какой-нибудь тайный комплот, брезгливо изучает мои твиды свинцовыми остренькими глазками, прицеливается,

⁷ Cavalry twill - кавалерийская саржа, ткань типа "диагонали".

примеривается и постукивает ножкой о ножку под столом: ростом он уродился ниже низкого и на высоком стуле не доставал подошвами до пола.

Маня сидел смиренно, как вызванный к директору школы двоечник, не почесывал, как обычно, свой густой "ежик" и всем своим видом демонстрировал покорность и Самому, и особенно Бритой Голове, которого он дико боялся.

Сам начал сказ в драматических тонах: обрисовал международную обстановку, которая оказалась чрезвычайно сложной, сложнее, чем в прошлом году и в прошедшие десятилетия, - так уж повелось, что обстановка накалялась по нарастающей с момента образования революционного Мекленбурга, и не виделось этому ни конца, ни края. Затем Сам коснулся народного хозяйства, которое росло и совершенствовалось, хотя пока еще и не достигло вершин успехов, потом сделал паузу, побарабанил пальцами и вдруг голосом провинциального трагика объявил, что случилось ЧП и на нашем боевом корабле завелась Крыса. Он так и сказал: "На нашем боевом корабле, друзья, завелась Крыса. Произошло несколько страшных провалов!" - Сделал паузу, посмотрел на ногти, а потом и на меня.

Краска ударила мне в лицо, я чуть не поперхнулся проклятой сушкой и твердо, как учили, ответил, что если это допрос, то следует предъявить конкретные обвинения,

Тут Сам развел руками и тонко улыбнулся, а остальные расхохотались меленьким смехом и разъяснили глупому Алексу, что речь не о том, что ему верят, его ценят и любят и он вовсе не Крыса, а тот самый отважный Крысолов, который может спасти весь корабль. Каким образом? Имеется проверенный, старый, как мир, способ. Инфильтрация.

- Я не буду вдаваться в оперативные детали, - скромно заметил Сам, который всю жизнь создавал учебники о светлом будущем, тайно писал декадентские стишки и редко спускался на грешную землю, - тут важно принципиальное решение. Прежде всего, готовы ли вы к этой операции. Риск большой: не так-то просто войти в доверие к американцам. Если нужно, то подумайте.

Для приличия я подумал несколько секунд (гадал, между прочим, где они, гады, достают такие вкусные сушки).

- В принципе, я не вижу никаких препятствий! - сказал я медленно и торжественно. - Благодарю за оказанное доверие!

Тут все радостно загалдели и слово взял Бритая Голова. Не спуская глаз с моего шейного платка (видимо, прикидывал, подойдет ли он в качестве удавки), он спросил, понимаю ли я всю сложность операции? Я понимал. Если есть сомнения или колебания, то я могу отказаться⁸. Я вновь не отказался. Тогда он сказал, что мне верят, на меня надеются, а я ответил, что не подведу, не пощажу себя, не пожалею сил и, если понадобится, и жизни.

- Чудесно! - заключил Голова. - Но американцы не лыком шиты, и прежде, чем начать операцию, нам следует провести большую подготовительную работу. Иначе они нам не поверят. Операцию назовем "Бемоль"!

Никто не возражал - Бритая Голова, по слухам, начинал свою карьеру в музыкальном училище, где бывали дети чинов, приближенных к Усам, оттуда и пошел он вверх по лестнице, борясь за безопасность вечно окруженного врагами Мекленбурга.

Аудиенция заняла около четверти часа. Сам на прощание потряс мою руку двумя руками, что по задумке показывало открытость души, осветил в последний раз сединой и

⁸ И работать в Конотопе на должности делопроизводителя.

зубами и ласково пожелал успехов в работе и счастья в личной жизни.

Ошеломленный и потрясенный, вышел из кабинета в сопровождении Челюсти, еще до конца не осознав все значение поставленной государственной задачи.

Я попытался представить Крысу. Наверное, хитрая усатая морда с хищным носом. Или наоборот: простодушный добряк, всем своим видом вызывающий доверие. Я вспомнил четырех мышек на старой квартире и как они не смогли залезть к себе в норки, которые Римма засыпала битым стеклом, - она знала толк в таких делах, - и с писком носились по квартире. "Убей их!" - кричала Римма. - "Как?" - кричал я. - "Как?" Так они и скрылись в целости и сохранности...

Затем мы сидели vis-a-vis у блестящего, без единой пылинки письменного стола Челюсти и проникновенно смотрели друг другу в глаза.

- Не каждому, Алик, дают такое задание. К тому же лично Сам... Это большая честь!

- Что провалила эта Крыса?

- Очень много. Несколько агентов. И утечки идут все время, а мы даже не в состоянии определить, на каком уровне она сидит. Потом я дам тебе полную справку.

- Какие-нибудь зацепки?

- Практически никаких, - мрачно ответил Челюсть, - но до Крысы еще идти и идти, а сейчас нужно проверить первую часть "Бемоли", создать заделы перед первым шагом. Иди в архив, еще раз перечитай дело Генри. Тебе нужно будет съездить в один городок, там есть интересный материал...

И я поехал в городок, что на карте генеральной кружком означен не всегда, трясся в переполненной электричке (машиной меня не ошастливили, несмотря на вопли о Святой Конспирации: "Знаете, Алекс, у нас на носу юбилей создания Ордена, весь служебный транспорт задействован... Да и кого вы можете случайно встретить в нашей электричке? Иностранные агенты и ваши друзья по лондонскому Сити вряд ли пользуются ею, иностранцам ездить там рискованно, могут и огреть бутылкой, заведив пиджака в фирменной одежде... поэтому найдите в чулане какой-нибудь тулупчик и поезжайте с Богом!"), смотрел на канавы с ржавыми колесами, разодранными башмаками, консервными банками и думал, когда все это кончится.

Встретил меня на перроне глава местного прихода Евгений Константинович, жизнерадостный человек в бородавках и просторной "болонье", усадил в оперативную машину и незамедлительно повез к предмету моих служебных вожделений.

В машине мы молчали (Евгений - в дальнейшем Болонья - оказался великим конспиратором и держал шофера на подозрении), терпеливо качались на ухабах и разглядывали пролетающие пейзажи: полуразрушенная церквушка, над которой печально кружились вороны, словно раздумывая, приземлиться ли на сгнивший купол или взмыть подальше от него в бескрайнее небо, огромные ямы с лужами, горы щебня, глубокие борозды грузовиков, облупленный корпус, окруженный деревянными домишками и веревками с бельем, словно прибыли мы в день всеобщей стирки.

Рынок ютился во всей своей великолепной убогости на заднике грязного двора: несколько потемневших от вековых дождей деревянных стоек с синими цыплятами, чахлыми пучками зелени, перевязанными белыми нитками, кучками моркови и картошки - и над всем этим нависали небритые силуэты изможденных самогоном мужиков и квадраты кособоких баб, закутанных в платки.

В этом разнопером хоре Болонья легко отыскал Семена (псевдоним Пасечник), который торговал благородным медом, выделяясь чистым ватником и лисьей шапкой, - единственное светлое пятно на холсте, исполненном художником перед самоубийством.

Вскоре мы оказались в пахнущей дымком избе, под строгими взглядами фотографий дореволюционных предков, за круглым столом с кружевной скатертью, на которой быстро появились аккуратное нарезанное сало, шпроты, селедка, соленья и высокий штоф с водкой (мечта страдальца Алекса за кордоном в те тяжкие минуты, когда хочется послать все подальше, разжечь костер из агентурных дел и попивать самогон с Совестью Эпохи и другими друзьями, закусывая рыжиками и подбрасывая березовые поленья в гудящее пламя).

Из рапорта Алекса по возвращении в стольный град:

Пасечник, с которым меня познакомил наш представитель, сообщил следующее:

"В начале 1945 года вместе со своей частью я находился в городе Зальцведеле. Однажды, проходя по улице вечером, я познакомился с двумя бельгийцами, которые были интернированы в Германию и работали у немецких домохозяек. Они пригласили меня на квартиру, угостили, устроили танцы. Впоследствии мне удалось установить близкие отношения с Жаклин Базик (в дальнейшем - Берта), которые я поддерживал до тех пор, пока наш контакт не был зафиксирован военной контрразведкой моей части. После этого я был отправлен на родину, а затем - в лагерь.

Характеристика Берты: полная, голубоглазая блондинка, по натуре веселая и общительная, на контакт пошла очень легко, резко отрицательно относится к фашистам, поддерживает демократию в Европе, католичка. На политические темы мы с ней не разговаривали.

После возвращения из лагеря я получил от нее письмо из Бельгии, о чем доложил куда следует, и некоторое время мы переписывались на немецком языке. Она сообщала, что вышла замуж, потом развелась, оставшись с двумя детьми и старой матерью. Несколько лет от нее не было писем, год назад снова пришло письмо, в котором она сообщала, что уже целый год работает в Лондоне".

Далее уже умозаключения самого Алекса.

"С учетом того, что Берта работает шифровальщицей бельгийского посольства в Лондоне (Пасечник об этом не знает), считаю целесообразным нацелить "Эрика" на ее разработку и вербовку, используя для этого расписку, которую в свое время Берта написала под давлением нашей военной контрразведки после раскрытия ее связи с Пасечником. В расписке она дает обязательство тайно сотрудничать с любыми организациями Мекленбурга. Дала она расписку под угрозой, что в противном случае ее не выпустят в Бельгию".

Таков был короткий рапорт Алекса, исполненный год тому назад после поездки на родной электричке. Начальство дало "добро", и, вернувшись в Лондон, я перебрал все это дельце Генри.

...Вот, наконец, и Генри, высокий, как жердь, в темном пальто, с огромным зонтом в руке. Опоздание на пятнадцать минут, сделаем деликатный втык. Пока за ним никого не видно, но порядок есть порядок, будем придерживаться условий связи и проведем контрнаблюдение. Вот он остановился у магазина "Сойерс" и дал сигнал (поправил шляпу). Сейчас еще десять минут пилить за ним в эту мерзкую погоду. Слава Богу, вроде все чисто.

Вышло у него или нет? Если вышло, то это дело стоит обмыть: симфония "Бемоль" от пианиссимо переходит к крещендо. Гип-гип-ура!

Два идиота под дождем, вокруг ни души. Кому в голову придет бродить сейчас по улицам, кроме грабителей и шпионов. Ладно, потопали! А дождь, как из ведра, карамба!

...Вернувшись из провинции, я засел за дело Генри, которое порядком подзабыл, и визитировал Архивы, обаяв своей прелестной улыбкой сторбленную даму с мучнистым лицом и ботаническим именем Розалия - часто вздыхала она по ушедшим тридцатым годам, когда все работали по ночам, лопались от избытка бесовской энергии ("все ответственные сотрудники были такие молодые! А женщин в учреждении работало совсем мало...") и делились ею с окружающими.

Впрочем, все мои искания по делу Берты увенчались крошечным жемчужным зерном: случайно промелькнула информация, что голубоглазая блондинка подрабатывала в Лондоне на машинке и давала об этом объявления в газету "Гардиан". С этой зацепки Генри и начал...

За два дня до возвращения на поля сражений я пригласил на традиционную прощальную трапезу Челость и его помощника Чижика, человека не шибко мудрого, но честного и исполнительного, - ему лично вменялось в обязанность вести все дела, связанные с "Бемолью", включая печатание на машинке и шифр-переписку.

Симпозиум нашей троицы состоялся в кабинете восточного ресторана, ютившегося напротив памятника Виконту де Бражелону в островеком шлеме, простершего свою длань долу, что и привело к основанию города со славными традициями.

В кабинете мы и закайфовали под призывные роки из общего зала, под ксилофоны ножей и вилок, под соус общей беседы о нравах британского истеблишмента, переплетенного родственными и прочими связями, взлелеянного на теннисных кортах Итона и Хэрроу, что позволило выиграть битву при Ватерлоо, и впитавшего не только снобизм имперских динозавров, но и пороки мужеложества - прямой результат раздельного обучения и запрета выходить за пределы подстриженных газонов.

Официант уверенно прислуживал, с каменным лицом вслушивался в наши рассуждения и исправно наливал рюмки, а мы, неумолимо разогреваясь, катились прямо в бушующее море наших повседневных дел и ловили рыбку, большую и маленькую, на своем незатейливом эзоповом языке, что вызывало у служителя тонкую и блудливую улыбку. Таким образом мы обсудили массу служебных дел.

- Ну а если сорвется с крючка?

- Тогда сменим всю леску и поставим новый поплавок.

- На браконьеров всегда есть закон...

Все это не помешало надратись до положения риз (Челость, правда, держался стойко и не излишествовал), отвести душу в сортире, поговорить там о жизни со швейцаром в пиджаке с позументами и выползти во возбужденную ночь: три богатыря в шляпах, словно качающиеся глыбы в чистом поле, катились по улице под колеса машин, растопырив пальцы в приказном жесте, призывно и умоляюще поднимали руки, решительно, словно рубашку на груди, рвали на себя дверцы, кляли, возмущались, угрожали, просили и, наконец, плонули на все и прошли пешком целых сто метров до Актерского Приюта. Увы, был дан от ворот поворот, и мы, нахохлившись, побрели по бульвару, кляня мудрого Чижика, отсоветовавшего вызвать служебный транспорт: знал, умница, повадки Мани влезать через

водителей в интимную жизнь своих атлантов и кариатид.

Римма не ожидала нас, но во время моих побывок была готова ко всему и, переодевшись в кимоно с красным драконом - подарок примерного мужа, с намеком на покорность японских жен (оно, между прочим, блестяще гармонировало с ее рыжими волосами и белой улыбкой, которой она злоупотребляла), оставила нас во власти всемогущего бара, а сама тем временем настрогала салями и сыр, напекла в духовке тостов, приготовила кофе и, видя мои мужественные, но вылезающие из орбит глаза, незаметно подсунула целую пригоршню спасительного аспирина.

К тому времени мы прожили уже лет пятнадцать и не превратили наш брак в руины лишь благодаря сыну, а главное, моему долговременному пребыванию на полях кровавых сражений.

Познакомились мы еще во времена радостных надежд и упований: уже счастливо почтили Усы, в честь которых отличник Алекс слагал стихи, обещая "учиться на "четыре-пять", чтоб красный галстук оправдать", тогда же он и записывал в заветную тетрадку, что самое дорогое у человека - это жизнь... и прожить ее надо так, чтобы не было... и, чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы... В год знакомства с Риммой я уже грыз науку в семинарии, готовя себя к профессии торговца радиотоварами, часовщика и маклера.

Римма уже закончила институт (нечто связанное то ли с дорогами, то ли с транспортом, но приводившее в восторг моих простолюдинов-родственников), естественно, не собиралась работать по профилю, а мечтала о случайной роли в кино и мгновенном превращении в звезду, что очень отвечало бы духу модного тогда аргентинского фильма с Лолитой Торрес о трагедии дипломата и актрисы, которые любили друг друга и мучались всю жизнь, не в силах отказаться от своего призвания ради семейного счастья.

Когда мы внезапно соединили навеки наши души, то я явился в Кадры, и тут обнаружилось, что у Риммы плохая анкета: папа три года просидел в плену. Кадровик отличался прямотой: "Ты что, брат? Сдурел, что ли?"

Но любовь, как известно со слов Буревестника и Усов, побеждает смерть, и Алекс совершил первый в жизни геройский поступок (далее уже тянется целая автострада, усталая подвигами и, наверное, ведущая в Ад): стал в позу, разбушевался, как Зевс, и озадачил всех и вся.

Но, к счастью, подули свежие ветры Первого Ледохода, и Римма внезапно вошла в фавор к начальству, озаренному идеей выковать из нее Жену-Помощницу-Радистку-Верного-Друга-Боевого Товарища и направить дружную семью на бой, на вечный бой, покой нам только снится!

Прорезались у нее явные таланты к языку и радиоделу, хотя талантам нечего делать в Монастыре, нам нужны незаметные люди и трудяги, а таланты обычно невращаются с разными выкрутасами и привлекают внимание своей шизоидностью.

Но вскоре начались подводные бури наверху, волнения в Синоде, смена Ареопага, и зловещий образ Риммино папы снова вырос до размеров фюрера. Начальство отставило Римму от подготовки, в качестве сладкой пилюли вручило на прощание охотничье ружье за старания и всячески обладало в припадке гуманности. И оказался дерзкий Алекс один в чистом поле, оставалось ему парить над миром в гордом одиночестве, о, печальный Демон, дух изгнания, железный парень Алекс!

Сергей родился без меня - до сих пор помню поздравление Центра, заделанное в микроточку, - особого потрясения я не испытал, хотя порадовался, что это отвлечет Римму

от регулярных курений с наркоманкой Светкой и избавит от вечерней тоски, приходящей за часом с пирожными.

Пока Римма возилась на кухне, мы прикладывались к привозному "гленливету"⁹, давней страсти жизнелюба Алекса, по странной случайности не отраженной в его личном деле, хранящемся за семью печатями в кадрах.

Потом начались танцы, и Римма попеременно танцевала с Чижилом и с Челюстью (сквозь дым любимого виски я слышал светские разговорчики: "Ах, вернисяж! Ах, как смело! Ах, какой кич! Ах, неужели ты не видел этот спектакль?") потом я мирно закемарил в другой комнате и утром с интересом узнал от любимой жены, что гости отбыли лишь два часа назад.

Вскоре я уже прощался с близкой сердцу лошадиной физиономией в начищенном кабинете, где посредине пустого письменного стола красовалась одинокая авторучка "Монблан".

- Что-то настроение у тебя неважное! - заметил Челюсть. - Я уверен, что все будет о'кей!

- Мне не нравится, что придется закладывать своих... есть в этом что-то мерзкое.

- Интересно, как еще ты к ним влезешь? Или ты считаешь ЦРУ крестинами? В таких делах сантименты оставь для других. Чем мы жертвуем? Износившейся агентурой - и только! Как только перейдешь ко второму этапу, дашь условный знак в сообщении по радиации. После этого связь проводим лишь в исключительных случаях и только по срочным вызовам на моменталки.

Мы обнялись и даже, кажется, облобызались, спасибо, друг, за полезные советы!

Дождь чуть унялся, я догнал Генри у лавки колониальных товаров.

- Вы не скажете, как пройти к кинотеатру "Одеон"?

- Я сам из Ковентри и плохо знаю город...

Ключевые слова "Одеон - Ковентри", произнесенные двумя давними знакомцами, звякнули в жутком пароле, вызывая судороги хохота у тех, кто не сталкивался с удачными пластическими операциями и не работал с японцами.

⁹ "Гленливет" - от одного звука млеет душа! Марка шотландского виски наивысочайшего качества, сделанного из malt, то есть солода из зерна, погруженного в воду, давшего ростки и затем высушенного. Этот чертов солод дает ферменты, превращающие напиток в особый и неповторимый сорт.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ТОМ, КАК ХЛИПКОЕ ЛЮБОВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВЫРАСТАЕТ В АГЕНТУРНОЕ ДЕЛО С РАСПИСКОЙ, ШАНТАЖОМ, СЛЕЗАМИ, ШИФРАМИ И КОДАМИ. И, КОНЕЧНО, О ВЫСОКИХ МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВАХ ГЕРОЯ, КРУТО ШАГАЮЩЕГО ПО ЖИЗНИ

"Для меня сношения с агентурой - самое радостное и милое воспоминание. Больное и трудное это дело, но как же при этом оно и нежно!"

С. Зубатое, начальник охранный отделения

Страна должна знать своих героев, и потому откатим наш шарабан туда, где синеват морские края, туда, где гуляют лишь ветер да я, и еще сидит в Архиве за столом печальная Розалия, корябая пером в журнале учета.

Выписка из дела "Ильзы", агентурное сообщение от 27 мая 1937 года:

... "На собрании лейбористской организации района Хаммерсмит я случайно познакомилась со студентом Лондонской школы экономики Генри Бакстоном, сыном сэра Перси Бакстона, влиятельного тори в руководстве Централ Офиса консервативной партии. Несмотря на свое аристократически-буржуазное происхождение, Генри имеет радикальные взгляды и тяготеет в некоторых вопросах к партии. В частности, во время споров со мной он сказал, что разочаровался в социал-реформистской политике лейбористов, резко осуждает фашизм в Германии, одобряет действия Коминтерна, однако компартию Великобритании считает сектантской и не имеющей корней в рабочем классе".

Резолюция: "Ильзе" нужно не спорами заниматься, а детальнее изучить взгляды Бакстона. Спит ли она с ним? Раевский".

...Выписка из беседы тов. Андрея с "Ильзой" в сентября 1937 года:

"Ильза" сообщила, что, по ее мнению, из Генри Бакстона (в дальнейшем "Эрик") может выйти перспективный помощник. Она с ним не спит, поскольку он не нравится ей как мужчина¹⁰. "Эрик" убежден, что следующий экономический кризис навсегда сметет капитализм и установит власть трудящихся во всем мире".

Резолюция: "Надо побыстрее забрать "Эрика" у этой дуры и передать его под благовидным предлогом на связь резидентуре. Укажите тов. Андрею на слабое руководство агентом. Непонятно, как она определила, подходит он ей или нет, как мужчина, если она не имела с ним интимных отношений? Раевский".

...Из отчета тов. Андрея о встрече с "Эриком" 20 декабря 1937 года:

"Как было обусловлено с "Ильзой", она появилась с "Эриком" на очередном собрании лейбористской ассоциации Хаммерсмита и села рядом со мною. В перерыве мы разговорились и "познакомились". Я, естественно, делал вид, что вижу "Ильзу" впервые. Представившись как сотрудник торговой миссии, я пригласил обоих в паб на кружку пива. По разработанной легенде, "Ильза" отказалась, сославшись на занятость, и мне удалось пару часов побеседовать с "Эриком" в пабе. На контакт он пошел нормально. Его прогрессивные

взгляды в целом подтвердились, и есть возможность работать с ним на антифашистской основе. Мы договорились встречаться регулярно для обсуждения политических вопросов. Я сказал, что, к сожалению, в Англии существуют реакционные силы, которые могут использовать факт наших контактов в своих корыстных целях, и предложил сохранять наши встречи в тайне, не писать, не звонить и не приходить в миссию. В случае срыва заранее обусловленной встречи я предложил ему запасную встречу на том же месте в то же время через неделю. В случае разрыва контакта мы договорились, что связь буду искать я сам. "Эрик" целиком согласился с моими предложениями. Андрей".

...Из заключения по делу "Эрика" от 20 октября 1938 года:

"О существовании "Эрика" было известно бывшему начальнику отделения Раевскому, оказавшемуся врагом народа, а также сотруднику резидентуры тов. Андрею, который вербовал "Эрика" в Лондоне (отозван и расстрелян, как участник левотроцкистской оппозиции и английский шпион)".

Тут я пропускаю несколько второстепенных документов дела, которое я листал в архиве на тяжелую голову после сабантуя с другом детства и Совестью Эпохи Виктором, великим ученым-микробиологом, с которым я делил иногда редкие сокровенные мысли, обсуждал новинки эмигрантской литературы и будущее державы. С ним мы распотрошили ящик сухого вина под песни полузапрещенных бардов ("славно, братцы-егеря, рать любимая царя!"), пока не вмешалась Римма и не спровадила его домой.

Не скажу, что в седле я был свеж и прям, но держался на уровне и подарил архивистке Розалии красный "бик", чем навеки покорила ее душу, еще не остывшую от ностальгии по молодым ребятам, вершившим историю в тридцатые годы.

...Из беседы тов. Дика с "Эриком" 20 июня 1940 года:

"Эрик" сказал, что через него в Казначействе, где он сейчас работает, проходит много секретных документов Форин Офиса, Адмиралтейства и других государственных учреждений. Он передал мне целый портфель с материалами для ознакомления. Дик".

...Из письма "Эрика", переданного на встрече с тов. Диком 2 февраля 1945 года:

"Мои дорогие товарищи! Передавая мне сегодня вечером подарок, который меня глубоко тронул, Леонид, сославшись на указания Центра, сказал, что этот подарок должен рассматриваться как выражение благодарности Движения. Он говорил о моей верности, преданности и заслугах, и я благодарю вас не только за подарок, но и за комплименты. Я вспоминаю своего друга, отдавшего свою жизнь в борьбе с фашизмом. Когда его спросили, что в нашем мире доставляет ему наибольшую радость, он ответил: "Существование Движения". Я могу сказать, что не представляю себе, как возможно в моей стране жить человеку, уважающему свое достоинство, без того, чтобы не работать на наше общее дело. "Эрик".

...Из заключения по делу "Эрика" 20 декабря 1948 года:

"С момента поступления в Казначейство до его ухода "Эрик" являлся источником важнейшей секретной информации, которая высоко оценивалась в Инстанциях. На встречах с агентом мы возражали против его отставки, но он заявил, что ему надоело быть пешкой в государственном механизме и он выставляет свою кандидатуру в парламент..."

Тут, если мне не изменяет феноменальная память (блистая цепкостью на тексты, цифры, фамилии и особенно на серии и калибры оружия, она, правда, вянет, когда дело касается местности и внешнего вида отдельных личностей: я могу заблудиться в трех соснах

¹⁰ Вопрос, почему люди спят друг с другом, вечно мучит недремлющий Монастырь.

и расцеловать в щеки незнакомца), накатил на меня приступ тяжкого похмелья, и я преступно перескочил через блистательную деятельность Генри в парламенте, закрыл том, отдал счастливой Розалии и вышел на воздух...

Через две недели перед Генри в Лондоне я поставил задание установить контакт с Бертой.

..."Я позвонил Жаклин - это уже из последующего донесения Генри - и договорился, что принесу ей для перепечатки рукопись (пришлось переписать текст из одной малоизвестной книги). Встретила она меня радушно, кое-что сообщила о себе: мать и двое детей живут в Бельгии, денег не хватает. Держалась гостеприимно и выразила надежду, что я дам ей в перепечатку новые рукописи.

После этого состоялось восемь встреч, Жаклин выплачено около 1000 фунтов за перепечатку рукописей.

5 мая я наметил провести с ней вербовочную беседу и пригласил в ресторан.

Для документальной фиксации беседы я взял с собой портативный магнитофон, спрятанный в боковом кармане. Вот небольшой отрывок из записи, показывающий, как проходила основная часть разговора:

- Что вы нервничаете, Генри? Что-нибудь случилось?

- Все в порядке. Кстати, в посольстве ничего не известно о переговорах в Вене? Мой друг из "Ллойдса" очень интересуется и был бы благодарен...

(Ранее я намекал ей на то, что в банке "Ллойдс" у меня имеется близкий друг, который интересуется политической информацией.)

- Вы ему обо мне рассказывали?

- Что вы! Но мой приятель знает вас.

- Откуда? Как странно!

- По городу Зальцведелю.

- Зальцведелю?

- Зальцведелю.

- Я никогда не была в этом городе.

- Странно, он говорил, что встречал вас там после войны.

- Вот как? Интересно.

- Он даже утверждает, что имел с вами деловые контакты. Он служил в одной из армий союзников...

- Ничего не помню. Какая-то загадка, Генри!

- Он даже утверждает, что вы договаривались о сотрудничестве.

- Мы? Он англичанин?

- Конечно, Жаклин.

- Что-то я не припомню такого договора...

- Взгляните на расписку... Нет, нет, в руки я ее вам не дам! Читайте! Вспомнили?

- Негодяй! Вы негодяй, Генри!

- Напрасно вы горячитесь, дорогая Жаклин...

- Я, конечно, могла бы немедленно вызвать полицию, но мне вас жаль, Генри. Вы так нервничаете, что, боюсь, вас хватит удар. Это будет большая потеря для парламента.

Обобщая вербовочную беседу, можно сказать, что итоги ее не отмечались определенностью. Утешительно, что Берта не порвала со мной контакт и даже пригласила к

себе домой на ужин. Генри".

Так ли все было на самом деле? Или Генри что-то приукрасил? Ах, эти отчеты агентов, разве они передают живую жизнь? Я сам никогда не лгал, но и не писал полную правду. Правда мешала делу, вызывала ненужную реакцию Центра и расстраивала Маню, который все принимал близко к сердцу. Зачем мне было писать, например, что на Генри иногда находили привычки загулявшего герцога и он, забыв о своем служении Движению, гонял официантов за вином, дегустировал и отвергал бутылку за бутылкой, вызывал метрдотеля, устраивал скандал, пока, наконец, после долгих мук не делал окончательный выбор. Если бы я отражал все эти шизосиндромы в отчетах, то Маня умер бы от горя, потрясенный низким уровнем конспирации: ведь в его кабинетном воображении наш брат всегда на высоте, всегда герой, всегда невидим и говорит полупшепотом, и видит каждую муху, залетевшую в помещение, и не дано Мане понять, что агент и его куратор, два жизнерадостных шпиона, могут вывалиться в обнимку из фешенебельного "Ритца" и затянуть пропитыми глотками любимую "Катюшу".

Но сейчас, пожав Генри руку, я думал лишь об ужине на квартире у Жаклин: ведь от него и зависел дальнейший ход "Бемоли".

- Ну что? Выгорело? - спросил я нетерпеливо, когда мы опускались в паб "Адмирал Трилби". Он стряхнул капли дождя с зонта и улыбнулся.

- Угадайте, Алекс...

Я сразу все понял, хотелось прижать его к разгоряченной груди, расцеловать в обвисшие щеки а la сэр Уинстон Черчилль - выгорело! Какой молодчина! Гвозди бы делать из этих людей, не было б крепче на свете гвоздей! Я сразу все понял и уже думал, когда лучше позвонить Хилсмену.

- Вы чудесно выглядите, Генри, что будем пить? - Я тоже улыбнулся в ответ.

Он походил на старого костлявого мула, на котором много дней возили воду, но на сегодняшний вечер оставили в покое. Одет, как всегда, с иголки, мешки под глазами, почтенная плешь, хитрые глаза.

- Я предпочел бы скотч, если вы не против. Мой домашний доктор советует покончить с пивом, которое я так люблю, и употреблять только скотч, причем не менее двенадцатилетней выдержки¹¹.

Мы заказали скотч, и я придал своей физиономии то умиленно-внимательное выражение, которое сбивало с толку даже таких зубров, как Сам и Бритая Голова.

Вот кусочек из его занудного повествования, записанный мною на магнитофон:

"Должен вам сказать, Алекс, что в этот вечер Жаклин выглядела совершенно очаровательно, особенно в темно-синем платье со скромным, но достаточно впечатляющим вырезом, которое превосходно гармонировало с ее голубыми глазами и чуть припухлыми губками¹². Возможно, Алекс, тут сказывается мое вечное предрасположение к блондинкам, помните засаленное: джентльмены любят блондинок, но женятся на брюнетках?

Начали мы издалека, от променадных концертов и от ее восторгов в адрес Шенберга и прочих модернистов, на что я возразил, что они малодоступны простому человеку и предназначены для тех, кто живет в замках из слоновой кости. Тут она хмыкнула и

¹¹ Мне бы такого домашнего доктора!

¹² Видимо, она приоделась по случаю вербовочной беседы.

заметила, что простой человек, если ему не нравится Шенберг, может отогревать во рту червей перед рыбалкой... Это надо учесть на будущее... взгляды у нее консервативные.

На столе стояла бутылка бургундского, причем марочного. "Вам тут удобно? - вдруг спросила она. - Может, пройдем в другую комнату?" Вы будете смеяться, Алекс, но я покраснел, как мальчик, - такого не бывало даже в палате общин, когда меня пару раз обвиняли публично в фальсификациях, и вдруг мне почудился шум в соседней комнате...

"Так пройдем?" - продолжала она, и я похолодел, представив себя, падающего навзничь после удара по голове прямо у дверей. "А разве нам тут плохо?" - пролепетал я и решил, что рядом засада контрразведки, иначе как понять такую настойчивость? - явно засада, вспышки магниевых ламп, щелчки фотоаппаратов - в тот момент я позавидовал мужеству Томаса Мура, бросившего палачу перед казнью: "Помоги мне взойти на эшафот, парень, обратно я спущусь сам!" Но пути назад не было, и, как покорный агнец, я поплелся вслед за Жаклином.

"Значит, вот это и есть ваша спальня", - сказал я это или нечто не менее глупое и почувствовал, что сейчас упаду в обморок, так неудобно и некрасиво все выглядело. "Вы не забыли о нашем разговоре в прошлый раз?" - спросила Жаклин. "Что вы имеете в виду?" - Я поднял изумленные брови, хотя, разумеется, хорошо понимал, о чем идет речь. "Что с вами сегодня, Генри? Вы меня боитесь, да? - И она засмеялась, вогнав меня в холод. - Вот и сейчас вы думаете, зачем я завела вас сюда... А я ведь вас позвала по делу. Я хотела бы получить обратно расписку... Взамен этой книжицы". И она указала в угол, где на трельяже рядом с флакончиками, тюбиками, ножницами и разнообразными косметическими инструментами красовался фолиант в сафьяновом переплете, напоминающий своим удлинненным видом альбом, который хозяйка изредка извлекает из заветного ящичка на радость и умиление дорогих гостей. Как вы уже, несомненно, поняли, Алекс, передо мною лежала вожаденная кодовая книга. Я скрыл свою радость. "Спасибо, Жаклин. Но сначала я должен передать своему другу коды и получить его согласие на возвращение вам расписки. Это же не моя собственность".

Она вдруг всхлипнула, быстро достала из сумочки платочек и уткнулась в него, плечи ее беззвучно тряслись. "Если бы вы знали, как я ненавижу вас!" Я молчал - что бы вы сделали на моем месте, Алекс? - мне хотелось обнять и успокоить ее, это была ужасная сцена, Алекс.

"Сначала я хотела покончить жизнь самоубийством... несколько таблеток, я уже их купила, уже написала предсмертное письмо - о, не волнуйтесь, о вас и вашем дельце там ни слова! - уже все было готово... и вечный покой, и не думать о страшном позоре, нет, я и представить себя не могла в роли шпионки, ворующей документы и тайком бегущей на встречу! Что делать? Пойти к послу и покаяться? Ну, не арестовали бы, но тут же выгнали, а у меня на руках старая больная мать... а потом, где гарантии, что все это дело не проникнет в прессу? Я представляю лица своих знакомых... друзей! Шпионка! Позор! Что делать, что? Берите эту книгу, ради бога, отдайте расписку, и больше мы никогда не встретимся!" Слезы текли по ее лицу, Алекс, настоящие слезы!¹³ И знаете, что я тогда сделал, Алекс? Я достал из кармана расписку, разорвал ее в клочья и аккуратно положил в пепельницу на трельяже.

¹³ И снова в голове кумир фальшивого папы: "Вам кажется, я плачу? Я не плачу. Я вправе плакать, но на сто частей порвется сердце, прежде чем посмею я плакать. Шут мой, я схожу с ума!" ("Король Лир")

Жаклин ведь и не подозревала, что я разорвал копию! И знаете, что произошло дальше, Алекс? Я тоже вдруг заплакал, то ли от радости, то ли... не знаю! Так мы и сидели оба, обливаясь слезами, и знаете, Алекс, я никогда не испытывал раньше такого единения душ, такой близости, и если бы не дождь, дохнувший в лицо свежестью, это оцепенение продолжалось бы целую вечность".

Что ж, "Бемоль" разворачивалась неплохо, и я уже мысленно готовил триумфальную реляцию в Центр, Генри уже не интересовал меня, он отыграл свою роль и сделал это прекрасно, - честь ему и хвала!

Я допил виски, похлопал его по плечу и попросил положить сафьяновую книгу в тайник "Венеция", откуда я собирался ее извлечь. От виски и своего проникновенного рассказа старик даже вздремнул и сидел, вытирая свою крупную плешь огромным платком¹⁴.

Мы простились, и я направился к Кэти, еще одной составной части "Бемоли", к милой Кэти, которой лишенный воображения Чижик присвоил постный псевдоним "Регина".

Кэти встретила меня с укором в карих глазах, я состроил усталую мину, поговорил с ней о том о сем и сел за газеты, которые не успевал читать.

Впервые Кэти появилась на моем небосклоне года три назад. Сначала Центр я о ней не информировал, но потом, страховки ради, написал вроде: "Кэти Ноттингем, дочь отставного полковника Ричарда (Дика) Ноттингема, образование - Питман-колледж, работает парикмахером на Бонд-стрит. Познакомился по своей инициативе"¹⁵ с нею и отцом в клубе "Оксфорд и Кембридж", связь с семьей намерен поддерживать в целях расширения контактов и более глубокой легализации".

С Кэти действительно я познакомился в "Оксфорд и Кембридж", залетел туда, подыхая от безделья и одиночества, - имел я в клубе статус гостя, ибо, увы, заканчивал не Оксбридж, а сверхсекретную семинарию с путеводной звездой в виде светящейся желтой лысины преподавателя Философии, ценящего больше всего на свете ошметок ливерной колбасы по 64 цента за фунт и граненый стакан водки, - отдал свой котелок и зонт вылезшему из викторианской эпохи швейцару и двинулся в библиотеку, где среди энциклопедий, справочников и пахнущих сыростью подшивок "Таймс" можно было выпить чашку итальянского кофе и рюмку отменного порта.

В избе-читальне хлебал свое пиво замшелого вида джентльмен с кошачьими усами, словно отломившийся от монолита распавшейся Британской империи, по туповатой осанке - военный, изможденный расстрелами сипаев в Индии, хиной и застарелым геморроем. Его мутные глаза были нацелены на потолок, и он, видимо, купался в прошлом, когда в пробковом шлеме и с тростью в руке наводил порядок в колонии и высасывал оттуда золото, нагло одурачивая несчастных индусов.

Вдруг раздался скрежет знаменитых половиц (говорят, тут бывал сам адмирал Нельсон под ручку с леди Гамильтон), и в зал явилась молодая леди в высоких ботфортах и бриджах, как будто поднялась по ступеням почтенного клуба на дымящемся от пота мустанге прямо после разгрома на Ватерлоо ненавистного Наполеона.

Я никогда не держал в руках кисти и слаб на живописания, мне привычнее дело-

¹⁴ По расцветке он напоминал платок моего дядки из семинарии, он обычно степенно доставал его из галифе, аккуратно раскладывал, прилагал к носу и трубил, как в охотничий рог.

¹⁵ Казалось бы, пустяки, но любая чужая инициатива понахивает провокацией, и потому Центр предпочитал, чтобы ее проявляли свои работники.

формуляр: "рост 170, глаза карие, лицо овальное, губы тонкие, крашеная блондинка, особые приметы - родинка на левой щеке", и все же есть три вещи в мире (нет, не "роща, поросль, подросток", как у флибустьера, поэта лорда Уолтера Рэли¹⁶, которому отрубили голову), ради которых стоит любить женщину: небольшая впалость щек от самых завитков, бархатные глаза и нежный переход от шеи к плечу, - хочется употребить слишком крылатое слово "лебединый", но в моей шпионской руке перо, касаясь прекрасного пола, неизвестно почему пишет пошловатым почерком - все это так не похоже на рыцаря Алекса, щедрого и дико справедливого, вовсе не Синюю Бороду и не Казакову, а одинокого и всеми обманутого добряка, брошенного судьбой во взбаламученные воды всемирной истории.

Далее мы с полковником обменялись визитными карточками, щелкнули ботфорты, милая непринужденная беседа за столом, кофе и порт, порт и кофе. "Вы служили в армии, Алекс?" "Конечно, сэр, или вы считаете, что в Австралии нет армии?" "Ха-ха-ха, я так не считаю... я не разобрал на вашей визитной карточке названия фирмы. Ах, вы делаете бизнес на радиотоварах! Превосходно... Раньше порт был терпким, впрочем, в молодости все воспринимается острее, как ты считаешь, Кэти? Ха-ха-ха. Был бы счастлив, если бы вы навестили нас в Брайтоне, живем мы скромно, как старые сквайры, ложимся спать рано... хотя... хотя... иногда можем тряхнуть стариной, правда, Кэти, как ты считаешь? Впрочем, Кэти живет в Лондоне..."

Туда, в Брайтон, я и устремился в одну из суббот с искренним желанием очистить свои легкие от лондонского смога, а заодно подыскать в том районе один-другой тайничок, ну и, конечно, разглядеть попристальной уникальные ботфорты - проклятая идея-фикс, овладевшая дурнем Алексом!

Как я и ожидал, Кэти встретила меня у парадного подъезда в джинсах и с пятнистым котом на руках, который громко и радостно мяукал. (О, моя вечная любовь к котам, так и не нашедшая выхода: Римма не выносила их на дух, лишь однажды в минуту слабости она поддалась на мои уговоры, но альянса с котом не получилось: животное быстро почувствовало неприязнь хозяйки и заделало всю квартиру.)

Сразу же после обмена восторгами по поводу моего визита, славной погоды, желтеющей листвы, прошедшего дождя, победы "Арсенала", предстоящих скачек в Дерби, йоркширского пудинга и предстоящих реформ частных школ дышащий энтузиазмом Базилио (такую кличку я наклеил на него за усы и кошачьи повадки, тем паче, что сестру Кэти, проживающую с папой, звали Алиса, то бишь лиса Алиса) повез меня осматривать свои парники в пяти милях от города, и там я втайне порадовался заветам Учителя по поводу идиотизма деревенской жизни.

Домашняя трапеза проходила на кухне, увешанной венками из красных луковок и

¹⁶ Уолтер Рэли написал сыну то, что я хотел бы, но не в силах написать:

"Три вещи есть, не ведающие горя,
Пока судьба их вместе не свела.
Но некий день их застигает в сборе,
И в этот день им не уйти от зла.
Те вещи: роща, поросль, подросток.
Из леса в бревнах виселиц мосты.
Из конопля веревки для захлесток.
Повеса ж и подросток - это ты".

пузатыми, заделанными в солому бутылками из-под кьянти, потолок украшала рыбацкая сеть (тут меня невольно посетила до тупости оригинальная мысль, что Базилио ловит ею женихов для своих дочерей, - тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!), за которой светились морского цвета лампы.

- Судя по акценту, вы родились в Америке, Алекс? - Он задал вопрос в тот момент, когда я уже давился куском мерзкого сала, именуемого запеченной свиной ногой.

Я мужественно отложил нож и выпрямился, как в седле:

- Я родился в Австралии, полковник, но, конечно, жил в Америке. Есть во мне и немного итальянской крови. Скажу честно: на родину меня не особенно тянет¹⁷, я привязался к Лондону и счастлив, что Австралия пока еще входит в Содружество Наций, во главе которого стоит английская королева.

В свою легенду я вжилась настолько глубоко, что мог повторить ее во сне, - наш дядька обожал будить по ночам и подвергать перекрестному допросу, ссылаясь на богатый опыт тридцатых годов, когда нашего брата хватало на границе свои же ребята, переодетые в форму иностранных пограничников. Вот это была настоящая проверка на прочность, веселенький допрос под пистолетом, а иногда и с прикладами и мордобоем, многих отсеивали, но зато какие оставались люди! Какие люди! Не то, что нынешнее племя, богатыри...

Иногда мне даже казалось, что я действительно Алекс Уилки и никогда даже не бывал в великом Мекленбурге.

Во время обкатки я посетил Австралию и целый день бродил по местам своего придуманного детства: небольшая деревушка недалеко от Мельбурна (пришлось зайти в школу, церковь и пивную, поболтать там о живых и мертвых и, особенно о папе Уилки, шекспироведе, которого хорошо помнили, - сам я прикидывался дальним родственником из Америки), добротные каменные коттеджи и ни тени аборигенов, страусов и кенгуру.

Визит на кладбище я, естественно, оставил на десерт как самую сладкую часть своего вояжа - сельские кладбища прекрасны своей неприхотливостью и чистотой, и сердце наполняется тоской, когда стоишь у фамильного склепа, где, кроме прочих, высечено и имя Алекса Уилки, умершего в возрасте 8 лет, "спи, наш мальчик!" - просто и проникновенно начертали уже лежавшие рядом родители.

Конечно, вся сказочная легенда разлезлась бы, как похоронный бумажный костюм под дождем, покопайся в ней контрразведка и попроси австралийских коллег проверить, существует ли Алекс Уилки, эсквайр, ныне владелец радиофирмы в Лондоне, - впрочем, ни одна "липа" не способна выдержать серьезной проверки, а потому "скользи по лезвию ножа, дрожа от сладости пореза, чтоб навсегда зашла душа, привыкнув к холоду железа", как написал однажды акын Алекс, не взявший никаких литературных генов от своего батислеса.

Вечер в Брайтоне тускло тянулся и переместился из кухни в гостиную, к традиционному камину с горкой свежих поленьев - Римма мечтала о таком камине на даче и о самой даче, но, увы, несмотря на все домыслы соседей о гигантских заработках на Севере (моя легенда для соседей по дому в Мекленбурге), княжеская казна наполнялась слабо, а таскать и толкать на "черном рынке" системы и дубленки я считал неприличным и

¹⁷ Между прочим, я не очень-то и врал.

рискованным делом, - пусть на этом ристалище соперничают подкрышники с диппаспортами, не зря ведь их супруги¹⁸ мотаются туда и обратно, делая "бабки" на челночных операциях.

Впрочем, мой антивещизм с годами слабел. Мекленбург по статистике богател, и если раньше о собственных дачах помалкивали (государственные принимались как приятная неизбежность), то теперь они входили в моду, и Монастырю выделялись участки, которые делились в острой борьбе и в зависимости от служебного веса- спеши, лошадка! торопись, ездки!

Римма ухитрилась завоевать кусок земли лишь совсем недавно и бредила проклятым камином ("Ты будешь ходить в лес и собирать сухую хвою... знаешь, как чудесно пахнет, когда горит в камине?" - и я видел свою сгорбленную фигуру с мешком лапника за плечами и отвечал словами Учителя: "Когда мы победим в мировом масштабе, мы сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира!". - "Тьфу, - говорила она, - опять этот бред! Собственность облагораживает, Алик, она заставляет человека работать!" - "Собственность делает человека рабом! Посмотри на Чижика: он живет только дачей, вся его жизнь в заборе, семенах и огороде!" - "Конечно, тебе приятнее пить, а не вкалывать!") и даже купила книгу о каминах, достала где-то заморские изразцы, в конце концов я плюнул на все, пусть строит дачу, камин, мансарду для друзей, которых не было, площадку для вертолета! Пусть продает хоть все шмотки и машину, и Сережину технику! Катитесь вы все в тартарары!

Догорели последние угли, и я был препровожден в сиротски обставленную комнату с железной кроватью, воскресившую в моей памяти дни в семинарии, когда я жил в одной келье с Чижиком и боролся с ним не на живот, а на смерть за священное право спать с закрытой форточкой, записанное еще в хабеас корпус акте.

Душа полковника Ноттингема взошла на дрожжах морского владычества Британской империи, она презирала слабых и изнеженных - в комнате свирепствовал полезный для здоровья холод¹⁹, на подушке лежали hot water bottle²⁰, накрахмаленная пижама и красный колпак, словно взятый напрокат у санкулога.

Прыгая с ноги на ногу на ледяном полу, я напялил пижаму и фригийский колпак - как ни странно, но все оказалось впору - и приготовился к встрече пожилых привидений в белых простынях, которые ворвутся ночью в комнату, гремя многотрадными костями, и загонят в затхлое подземелье с грудой пыльных скелетов. Я выкурил трубку по поводу этих страхов, накрылся тяжелым байковым одеялом, съезжился, как улитка в раковине, и прижал к ногам hot water bottle.

Далее история развивалась весьма динамично и увлекательно (попади, не дай Бог, на мое место Маня - уже кричал бы дурным голосом: "Полиция! Провокация!" и бегал бы по аппаратам, призывая свидетелей, которых по старой привычке он называл понятиями), в ней присутствовали и скрип двери, и запах "Шанель 5" ("ах, не люблю я вас, да и любить не стану!"), и hot water bottle, катавшаяся в ногах, и даже ботфорты, которые я так и не увидел во мгле.

Затем мы с Кэти стали встречаться в Лондоне, иногда она оставалась у меня в Хемстеде, и я на другой день смотрел смущенно в удивленные глаза миссис Лейн и ее не менее шокированного сеттера.

- Забавный ты человек, - сказала однажды Кэти, - до сих пор не могу понять, чем ты занимаешься²¹. В бизнесе ты профан, это даже папа сразу подметил²²...

Я снисходительно усмехнулся: эге, куда тебя занесло! Ничего себе скромная парикмахерша с Бонд-стрит! Сделаем выводы, постепенно спустим все на тормозах, умело отвадим с хемстедских вершин, иди к чертям, крошка моя!

- Я люблю тебя! - сказал я и нежно поцеловал Кэти в щеку.

Дело, однако, приняло совсем другой оборот, когда свалилась на меня "Бемоль" после вызова в Мекленбург.

- Мотивация перехода должна быть крепче, чем разочарование в идеалах Мекленбурга, - говорил Челюсть. - В конце концов все беглецы поют об этом на каждом углу. Помнишь, ты что-то писал о семье Ноттингем? Ты встречаешься с ними?

- Иногда, - ответил я, подумав, что Колю на мякине не проведешь.

- Надо с ней поработать и довести до кондиции. Разыграть любовь, серьезные намерения и прочее. Мне ли тебе об этом говорить, старик? Это укрепит доверие американцев, возможно, даже посильнее, чем выдача агентуры...

Возвратившись из Мекленбурга, я снова приблизил Кэти к себе - теперь она уже проводила у меня большую часть недели. Вечерами мы живо обсуждали наше будущее семейное счастье.

Вот, пожалуй, и вся предыстория грандиозной "Бемоли", в которой, словно в адском котле, кипятились и Генри, и Жаклин, и Болонья, и Пасечник, и милая Кэти, и уж, конечно, неутомимый борец за Правое Дело и завсегдатай лондонских клубов.

Первый этап оставался позади, предстояло самое главное, и перед сном, положив руку на тугую спину Кэти, я обмозговывал телеграмму в Центр о встрече с Генри.

"Центр, Курту. "Эрик" получил партию лезвий от "Берты". Реагировала она нормально, и можно рассчитывать на дальнейшее сотрудничество с нею. Считаю целесообразным приступить к основному этапу реализации "Бемоли", в частности, в ближайшее время планирую установить контакт с "Фредом" и действовать по известному вам плану. Отныне вся радиосвязь переходит под контроль "Фреда" и "Пауков", основная связь, как договорились, будет проводиться с помощью моментальных встреч. Том".

Утром я учинил мощнейшую проверку на своей "газели" и очутился на любимом Бирмэнском кладбище, утопавшем в зелени кленов и растопыренных кустов.

Дул ветер, капризный ветер, вполне обычный для холмистой части Лондона, дул и раскачивал верхушки деревьев, наводя тревожную и сладкую жуть.

Проворные белки прыгали с ветки на ветку, спускались вниз и, задржав хвосты, бежали по жухлой листве. Знакомая тропинка, усеянная щебнем, - я прошел между могил и остановился возле плиты: "Тут покоится тело Сары Блумфилд, 74 года, жизнь которой оборвалась в цветущей юности" (отдадим дань черному юмору Ларошфуко Алекса, тайник с

¹⁸ Обожаю это слово, есть в йене нечто королевское.

¹⁹ На миг показалось, что я влез в свой фамильный склеп на деревенском кладбище около Мельбура.

²⁰ Открою секрет: грелка, попросту говоря, - обыкновенная бутылка с горячей водой.

²¹ Этот вопрос мучил и Сергея, когда он учился в начальной школе. Легенда о северных принцах часто испускала дух: уши детей- как радары, а я во время побывок в беседах с Риммой вываливал так много, что к десятому классу сын уже знал почти все.

²² Старый бурундук оказался не таким простаком, как я предполагал.

таким веселым опознавательным знаком не найдет только оперативный идиот), вот бы встретили меня здесь соседи по мекленбургскому дому, считавшие, что я возвожу очередную стройку на далеком Севере и иногда появляюсь, как Сайта Клаус, нагруженный мешками с леденцами и магнитофонами.

Вытерев пот с натруженного лба, я сел на скамейку, принял скорбный вид родственника, пришедшего поклониться праху, - вокруг не было ни души, только ветер мерзко шелестел в деревьях, - аккуратно разгреб и вывалил листья из ямы около могилы, отвалил камень, запустил чуть повлажневшую руку в тайник, извлек оттуда передатчик в специальном футляре и переложил в дорожную сумку.

Затем, проехав на автомобиле миль десять, я остановился, выстрелил в эфир уже зашифрованное сообщение и тут же, как нашкодивший кот, смылся с точки - конечно, запеленгуют, но мышки-норушки прибегут на место не раньше чем через полтора часа, когда благодушный Алекс уже будет принимать ванну у себя в Хемстеде, забросив предварительно передатчик в хохочущую могилу Сары Блумфилд.

Ванна прошла благополучно.

До рокового момента оставалось совсем немного - Рэй Хилсмен обычно включал свой городской телефон после ланча, - я взглянул в зеркало и увидел лицо героя, умеренно худое, с маленьким шрамом на скуле (следы потасовки на танцплощадке на юге Мекленбурга), промазал его лосьоном "Ярдли" ("взгляд твоих черных очей в сердце моем пробудил..."), превратил свой и без того безукоризненный пробор в математически выверенную прямую и вышел из дома, чувствуя себя, как Цезарь, переходящий Рубикон.

В ближайшей телефонной будке я набрал номер Хилсмена.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

В КОТОРОЙ ГЕРОЙ ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ СУДЬБЫ ВО ИМЯ ВЕЛИКИХ ИДЕАЛОВ И СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО

*"В эту ночь явилась ко мне покойница баронесса фон В***. Она была вся в белом и сказала мне: "Здравствуйте, господин советник!"*

Сведенборг

Из справки о "Фреде":

"Рэй Хилсмен (з дальнейшем "Фред"), резидент ЦРУ в Лондоне, родился в 1924 году в Канзас-сити, штат Канзас²³, в семье фермера, учился в Принстонском университете, во время войны был призван оттуда в армию (служил некоторое время в американских войсках на Филиппинах), в январе 1944 года взят на работу в Управление стратегических служб (УСС), возглавляемое генералом Уильямом Доновном. Некоторое время работал в Вашингтоне, занимаясь дешифровкой японских кодов, затем перешел в отдел "Экс 2", занимавшийся сбором информации о разведоперациях иностранных правительств и внедрением в шпионские и диверсионные группы немцев. После роспуска УСС и создания ЦРУ (1947 год) работал в Управлении координации политики (УКП) в качестве помощника начальника УКП Фрэнка Уиснера, бывшего шефа резидентуры в Румынии, затем перешел на работу в Управление национальных оценок (УНО), где возглавил отдел. В 1960 году был направлен в Дели руководителем резидентуры.

По возвращении в США работал заместителем начальника УНО, затем возглавил американскую резидентуру в Лондоне. Жена Мэри привлекалась для выполнения отдельных заданий в Дели. В частности, по ее инициативе было организовано общество жен дипломатов, аккредитованных в столице, где она использовала свои связи для разработки членов дипкорпуса, особенно представителей стран Юго-Восточной Азии.

По сообщению источников, Мэри находилась в близких отношениях с первым секретарем посольства США Артуром Холидеем, об этом стало известно "Фреду", и он добился отзыва Холидея из Дели.

По характеру "Фред" уравновешен, спокоен, обстоятелен и доброжелателен. Ему удалось установить хорошие отношения с американским послом в Лондоне, однако они не выходят за рамки деловых. "Фред" - человек необщительный, редко ходит на банкеты, спиртное употребляет умеренно. По характеристике надежного источника К., с которым он имел постоянный контакт, "Фред" - сугубо деловой, расчетливый человек. Не любит отходить от общепринятых правил и норм. На просьбу источника приобрести ему в посольском магазине несколько американских индеек по сниженной цене ответил, что это неудобно: магазин предназначен только для граждан США.

По убеждениям "Фред" - сторонник умеренного крыла республиканской партии, высоко ценит деятельность президента Эйзенхауэра и Никсона. Основное время проводит в посольстве, выходит в город редко, свободное время проводит в основном у телевизора,

²³ Тут же и родилась прекрасная домашняя кличка: Гудвин, живший в штате Канзас, волшебник Изумрудного города Великий Гудвин.

иногда выезжает в Шотландию на ловлю форели.

Жена ведет активную социальную жизнь, бывает в известных лондонских салонах, в частности у леди Памелы Бэрри, жены известного газетного магната".

Не густо, но кое-что в закромах мы имели, не тыкались носом, как слепые котят, и потому говорил я уверенно и даже мысленно представлял мутный канзасский облик собеседника.

- Алло, мне нужен мистер Хилсмен.

- Слушаю вас.

- Меня зовут Алекс Уилки. Боюсь, что вам это ни о чем не говорит.

- Вы угадали, сэр. По какому вопросу вы звоните? - Голос звучал дежурно и устало.

- Мне нужно с вами встретиться...

- По какому вопросу? - с нотками вялого раздражения.

- Не хотелось бы говорить по телефону, но это связано с основным направлением вашей работы...

- Вот как? Ну... а если говорить в общем, в чем смысл вашей просьбы?

- Мы должны встретиться лично.

- Откуда вы звоните? (Из Мекленбурга! - хотелось ляпнуть мне, тут бы он сразу заворочился.)

- Из Хемстеда... - Я говорил медленно и спокойно, давая ему время на раздумья: пусть провоцирует в своих канзасских мозгах все имиджи просителя (террорист? или просто сволочь, которая будет вымалывать индейку?), я уже слышал, как искры вылетают из его головы, аж кабинет трещит от электрических разрядов, и трепещет жидкий пух на черепе, и потирает рука пространство чуть ниже спины.

- Так заходите в посольство! - предложил он ласково.

- Я не хотел бы появляться в посольстве. Можем мы встретиться в баре "Серый козел"?

- Именно там? - А в глазах оголтелые террористы в масках, кляп в пасть, удар по башке рукояткою "смит и vessона" - и утаскивают американского резидента из "Серого козла" в дальнюю пещеру и требуют выкуп или просто душат в отместку за муки палестинского народа.

- Называйте любое место, мне все равно! - успокоил я его, чтобы он не мандражил и заранее обеспечил себя охраной.

- Как насчет "Гровнор-отеля"? - обрадовался он.

Еще бы! Отель находился рядом с посольством, и американцы имели там и свои номера с "клопами", и даже собственных мышек-норушек.

- О'кей! В фойе? - уточнил я.

- Лучше в баре, там меньше народу. Как я вас узнаю?

- Не беспокойтесь, я знаю вас в лицо.

- Повторите, пожалуйста, фамилию...

Я повторил медленно и раздельно: Аделаида, Любовь, Елена, Кэти, Сюзанна эт цэтэра. Сейчас, проскочив через резидентурскую картотеку, все это мгновенно вылетит в эфир и влетит в пасть ЭВМ, бесшумно работающих в здании ЦРУ, что на вашингтонской окраине Лэнгли, на берегу тихой речушки Потомак. Там украшают мраморный вход библейские слова: "И познаете истину, и истина сделает вас свободными!" - мгновенно

влетит, вылетит и так же мгновенно возвратится.

Скоро я уже сидел на скамейке скверика на Гровнор-сквер, рядом с огромным зданием посольства, вклинившимся в старомодный район Мейфэр, подобно известным мекленбургским челостям-небоскресам на проспекте Якобы Доброго Президента, вгрызшимся в некогда уютные дворiki, домики и собачьи площадки.

Не нравились мне ни здание посольства, ни американская архитектура, ни вся страна, снисходительно поглядывающая на остальное человечество и уверенная в превосходстве своего образа жизни²⁴.

Я непринужденно вошел в Гровнор-отель и устроился в мягком кресле в фойе - до роковой встречи оставалось десять минут, интересно было посмотреть, как вкатится в заведение волшебник Гудвин и каких размеров у него эскорт. Хилсмен мало отличался от своего изображения на фотографии (я, например, на фото на себя не похож: размазанная физиономия и никаких байроновских черт, и глаза не умные и проницательные, как в жизни): тучный, низкорослый, с небольшими бесцветными глазками. Как ни странно, действительно нежный пушок стелился, словно одуванчики, по еще не вспаханному полю его крупной головы, в глубинах рта мерцали коронки, и говорил он с такой медлительностью, что хотелось по любимой семинарской привычке забросить ему в рот дохлую муху (однажды я проделал это с Чижиком и получил за это в свой неаристократический нос).

- Признаться, вы меня заинтриговали, - начал он энергично, крепко сжав мне руку, - Так в чем же дело?

В баре толпилось несколько человек разбойного вида, бросавших на нас временами деланно рассеянные взоры.

- Что вы будете пить? - Все-таки я пригласил его в бар.

- Вы не против, если мы перейдем в другое место? Тут у меня живет в номере приятель... его сейчас нет, там довольно удобно. - Серьезен он был до крайности и этим напоминал мне Маню, шутить с которым считалось бесполезным и даже опасным делом.

(О, где вы сейчас, Маня и Бритая Голова? Заботитесь о конспирации Монастыря, родившейся еще в те времена, когда Газета начала сколачивать и объединять кружки, и переходить к нелегальным формам работы? Или вычисляете вероломную Крысу, прогрызающую днище корабля и ухватывающую своими зубищами огромные ломти сверхсекретной информации?)

В номере мы сели за столик, он достал из портфеля блокнот и приготовился слушать.

Стараясь не размениваться на мелочи, я вывалил ему свою биографию, яркими мазками нарисовав самые значительные вехи, закончил просьбой о политическом убежище и уставился ему в переносицу (примитивный, но верный прием, если хочется продемонстрировать твердость воли).

Он отвел глаза и встал.

²⁴ Цитата из статьи прославленного мекленбургского писателя, поразившая школьника Алекса и потому занесенная им в дневник: "И, пожалуй, самым ярким выражением исторической бездарности американского империализма как раз и является фигура того, кого Уоллстрит провозгласил своим апостолом, - фигура Гарри Трумэна, маленького человека в коротких штанах". Впрочем, с Соединенным Королевством у меня тоже установились непростые отношения: еще в семинарии я написал дипломную работу "Фашизация государственного строя Англии".

- Извините меня, Алекс. Вы можете побыть тут один час-полтора? Мне нужно посоветоваться. Если хотите, выпейте виски и почитайте газеты.

Я не возражал, и волшебник Гудвин удалился.

Я достал из бара бутылку "Старого контрабандиста" (мерзости этой я не пил со времен начала романа с "гленливом"), чуть пригубил из стакана и почувствовал, что засыпаю - я умел проваливаться в сон быстро и легко, минут на десять, на час - счастливая привычка незабвенного сэра Уинстона Черчилля, разве не благодаря ей и коньяку он выдержал все ночные бдения во время войны? Пробуждение происходило точно: в голове щелкал педант-таймер, глаза раскрывались, и всадник летел на зов горна! За работу, шпион! И снова горн, и барабаны, барабаны, барабаны!

Но проснулся я от шелеста страниц и увидел Хилсмена, листавшего "Плейбой" под желтым торшером.

- Я не хотел вас будить, вы так сладко спали... - Сказано было с улыбкой доброго папаша, принесшего плюшевого мишку в постель к любимой дочурке, - Что ж, предварительное решение принято, и нам вместе придется поработать. Вы, как профессионал, должны понимать, что на все требуется время... Вы давно готовились к этому? - Уже не папаша, а внимательный доктор, сейчас спросит: как сон? Как настроение? Был ли стул?

- И да, и нет. Конечно, готовился... много думал, но вот решиться... Я вам все расскажу подробно... не все так просто, как может показаться. Не знаю... наверное, я изъясняюсь путано, да и здоровье в последнее время пошаливает.

На что, на что, а на свое богатырское здоровье я не жаловался: выдуть мог ведро - и ни в глазу, давление 120 на 70, как у космонавта, пульс 60 в минуту даже при свидании с Франкенштейном, 120 при дьявольской нагрузке и через две минуты снова нормальный, не брали меня ни сквозняки, ни холодные камни, на которых любил сидеть (особенно на кладбищах), ни переходы пешком через льды.

- У нас хорошие врачи, они вам помогут... У вас нет с собой каких-нибудь письменных материалов? - Уж очень он был деловит.

- Кое-что есть.

- Прекрасно. Я предлагаю вам поехать со мной за город. Там мы проведем несколько дней, спокойно поговорим... - Он внимательно наблюдал за мной сквозь улыбку, прикидывал, анализировал, мысленно сверял с инструкцией по работе с перебежчиками (ее мы читали!).

- Хорошо. Но я должен предупредить Кэти.

- Кто это?

- Моя будущая жена. - Я улыбнулся.

Он залоснился от счастья, семьянин великий, диву даешься, до чего любят американцы идею брачной идилии.

- Только придумайте хорошую легенду...

Все они одним миром мазаны, эти господа начальники! Совет паркетного разведчика, не нюхавшего пороха. И кому? Задубевшему в боях Алексу, прошедшему огонь и воду, собаку съевшему на легендах и прочих штучках профессии.

Через час мы с Хилсменом уже покачивались в ночных пустотах графства Эссекс за широкой спиной почти немого шофера. Рэй сначала что-то мямлил по поводу грандиозных

взлетов и падений доллара, а потом замолк - со стороны мы походили на изнеможенных скандалом супругов, пытавшихся, но так и не сумевших восстановить статус-кво. Привалясь к окну, я подремывал, иногда посматривая сквозь смеженные веки на своего соседа, в темноте его профиль принял величественные очертания, он даже, надулся от счастья, что заполучил в сети такую жар-птицу, как Алекс, и наверняка прикидывал, какие почести свалятся на его покатые плечи.

Дорога внезапно изогнулась, мы сошли с автостреды, завертелись между разношерстных коттеджей, юркнули в лес под вывеску "Частный" и остановились перед железными воротами, за которыми торчало готического вида здание с островерхой башенкой.

Водитель три раза посигналил (особый сигнал - кашлял нараспев, словно Луи Армстронг в стаканчик "гленливета"), ворота разъехались в стороны, обнажив глубокий двор и четыре фигуры в спортивных куртках, напоминающие своей боевой осанкой ребятешек из охраны Монастыря. Мы медленно двинулись по мощеной дорожке прямо в глубину ада и остановились перед массивной узорной дверью.

...И начались веселенькие денечки вопросов и ответов, и повсюду шныряли свиные рыла, появлялись и исчезали, случайно просовывались в окна и двери, благо что не вырывали ногти и не поджигали гениталии.

Первым делом Хилсмен попросил меня заполнить анкету - чем-чем, а этим не удивить любого мекленбуржца, а уж тем более сотрудника Монастыря, выдали мы анкеты и толщиной в добрый роман, - где только мы "не были" и "не состояли", с кем только мы "не переписывались"! Мы свои родословные писали густо, как "Сагу о Форсайтах", словно жизнеописание в назидание благодарным потомкам.

Поселили меня в просторной комнате на втором этаже, с письменным столом и мягкой мебелью, с потолка свисала хрустальная люстра, огромная, как в Ковент-Гардене, керосиновая лампа на подоконнике тонко намекала на возможность отключения электросети в случае налетов нашей боевой авиации, вполне логично домыслить и небольшое подземное бомбоубежище - если на земле не останется ни одного человека, доблестные службы не дрогнут и не сдадутся, а продолжат борьбу за спасение демократии. Окна выходили в сад, где произрастали субтропические растения, вывезенные кровососом-пэрмом, продавшим этот замок американским спецслужбам, а у кирпичной стены виднелись провода и телевизионные дула электронной охраны замкнутого контура.

Утром за завтраком (яичница с беконом обилие молока и булочек, кофе и два вида джема с тостами) Хилсмен представил меня своему коллеге Сэму Трокмортону²⁵, высоченному детине с армейской стрижкой (его мрачное немногословие намекало на таинственные функции, как то: удушение бесстрашного Алекса в случае попытки к бегству), а в десять часов я уже сидел в приятной компании в большой комнате с детектором лжи, напоминающей лабораторию для оперирования подопытных мосек.

- Извините, Алекс, но прежде всего нам хотелось бы проверить ваше здоровье, таков у нас порядок, да и вам это будет нелишне.

Тут мужчина в халате взял у меня кровь, сделал рентген и попросил приготовить к следующему утру кал и мочу. Затем он внимательно выслушал мне спину и грудь, положил

²⁵ Вот бы мне **такую** фамилию! Так и слышится удар топора, и **отпадает** головка, и молодцу конец! **Тр-тр!**

на софу и обстучал железным молоточком суставы, заставил попасть пальцем в нос, проверил кровяное давление и проделал еще массу всевозможных манипуляций.

Затем он важно сел за стол: "Страдаете ли вы плохим сном, головокружениями, расстройствами, мигренью, астмой, внезапными сердцебиениями?" - "Чего нет, того нет, иногда, правда, белеет язык". - "Как так? Сам по себе?" - "Нет, не сам". - "Курите?" - "Трубку или сигару". - "Это плохо!" - "Обычно после виски". - "Тоже плохо!" - "У меня все завязано в один gordiev узел: виски, сигара и прекрасные леди. Помните, у Гете? "Забористый табак и пенистое пиво, и девушка-краса... чего еще желать?" Хохот коней. "О'кей, завтра мы проверим вашу печень!"

Далее он прилежно зачеркнул корь, свинку и другие болезни, которыми я не болел в детстве, а точнее, не помнил, в памяти остался только коклюш, жуткий кашель, за что наш мальчишеский полуазиатский двор подверг меня остракизму и присвоил кличку "красножопый" - глубинной связи с болезнью я не понял до сих пор.

Затем на авансцену выдвинулась дама в темных очках (как я понял, психолог-психиатр), меня попросили пересест в кресло детектора лжи, водрузили на голову венки из проводов, подключили к ногам и рукам электроды и начали править бал.

Вопросы сыпались на меня градом, мои ответы фиксировались для дальнейшего анализа и широких обобщений с оценкой по специальной системе баллов, на основе которых какой-нибудь црувский Хемингуэй потом составил бы красочный психологический портрет перебежчика Алекса.

С детектора лжи я снова пересел к столу.

- Волнуетесь ли вы перед свиданием, интервью, заданием, поездкой?

Принимаете ли транквилизаторы? Не кажется ли все вокруг странным и ирреальным? Не представляете ли вы себя вне своего тела? Какого рода вы видите сны? Часто ли меняется ваше настроение? Переживали ли вы хоть раз нервный криз?

Американские тесты я изучал еще в семинарии и бодро, стараясь не напрягаться, окунулся в поток сознания.

- Несколько вопросов о ваших родителях, о детстве. Если вы попытаетесь вспомнить себя лет в десять, было ли ваше детство счастливым? Вы были единственным ребенком у родителей? Был ли ваш отец эмоционально устойчивым человеком? Добился ли ваш отец в жизни успеха? Если нет, то сделало ли это его злобным, несчастливым, душевно угнетенным? Была ли разница между вашими родителями в социальном плане?

Господи, как мне надоела эта баба! И ведь знаю, куда тянет со своими фрейдистскими штучками, так и жаждет прощупать мой эдипов комплекс, записать, что я всю жизнь ненавидел отца и ревновал его к матери, тайно жаждал жениться на матери и прочая мурра, которой напшигованы все психологи, помешались на этом, лечить их всех в бедламах "Das Kapital" ом, ставить мозги на место!

А все было тяжело и просто, о чем я и поведал всей честной компании: отец приехал в столицу из деревни с единственным богатством - небольшим мешочком (мыло, запасные штаны), поступил на завод, на вечеринке встретил мать-учительницу, первая комната в полуподвале, которую пришлось перегородить надвое после приезда брата с женой и отца, спасавшихся от голода. Деда я помнил уже ослепшим после паралича, бродил он по комнате в калысох, с трясущимися руками, и пахло от него чем-то застарелым. Собирались на все религиозные праздники (тут бабища оживилась и засыпала уточняющими вопросами о

вероисповедании, очень ей хотелось сделать из меня прозревшего грешника!), любили петь церковные песни и мещанские романсы, постепенно умирали, и, когда я закончил школу, в живых остались только мать и жена брата, которую потом я устроил в буфет монастырского клуба, - забавное заведение, куда в отличие от клубов на Пэлл-Мэлл ходили не развлекаться, а нажраться и заодно на кого-нибудь наступать.

Но бедное детство не убило тяги юного Алекса к просвещению; начал он, разумеется, с уже упомянутого и оцененного миром "Das Kapital" а и прочитал страницы две ("Почему? Почему так мало?" - заинтересовалась психолог, увидев в этом истоки дефекции), а потом усердно штудировал классику и даже сделал выписки типа "никакой язык не труден человеку, если он ему не нужен", вел урывками дневник, который заполнял меткими наблюдениями: "Первый весенний день. По улицам текут ручьи. Как хорошо!", "Кончились каникулы. Сильный мороз", "Сегодня мои именины. Как хорошо!", и даже замечками, предвещающими политически зрелого Алекса: "Речь Черчилля в Фултоне. Намек на войну".

Но страшилище не унималось и погребло в другую сторону: нервничают ли вас переходы через мосты? Через открытое пространство? Через пустыню? Не угнетает ли вас пребывание в лифте? В туннеле? Не пугает ли гром? Ветер? Нахождение в большой толпе? Не вызывают ли у вас отвращение кошки? Не кажется ли вам, что в туннеле ваша машина может задеть за стены?

- Скажите, - вдруг прорезался Хилсмен, - а волнует ли вас возможность ядерной войны?

- Не верю в нее! - Послушал бы меня Маня, всегда на совещаниях потрясавший кулаком в ту сторону, где, по его разумению, прятались поджигатели войны.

- А что вас больше всего волнует? - Это влез молчаливый Сэм. - Положение вашей семьи? Собственное здоровье? Деньги? Будущее страны? Экологический кризис? - Я понял, что Сэм, видимо, не по части мокрых дел - пахло от него интеллектуалом.

- Пожалуй, собственное здоровье и сын...

Я почти не врал, в последнее время старался не думать ни о Римме, ни о Сергее... Кто ты, Алекс? Кто вы, доктор Зорге? Отрезанный ломоть, Агасфер, вечно бродящий по свету, блуждающий огонек! Дома о личности папы спорили, и сейчас, наверное, его Образ живет: "Как там наш папочка? Как ему, бедному, трудно! Сережа, ты должен брать пример с папы!" Боже мой!

- Часто ли вы чувствуете себя одиноким?

- Почти все время!

И опять не врал. Одинок, всегда одинок, вечно одинок!

- Если вы опоздали на концерт и пробираетесь через ряды к своему месту, что вы чувствуете? Дискомфорт? Уверенность? - Тут уж я поведаль, что Римма вечно задерживалась, красила ногти, что-то надевала и снимала, в театр мы выбегали уже в состоянии войны и, в конце концов, вообще перестали туда ходить.

- Вы согласны, что чистоплотность идет вслед за благочестием? Ваши ощущения при виде криво висящей картины? Считаете ли вы окна, когда идете по улице? - Эту ерунду нес Сэм, значит, у него специальная психологическая подготовка.

- Не раздражают ли вас такие предметы, как дверные ручки? Грязные банкноты? Полотенца в туалетах?

Я отвечал и отвечал, постепенно раздражаясь, ах, уж эта психология, ах, знатоки

человеческой души! Ведь и у нас в Монастыре одно время дули модные ветры и один патлатый замухрышка-психолог учил меня Науке Вербовки. Ему бы, заднице, свою жену завербовать, знакомую девицу на худой конец или хотя бы козу, а не рецепты давать старому асу! "Психология нужна для увеличения кпд!" - посоветовал один такой кудесник - и слова его пали на благодатную почву. "Кпд! кпд!" - взывал на совещаниях Маня, обожавший звонкие словечки из арсенала научно-технической революции - конгениальная идея взмыла в небеса и, как обычно бывало в Монастыре, опустившись в низы, превратилась в дым.

Наконец дама-психолог и Сэм удалились, и мы приступили к основному блюду.

- И все же, Алекс, я, конечно, рискую показаться тупым и ограниченным, но, если мы попытаемся суммировать, хотя бы схематично, причины вашего перехода... понимаю, что ответить на это непросто, и все же?

- Я же вам уже говорил, тут целый комплекс. Главное, наверное, желание жить свободно и отношения с Кэти. Хотя это только часть истины.

- Понимаю, понимаю...

- Ха-ха-ха, разве это возможно понять?

- Мы изучили все документы, которые вы передали. Кое-что требует уточнения и перепроверки. Правда, это не так просто без помощи англичан, а мы не намерены ставить их в известность о вашем существовании...

- Я думал, что отношения между союзниками теплее, - съязвил я.

- Они достаточно хорошие, но вы знаете, что со времен предательств Филби, Берджесса и Маклина мы стали проявлять осторожность. Мы проверили Генри Бакстона, очень аккуратно, конечно. Представляете, английская секретная служба даже не имеет на него досье, он чист перед ними, как дитя!

- Надеюсь, вы не сожгли его своей проверкой, иначе пламя может коснуться и меня! - Я разыграл величайшую нервность.

- Что вы! Что вы! Повторяю: англичане ничего не узнают, все делается тонко. Кого он разрабатывал?

- Я об этом подробно написал. Шифровальщицу.

- Извините, но я не успел еще прочитать... все свалилось так неожиданно... Интересно, а ваша резидентура разрабатывала меня? Надеюсь, на меня имеется досье? - Наивная улыбка, словно передо мною сидел не профессионал, а студент, открывающий азбучные истины. Нет, Хилсмен не так прост, как кажется, не размякай, Алекс, держи нос по ветру!

- Вы малообщительны, Рэй, и трудновербуемы... по нашим данным.

- И на этом спасибо. Но вы знаете, Алекс, наш директор - он, кстати сказать, передает вам приветы и приветствует ваш переход - считает, что вам не следует выходить из игры, вся группа должна остаться на плаву.

Идея Хилсмена не поразила меня: кому нужна шумиха в печати об очередном беглеце, если можно вести игру? Центр не сомневался, что американцы ухватятся именно за это и будут тянуть эту линию до предела, пока о ней не пронохают политики, которым нужны дрова в костер военных ассигнований и шумный шпионский процесс.

- А если Центр начнет меня подозревать? Надеюсь, вам известна участь предателей? - засомневался я.

- Все зависит от нашего профессионализма! - успокоил Хилсмен. - Все останется, как есть, мы никого не тронем - ни Генри, ни эту шифровальщицу, никого! Во всяком случае, на первом этапе. Так что продолжайте работать, как будто ничего не случилось. Докладывать будете лично мне.

Хилсмен встал, подошел к кашпо с цветком и потянул носом - как ни странно, всасывающая сила его ноздрей не вырвала растение из горшка вместе с корнем.

- Как вы думаете, Алекс, если мы успешно продолжим игру, вы сможете вернуться на родину? - Хитрый вопрос задал волшебник Гудвин, рассчитывая на энтузиазм дурака.

- Это опасно. По-моему, вы недооцениваете риск, на который я иду. Кто знает, Рэй, не пьет ли с вами иногда кофе какой-нибудь мекленбургский агент, о котором я и не слыхивал? - Я уже завелся, и ничто не могло меня остановить.

- О вашем существовании знает очень узкий круг, я вам уже говорил. Утечка исключена, вам ничего не грозит!

- Оставьте, Рэй! С кем вы говорите? Разведка - такая же бюрократия, как и все остальные. С трепом и пересудами! Что это за узкий круг?! Вы и шеф в Лэнгли? А шифровальщик, пославший отсюда вашу телеграмму? А шифровальщик, принявший ее в Лэнгли?! Кто-то понес ее директору, кто-то не выдержан на язык... А какая орава здесь! - Я подогревал себя.

- Даже Сэм не знает вашего имени!

- Мне даже неудобно слушать это, Рэй! - Пусть представляет себе, что такое игра на канате и без сетки, пусть не думает, что если я кажусь спокойным, то так оно и есть на самом деле! - Неужели Сэму трудно узнать, кто я такой, если он захочет?! Мне кажется, нам не стоит играть друг с другом в прятки и делать вид, что все идет хорошо. Прежде всего, нужно ввести настоящую конспирацию и свести круг знающих меня лиц до минимума! Неужели нужно, чтобы меня в лицо знал медик, берущий анализ мочи?! Или эта мадам с идиотскими вопросами? Давайте работать чисто. Я передал вам все! Если угодно, поставил на карту свою жизнь. Так берегите ее! Мне, как профессионалу, понятно, что вы мне не доверяете и не можете пока доверять, мне ясно, что вы должны проверять меня и сейчас, и потом! Но давайте это делать умно, не светите меня!

Мое возмущение было вполне искренним: что же это такое? Светить меня перед шофером и перед охранниками?! Хоть бы парик надели или приклеили бороду! Идиоты! Размагнитились в союзной Англии, перестали ловить мышей!

- Прежде всего, хочу заверить вас, Алекс, что мы вам доверяем. - Хилсмен говорил торжественно, медленно и вежливо, ведь вежливость, как глаголил Учитель Учителя, лишь мелкая монета, которой черт оплачивает кровь убитых им жертв. - И я учту ваши пожелания о безопасности. Что касается допросов, то приношу извинения. Думается, что если бы я находился сейчас у вас на родине, то меня проверяли бы менее рафинированными способами...

Уел он меня больно, но спорить я не стал, проглотил, как должное, сам знавал умельцев-костоломов, встречал их в свое время в монастырской поликлинике - они шагали, выпятив свои 80-летние груди, увешанные регалиями, работа была - что говорить! - трудная, но способствовала долголетию.

Далее перешли к тайнам Монастыря. Американцы, по нашим данным, знали и о структуре, и о руководящих кадрах достаточно много. Тем не менее картину пришлось

изрядно дорисовать, нашить детали, не щадя сил на ядовитые характеристики настоятелей. С особой сладостью в сердце я изливал свою желчь на Бритую Голову и Маню, беспощадно рисуя каменные тропы, по которым они карабкались к власти; красок я тут не жалел, Маня рухнул бы с кресла, если бы услышал хоть десятую часть моей исповеди.

Хилсмен записывал на магнитофон мой рассказ и не подавал ни звука - если дело пойдет таким образом и он будет играть в молчанку, то так и не нащупает Алекс ниточки, тянущиеся к Крысе, разобьет бедный Алекс голову с безукоризненным пробором прямо о каменную стену! Несчастная голова! Разве переживал такое сэр Уолтер Рэли, пират и лорд?! Кстати, его отрубленную голову заполучила любящая жена и хранила в спальне рядом со своей кроватью - о, Римма! О, Кэти! Милые мои! Умоляю, положите благородную голову благородного Алекса в пластиковый пакет, поставьте у своих ног, клянусь, что не буду гнить и вонять, не буду кататься по комнате и вращать глазами!

- У меня небольшая просьба. Очень важно укрепить мои позиции в глазах Центра. Мне нужна классная вербовка. Подумайте, Рэй, но это должен быть агент с секретными документами. - Я уже говорил с ним, как с коллегой.

- Я уже думал об этом. Не так просто найти секреты, которых не жалко. А "липучки" ваши быстро раскусят, и тогда конец всему делу. Давайте, Алекс, начнем с малого, давайте для начала твердо стоять на земле. Развернем работу на существующем фундаменте, посмотрим на реакцию Центра и не будем пока расширять диапазон наших действий! Будем надеяться, что нас не погубят непредвиденные случайности.

Хилсмен похлопал меня мягкой рукой по спине, не скрывая своего отменного настроения, - видимо, допросом он остался доволен.

А насчет случайностей он совершенно прав: друзья наши, черт и случай, подстерегают нас на каждом шагу - до сих пор с ужасом вспоминаю, как в Париже столкнулся на улице с Васькой Кацнельсоном (мы с ним учились в пятом классе средней школы) в усах и с лотком сосисок. "Старик! - орал он. - Откуда ты, старик?" - и, оставив сосиски, бросился ко мне, а я, кажется, тогда Марти Куупонен, финляндский подданный, мчался от него в толпу, как будто украл в магазине булку, за что у них бедняков сажают в тюрьму, в то время как богачей, укравших железную дорогу, выбирают в сенат.

Через три дня, безумно устав от собеседований и писанины, я возвратился в свою квартиру у Хем-стед Хита, в миле от уютного Хайгетского кладбища, где строго смотрит с постамента на прохожих, запрятавшись в необъятную каменную бороду, большая голова Учителя Учителя.

Кэти, оказавшаяся дома (у нее был уже свой ключ), встретила меня прохладно и безмолвно выслушала жалобы на трудности со сбытом радиотоваров, которые неразрешимы без знания всех нюансов рынка и конъюнктуры и, естественно, служебных командировок. Я нежно поцеловал ее в губы - они даже не шевельнулись: назревала трагедия, и ничего не оставалось, как налить себе стаканчик "гленливета" и окунуться с головой в прессу, а именно в спасительный раздел объявлений о продаже и сдаче в аренду недвижимого имущества.

- Двухэтажный коттедж в районе Илинга, кухня, две спальни, гостиная, столовая, - заливался я соловьем, - четырехкомнатная квартира на Кромвелл-роуд, вилла в Кэнтерберии. - Цены кусались, фирма приносила крохи, конспирация не позволяла требовать больших дотаций из центра и диктовала жизнь по средствам, не бесконечны же авантюры, завещанные

предусмотрительным папой-шекспироведом.

Я еще раз взглянул в прозрачные льдинки карих глаз, поцеловал Кэти и подумал, какой я все же законченный подлец и как испортила меня проклятая служба.

- Давай поженимся, - сказал я и замолчал, потому что вспомнил, как то же самое говорил Римме.

- Давай поженимся, - говорил я тогда. - Я буду добropорядочным мужем, буду вовремя приходить домой и всегда отдавать тебе всю зарплату. У нас будет много детей, и мы все вместе будем гулять по центральному бульвару, где копаются в песке малыши и пенсионеры забивают на скамейках "козла" в домино. В праздники к нам будут приходить родственники и друзья, все будут жаловаться на все, ругать начальство, жрать и пить. Дядя Теодор расскажет про осла, который написал хвостом картину, а тетя Полина сообщит, с каким трудом достала живых карпов. Все напьются, Виктор расскажет пару еврейских анекдотов, все будут умирать от смеха, снова выпьют, а Витя, когда мы останемся тет-а-тет на кухне, начнет меня уверять, что брак - это глупость, а после жаловаться на одиночество, плакать, целовать меня мокрыми губами и говорить, что я у него единственный друг. Потом все заснут где попало, дядя обмочит подштанники и тахту, которую мы будем оттирать целый месяц и заливать одеколоном, и будет очень весело, мы будем любить друг друга, и утром, как обычно, зазвонит будильник...

Римма тогда расплакалась и убежала от меня - пою тебя, бог любви Гименей, ты благословляешь невесту с женихом!

- Неужели тебе это так нужно? - начала оттаивать Кэти. - Разве нам плохо?

- Конечно, хорошо, но давай жить, как все нормальные люди. В конце концов я хочу ребенка!

Следующий день я целиком посвятил делам прогорающей радиofирмы и с помощью своего помощника, юного Джея, наметил план ее немедленного оздоровления - не только Центр, но и Хилсмен намекали на желательность крепкого прикрытия.

Покрутившись на фирме, я подрулил к дому и фурах в ста от подъезда заметил машину ("ровер" 24033), которая тут же тронулась с места, встала за мной и трижды мигнула фарами. Всмотревшись, я разглядел лицо Генри, который дал знак следовать за ним. Мы проехали пару миль, пока он не затормозил и не вышел из машины.

- Что случилось, Генри? Почему вы нарушаете правила конспирации? Разве можно приезжать ко мне домой?!

- Мне срочно нужно с вами поговорить! - Голос его дрожал.

- Разве у нас нет сигнала срочного вызова?

- Знаете что, Алекс... - Он хотел выругаться, но сдержался. - Я хорошо проверился, давайте пройдем в паб! - Предложение звучало так категорически, что мне оставалось только подчиниться.

В пабе мы устроились, как обычно, в темном углу, словно два жулика, только что обчистивших банк Ротшильда.

- Дело в том, что вчера ночью... Генри очень волновался и никак не мог взять быка за рога.

- Не нервничайте, Генри, на нас обращают внимание...

- Ради Бога, не перебивайте меня, мне трудно говорить... Увы, я даже не знаю, каким образом он вошел... я лежал в кровати...

- Кто? Кто?! - Я сам уже начал заикаться и почувствовал, как в самом низу живота зашевелилась и поползла скользкая холодная рептилия, вроде зловредного скорпиона, который жил в саксауле в далекие дни эвакуации и ночами выползал на прогулки по моему спящему телу. - Кто? Кто?!

- Да не перебивайте меня, Алекс... кажется... кажется, мы пропали... - хрипел он клекотом, словно прирезанный петух, завершающий свою прощальную арию.

Он допил джин с тоником, похлопал глазами, отер платком сократов лоб и черчиллиевы скулы и упер в меня повлажневший взор.

- Я спал... лай Енисея²⁶... грохот на лестнице... потом визг собаки... "Не вздумайте включать свет!" - ...он говорил тихо и твердо...

- Не торопитесь, Генри, я ничего не могу понять! Кто к вам пришел?

- Если бы я знал... если бы знал! - Он указал официанту на свой опорожненный бокал, и тот мгновенно притаранил ему новую порцию.

- Да возьмите себя в руки, наконец! - Я сжал зубы до хруста и соорудил такую злую морду, будто собирался вцепиться ему мертвой хваткой в горло, если он не прекратит свои рассусоливания. - Рассказывайте спокойно и подробно, черт побери!

- Я даже лица его толком не разглядел... хотел зажечь свет, протянул руку к лампе, но он словно видел в темноте... тут же заорал: "Убрать!"

Генри выпил залпом, словно всю жизнь гужевался в мекленбургских закусных, погремел стаканом с льдинками и тяжело вздохнул. От всей этой бестолковой карусели у меня уже кружилась голова.

- Как его звали, Генри?

- Он назвался Рамоном, хотя я уверен, что это вранье. Но в нем было что-то от латиноса... испанский акцент.

- Чего он от вас хотел, Генри?

- Он вербовал меня!

- То есть как? Ничего не понимаю! - Наша беседа напоминала судороги двух сумасшедших в пляске святого Витта,

- Он начал с того, что знает о моей работе на вас, знает даже предвоенный период... даже Грету Берг по кличке "Ильза", которая вывела меня на Базиля...

- Кто такой Базиль, черт побери?!

- Ваш коллега, который вербовал меня!

- О Боже, это было так давно...

- Он даже знает, что мы с Базилем любили забегать в венский ресторан, где играл старый скрипач... он описал этого старика, будто вместе с нами слушал его игру! Он знает, что Базиль курил только сигары "Вильгельм второй"! Он рассказал такие детали... даже о вербовке Жаклин! Он знает обо мне все!

Физиономия гордости службы покраснела от возбуждения, и на скулах выступили капельки пота.

- И все это происходило в крошечной тьме? - Я на миг представил себе голого Генри, дрожащего под одеялом, и сурового незнакомца, явившегося по его душу, как Командор за

²⁶ Пес верного и надежного агента, названный так из любви к восточным землям Мекленбурга, на которые, к его счастью, он никогда не попадал.

дон Гуаном, и мне вдруг стало до неприличия весело.

- Я хотел увидеть его... изловчился, зажег ночник... брюнет в маске, больше я ничего не разглядел... может быть, шатен... на нем был плащ... по-моему, типа "кристианет". Маска! Вы поняли? Он не хотел, чтобы я его видел... Он заорал...

- Он не упоминал моего имени? Намекал, что знает обо мне?

- Нет, нет, Алекс, ни слова о вас!

- И какое же конкретно сотрудничество он вам предлагал?

- Он не открыл карты... он обещал поговорить со мной подробнее через две недели... он дал мне время на размышление... оставил конверт с адресом... вот он!

И всклокоченный Генри (насколько может быть всклокоченным существо с сократовым лбом, а точнее, с огромной лысиной) протянул мне конверт, на котором было напечатано на машинке: "Рамон Гон-залес, Либерти-стрит, 44, Каир, 11055". В конверте лежала тоненькая реклама процветающего концерна "Юникорн",

- Что же это за человек, Алекс? Откуда ему все известно? Значит, у вас сидит предатель, знающий мое дело? Вы понимаете, что произошло?

- Не волнуйтесь, Генри, ради Бога, не волнуйтесь... это какое-то недоразумение... - попер я глупость (ничего себе недоразумение!), напрягая все свои шарики.

- Недоразумение?! - вскричал он так громко, что бармен повернул голову в нашу сторону.

- Я все выясню... немедленно свяжусь с Центром... все будет о'кей! - Я нес всю эту муру, лишь бы его успокоить, даже ободряюще похлопал его по руке и заглянул ласково в глаза. Мои мозги между тем крутились, как рулетка, прикидывая все имиджи и ипостаси героя ночной драмы.

Первая банальнейшая догадка сразу ударила наповал: провокация! Американцы решили проверить и "Эрика", и меня и устроили эдакое фантасмагорическое представление в надежде, что "Эрик" расколется, покается, вывалит все и обо мне, и о Жаклин - короче, типичная проверка, по глупости и топорности вполне отвечающая стилю работы великого Гудвина. Другая версия тоже не радовала: перепуганная Жаклин наступала на "Эрика" офицеру безопасности своего посольства, и бельгийцы (возможно, с помощью союзников по НАТО) взяли беднягу в оборот. Но откуда они добыли такие детали?

Вдруг Генри потянул носом, снова заклокотал горлом, и мешки под его глазами раздулись в бурдюки.

- Он убил Енисея... вколол ему яд! А мне сказал, что это снотворное, не хотел волновать... - Мешки начали опорожняться, и крупные алмазоподобные слезы важно поплыли вниз, затекая к ноздрям. - Он убил пса! Он убил моего любимого пса, Алекс! Вы не представляете, как я его любил!

- Давайте договоримся так: мы консервируем наши отношения. Работу с Жаклин вы прекращаете и ждете от меня сигнала вызова. Я немедленно свяжусь с Центром! Никакой инициативы! Лежите тихо, как труп!

Он вяло кивал головой, купаясь в своих водопадах, бармен уже не отрывал от него глаз, я допил свой стаканчик и выполз из этого тошнотворного реквиема на воздух.

Рано утром я позвонил Хилсмену.

- Некоторые новости, Рэй! Не хотел беспокоить вас ночью. Встретимся в "Гровноре"?

- Надеюсь, что ничего серьезного? - Голос его звучал обеспокоенно.
 - Что может быть серьезнее смерти?
 - Кто-нибудь погиб? - Его губило полное отсутствие юмора.
 - Не нервничайте, главное, что мы с вами живы! Так в "Гровноре"?
 - Вы хорошо знаете Уайтчейпл?
 - Мерзкий район. Неужели мне придется тащиться в такую даль? - Район находился в восточном Сити и в свое время вдохновлял писателей на романы о несчастных бедняках, живущих в лачугах и развалинах.
 - Извините, но я целый день буду в тех краях... подъезжайте к уайтчейпелской ратуше!
 Ровно в пять я вырулил прямо на стоянку муниципалитета.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ПРЕВРАТНОСТЯХ ЛЮБВИ НА ДАЧАХ ЗА ЗЕЛЕНЫМ ЗАБОРОМ, О ПАПЕ - МОХНАТОЙ РУКЕ, О ВИТЕНЬКЕ - СОВЕСТИ ЭПОХИ, О ПУСТЫХ БУТЫЛКАХ И ПРОЧИХ НЕХОРОШИХ ВЕЩАХ, КОТОРЫЕ ОТТЕНЯЮТ НЕСРАВНЕННЫЕ ДОСТОИНСТВА ГЕРОЯ, ИДУЩЕГО НА БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ У БЕРЕГОВ ЖЕНЕВСКОГО ОЗЕРА

*"Увидев проходившую мимо Королеву, он крикнул:
 - Душенька, вели убрать эту Крысу!
 У Королевы на все был один ответ.
 - Отрубите ей голову! - крикнула она, не глядя.
 - Я сам приведу палача! - сказал радостно король и убежал".*

Парафраза из Л. Кэрролла

Самое главное, что именно я нашел ему Клаву - Большую Землю - Ястребиное Око, тогда пухлявую юную блондинку, выпускницу престижного вуза, успевшую пройти через неудачный брак и теперь озабоченную поиском прочной и надежной пристани, нашел ему подругу на всю жизнь с помощью Риммы, сидевшей с Большой Землей²⁷ за одной школьной партией, где они честно шептались, списывали друг у друга и донесли святой огонь дружбы до более зрелого возраста, несмотря на разницу общественных положений, игравших мощную роль в запутанных лабиринтах мекленбургских структур.

Клавин Папа, точнее ПАПА, - как ни тужься, не выразить на бумаге его весомость в тогдешней истории, когда его имя произносилось с почтительно-сладким выражением лица, дабы никто, не дай Бог, не мог прочесть на нем недостаток пиетета, - входил в свое время в число рыцарей круглого стола под председательством Усов и многому научился, вдыхая дымы его легендарной трубки и выдерживая пристальный взгляд желтоватых глаз.

Но ПАПА - это История, оставим его в покое, а кто объяснит, каким образом залетел на вершины простак в шевиотовом костюме с надставными плечами, выполнявший в нашем отделе вполне презренные рядовые функции? Во всем виноват его дружок Алик, вечно сеявший разумное, доброе, вечное и не ожидающий за свои подвиги никакой благодарности.

Николай Иванович готовил себя к браку серьезно, как учили Кадры, на всю жизнь и до гробовой доски, давно мечтал он об избраннице сердца, которая все выдержит и выдюжит, не предаст и не продаст, и в роковой час, когда начнут холодеть конечности, блаженно поцелует в желтый лоб и закроет остекленевшие очи.

И поскольку Челюсть сначала шутил, а потом уже настойчиво канючил и жаловался на свою неприкаянность, и просил по-дружески с кем-нибудь познакомить (дружили мы после работы и в рамках - не в монастырских традициях открывать души, - чаще всего прогуливаясь по книжным лавкам, что на Мосту Кузнецов, с заскоком в буфетик старомодного отеля, где торговали в розлив армянским портом), а Римма постоянно жужжала о некрасивой, но обаятельной подруге, дочке ТАКОГО ПАПЫ, жаждущей

²⁷ Эту кличку она получила уже позже, когда ее ястребиные очи потухли, а тело обрело пышные формы.

устроить свою жизнь, я порешил помочь обеим сторонам и бескорыстно протянул руку Челюсти.

Вот как случилось, что его стопа прикоснулась к заповедной земле за зеленым забором, где ПАПА бывал лишь проездом из государственной дачной резиденции, и оказалась на большом пиру по случаю Нового года.

Праздничными делами заправляла хлопотливая Старушка - Няня-Мне-Так-Душно, которую Большая Земля обожала с детства и часто просила открыть окно и поговорить о старине. Няня сидела на кухне и ощипывала кур, бросая пух и перья в медный таз.

По просторам дачи, ядовито поглядывая на полные собрания сочинений и на бумажные репродукции в золоченых рамках (не исключено, что раньше в них находились писанные маслом портреты царственных особ, вырванные и навсегда пригвожденные к позорному столбу), бродил друг детства, юный медик Тертерян, слышавший человеком излишне просвещенным, а потому опасным.

- Что нужно бедному армянину? - спрашивал он, загадочно улыбаясь. - Сто грамм водки и триста минут сна! - Но водку не пил и в постель не ложился, а циркулировал вокруг огромного круглого стола, одного из берлинских трофеев ПАПЫ, и прицеливался к закускам, которые на подносе вносила Няня-Мне-Так-Душно

Признаться, я ожидал, что мой застенчивый друг будет жаться в угол и прясть ушами, упав прямо в сливки высшего света, но не той породы был конь наш ушлый, живо забил копытами под звуки твиста, сразу взял за рога Большую Землю и не выпускал ее из своих хватких ручищ до самого финала. Они танцевали, Тертерян высокомерно и презрительно бродил по комнатам, я любовался Риммой - в светлом платье, с распущенными рыжими волосами она казалась феей в этой сказочной избушке, окруженной корабельными соснами.

Мы вышли на узкие аллеи с сугробами по бокам, освещенные цветными китайскими фонариками, - там, раскинув пушистые ветви, высилась серебряная ель, словно только что выкопанная прямо со Святой площади у погребальницы Учителя, украшенная гирляндами и горящей красной звездой, прямо около нее сверкал вставленными углями пузатый Дед Мороз, вылепленный руками мужа Няни Тимофея, прошедшего вместе с ПАПОЙ всю его героическую жизнь.

Сияла луна, я посадил Римму на спину и поскакал по аллеям, я скакал, пока не взмок, и мы радостно повалились в мягкий сугроб, обнялись и начали неистово целоваться.

Новый год встретили на высокой ноте, под бой Курантов, в братстве и любви и в пунша пламени голубом, гремел рояль под хрупкими и еще не оплывшими пальчиками Ястребиного Ока Большой Земли, и Челюсть и тут не осрамился, пропел томно "Ямщик, не гони лошадей!" (у него был неплохой баритон), закатывая глаза и вертя лошадиным черепом.

Потом бренчали вилками и ножами о тарелки, кружились вокруг елки во дворе, толкали друг друга в сугробы, играли в снежки, пока на прямые сосны не пали первые блики восходящего солнца.

Спали мы с Риммой в огромной кровати ПАПЫ (по ней скакать бы на вороних с верным Тимофеем, срубавшим шашкой вражеские головы), в его скромной комнате с репродукцией "Утра в сосновом лесу", вырезанной из журнала, - я словно прикоснулся к живой Истории и вышел утром из кровати совсем обновленным человеком, готовым на

подвиги во имя Державы.

Утром пили чай из саксонского фарфора, и снова чуть поблекший за ночь Коленька присутствия духа не терял и потчевал нас вполне достойными английскими анекдотами.

Репродуктор бубнил нечто вроде "подою я, подою черную коровушку, молоко - теленочку, сливочки - мленичочку", его никто не выключал, поскольку и Няня, и Клава с детства привыкли к постоянно включенному радио, несущему свет в трудовые массы.

В разгар чаепития явился ПАПА, не забывший на своем стремительном пути из своего имения в мозговой центр поздравить и облобызать чадо, а заодно и взглянуть краем пронизательного глаза на хмырей, проникших на его дачу. Заговорили об охоте на зайцев - и тут Челюсть не растерялся, сумел поддержать разговор, разжечь интерес и даже дать несколько тактичных советов по поводу стрельбы в зайцев, петляющих по снегу. Выяснилось, что в юности он на них охотился по странному совпадению в тех местах, где родился ПАПА, - тут уже вспыхнули воспоминания, посыпались названия окрестных городов и весей, рек и гор, затем почетный гость выпил рюмку зубровки и так же стремительно удалился.

Свадьбу справляли в несколько смен, как написал бы Чирик, согласно занимаемым должностям. О главной Свадьбе я слышал лишь краем уха от Челюсти ("был приглашен весьма узкий круг, в основном соратники тестя"), второй же очереди удостоились и мы с Риммой, туда пригласили и родителей жениха, проживающих где-то в глубинке, скромных тружеников, боготворивших сына (когда папа натушно говорил тост, мама поддерживала его рукою, боясь, что от волнения он рухнет в обмороке на пол), который не оставался в долгу и стал вывозить их на лето на дачу, где они копались на огороде, рубили дрова и готовили пышные воскресные обеды для молодой четы.

Уже через три месяца капризная фортуна подбросила Николая Ивановича на должность, которую обычно занимали опытные старцы, что не прошло мимо пытливых умов Монастыря, всегда напряженно следящих за кадровыми перемещениями и выискивающих их глубокие корни. В те славные времена Челюсть еще ходил со мной на променады по Мосту Кузнецов и не скрывал, что однажды на охоте в компании тестя наткнулся на предшественника Мани Бобра, которого все боялись как огня. Бобер, естественно, до этого случая Челюсть и в глаза не видел - мало ли бродит по Монастырю гавриков! - но в сближающей обстановке познакомился, оценил, узнал и даже пил с ним спирт из одной фляги. Коленьку подвели к премудрому Бобру красиво, не впахивали прямо в объятия, не стал тесть, умница, выкручивать Бобру руки и сразу требовать для Челюсти кусище от пирога, что обычно рождало бурю в умах, шепоты в кулуарах, завистливые ухмылки и смешки в кулачок, - получил Коля небольшое, но заметное повышение, - наклонил чашу тесть, не пролив ни единой капли.

Челюсть переместился в отдельный кабинет, но без вертушки, без персональной уборной - мечты поэта и без комнаты отдыха с кроватью и телевизором, что полагалось рангом повыше, но зато с правом доступа в начальственную столовую (молниеносный улыбочивый сервис, семга словно от купца Елисеева, заковыристый тертый суп, который нравился Бобру, а затем сменившему его Мане, и потому был в приказном порядке введен в постоянное меню, подобно парикам при Петре Первом, вырезка и т. д. и т. п. и эт цэтэра. Гуторили: один из приближенных крутого Бобра, сидя с ним за одним обеденным столом, позволил себе отказаться от любимого супа шефа и заказать кондовые щи. Мятаж сей

привел к тому, что приближенный был изгнан резидентом в Верхнюю Вольту, откуда, стремясь к реабилитации, сделал боевой вклад в меню: котлеты по-африкански и массой других немаловажных феодальных привилегий, включая ондатровую шапку и парное молоко, отдоенное в день продажи на легендарном подсобном хозяйстве Монастыря.

Первый год мы еще продолжали бурно общаться семьями, исправно отмечая многие праздники, и Челость иногда одаривал нас билетами на спектакли, где тонко намекали на некоторые несовершенства общественного устройства Мекленбурга (отдельным репликам зал храбро аплодировал, словно выходил на Сенатскую площадь), даже пожертвовал однажды талон на ондатровую шапку. В ателье я оказался в двух шагах от самого Бобра - он покорно плелся за мастером с рулеткой на шее и выглядел как обыкновенный уставший старик, которому до смерти надоели служебные дела.

Семейная жизнь рождала новые заботы, и наши кланы постепенно отдалялись друг от друга: Римма жаловалась, что Клава зазнается, а Клава, видимо, решила, что она облагодетельствовала Римму, взяв моего друга в мужья, корабли расходились к своим горизонтам и, в конце концов, застыли на солидной дистанции друг от друга. Медленно, но верно пер Челость все выше и выше, уже неприлично было запросто приглашать его на стопарь в буфетик гостиницы, что на Негрязке, а потом я попал под его кураторство, видел почти ежедневно то у него в кабинете, то в коридорах, радовался его демократизму и приветственному "старик", - как говорит шекспировский Антоний: "О, мои салатные дни, когда я был зелен в своих суждениях!"

...Рэй Хилсмен опоздал на десять минут, на этот раз он восседал в "кадиллаке" с обычным номерным знаком - вполне разумная предосторожность: совсем недавно шалуны-мальчишки, насмотревшись шпионских фильмов, заметили автомобиль с дипломатическим номером в тихой улочке на окраине города, стукнули в полицию, та отстучала в контрразведку, район прочесали и засекли водителя машины - коварного ливийца, который вел сладкие беседы с израильским охранником.

Рэй, не перебивая, выслушал мой рассказ о таинственном незнакомце, так взбудоражившем Генри, и записал кое-что в блокнот.

- Как вы думаете, кто это может быть?

- Этот вопрос я хотел задать и вам! - Я улыбнулся в ответ белоснежной улыбкой.

Он долго рассматривал пакет с адресом, все больше укрепляя во мне подозрение, что вся эта комбинация задумана американцами для проверки честности безупречного Алекса.

- Я должен проконсультироваться с Вашингтоном. Мы можем встретиться завтра?

- Только не в этой дыре, я не люблю Ист-энд. Чем вы тут занимаетесь? Вербуете троцкистов?

- Все-таки вы сноб, Алекс. Как насчет района Баттерси?

- О'кэй!

Домой я поехал через Челси, где заскочил в любимый магазин деликатесов, забитый солеными пчелками, жареными кузнечиками, лягушками и осьминогами, купил там пару банок улиток, которые любила Кэти, а заодно прошелся по Слоун-сквер и взглянул на театральный репертуар "Ройал Корта" - Кэти уже начала доносить меня своими стенаниями о нашей пресной несветской жизни.

На современную драму с ее рассерженными молодыми людьми на грязной кухне меня не тянуло, знал я все эти штуки, что нового могли поведать мне эти актеры? Ходил я только

в Королевский Шекспировский из любви к покойному шекспироведу-папаше (пару раз проводил там моментальные передачи в туалете), что театр для несравненного лицедея Алекса? Семечки! Разве он сам не целый театр? Пожалуйста, на любую роль - от короля до шута! - весь Монастырь забросил бы подрывную деятельность и стоя аплодировал бы в партере!

На другой день я спустился со своих хемстедских холмов в долины Баттерси и остановился прямо у парка, уставленного модернистской скульптурой.

Как ни странно, на лоне природы эти искореженные обрубки отлично смотрелись и нравились даже мне, закаленному реалисту, - в свое время мы с Риммой частенько забегали в музей имени Внука Арапа Петра Великого, где в греческом портике давила своим могуществом гигантская статуя Давида, на которого вечно глазели бойскауты, потрясенные оголенным фаллосом, а их предводительницы, старые девы в красных галстуках, тщетно пытались оттащить племя молодое, знакомое в зал не менее растленных импрессионистов.

На этот раз Хилсмен не опоздал.

- Я связался с директором, - начал он с ходу, - и он высказал интересную мысль. А что если вам поехать самому в Каир и попытаться установить этого человека?

Совершенно не светила мне эта грандиозная идея директора, тем паче, что скорее всего американцы готовили мне проверочную комбинацию.

- Неужели у вас нет другого человека для этого дельца?

- Эти арабы недавно разгромили нашу каирскую резидентуру и арестовали несколько агентов. А вам все карты в руки, Алекс! Кто будет проявлять интерес к австралийскому подданному? Или возьмите другой паспорт!

- Но вряд ли я справлюсь с этим делом один!

- Помните, вы рассказывали о вашем агенте, бывшем египетском после? Кажется, он живет в Монтре. У него наверняка остались связи на родине. Полетите в Швейцарию, а оттуда в Каир. Связь будем держать по телефону, я вам дам незаисчерпанный номер.

Славно работал директор, а точнее сам Рэй, не такой уж болван оказался волшебник Гудвин, все предусмотрел.

- Если вы считаете необходимым, я, конечно, поеду, - скромно согласился я.

- Пожалуйста, подготовьте приблизительный план ваших действий! - завершил беседу волшебник Гудвин. О, эти планы, а я-то думал, что их обожают только в плановом Мекленбурге!

Кэти не пришла в восторг от моей очередной командировки в поисках рынка сбыта для радиопродукции, но истерику не закатила и даже поцеловала в щеку (а заодно и обнюхала на предмет, как выразился бы Чижик, выявления запахов чужих дамских духов).

Поздно ночью я разыграл перед Кэти приступы боли в животе, похожие на аппендицит и, несмотря на ее уговоры вызвать "Скорую", решил доехать до больницы сам, благо она была совсем рядом (Кэти бегала по квартире, заламывая руки), сел в автомобиль, посетил больницу (там, естественно, ничего не обнаружили, но посоветовали не есть ничего острого), затем покрутил по проверочному маршруту и нанес на столб у лавки Рэгги (Чижик сказал бы: на обусловленный столб) меловую черту.

Уединившись в комнате, я составил и зашифровал сообщение в Центр.

"Несколько дней назад ночью к "Эрику" явился незнакомый человек в маске, представился, как Рамон Гонзалес, говорил с ним по-английски с испанским акцентом.

Беседа проходила в темноте, "Эрик" только заметил, что Гонзалес брюнет, хотя, по моему мнению, незнакомец пользовался париком. Гонзалес обнаружил отличное знание всего дела "Эрика", включая обстоятельства его вербовки и связь с "Бертой". Моего имени незнакомец не называл. Целью его прихода являлась вербовка "Эрика", которому был оставлен адрес в Каире для связи.

Об этом визите я сообщил "Фреду", и тот, связавшись с "Пауками", предложил мне вылететь в Каир для установления незнакомца, предварительно заехав в Женеву для встречи с "Али", имеющего в Каире контакты. По моему мнению, "Пауки" начали мою проверку. Срочно прошу указаний по делу, а также условия связи на Каир. Том".

Перед моменталкой я проверялся часа три и взмок от напряжения.

На подходе к магазину "Экспресс" я взглянул на часы - такие операции проводятся секунда в секунду, - свернул за угол и прямо у входа столкнулся с мертвецки бледным парнем с букетом гвоздик (опознавательный признак), который дохнул перегаром и на ходу подставил ладонь. Туда я ловко и сунул спичечный мини-коробок с посланием, - моменталка прошла по высокому классу, паренек спокойно проследовал своим путем, а я, покрутившись в магазине, вышел на улицу, добрался до своей "газели" и возвратился домой.

На следующий день в то же время я снова вошел в "Экспресс" (на этот раз операцию проводил рыжий вахлак в отечественном плаще, от него тоже несло, как из бочки - черт знает что! что они делают у себя в посольстве?) и принял тот же мини-коробок.

Ответ был краток:

"Вам следует выйти на явку в Монтре (Швейцария, рядом с Женевой) 11 января в 17.00. Место встречи: у здания ресторана на железнодорожной станции. Пароль: "Вы не знаете, где здесь кинотеатр "Блюз"? Отзыв: "Не знаю. Я приехал из Брайтона". Запасная встреча на следующий день по тем же условиям".

Я легко зарегистрировал указания в своей феноменальной памяти и, зайдя в туалет, отправил клочки телеграммы в лондонскую канализацию. Неожиданное волнение охватило меня: слишком много иксов и игреков разбросано было во всей этой поездке, да и длинные перелеты в последнее время не вызвали у меня радости, особенно на линиях, где бесчинствовали террористы.

"Газель" унесла меня в районы центра, и вскоре неизвестно почему я запарковался на Бейкер-стрит у паба "Шерлок Холмс", вечно забитого любопытными туристами. В углу зала за стеклом сидело в кресле чучело главного героя с трубкой в зубах, которое взирало на восхищенного доктора Уотсона, замершего с газетой в протянутой руке. ("Сегодня вы надели синие трусы, Уотсон!" - "Холмс, это конгениально, это невообразимо! Как вы догадались?" - "Уотсон, вы забыли надеть брюки!")

Совесть Эпохи, периодически сходявший с рельсов и сотрясавший лучшие кабаки мекленбургской столицы, объяснял свои загулы так: "Знаешь, Алик, утром просыпаешься в дивном настроении, выдуваешь пакет молока, и даешь зарок ничего не брать в рот, по крайней мере месяц, и радуешься своей твердости и своей воле, и, напевая "Легко на сердце от песни веселой", блаженно идешь в булочную за диетическим хлебом. Идешь, идешь... и через два часа почему-то оказываешься на пляже, пьяный вдребадан с таким же надратым забулдыгой, над банкой вонючих килек и бутылками с портвейном "Розовый", Что это, Алик? Почему? Как это произошло? Кто может на это ответить?"

Этот вопрос, достойный Понтия Пилата, не мучил меня, когда я заказал двойную

порцию "Кровавой Мэри" в надежде, что томатный сок заглушит воспоминания о милой кильке, которую и в чистейшем виде не съешь в бывшей "мастерской мира", избалованной устрицами и жареными кузнечиками. Коктейль оказался настолько хорош, что пришлось его два раза повторить, а затем приглотить томатный привкус хорошо отстигиванным "дипломом" (в этом проходном доме, естественно, отсутствовал "гленливет").

Тут навалилась на меня усталость, хотелось сбросить с себя все маски, поплыть по волнам настроения, расслабиться, расклеиться, забыть о Хилсмене, Каире и "Бемоли", поговорить с кем-нибудь по душам, хотя бы с чучелом Шерлока Холмса, маячившим перед глазами.

Пожалуй, только Витеньке я открывал свою душу, ему повезло больше других, ибо кличку он заслужил Совесть Эпохи, хотя при всех своих прогрессивных взглядах и душевности поражал своим баснословным распутством: влюблялся по уши почти каждый месяц, безумно боялся жены, что еще сильнее толкало его на самые рискованные приключения, страдал постоянно и томился духом и охватывал своим любвеобильным сердцем даже академические городки в восточной части Мекленбурга, где регулярно мотался в командировках.

Особенно жаловал Витенька чужих жен, и они платили ему преданной взаимностью, ухитрялись даже проводить с ним счастливые ночи (перед своей вечно свирепой женой Витя прикрывался пьянством, валившим его с ног на раутах у приятелей, которых насчитывалось несметное количество), усыпив бдительность своих мужей легендами, которым позавидовали бы асы секретной службы.

В нашем кухонном парламенте мы спорили с Витенькой о большой политике и мекленбургских нравах, спорили шумно и откровенно, называли вещи своими именами, но на всякий случай пускали на полную катушку песни бардов, воду и радио. Совесть Эпохи свято верил в просвещенный абсолютизм, а покорный слуга, отравленный зловонными ветрами западных демократий, жарко отстаивал принципы Французской революции с ее свободой, равенством и никому не нужным братством.

Я завидовал вольной жизни Совести Эпохи, читал восторженные письма его поклонниц, покоренных силой его эрудиции и черной бородою с проседью, - иногда я сам мечтал отрастить такую, уйти на покой, пристроиться сторожем в Идеологической Школе, сидеть себе в валенках у входа, попивать чаек с ванильными сухариками, а ночью, когда здание опустеет, заглотнуть свой стакан и закемарить сном праведника.

- Что ты делаешь с собою, Алик? - говорил мне Совесть Эпохи, надравшись, как зюзя. - Брось свою муру, займись делом, хотя бы переводами - они нужны малограмотному населению, а ты все-таки кумекаешь кое-как на своем английском! Или займись наукой, еще не поздно, хотя с твоею сытою мордочкой лучше не соваться в интеллектуальную среду... Но я тебя могу взять с собою на восток, в один научный городок, где светлые головы и неиспорченные девушки, которые наставят тебя на путь истинный. Уходи, мой друг, ведь просто неприлично потратить всю жизнь на шпионство!

- Что ты понимаешь в разведке? - орал я в ответ. - Что ты о ней знаешь? Ни одна страна не может жить без разведки! Правительству нужна информация, и я добываю ее, словно шахтер, рубящий уголь, я рискую жизнью ради тебя, дурака, и всего народа! А твои светлые головы уже превратили Мекленбург в край законченных идиотов! Что понимают эти недоучки в науке? Какая вообще может быть наука в таком государстве, как

Мекленбург? Нет, Витюша, поезжай на восток один, я не поеду с тобою, тем более что ты постоянно пьешь бормотуху и даже не в состоянии оценить "гленливета"!

- Риск... информация... шахтеры... брехня все это! Ты просто любишь комфорт, Алик, ты - пижон и обыкновенный жандарм! Мекленбургский вариант Рачковского - царского заграничного резидента.

- Ты молчал бы, чайник! - возмущался я. - Лучше на себя посмотри!

- И посмотри! - орал он. - Ты знаешь, что я великий микробиолог? Что мои труды печатают на Западе? Что иностранные академики считают для себя великой честью пожать мне руку? Это ведь не шпионская работа!

- Плевать мне на твой вонючий Запад! А твоей наукой у нас в Мекленбурге только подтираются! Что простому человеку от какой-то микробиологии, если он стоит в очереди за свеклой? Народ проживет без твоих научных идей, а без меня его сожрут с потрохами враги и кости выплнут в помойную яму!

- Кто? Кто?! - бушевал он. - Какие враги? Кто на нас нападет? Кому мы нужны? Да я счастлив буду, если нас завоюют! Наконец-то в стране будет нормальная система!

- Не зря вас, диссидентов, лупят по мордасам! Пятая колонна! Неужели ты бы смог жить под немцами? - Я играл на эмоциях, зная, что отец Виктора погиб на фронте.

- Под немцами в тысячу раз лучше! Я недавно был во Франкфурте и пил шнапс с чудесным фрицем...

- Он тебе, безвалютному командировочному, поставил рюмку шнапса - вот и вся цена твоей национальной гордости!

- Какая тут, к такой-то матери, может быть гордость?! Беги, пока не поздно, из своей навозной ямы! - продолжал орать он. - Уходи хоть в говновозы!

Ностальгия по дому проснулась во мне, хотелось продолжить спор с Совестью Эпохи, поставить его на место, все объяснить и все разжевать. Не нравились мне этот вояж в Каир, поиск Рамона и прочие испытания судьбы.

В общем-то, работа по установке неизвестных граждан очень сходна с деятельностью ассенизатора, и эту печальную мысль пришлось омочить еще двумя порциями благословенного "димпла".

После такого славного заряда Шерлок Холмс шевельнулся в кресле, лукаво мне подмигнул и пригласил посоветоваться по поводу возможных похитителей голубого карбункула. Я не стал с ходу принимать приглашение и сначала освежился бутылкой "шабли". Теперь уже отборный овес виски смешался с помидорами "Кровавой Мэри" и виноградниками Шабли, где пажи графиню... ублажали.

Брат Шерлок продолжал подмигивать, дерзкие мысли бились в голове, как вытянутые на берег рыбы, - Совесть Эпохи уже давно бы помчался стаскивать с трафальгарской колонны статую адмирала Нельсона. Я тоже решил не отставать, допил "шабли", элегантно подошел к великому сыщику и вступил с ним в умный диалог - тут появился разгневанный хозяин, и мне пришлось выйти из паба твердым шагом королевского гвардейца.

Душа рвалась немедленно в Каир, минуя филистерскую Швейцарию, на поиски коварного незнакомца, под пули арабов, и, самое главное, жизнь представлялась совершенно бессмысленной без бутылки "гленливета".

Искать его пришлось долго: в самом светском "Монсиньоре", что на приюте

гурманов Джермин-стрит, "гленливета" не оказалось, но пришлось по вкусу кондовый "тичерс", хотя шел он неважно и потребовал вмешательства хереса и кофе. Далее упрямый Алекс блуждал на машине в поисках ресторана "Шотландский клан", который по идее ломился от "гленливетов", там меня и остановил полисмен, величественный, как Саваоф: "Сэр, вы едете по правой стороне!" - "Разве?" - Лицо Алекса ангельски спокойно, глаза чисты и лучезарны, речь отчетлива, как у диктора Би-би-си, такое наступало после жбана кофе. - "Извините, сэр, я не заметил знака!" - Разворот и лихая парковка около "Этуали". Счастье всегда неожиданно: именно там и подвалили "гленливет" и заодно юная негритянка из Камеруна, черная как смерть и лепечущая по-французски чуть лучше сеттера миссис Лейн, - бутылка "редерера" за дикую бардачную цену и плавный переход в номер почти рассыпавшейся гостиницы напротив.

Сияла ночь, фунты стерлингов сыпались, как алмазные звезды с неба, луной был полон сад, Черная Смерть (остроумнейший Алекс еще не совсем растерял мозги) мылась в ванной, я обрел второе дыхание и позвонил Хилсмену прямо домой. К телефону подошел сам император ослов.

- Это вы, Рэй? - начал я певучим лирическим тенором а-ля Карузо.

- Да. А это кто?

- Ваш старый друг... - Я уже шептал и пыхтел, как чайник, переходя на дурной женский голос. - Я люблю вас, люблю безумно и безнадежно!

- Кто это говорит?!

- Это Аллен, Рэй! Не узнаете?

- Что за шутки? Какой Аллен?

- Аллен Даллес. Вы что? Забыли бывшего директора ЦРУ? Звоню из нашей базы в аду. Отсюда неплохо видно... что вы замышляете в районе Уайт-чейпла... среди троцкистов...

- Ах, это вы, Алекс! - Довольно быстрая реакция для сноповязалки. - Что так поздно? Что случилось?

- Рэй, мне очень вас не хватает, и я хочу с вами выпить.

- Что-то у вас с голосом... Откуда вы звоните? - Он был явно обеспокоен.

- Из бардака, ваше преосвященство!

- Кто-нибудь есть рядом? Вам неудобно говорить?

- Черная Смерть, сэр. Она отмывается от моих страстей!

- Какая Черная Смерть?

- Моя! Моя!

- Вы что-нибудь пили? - Все-таки деликатны эти янки, позвони я в таком виде Мане, тут же увезли бы в выгрезвитель с последующим разбором на монастырском вече. (Впрочем, ходили слухи, что сам Маня однажды вернулся на бровях с какого-то приема и прямо на лестнице был излупцован разгневанной супругой, употребившей в этих благородных целях войлочный шлепанец.)

- Ни капли! Но очень хочу выпить с вами... это очень важно, И срочно.

- Может, перенесем на завтра?

- Через час жду вас в пабе "Шерлок Холмс". Захватите на всякий случай оружие...

Я повесил трубку. Две тонкие черные змейки обмотали мою шерстяную грудь²⁸ - это Черная Смерть выпорхнула из ванной с чарующей улыбкой, переросшей в сияющее солнце после того, как звякнул о стол кошелек с пиастрами.

"Газель" оседлать я не смог (полагаю, что совал ключ не в замок зажигания, а в прикуриватель) и добрался до паба на такси. Там я снова восстал из пепла, как птица Феникс, пил с Рэем на брудершафт, приглашал его вылететь вместе в Каир и, наконец, допил до ручки и довел до такой же кондиции Хилсмена (так по крайней мере мне казалось), который неожиданно решил уехать в загородную резиденцию. В машине Рэя я сначала пел романсы, а потом мирно заснул.

Проснулся я в замке - голова разрывалась на части²⁹.

- Доброе утро, Алекс! Ну вы и гуляка! Немного кофе? - В дверях стоял Рэй.

- Не отказался бы от баночки холодного пильзнера.

- Ни в коем случае, нам надо еще поработать. Одевайтесь, и приступим к завтраку,

В голове еще сладко варились алкогольные смеси, я быстро вскочил, сделал серию мощных упражнений и принял холодный душ. Поработав на гладильной доске с утюгом (мой костюм с Сэвилл-стрит был словно изжеван и выплюнут той самой короной после того, как она напрыгалась с фермером), я вышел к завтраку бодрый, оптимистичный и надутый до одурения дешевым одеколоном, который оказался в ванной.

Четыре бокала грейпфрут джуса, три кофе - и перед страдальческой физиономией Рэя сидел уже не опустившийся алкаш, нарушавший покой героев Конан Дойла (трогательный пиетет к автору я пронес с раннего детства, где на книжной полке рядом с важно испещренным "sic!" и "N.B.!" "Капиталом" и удивительно ясным и понятным "Кратким курсом" стоял толстый томик с любимым "Голубым карбункулом"), а элегантный джентльмен с чуть усталым, но приятным лицом и умными глазами.

- Вот вам на всякий случай югославский паспорт, Алекс, пожалуй, в Каире он больше подойдет... Скажите, а вы не допускаете мысли, что это проверочная комбинация Центра?

- В чем ее смысл? - удивился я.

- Вам перестали верить и специально разыграли всю эту историю с Генри.

- Совершенно это исключено! Какие у них основания? Скорее это ваши проделки! - Я хохотнул и почувствовал, что меня чуть подташнивает - не пей херес, дурак Алекс, будто ты не знаешь, как вредны для печени крепленые вина!

- Опять вы за свое, Алекс! Откуда у вас такие мысли? Выпейте еще кофе! Какой нам смысл направлять своего человека к вашему Генри? Неужели нет иных способов?

- А почему бы и не направить? - усмехнулся я, - Напрасно вы мне не доверяете, У меня много недостатков, но есть одно достоинство: я никогда не вру! (Бедная моя душа, гореть ей в аду вместе с Алленом Даллесом!) Если я уж перешел Рубикон и пошел на риск, то иду со своими друзьями до конца с открытым забралом. Держу пари, что это ваш человек,

- Клянусь, что нет! - Играл он так же искренне, как и я, нам бы обоим в Королевский

²⁸ Еще одна деталь очень мужской анатомии Алекса. А в голове играло: "Пятнадцать человек на грудь мертвеца, йо-хо-хо!" - и бутылка рома!"

²⁹ Мое состояние точно передает анекдот: "Похмельный фермер пришел подоить утром корову, но никак не мог отстоять соски дрожащими руками. Вдруг корова открыла рот: "Ты пил вчера?" - "Надрался, как зюзя!" - "Мне жаль тебя, дядя. Знаешь, что сделаем? Крепче держись за соски, а я буду подпрыгивать".

Шекспировский. - Уверю вас, что мы не знаем этого человека!

- Откуда же он узнал об "Эрике" - не отставал я.

- Все это нам вместе предстоит распутать...

- Окей! Не будем спорить! Допустим, я устанавливаю этого человека, но он отказывается от контактов со мной. Что делать?

- Возвращайтесь в Лондон, Мы задействуем другие силы.

- А если меня хватает полиция?

- Это уже слишком. За что?

- Не знаю. Но что мне делать в этом случае?

- Строго придерживайтесь легенды, звоните в Лондон по телефону, который я вам дал. Скажете, что это телефон вашей фирмы. Вы чем-то недовольны?

- Скажем прямо, что не очень вы беспокоитесь о моей безопасности.

- Не стоит преувеличивать степень риска. Что вы еще хотите от нас?

- Мне нужны деньги, и немалые... - Я нежно улыбнулся. - Сколько вы мне даете на всю командировку?

- Мы оплатим все ваши расходы. - Он усмехнулся. - За вычетом трат на "гленливет" и негритянок.

- Хорошая работа требует качественных напитков и таких же ласк.

- Только не входите в штопор. Вчера я еле-еле уговорил хозяина не вызывать полицию. А насчет безопасности вы глубоко ошибаетесь: для нас это святое дело! - Повезло знакомым ветерком из Центра.

- Извините, Рэй, за вчерашнее. Я доставил вам массу неудобств. К тому же вы не ночевали дома...

- Я предупредил жену, - быстро перебил он меня, чувствуя, что я выпущу из своего ядовитого рта какую-нибудь гадость.

Мудрейший Рэй смотрел вперед, я же вчера совершенно забыл о Кэти, даже ни разу о ней не вспомнил, словно она и не существовала. И когда под вечер я явился домой, по квартире бродили свинцовые тучи.

- Извини, Кэти, что не мог тебе позвонить. Я напился и провел ночь у приятелей... (О, Совесть Эпохи!)

Только покаяние спасает грешника, кайся, мой друг, кайся, тут не придумаешь внезапный вылет в Шотландию для закупки радиоламп. Кэти пожала плечами, я подошел и обнял ее, но она мягко увернулась и вышла в другую комнату.

О, знакомые сцены! У всех они разворачиваются по своему сценарию! Римма любила мажор, героическую симфонию, во время которой летели на лестничную площадку мои пиджаки и галстуки. Тут же пахло сдержанностью и уникальной английской недоговоренностью: урюмое, словно чугунная сковородка, молчание, торжественно-спокойный ритуал собирания чемодана, прощальный взгляд сквозь горестно мигающие ресницы (кроме раздражения, ничто не шевельнулось у меня в груди), поворот, медленный стук каблучков по паркету в надежде, что я брошусь вслед с песней "Вернись, я все прощу тебе, вернись!" - тут я уже люто ненавидел Кэти, но последовал вниз до самого такси, лепеча нечто вроде "что за глупости? стоит ли ссориться из-за пустяков?".

Такси отчалило от тротуара, мигнуло на повороте красным светом тормозных фонарей, и я остался в одиночестве, расстроенный и опечаленный, хотя лишь минуту назад

только и мечтал о том, чтобы она ушла и попала под колеса.

- Какая очаровательная у вас жена!

За спиной стояла миссис Лейн с зонтиком в руках, ей и псу уже не гулялось, так и жгло любопытство - в кратер вулкана полезли бы, чтобы проникнуть в тайны моего семейного счастья.

- Спасибо, миссис Лейн. Надеюсь, вы в полном порядке? - Я улыбнулся и, почти перескочив через препятствие, улизнул в дом.

На следующее утро хорошо отдохнувшее тело Алекса уже колыхалось на мягких сиденьях авиалайнера Лондон - Женева, а чуть позже в экспрессе Женева - Монтре.

Монтре, открывшийся передо мною из окна поезда, в эти дни межсезонья выглядел совершенно раздетым, словно обобраным до нитки. Там, где обычно лепились цветные, зазывающие кафе и магазины, где рябило в глазах от мелькающих флажков, чаек! парусов, рекламы и человеческих лиц, стояла угрюмая и бесцветная тоска - лишь одинокие фигуры прогуливались по набережной.

Поезд с честным гражданином Австралии (и Югославии) остановился у вокзальчика и выпустил на перрон целый легион лыжников, переливающихся всеми цветами радуги. Гремя лыжами и галдя, они окунулись в слепящие лучи горного солнца и двинулись всем кагалом к лыжной станции.

- Как я мечтаю побывать в Монтре! - говорила Римма. - Как прекрасно написал о нем старик Эрнест!

Тогда в Мекленбурге нашей молодости вдруг издали Хемингуэя, и голодное студенчество, измученное духовной диетой, яростно набросилось на него и заодно на "Анизет де Рикар", столь же неожиданно (как и все в Мекленбурге) выброшенный на прилавки, - то самое перно, которое распивали все герои потерянного поколения в уютных кафешках на Монмартре.

Римма читала мне вслух о похождениях мистера Уилера в Монтре и о том, как падал снег на перрон, и как Уилер зашел в ресторан и дурачил официантку, а она дурачила мистера Уилера ("Фрейлин, если вы пойдете со мной наверх, я дам вам триста франков!" - "Какой вы мерзкий!" - "Триста швейцарских франков!" - "Я позову носильщика!" - "Носильщики мне не нужны, мне нужны вы!"), причем американец знал, что наверху помещений нет, и фрейлин тоже знала и жалела об этом, и было грустно, и на платформу падал снег.

Потом мы разыгрывали этот рассказ в лицах и хохотали до слез (Римма играла мистера Уилера, а я - официантку), мы тогда любили друг друга и не скушали вместе...

И вот все наяву: и снег, и рестораник, и даже носильщик, ушедший греться в вокзал - точно так же в мою жизнь всплыли миссис Лейн с сеттером, выплыв из каких-то романов Диккенса, - вот он, Монтре! До явки оставался целый час.

Я поднялся по деревянным ступеням в ресторан, где прислуживал расплывчатого вида швейцарец, равнодушный и к похождениям мистера Уилера, и к чувствам своей уже почившей предшественницы, и к самому писателю, пустившего себе пулю в рот из охотничьего ружья.

Я заказал женевер, на перрон падал пушистый снег, стрелки часов медленно ползли к пяти.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ТРЯПКИ, ПРОПИТАННОЙ ОДУРЯЮЩЕЙ СМЕСЬЮ, ПЕРЕД МНОГООСТВОЛЬНЫМ ПИСТОЛЕТОМ-ПУЛЕМЕТОМ СИСТЕМЫ "ВЕНУС", КАЛИБР 5,6 ММ, СКОРОСТРЕЛЬНОСТЬ - 5000 ВЫСТРЕЛОВ В МИНУТУ

"Однажды мои соседи обнаружили у себя в квартире странные явления: каждую ночь что-то упорно и долго шелестело в мусорном ведре, и каждое утро отходы обнаруживались в самых не подходящих для них местах. Стали исчезать картошка, лук... Крысы!- мелькнула догадка. Сердце у соседей екнуло и наполнилось до краев чувством брезгливости. Бр-рр-р! Что делать? В панике бросились за помощью на дезстан-цию ГУЗМ".

Газета "Красная Пресня", апрель 1990 г.

Много неожиданностей сваливается на голову нашего брата: и забудешь о левостороннем движении, и кейс с секретными документами вдруг раскроется на глазах у полиции посредине площади de la Concorde, и соседа по коммуналке встретишь в снегах Килиманджаро, но я обомлел, когда увидел внизу знакомые уши, приделанные к лошадиному черепу в вязаной красной шапочке. Это был он, незабываемый и яркий, как явление Христа народу, - на плечах лыжи и небольшой рюкзачок (о, мастера легенды!) - он дергал головой и косил глазами по сторонам, пытаясь нащупать запрятавшихся в горных пещерах мышек-норушек с подозрными трубами. Любой читатель низкосортных детективов без особого труда распознал бы в нем иностранного шпиона: вот он будто бы небрежно прошелся по перрону, любясь восхитительнейшими альпийскими пейзажами и вдыхая озон иссохшей от кабинетных сидений грудью, - беспечный турист, искатель наслаждений, великий спортсмен! Поправил красную шапочку, еще раз оглянулся вокруг (чего бояться, мой друг кондовый? диппаспорт всегда уберезит тебя от неприятностей, в худшем случае дадут коленом под зад, как персоне нон грата, - это тебе не сырая камера с зарешеченным окном, не допросы с детектором лжи и не пуля в спину за попытку к бегству!), чуть выпятил свою мощную челюсть, развернулся и, как напуганный гусь, поплыл обратно по перрону. Все это будет пересказано им в праздничных тонах Мане и Бритой Голове, разукрашено до неимоверности и, уж конечно, укрепит его оперативную репутацию - повешает он им на уши о своих подвигах, и тещю голову заморочит, и не только ему.

Я допил свой женевер, расплатился с безликим официантом и встал.

Без одной минуты пять, невероятная оперативная точность.

Начальственная спина Ника маячила в конце дороги, около буйных кустов, торчащих во все стороны, как волосы сумасшедшего, - он повернулся, и мы пошли на сближение, постепенно превращаясь в двух старых знакомцев, залетевших на знаменитый курорт то ли для принятия грязевых ванн, то ли по пути к дому Чарли Чаплина в Веве, то ли к месту убийства Воровского в Лозанне, а скорее всего для совместного перехода через Альпы под водительством непобедимого Суворова.

- Как тебе нравятся мои лыжи? - Мы, естественно, отбросили все формальности с паролем, а его рапирало от гордости за лыжную легенду, столь надежно камуфлирующую

весь его подрывной рейд на горный курорт, - представляю, как он опускается на личном самолете на тайную встречу на международной авиационной выставке в Фарнборо.

- Грандиозная выдумка! Я не знал, что ты ходишь на лыжах. Как доехал?

- Все чисто. Проверялся часа три. С контрнаблюдением. Как у тебя?

- О'кей! Честно говоря, не ожидал тебя увидеть. Что-нибудь случилось? Может, зайдём в ресторан? - Я был любезен, как королевский мажордом.

- Не стоит, вдруг там "жучки"! Давай лучше погуляем, так спокойнее... - Легкий втык дураку Алексу, вечно забывающему о конспирации. - А потом я пройду на лыжах, не зря же я их тащил.

Уже виделся его отчет: "После тщательной проверки с использованием машины, электрического поезда и автобуса, я в точно обусловленное время вышел на встречу с тов. Томом"... Интересно, захватил ли он с собою лыжную мазь?

- Что нового дома?

- Все в порядке. Твои здоровы, любят и целуют, - коротко/ответил он, давая понять, что сейчас не время для лирических отступлений.

Мы двинулись вверх по дороге, истоптанной жажущими и страждущими лыжниками. Впереди чернели подъемники, внизу за тонкой пленкой снежной пыли дрожали бледные контуры Монтре.

- Сначала расскажи мне подробно о всех своих делах. Конечно, все твои сообщения мы изучали очень внимательно, но на бумаге не изложишь всего...

- Чтобы не забыть: на моменталку со мной выходил один рыжий из посольства, - капнул я, - так у него плащ... прямо ширпотреб, сразу видно, из какой он страны...

- Спасибо. Конечно, мелочь, но, как говорят, дьявол прячется в мелочах. - Он что-то черкнул в блокноте.

Мы медленно шли по дороге, и я рассказывал ему в занудных деталях о всех душераздирающих приключениях с Генри, о своих контактах с Хилсменом и допросах на детекторе лжи и, конечно, о загадочном визите.

- Что ж, тебя можно поздравить... внедрение проходит нормально, без особых осложнений. Очень хорошо, что "Эрик" получил у "Берты" шифры: это укрепляет твоё положение, поднимает ценность выданных тобою людей. Думаю, нам не следует форсировать "Бемоль", а дожидаться спокойно, когда сами янки окончательно убедятся в твоей честности и начнут давать тебе серьезные задания. Только так мы выйдем на Крысу. Но встретиться мы с тобой решили вот по какому поводу: месяц тому назад в Мадриде исчез некто Евгений Ландер, скорее всего он встал на путь предательства и попросил политического убежища. Вот его фотография и описание.

Я увидел фото шатена с густыми волосами и крупным, чуть крючковатым носом, на котором сидели роговые очки.

- Ты его не знал? - осведомился Челюсть.

- Не помню. Вряд ли.

- Ему 37 лет, рост 178, вес 85, лицо, как ты видишь, овальное. Руки маленькие, некрасивые... он грызет ногти. На правой части подбородка - бородавка. Знает он испанский и плохо английский, несколько лет работал в Латинской Америке. Оставил жену и троих детей. Что еще? Мы проанализировали все его дело и пришли к выводу, что ни тебя, ни твою агентуру он не знает и знать не может!

- И все же ты меня спросил...

- На всякий случай. Извини, старик.

- И какое это имеет ко мне отношение? - Известие меня насторожило.

- Я не исключаю, что это он нанес визит Генри.

- Но ты сам говоришь, что он никак не касался моих дел.

- Это по официальным данным... А в жизни все бывает, А вдруг он связан с Крысой? - Челюсть посмотрел мне прямо в лицо.

- Я уже думал об этом. Даже если Крыса знает Генри и его шифровальщицу, то мне ничего не грозит: это знают и американцы. Главное, чтобы Крыса не знала о "Бемоли"!

- Тут ты можешь быть уверен на сто процентов! - Голос его прозвучал так торжественно, словно он открывал юбилейный вечер Самого-Самого.

- А этот Ландер не может быть той самой Крысой, которую мы ищем?

- Я лично не могу дать тебе определенного ответа. Но все руководство уверено, что Крыса знает гораздо больше, чем Ландер, который не занимал в службе большого положения.

- Допустим, что это Ландер. Как я должен действовать? Челюсть почесал свое великолепное ухо.

- Действовать ты должен сугубо от лица американцев - они же послали тебя в Каир!

- Ну, а дальше? - У меня даже руки покрылись потом.

- Самое лучшее, если ты уговоришь его сотрудничать с американцами и выехать в Лондон...

- А если он уже сотрудничает?

- Мы хотели бы, чтобы он находился под твоим... как это лучше сказать?, покровительством. А вообще ты ориентируйся по обстоятельствам. Есть информация, что он пишет о нас сволочную книгу, и, конечно, очень важно его нейтрализовать...

Я достал из кармана плаща перчатки и, сохраняя невозмутимость египетской мумии, натянул их на пальцы. Налетел легкий ветерок, раздувая снег.

- Как это нейтрализовать? - сыграл я ваньку.

- Ты сам понимаешь... не маленький!

- Я должен его???

- Что за чепуха, Алик? Разве ты не знаешь, что после убийства Бандеры мы уже не занимаемся террором? Что это строго запрещено? Эдак у тебя может создаться впечатление, что я даю тебе санкцию на убийство. Конечно, если Ландер на тебя нападет, ты можешь принять меры самообороны... Но в принципе мы планируем его перевербовать. На родине у него осталась семья, так что кое-какие карты у нас есть. Он должен поверить, что ты американский агент... Тяни его в Лондон, под свое крылышко, опирайся на помощь Хилсмана, если, конечно, в Каире...

- Что в Каире?

- Строго между нами. Считаю сразу, что этого разговора не было. Как нейтрализовать его без скандала? Политическая обстановка в мире сейчас смягчает, и правительство не простит нам скандала и обвинений в терроризме. Но ты пойми меня правильно: если ты увидишь, что обстоятельства сложились благоприятно, допустим, вы гуляете вместе с Ландером и подходите к краю пропасти. Конечно, это метафора...

Я феерически расхохотался, представив мифического Ландера, склонившегося над

пропастью, по краю которой мы гуляем, и себя, нежно толкающего его кончиком зонта в спину.

- В общем, мы даем тебе карт-бланш, старик. Главное - вытащить его в Лондон и начать разработку. Кроме тебя, для этого дела никого нет.

- Благодарю за доверие! - Я кисло улыбнулся. - Ты привез условия связи на Каир?

- Все как в аптеке, старик! - Он достал из бокового кармана миниатюрное издание "Гамлета". - Все заделано в обложку. И очень подходит под твою биографию. Вообще ты молодец, Алик, и служба высоко тебя ценит. Работашь ты смело. Вот Тацит³⁰ пишет, как персы брали Вавилон, закрытый наглухо, вооруженный до зубов. Знаешь, что сделал хитрец Дарий, персидский царь? Он нашел смельчака, своего близкого друга Зомира, который отрезал себе нос и уши и попросил Дария выпустить его в Вавилон, как перебежчика. Казалось, что легенда была железнее железной, но Зомир не предпринял никаких действий, зная подозрительность вавилонцев.

Ему пришлось несколько раз разбить войска Дария, чтобы заслужить доверие вавилонских военачальников. Только после этого он открыл Дарию ворота, и Вавилон пал! Вот так, Алик! Учись! Что наша "Бемоль" по сравнению с этой операцией? - Он поднял перст.

Хорошо быть Дарием в комфортабельном кабинете, любоваться памятником Несостоявшемуся ксендзу, навещаясь в скромные домишки на Застарелой площади, гораздо хуже бродить по Пиккадилли в виде рядового фирмача с еще необрезанными ушами и носом.

- А почему ушел этот Ландер? - поинтересовался я.

- Что такое предательство? Загадка! Разве возможно это понять? Горький писал, что психология предателя - это психология тифозной вши! Но скорее всего он озлился потому, что его не поднимали по должности.

Он поправил красную шапочку и умиротворенно улыбнулся своему старому другу.

Что ж, не только Ландеру задерживают повышение, некоторые трудяги тоже ждут не дождутся своей очереди, нет же у них, бедняг, Мохнатой Лапы Тестя, живо взявшего за бороду Бобра, а потом оседлавшего Маню.

- В общем, Алик, я тебя сориентировал. А в остальном следуй линии Хилсмана... Мы не слишком задерживаемся? Мало ли что... Сумасшедшие цены в этой Женеве, Клава просила купить ей кое-какие мелочи, но с нашими командировочными...

Я залез в боковой карман и вытащил оттуда тысячу долларов.

- Ты что? Я просто так сказал. - Он даже оттолкнул меня руками.

- Дома отдашь. - Я засунул деньги в карман его куртки, опыта в этом деле у меня было предостаточно, начальство тоже люди, и им надо отламывать от пирога.

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а денег не имею, то я - медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы передвигать, а не имею денег, - то я ничто! - одна язва таким образом переиначила Евангелие, специально для наших трудов на материальной основе.

На дорогу выдвинулось крохотное кафе, у входа загорали, забросив ноги на столики,

³⁰ Челюсть держал Тацита и еще кое-кого в кабинете для показухи.

румяные лыжники, гоготали и дули дымящийся глинтвейн.

- Выпьем виски?

- Я последнее время не пью, сердце пошаливает...

Майн Готт, до чего доводит кабинетная работа! И это при личной врачихе с замашками шлюхи, при тщательных обследованиях на японской аппаратуре в специальном отделении монастырской поликлиники, куда допускались лишь апостолы, чье драгоценное здоровье играло особую роль в судьбе народов Мекленбурга.

- Выпей клюквенного сока!

Он внимательно наблюдал, как я смакую двойную порцию виски, врубаясь носом в ароматы шотландского вереска.

- Какой прекрасный у них сок! - Челюсть испил свой бокал до дна. - Тебе все ясно?

- Предельно. Особенно насчет пропасти. - Виски перезарядил аккумулятор моего неистощимого остроумия,

- Все это очень серьезно и не мое изобретение.

Я допил виски и встал.

Мы поднялись к трехэтажному деревянному дому - лыжной станции, украшенной флагами всех счастливых наций, от которой начинался пологий, искрящийся на солнце, ослепительно белый спуск. Челюсть оставил куртку и рюкзак в раздевалке и предстал в красном свитере, видимо, купленном в Женеве вместе с шапочкой на казенные деньги для всей этой умопомрачительной операции.

Мы спокойно и без эмоций распрощались.

Я смотрел, как его неуклюжая масса сползает вниз по блестящему полотну, представляя себе, как ахнет Маня, услышав, что его боевой зам в целях Конспирации молнией мчался на лыжах с Монблана (видимо, другой вершины Челюсть не укажет). Эпизод этот запишут в обезличенном виде во все учебники для подрастающих поколений, как образец эффективной работы, и никому не придет в голову, что главный герой спектакля, элегантный, спокойный человек с ровным пробором смотрел в это время в спину улетающему лыжнику, обмозговывая, как ему приказали, сложившуюся ситуацию, а потом пошел в сортир и долго мыл руки пахучим мылом - жаль, что Челюсть не забрел сюда, тут я бы ему напомнил, что в общественных уборных Монастыря, которыми начальство не пользовалось, всегда валялись грязные обмылки бельевого мыла в волосах - хозяйственная служба сэкономила на мелочах, экономика была экономной.

На горных вершинах дышалось как в раю. Я вернулся в кафе, утопающее в заходящих солнечных лучах, купил газету и заказал бифштекс с луком и полбутылки красного вина. Что пишет свободная пресса? Каникулы на Барбадосе подобны бесконечному празднику, вы будете потрясены цветом и бурлением жизни, вы полюбите его парки и пляжи, тут жаркие долгие дни и прохладные ночи, Барбадос длится и не кончается никогда, спешите приобрести брошюру туристской фирмы Томаса Кука, она работает каждый день, включая субботу и воскресенье (глоток вина); рекомендуем круиз по Греции, правительством приняты строгие меры против терроризма, порты охраняются, багаж проверяется, корабли подстрахованы водолазами с опытом работы в королевском флоте, в портах работают три тысячи полицейских и отряды командос (глоток вина); спешите полюбоваться подсолнечниками в Арле, некогда нарисованными великим Ван-Гогом, который сошел с ума и откусил ухо своему другу Гогену, а потом откусил и себе, спешите

на фестиваль танцующих змей, всего лишь 18 фунтов в день, охотники могут выехать на сафари в Африку, пострелять львов и тигров...

Глоток вина, бифштекс сочился и таял во рту. Римма говорит, что я много пью, но как можно не пить на такой работе? Никто не хочет брать на себя ответственность и в то же время все хотят, чтобы самоотверженный Алекс хлопнул изменника... тс! тс! что я говорю? чтобы изучил обстановку вокруг него, именно вокруг, вывез в Лондон и подружился. Может, коньяку? Хватит! Впрочем, Черчилль пил коньяк каждый день, не выпускал сигары изо рта и дожил почти до 100 лет, а один английский министр иностранных дел отличился на приеме: "Мадам, мне очень нравится ваше красное платье!" "Я не мадам, сэр, я папский нунций", - смех и слезы! Кто стоит у руля державы? Только у нас в Мекленбурге все трезвенники, правда, рожки у всех кирпичика просят, но это мелочи, на вкус и цвет товарища нет! ладно, я встречу с незнакомцем, посмотрим, кто он такой, а там видно будет... В грязную историю я не полез, нашли дурака, работай сам, брат Челюсть, нейтрализуй, ради Бога, я и так иду по канату, мое дело "Бемоль", и кто знает, что в башке у Рэя Хилсмана. Шуточка ли - убить человека! прекрасно все это выглядит только в теории! - поезд Монтре - Женева шел мягко и плавно, - то мороз, то кипятки, то леденеет голова, то дымятся ноги, полгода на подготовку операции, поиск экзекутора, миллион долларов за исполнение главной партии, тренировка в темноте из снайперской винтовки с оптическим прицелом. Все не так просто, надо сначала изучить маршрут движения объекта, зафиксировать его походы в городской кафедрал (славно в свое время поработали баски, взорвав испанского премьер-министра Карьера Бланке! Тонны динамита лежали в туннеле, а боевики, переодетые в рабочих службы связи, тянули шнур нагло по улице и замкнули его прямо на глазах у охраны - автомобиль долетел до пятого этажа, такой был взрыв!), а потом на пути... Правда, с Ландером дело проще. Хватит на эту тему, можно с ума сойти! Фантазия моя, пламенея, рисовала черт знает что: я уже нес в больницу изуродованный труп Ландера, под автомобиль которого только что швырнул бомбу, потом пытался отравить его цианистым калием во время обеда, но он не клевал на мои трюки и то отставлял в сторону тарелку, то ронял бокал, словно Крыса уже сообщила ему о наших планах... карамба!

Я чуть не выпал на пол из своей полудремы. Поезд огибал каменистый горный склон, Женевское озеро потемнело, как перед бурей, напротив меня упивался шпионским триллером глестообразный облезлый господин, даже не подозревая, что перед ним сидит живой персонаж его романа. Как часто, толкаясь в мекленбургском метро, мне хотелось закричать: "Люди! Знаете, с кем вы соприкоснулись плечами? Знаете, кого сдавили до полусмерти?! Я тот самый, тот самый герой вашего времени! Я не придуман, люди, я живу среди вас, я работаю на вас, не смотрите, что на мне подержанная кепчонка!.." Но девушки скользили по резиденту равнодушными глазами или вовсе не замечали - им бы красавцев эстрады, рассказывающих в красках о подвигах разведчиков, им бы шоферов, хитро выглядывающих из черных лимузинов и предлагающих поразвлечься! о времена! о нравы! прости, холодный Мекленбург, прости, мой край родной!

На следующее утро я уже сидел в приозерном ресторанчике и терпеливо наблюдал, как ковыляет по набережной агент "Али". Я не видел его добрых пять лет, лицо его совсем пожелтело, скукожилось и затерялось в морщинах.

- Саям апейкум! - Мы встретились, как добрые друзья, обнялись и коснулись друг друга нежными щеками. - Никан не ожидал вас увидеть. Вы проездом?

- Присаживайтесь, пожалуйста, - рассыпался в любезностях я. - Кофе? Бренди? Хотя... если мне не изменяет память, вы пьете только чай?

- Ваша память работает как часы на женевской ратуше! Так что же все-таки приключилось, Алекс?

Любознательство бродило по его сморщенному, как кора векового дуба, лицу. Только тогда я заметил, что говорит он неестественно громко.

- Чуть потише, Хабиб...

- Что? - прокричал бывший посол.

- Чуть потише, пожалуйста.

- Говорите чуть громче, Алекс, у меня стало плохо со слухом...

- Я собираюсь в Каир и хотел попросить вашей помощи. У вас, наверное, остались там контакты?

- Да... кое-что есть. Теперь я никому не нужен... А помните, как мы славно работали? Помните, какие документы я вам передавал до пенсии? Сверхсекретные!

Заявление сие прозвучало на такой оглушительной ноте, что несколько человек за столиками обернулись.

- Давайте сначала попьем чаю, а потом прогуляемся и все обсудим, - проорал я ему прямо в ушную раковину, исходя ненавистью. Он мотнул одобрительно головой и замолк, словно оглушенный молотом. Мы молча пили чай и улыбались друг другу пока, наконец, муки ада не закончились и мы не вышли на набережную.

- Кто вам нужен в Каире? - прокричал он.

- У вас нет хорошего установщика?

- Мой двоюродный брат работает в полиции... он мне кое-чем обязан.

- Если я обращусь к нему от вашего имени... ему можно доверять?

- Полагайтесь на него так же, как на меня! - Я внутренне заржал, ибо в тех краях никому нельзя верить даже на йоту: обжулят, обчистят, продадут с потрохами, - Сделайте ему от моего имени подарок, он это любит. Купите какие-нибудь солидные швейцарские часы, не очень дорогие, конечно...

В тот же день я купил серебряные квадратные "Лонжин" и вылетел в Каир.

В Каире я уже не был давным-давно и помнил лишь заброшенное кладбище под палящим солнцем, моя память не напоминала густонаселенных мест, не вбирала в себя ни шпили ратуш, ни палаццо, ни музеи - каждый город ассоциировался у меня с некими подсмотренными деталями: полусумасшедшая улыбочка сторожа центрального собора - это средневековый Брюгге; черная длинная юбка, и рядом аккуратно вычищенные ботинки - это Керстнер-штрассе у собора святого Стефана, жемчужины Вены; Мюнхен - это стойка с дымящимися сосиски ми и туристские фиакры, которые тянут вымытые до блеска коняги, и колеса поскрипывают: со-сис-ки, со-сис-ки! Дублин - это дешевый виски и зажигалки; Бейрут - это теплое море и пляж с купальщиками, а в миле - снежные горы и лыжники.

Во время своих первых вояжей я осматривал в каждом городе достопримечательности, выписывал в блокнот названия картин и имена художников, лазил по замкам, кафе драпам, музеям часов, детских игрушек, военной формы, орудий пыток, а потом все смешалось и перепуталось, узелки завязывались как попало: вот божья коровка на потрескавшемся фонтане недалеко от королевской площади - это Копенгаген! Вот бродяга, допивший мою кружку пива, когда я на минуту отошел в сторону, - это Милан! Вот

прищуренные глаза из-под широкополой шляпы и бурдюк на поясе - это, конечно, Севилья, нет, нет! Мадрид! Именно в этот день сорвалась операция - и играют взволнованно заросшие известкой кровяные сосуды: Мадрид - Париж, Париж - Мадрид, как будто в суете дорожной хотя бы на миг один возможно ушедший день восстановить... Где же истина, почтенный Пилат? Неужели весь этот калейдоскоп и есть моя неповторимая жизнь? А где радость бытия, счастье любви и дружбы? Кто вечно подмаргивает и прихотывается, раздавая крапленые карты? Жил-был маленький Алекс, носил его на спине работяга-папа на первомайские праздники, светило солнышко и светились Усы, потом Алики вырос, и повзрослел (мама на стене карандашом отмечала, как он вытягивался), и однажды видит: бежит за ним черный пудель. - "Пудель, пудель, кто ты такой?" - "А зачем тебе это надо?" - "Просто так". - "Просто так ничего не делается. Пиши расписку кровью, что отдаешь мне душу, - тогда скажу". Коготок увяз - всей птичке пропасть, и не вырвешься из этой петли, не вздохнешь. *Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по ведению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд. Аминь!*

На чем они взяли Ландера, а если не взяли, то на кой дьявол ему политическое убежище? На что он рассчитывал, переходя на Запад? Или прищучили на бабе и на вечно необходимых звонких монетах? Интересно, а я бы мог дерзнуть на Запад? Допустим, меня соблазнили, купили, заморочили голову, силком затянули в западню и выхода нет: или - или, товарищ Том, выбирайте! Не выбрал бы свободу - и не потому, что твердокаменный и люблю отчизну пламенно и верно, а просто уж лучше подчиняться своему дураку, чем чужому, шпион ведь не скрипач, которому на Западе открыты все двери, у шпиона лишь один вход, над которым горят красные буквы: "предательство", и опять надо стоять на задних лапках, когда хочется послать подальше. Боже, Боже, какая мешанина у меня в голове! Заглянул бы в нее Маня - сразу бы получил материал для выступления на активе! В отставку вам пора, сэр Алекс, бегите вместе с Офелией в монастырь! В Монастырь? Ха-ха! *Я емь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который еиш, и был, и грядет, Вседержитель.* Будем надеяться, что это не Ландер, а какой-нибудь авантюрист или американский агент. Впрочем, Ландер тоже может быть црувским мальчиком, почему бы нет? И небось считает себя святым Себастианом, начальником стражи у римского императора Веспасиана, предавшим Рим ради христианства! Ерунда! Головушка твоя глупая, Алекс, о чем она думает? Вот и белые мечети Каира, самолет пошел на снижение, там прекрасная рыба "черный султан" и на каждом углу продают сок, выжатый тут же из апельсинов, к черту все эти дурацкие мысли вместе со святым Себастианом и Ландером. Я есть Альфа и Омега. Аминь.

В Каир мы прилетели поздно, я быстро устроился в "Шератоне" по югославскому паспорту, довел до кондиции фантастический пробор, опрыскался "ярдли" ("взгляд твоих черных очей в сердце моем пробудил...") и вышел на ночные улицы, переполненные бездельниками. Лавки и все заведения будто только сейчас открылись, ярко горели фонари, и навстречу валил гогочущий, цокающий и сверкающий зубами мужской поток (женщины в это время еще трудились на кухне). На асфальте рыночной площади сидели менялы, разложив перед собой все виды мировых валют, рядом в лавке я приобрел несколько золотых безделушек для Кэти и Риммы, торгош угостил меня душистым, черным, как смола, кофе, я покорно смотрел, как он обсчитывает меня, явно завышая цены, - "Запад есть Запад,

Восток - Восток, и с места они не сойдут, пока не предстанут небо с землей на страшный Господень суд". Я есмь Альфа и Омега. Кэти без слов проглотит эти колечки, а Римма начнет ахать и охать по поводу моего дурного вкуса, в драгоценностях она разбирается не хуже ювелира и хранит их в ларце с серебряным ключиком. С этим ларцом она однажды и покинула меня навсегда (в который раз!), захватив Сережу, и не без ужасных оснований: роман Алекса с дикторшей Центрального телевидения, которую знала каждая собака, - вариант смертоубийственный для нашего брата, всегда норовящего спрятаться в темном углу, подальше от людских глаз.

Представлялся случайным встречным и как иностранец, и как дипломат, но все равно прокололся, и о романе вскоре узнала вся столица, - о, муки мои! О, блуждания по квартирам приятелей с трепетом еще не пойманного вора! О, мои мокрые ладони, когда во время трапез в ресторанах к ней подходили знакомые и незнакомые, бравшие автограф! Если бы не Витенька, добрая душа, внимающая бедам своих ближних, если бы не каморка, которую он снял для своих тайных утех и благородно давал мне в пользование на пару часов, пролетающих, как молния! Отвлекающие запахи подгоревшего масла из кухни, скрипучие шаги соседей, узнавших в лицо мою избранницу!

Правда, Совесть Эпохи сам и обрубил чугунную цепь, приковавшую меня к Прекрасной Даме: однажды я увидел его, топающего под ручку с ней по весенним лужам (закадрил ее сразу, гад, зачем я его только с ней познакомил?), и на этом закончилась сказка, к тому же карьера робота Алекса только начинала раскручиваться, а дикторша... что дикторша? Фиаско, конец всему, отставка - и я даже радовался, что она меня отсекла, иначе пропустили бы любвеобильного Алекса сквозь строй и расстригли бы одним махом! Шпион и дикторша - две вещи несовместные, как гений и злодейство, долго еще пахло гарью, слухи держались, их жальщее эхо донеслось и до Риммы не без дружеского участия Большой Земли, подцепившей эту сенсацию из уст всезнающего Коленьки (он, впрочем, красиво сыграл от борта в угол: "Клава болтает, что у тебя роман с Н. Н. Что за чепуха? Никогда не поверю! Ты же не такой дурак, чтобы из-за какой-то вертихвостки ставить на карту всю жизнь? Тут выговором не отделаешься!"). Именно в то время и произошел отъезд навсегда с ларцом и Сережей к маме, неделя увещаний и клятв в верности - раскаленными клещами не вырвать признания вины у стойка Алекса! - и наконец возвращение в родные пенаты под звуки семейных литавр.

Потолкавшись в толпе, я забрел в "нон стоп" и немного посмотрел на Джеймса Бонда, который шагал в водолазном шлеме по камням и водорослям меж проплывающих акул. Глубинные бомбы, сброшенные торпедным катером, взрывались белыми пенистыми фонтанчиками, увлекая за собой песок и разорванных в клочья осьминогов, собрат по профессии наконец выкарабкался на берег, словно оживший утопленник, тяжело затрещал ногами по гальке, плюхнулся на землю, стащил с себя резиновый бред, под которым оказался черный смокинг с гвоздикой в петлице, прыснул на резину из портативного аэрозоля, чиркнул зажигалкой - пламя и пепел - и двинулся на подвиги в ботинках, оставляющих на земле следы коровьих копыт. Вылитый сэр Алекс!

И вдруг мне показалось, что и визит незнакомца, и встреча с Челюстью, и откровения насчет Ландера являются частью совершенно секретного и изощренного плана Монастыря, по которому приносили в жертву не только Генри и всю честную компанию, но и славного Алекса... чем черт не шутит? "Бемоль-2"? "Пианиссимо"? "Аккорд"? - не зря ведь

преподавал Бритая Голова в музыкальной школе!

Утром после кофе и тостов с горьковатым джемом из апельсиновых корочек, после элементарной проверки (в арабских регионах обычно не блистали хитроумными методами, а прямо приставляли олуха, топающего по пятам), я с трудом разыскал телефонную будку и связался с родственником Хабиба. Встретились мы через несколько часов в скромной чайхане, расписанной павлинами, там и получил мой новый знакомец коробочку с первоклассным "Лонжином", долго упирался и отбивался, словно невинная девица, пока я не сунул ему подарок в карман, а он все равно возражал, как будто ничего не произошло и ничего ему в карман не попало. Список жильцов дома на авеню Либерти? Известен ли каирской полиции человек по имени Рамон Гонзалес? Или Ландер? Если известен, то как он характеризуется? Какие на него данные?

- Могу я поинтересоваться, что это за человек? - Родственничек был хитер, как лиса, и все время улыбался.

- Банальная история. Муж сбежал от своей жены и не хочет платить по векселям. Она обратилась в наше сыскное агентство. - Я вытащил одну из своих многочисленных визиток.

Египтянин сочувственно покачал головой, поцокал языком, попросил позвонить ему домой на следующий день и заспешил на работу, ласково поглаживая карман со швейцарскими часами.

Я вышел вслед за ним под печальные пальмы, простершие свои уставшие крылья, и присел на край фонтана. Спина родственника медленно удалялась, он обернулся и помахал мне рукой (видимо, на пути успел, сволочь, разглядеть часы), я помахал в ответ и двинулся на поиски арендной компании, продираясь через полчища услужливых чистильщиков, на ходу норовящих обработать ботинки щеткой.

В конце концов мне удалось арендовать "фиат", вполне отвечающий скромным потребностям Али-бабы, и я влился в монотонное стадо ишаков, машин, велосипедистов и мулов с повозками.

Адрес оказался не рядом с кладбищем, на что тайно рассчитывала некрофильская часть моей англосаксонской, с примесью кенгуру, души (я долго бродил однажды среди пирамид, где крутились бродяги и нищие, ловя туристов; пыль, возможно, прах истлевших фараонов, забивала рот, это вам не Волкове кладбище, где деревянные мостики устилают заболоченную землю и прохладно даже в жару), а в бывшей английской части города, напоминавшей спуск по Мосту Кузнецов с банком, книжными магазинами, домом моделей и уборной на углу Негрязки.

Я прошелся по району, обнюхивая все и вся вокруг, словно сеттер миссис Лейн, и вскоре разыскал адрес: шестизэтажный дом с балконами, на первом этаже которого помещалась фирма "Нияр" и небольшой галантерейный магазин.

Оставив "фиат" за углом, я подошел к подъезду и взглядом обитателя дома на Бейкер-стрит, недавно поруганного надравшимся охломоном, впился в таблички с фамилиями жильцов, расположенных рядом с кнопками. Никакими Гонзалесами и Рамонами там и не пахло, одни арабские фамилии, хотя среди них и несколько европейских: мистер Д. Смит, мистер П. Гордон и некая Дормье.

Сзади зашуршали шаги, я ткнул пальцем в кнопку "Нияра", дверь заскрипела и поддалась. Вслед за мною, дыша в спину раскаленными пустынями Востока, проскользнула

растрепанная египтянка в темных очках, а я прошел к застекленной двери "Нияра" и вступил в овеваемый кондиционерами холл.

Навстречу поднялся худой араб в рубашке с короткими рукавами.

- Что угодно, сэр?

- Извините, мне нужно обменять часы... Сказал и чуть не прыснул от хохота: все равно что спрашивать в овощном магазине грелку.

- Часы?! - Только на Востоке пока еще не разучились так по-детски удивляться.

- Разве это не часовая фирма? - Я тоже удивился, аж уши зашевелились.

- Вы, наверное, ошиблись, сэр...

- Видимо, да. Извините.

Араб вежливо качал головой и улыбался.

- Как тут у вас комфортабельно! - Я выглянул в дверь, выходящую в сад. - Настоящий оазис!

- Можете осмотреть его, сэр. Тут есть уникальные растения.

- Спасибо! - для приличия я покрутил слегка взопревшей, но прекрасной головой. - Вам не мешают дети жильцов?

- Садам владеет фирма. Жильцы им не пользуются. Правда, мы разрешаем одной старушке отдыхать здесь в кресле...

- Похвально... все мы должны быть милосердны. В доме много бедных людей? - Я сердобольно хлопал глазами, как добрый дядя, готовый пожертвовать миллион.

- Тут живут люди среднего достатка. Есть, правда, один банкир... мистер Калак, за ним обычно приходит "роллс-ройс", - я тут же сделал себе зазубрину в памяти.

Большого я из него не выжал, пересек улицу и, усевшись в кафе, заказал гамбургер и стакан оранжада. Подход к подъезду отлично просматривался сквозь выдраенное до блеска витринное стекло, редкие автомобили иногда на миг отсекали подъезд от моего соколиного глаза. Идиот Джеймс Бонд проторчал бы в этой харчевне целый день, обожрался бы гамбургерами, лопнул бы от сока и в конце концов насторожил бы своим разбойным видом толстого хозяина бара, который, не раздумывая, позвонил бы в полицию. Но умный Алекс был из другой породы, и, перекусив, перегнал "фиат" к обочине напротив подъезда, где и простоял до вечера, радуясь, что неподвижный наблюдатель видит гораздо больше, чем наблюдатель движущийся.

Люди входили и выходили, но, увы, не мелькало среди них шатена с густыми волосами, сложения плотного, с крупным, чуть крючковатым носом, с маленькими руками и обгрызенными ногтями - в Каире ли ты, Евгений Ландер по кличке "Конт" (кличку, ясно, дал Чижик после семинара по философии), или это не ты, а незнакомец, выпущенный как подсадка для охотничьего выстрела Алекса?

Вечером я выдал звонок счастливому обладателю швейцарских часов.

- Рад слышать вас, Джон³¹ но, к сожалению, человека с такой фамилией в Каире нет. По крайней мере по нашим архивам он не числится.

- А вы не пробовали проверить его по дому?

- К сожалению, - он вздохнул для пущей убедительности, - у нас там нет возможностей... извините!

Поразительный гад, по харе было видно! Если в Европе за взятки хоть что-то делают, то тут, как и в родном Мекленбурге: тащат, тянут, но никто и пальцем не шевельнет, чтобы выполнить обещание! Берите, родные, но делайте дело, черт побери!

Точно такие же чувства я испытывал, когда мы с Риммой решили обменять нашу однокомнатную квартиру на более просторные хоромы. И обменяли с помощью Большой Земли, имевшей благодетеля в важном органе, человека, между прочим, просвещенного, с нежной любовью к Баху и поэзии Малларме, - в конце концов, мы въехали в новое жилище и вручил я благодетелю портативную заморскую систему. И вдруг грянул гром: арестовали благодетеля за злоупотребления и полились из него, как из рога изобилия, фамилии клиентов - так я попал к черноголовой нечесаной следователше, нещадно смолившей сигарету за сигаретой. Допрашивала она меня жестоко, поняла, что подцепила жирного караса, и не брезговала испытанными и безотказными средствами: мигом устроила очную ставку с благодетелем.

- Вы показали, что получили в награду систему "Сони".

- Да, совершенно верно!

- Полная ложь! - Это голос возмущенного Алекса. - Ничего я не давал! - И тут в благодетеле что-то шевельнулось, видимо, не зря читал Малларме, понял, дуралей, что глупо топить своих, кто же вызовет потом из ямы?

- Да, он прав... В прошлый раз я соврал... Трудно сказать, почему... Ничего мне не давали.

- А в этот раз вы не врете? - В выражениях тут не стеснялись.

- Сейчас я говорю правду...

Но дело на этом не закончилось, хватка у следователши была бульдожьей, но разжали вскоре ей челюсти невидимые ангелы-спасители, выпустили Алекса на волю, оставили стража закона с носом и с перхотью на плечах незапятнанного мундира.

Если берешь, то делай и не подводи, как благодетель, полицей вонючий, а то бросил пловца в открытом море - пришлось названивать в справочное бюро, чтобы получить домашние телефоны мистера Д. Смита, мистера П. Гордона и мадемуазель (или мадам) Дормье, проживающих на Либерти-стрит, а потом совсем поселиться в телефонных будках.

Д. Смит, 8.30 утра - нет ответа, 10 часов - нет ответа, 10 вечера - нет ответа. С П. Гордоном дело обстояло чуть лучше: 8.30 - хриплый голос, мычание еще не закланного агнца. 10ч. - нет ответа (ушел, видимо, на работу), 8.30 вечера - тот же, уже раздраженный голос.

Затем я оседлал Матильду (так я окрестил мадам Дормье, мурлыкая в момент телефонной операции "Где же ты, Матильда? Где же ты, Матильда? Что ты делаешь, Матильда, без меня?" - между прочим, песенку эту исполнял Челюсть на плохом французском), которая отзывалась на все звонки хорошо поставленным голосом профурсетки, валяющейся целый день на тахте после ночных подвигов.

После этой первой рекогносцировки я нацелил свою неиссякаемую энергию на П. Гордона и на следующий день, в восемь утра, замер в своем "фиате" напротив подъезда, надеясь, "то оттуда выползет все же крупный, чуть крючковатый нос, либо иная европейская физиономия. Очень хотел я, чтобы оттуда все же выкатился "Конт"-Ландер,

³¹ Ему я представился как Джон Грей в память о зеленых деньгах, когда в возрасте десяти лет сидел я на коленях у девятиклассницы, а она пела: "Денег у Джона хватит, Джон Грей за все заплатит, Джон Грей всегда гаков!"

все стало бы на свое место; но передо мной проходили лишь *арабы*. (Почему бы "Конту" не скрываться в арабском одеянии? Чем черт не шутит? Ведь совершеннейшим арабом выглядел полковник Лоуренс Аравийский среди бедуинов!) Вот и выплыл явный П. Гордон, очень похожий на Виталия Васильевича, нашего соседа по этажу, работавшего на Застарелой площади, - через него Римма доставала Сказочные Сосиски производства мясокомбината им. Гибкого Политика (8 час. 20 мин.), красномордый толстяк.

Гордон уселся в белый "рено" 1147 и отвалил (тут же звонок на квартиру, никто не отозвался) - первая удачная идентификация личности.

К девяти вышла из подъезда неустановленная европейская пара (молодой мужчина средней упитанности, похожий на "Конта" не более, чем я на П. Гордона, но, возможно, Смит), зафиксировал я на всякий случай и несколько арабов, которых награждал кличками, достойными интеллекта Алекса. "Коротышка", "Скелет", "Мертвый Дом" (не зря коллеги по Монастырю завидовали моей буйной фантазии и, не умея придумать ничего, кроме "Фиалки" или "Сокола", выпрашивали хорошие клички, которые я и раздавал со всей щедростью своей необъятной австралийской души).

Европейская пара в 11 часов вернулась в дом. но телефон Смита молчал - стало быть, таблички у подъезда неточно отражали ситуацию в доме, что и подтвердилось к трем часам, когда у меня на заметке уже числилось человек пять европейцев - полная путаница, какой-то проходной двор - что мне делать с этим кодлом? что делать вообще дальше?

Телефон Смита был глух, Матильда же целый день сидела дома (не к ней ли ходили европейские клиенты? почему только европейские? арабы весьма жалуют француженок), в конце концов я полностью запутался и решил встать на скользкий путь: получить информацию от кого-нибудь из жильцов, как делается в цивилизованном Мекленбурге, если нет под рукой ценного агента - дворника.

Начал я, естественно, с установленного П. Гордона (он же "Задница", кличка, конечно, не находка, но меня раздражало от злости), когда он вернулся домой на своем "рено", уже съжал свою свиньячью ногу, но еще не залез под ватное одеяло.

- Извините, сэр, моя фамилия Джон Грей (на англосакса югославский вариант произвел бы плохое впечатление - они славян и в грош не ставят), я недавно прибыл из Лондона и хотел бы поговорить с вами по одному делу.

Мистер Гордон по моему мягкому акценту сразу распознал во мне представителя бывшего доминиона.

- Судя по всему, вы - австралиец... заходите, пожалуйста!

Наступая на полы длинного махрового халата, брошенного на мощные окорока, Задница провел меня в гостиную и любезно усадил в кресло.

- Как погода в Лондоне? - Слава Богу, он оказался англичанином с хорошими викторианскими замашками, всегда озабоченным превратностями климата, как-то слишком частые по сравнению с восемнадцатым веком дожди, ужасные смоги, усугубленные дымом из каминов, и общемировое потепление, грозящее придвинуть льды к Альбиону.

Я не стал разбивать его привычные представления и сразу же вылил ему в душу ушат бальзама:

- Вполне приличная, хотя иногда мучат сильные смоги. - Он сочувственно закивал головой, словно я глотал у него на глазах проклятую сажу. - Вы давно были в Лондоне последний раз?

- Вы будете смеяться, но никогда! - Значит, Задница принадлежал к когорте старых могокан, навеки осевших в бывшей колонии.

- Я работаю в сыском агентстве. - Я показал документы. - Мы проводим розыск одного преступника... - Дальше пошла вся мура насчет исчезнувшего мужа.

- Я сразу понял, что вы из полиции, - бодро прореагировал Задница, радуясь своей догадливости.

- По некоторым данным, этот человек бывает в вашем доме, Это шатен, с крупным, чуть крючковатым носом..., - Далее я точно воспроизвел все тонкие описания Центра.

- Что-то не припомню такого... - Тут он просто стал вылитым Виталием Васильевичем в те минуты, когда я вытягивал из него все подоплеку кадровых перемещений на Застарелой площади и прогнозы на долгожительство Самого-Самого.

- А вы не знаете господина Смита, он тоже живет в вашем доме...

- Во всяком случае, он совершенно не похож на человека, который вам нужен...

- Извините, сэр, а чем он занимается?

- Честно говоря, я не знаю... мы не знакомы близко... - Задница несколько окаменел и насторожился,

- А француженка этажом ниже? - напирал я, как танк.

- Не знаю... Я не интересуюсь жизнью своих соседей. Он оторвался от кресла и встал.

- Спасибо за помощь! - сказал я со скрытой ненавистью. О, этот кодекс джентльмена! О, проклятая порядочность!

Он проводил меня до дверей и с удовольствием щелкнул замком, словно по носу следопыту Алексу.

Я барахтался в океане неизвестности, никто не протягивал мне руки, не светились нигде зеленые огоньки надежды, беспредельно пусто и холодно было вокруг, ямщик, не гони лошадей, прощай, мой табор, пою в последний раз! Так разбивается вдребезг любая операция, так идут прахом все грандиозные расчеты и планы, утвержденные на Эвересте власти, - все упирается неожиданно в маленькую незначительную деталь, в гвоздик, в винтик, в шуруп.

О, Грандиозные Замыслы и Хилсмена, и Центра, крутитесь вы сейчас вокруг одной-единственной и важнейшей оси - скромного человека с ровным пробором, застывшего в раздумье на лестничной площадке! Повернись он сейчас, плюнь по неизжитой привычке на пол и выйди навсегда из подъезда, и останутся Грандиозные Замыслы витать в синем небе, как обрывки призрачных облаков, пусть даже Самый-Самый бьется о стену дурной головой, кипя от гнева и требуя немедленного воплощения в жизнь "Бемоли".

Но Алекс не из той породы, которая при первом же киксе вешает нос и опускает руки, не зря в Монастыре ставят в пример его настойчивость и изобретательность (кто бы еще выходил на запасные встречи с агентом по одиннадцать раз, не теряя надежды? и не напрасно, ведь оказалось, что агента хватил инфаркт и он отлеживался в больнице!). На этот счет у Риммы есть простое: "Ты упрям, как осел! Сколько раз я тебе говорила, что нужно закрывать хлебницу?! И когда наконец ты будешь вытирать ноги? Не могу же я целый день убирать за тобою песок!" - И я твердой поступью сошел к двери распутной француженки.

Вместо измученной наркотиками и сексом гризетки с сигаретой в размалеванных губах и выпирающим из платья измятым бюстом, передо мною предстала худосочная дама в круглых очках, что придавало ей удивленный вид. Грудь же выглядела вполне пристойно и весьма сексапильно.

- Извините, мадемуазель, что нарушаю ваш покой, - начал я на своем французском, похожем на ковыляние клячи по неровным булыжникам дореволюционной Негрязки, - не знаете ли вы, где находится мистер Смит, проживающий в этом доме?

- А разве его нет? - Голос звучал по-юному, хотя прекрасному телу уже перевалило за балзаковский возраст. - Я видела его буквально несколько дней назад. Вам он очень нужен?

- Да... я приехал в Каир на несколько дней, у меня к нему небольшое дело...

- Ах, вы не местный... - В ее глазах мелькнуло любопытство. - И как вам нравится Каир?

- Не могу сказать, что я в восторге от него. К тому же очень мало европейцев, а это создает для меня сложности.

- Увы, но многим пришлось уехать. Все эти правительственные эксперименты пугают нас. Человек любит стабильность, а местный политический климат³² к этому не располагает. Может быть, вы зайдете? Извините, что я в халате. - На ней были белые одежды, именуемые галабеей, в которых ходит пол Каира, особенно эффектно они выглядят на толстозадых мужчинах, катящих на велосипедах; в этом случае концы халата связываются на животе, придавая нижней части особо выразительные формы.

Вороной жеребец помахал надушенным хвостом ("взгляд твоих черных очей...") и ступил золотыми копытцами в покои. На секретере стояли пишущая машинка с грудой чистой бумаги и тарелка с надкусанным кексом. Интеллектуалка Матильда тут же плеснула мне кофе из журчащего агрегата и удивленно (удивление, как улыбка Чеширского кота, не сходила у нее с лица) уселась напротив меня на соблазнительную кушетку из серии рекамье (по фамилии разнузданной мадам, которую обожал один из Людовиков).

В воздухе вдруг забродили вредные флюиды, которые словно мухи забивали мне рот, лишь только я собирался сверкнуть фейерверком своих проверенных шуток.

Мы молча пили кофе, и моя немеркнущая мысль судорожно искала спасительный рычаг, чтобы выйти из неловкой напряженности, и снова крутилась хрупкая ось, которая могла неожиданно лопнуть, снова Великий План завис в воздухе, как бумажный змей, и с неба слышались громовые слова Бритой Головы: "Да этот Алекс полный мудака! Сидит рядом с бабой, дует кофе, поглядывает на нее, улыбается и не знает, как ему поступить! И зачем мы держим на службе таких кретин? А вы еще предлагаете его на выдвижение! Посадите на его место моего денщика Петра, и он мигом решит эту задачу!"

Благороднейшая Бритая Голова, высоковельможный и превосходительный мессер, святейший и блаженнейший отец, поверьте, думал нижайший Алекс и об этом варианте, взвешивал плюсы и минусы, *pros and cons*, не дураки же мы, ваше благородие! - и Алекс допил кофе и встал, чего, конечно, никогда не сделал бы почтенный маэстро Петр.

- Благодарю вас за любезность. Кофе был превосходен. Очень рад был с вами познакомиться.

- Не стоит... мне было очень приятно, - лепетала она.

Уже в дверях я притормозил, как лимузин президента, и, выдержав прекрасную паузу, молвил как бы раздумчиво:

- Вы не обидитесь, если я задам вам один вопрос?

³² Когда в устах женщины звучит "политический климат", ее невольно переносишь из одного класса в другой.

Она напряжилась, как ракета перед взлетом, и выросла в такой гигантский вопросительный знак, что меня взял ужас.

- Не отказались бы вы поужинать со мною?³³

Под удивленными очками задрожала недоуменная улыбка, но мяч уже прошел мимо ноги защитника прямо в ворота.

Очки любезно кивнули, и, озаренный их лунным сиянием, ошарашенный Алекс бежал вниз по лестнице.

Визит в дом, беготня и нервотрепка стоили больших сил, кружилась голова и хотелось спать; я отъехал на другую улицу, откинулся на сиденье и закрыл глаза. Как это у Уильяма? Фраза, которой пользуется каждый, кому не лень? Весь мир - сцена, и все мы - актеры с нашими выходами и уходами! Боже, как я устал, как мне надоела, как ненавижу я свою роль! Чем я занимаюсь вообще? Сколько можно играть роль двуликого или многоликого Януса? Ради чего все это? Нужен ли я народу Мекленбурга и стране или она плюнет на меня и пригвоздит к позорному столбу? Неужели я лишь игрушка в руках бритых голов, дерущихся за власть ради власти? Нет, я не возбуждал добрые чувства своей лирой и не восславил в свой жестокий век свободу, я ничем не лучше обыкновенного филера, неутомимого топтуна, шаркающего под окнами, только я заграничный топтун, осетрина первой свежести! Бог с ним, с Совестью Эпохи, грехов его не сосчитать, но он движет прогресс, делает науку, корпит над своими трудами... его кирпичик хорошо виден в большом здании... А мой? Да есть ли он вообще? Ничего нет, я плыву в пустоте и совершенно одинок... Нет! нет - успокаивал меня слабый голосок, - тебя любят Римма и Сережка, сын гордится тобою и тем, что ты герой невидимого... тыфу! Сергей! Что ты знаешь обо мне и о моей работе? Ложь и еще раз ложь - вот она, моя жизнь! Ах, если бы я мог начать все сначала, мог покаяться, если бы я верил в Бога!

Я положил голову на руль, и в вымученное воображение пришел добрый человек с бородой, похлопал меня по плечу и успокоил - похож он был немного на Зевса, немного на Льва Толстого. О Алекс! Что творится в твоей голове? Тебе ли травиться опиумом для народа? Представь округленные глаза Мани и упавшую на паркет челюсть Челюсти! Еще скажи, что ты не согласен с князем Владимиром и никогда не позволил бы сбрасывать Перуна в воды Днепра! Кто ты вообще такой? Мусульманин? Язычник? Христианин? Оставьте, леди и джентльмены, не вешайте ярлыки, я просто очень устал и хочу спать. Хорошо бы немного "гленивета", но тут пьют зловонную араку и даже дезинфицируют ею воду перед тем, как хлебнуть из арыка.

Постепенно я отдышался и по дороге в отель задействовал экстренный вызов, переданный мне Челюстью.

На следующий день с газетой "Таймс" в кармане (заголовком наружу) и в темном галстуке в белую крапинку (опознавательный признак) я прохаживался около кинотеатра "Бронзовый жук".

Мой контакт оказался оплывшим потным дядей, страдающим одышкой, - после обмена паролем мы двинулись по улице сквозь толпы арабов. Мой визави сопел и поглядывал на меня с явным неудовольствием.

³³ Прием нехитрый, прямо скажем, что рассчитан на дурака, но ведь среди людей приходится работать, а не в салонах, где Монтегские и мадам де Сталь!

- Буду краток, - начал я. - Вы можете помочь мне с установкой одного человека?

Дядя подергался в своем парусиновом пиджаке (ему бы сейчас еще соломенную шляпу и в дачный поселок Грачи, что по Беломекленбургской дороге) и на секунду задумался.

- Я должен запросить Центр, - родил он мысль.

- Зачем? Это же простое дело!

- Мы должны иметь санкцию Центра...

Черт побери, бюрократия проела Монастырь, как моль: все страховались и перестраховывались, координировали и утрясали, стыковали и расстыковывали! Какая тут работа? Муть, а не работа!

- Но если Центр даст санкцию, вы сможете осуществить установку в два-три дня? - Я еле сдерживал ярость.

- Боюсь, что нет, - отвечивал пиджак, - наши возможности сейчас серьезно ослаблены...

- Так какого черта вы мне морочите голову Центром?! Сказали бы прямо! - Подвешивать таких нужно за одно место.

- Вы голос на меня не повышайте, я вам не подчиняюсь!

- Если бы вы мне подчинились... - Я плюнул в стену (хорошо, что не прямо в рожу пиджака), повернулся и ушел в никуда, - пусть не подчиняется, очковитиратель, пусть возмущается и строчит на меня кляузу! Вот и вся цена помощи Центра, горите вы все синим пламенем!

В тот же вечер я позвонил очкастой Матильде.

- Извините, мадемуазель, это тот человек, которого вы угощали прекрасным кофе...

- Кстати, вы забыли представиться...

- Петро Вуколич, или просто Пьер. Вы свободны завтра вечером? Не могли бы поужинать со мной?

- С удовольствием. В какое время?

- Вас устроит девять часов? Это не поздно?

- Каир в это время только начинает жить! - В этом я не сомневался, уже в печенках у меня сидели эти гудящие толпы здоровенных мужиков, наводнявшие улицы с наступлением темноты.

На следующий вечер ровно в девять я уже раскрывал дверцы "фиата" перед Матильдой (она же Грета Дормье), выглядевшей вполне съедобно в отлично сшитом белом костюме.

- Честно говоря, меня очень удивило, что вы из Югославии, Пьер. Где вы выучили французский? Я думала, что вы англичанин.

- Уже после войны наша семья оказалась за границей. - Я вздохнул. - Пришлось мыкаться по свету. Сейчас я живу в Англии, вы угадали...

- Меня всегда интересовали славянские языки... - сказала она, и я напрягся: только еще не хватало, чтобы она кумекала по-сербски! - Между прочим, вчера вечером я видела Смита. Он уезжал по делам в Александрию. Я сказала ему, что его разыскивает один симпатичный джентльмен.

- Благодарю вас, сегодня же ему позвоню. - Я старался говорить как можно небрежнее, хотя так и подмывало послать ей последнее "аде" и взлететь одним махом на

этаж мистера Смита.

Ресторан для ублажения француженки я подобрал шикарный, словно заживо вынутый из славных колониальных времен, когда людоеды-цивилизаторы, славно поэксплуатировав днем несчастных феллахов, вечерами прожигали богатства в смешениях барокко и рококо: мраморные колонны и бронзовые канделябры на стенах, хрустальные люстры и персидские ковры, подлинники Буше (сплошные розовые спины и наоборот), юные арабки на сцене, распространявшие щекочущие запахи миррового масла и мускуса, лишь в черных чулках с красными подвязками, танцующие в компании двух слонят в пополах с бриллиантами. Целый час на нас обрушивались блеск и нищета куртизанок, звон бубнов, завывание труб и страстные придыхания. В самом финале, когда танец превратился в смерч и экстаз достиг апогея, юная арабка сорвала красную подвязку и швырнула, раздувая ноздри, в зал. Хотела она этого или нет, но ветер Судьбы отнес бесценный дар на столик, где рядом с удивленными очками белел прославленный пробор. Зал посмотрел на меня с завистью, я же послал красавице воздушный поцелуй и заткнул ароматную подвязку в верхний карман пиджака, мысленно уложив туда и трепещущую амазонку.

- Где вы остановились, Пьер? - неожиданно спросила меня Матильда.

- В "Шератоне".

- И сколько дней вы пробудете в Каире?

- Разве я вам не говорил? Несколько дней. - Этот вопрос Матильда задавала второй раз, и от него пахивало старинной проверочной методой, рассчитанной на забывчивость, ибо, как известно, чтобы лгать, надо иметь хорошую память.

В зале сидели одни арабы, но в дальнем углу я заметил европейца, уткнувшегося в газету, читал он ее слишком увлеченно, словно сводку с боев во время войны. Краем глаза (боковое зрение Алекса вполне покрывало полкабака) я видел, что, когда я отворачивал лицо, он высовывался из-за газеты и смотрел в мою сторону, вскоре он исчез, нет, не лежала моя душа сегодня к делам, мутноватые звезды светили с неба, расспросы Матильды нервировали, и все шло неладно, в таких случаях лучше сматывать удочки. Не была ли подвязка предупредительным знаком Свыше? Верил я в предчувствия и приметы, старался переносить дела на другой день, если дорогу мне перебежали черные кошки; и если бы по Лондону вдруг забродили бабы с пустыми ведрами, не высунул бы и носу из дома, лети трын-травой весь шпионаж!

- Вы чем-то расстроены?³⁴ - участливо спросила Матильда.

- Нет, нет! Вам показалось. Прекрасное представление, правда? - Я вынул подвязку и от растерянности понохал ее, выглядело это идиотски, и Матильда не смогла удержать улыбки.

- Интересно, чем она пахнет?

- Мирровым маслом. Помните, в Библии: "Целуй меня, твои лобзания мне слаще мирра и вина!"

- Странно... Я слышала такой романс... кажется, мекленбургский. Или я ошибаюсь? - Словно иглу в сердце вонзила мерзкая баба, действительно романс, и пел его Челность с придыханием, стоя на одном колене перед Большой Землей.

- Нет, это из библии!

³⁴ Дурацкий вопрос. Не встречал людей, которые сразу же после него не расстраиваются.

- В Библии это так: "О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста; о, как много ласки твои лучше вина, и благовоение мастей твоих лучше всех ароматов и мирра..."

Получил по носу прошельга Алекс, и очень элегантно, но откуда она знает этот романс? Не попал ли я неожиданно для себя в новую опасную ситуацию? Может, вообще меня со всех сторон окружают американские агенты, ведущие проверку? Опасения зашевелились во мне, словно змеи вылезли из гадючника.

- Ваше здоровье! - Я поднял свой бокал.

- Желаю вам успеха! - любезно отозвалась Матильда.

В течение нашей светской беседы мне удалось выяснить, что француженка приехала сюда из Парижа, живет на проценты с капитала, но занимается дома переводами с чешского и польского языков, изученных в Сорбонне, - никаких интересных зацепок от этой рыбы в очках, одна тяготица.

Она почти не пила шампанское, я выдул бутылку один (почему я сразу не заказал себе виски? шипучие вина только надувают меня нервностью!) и зачем-то заказал вторую, снова воздержавшись от виски, - типичный Алекс, мечущийся над грохочущей бездной.

Наконец этот зануднейший вечер подошел к концу, и я довез веселую Матильду до дома.

- Может быть, зайдём выпить кофе?

Перед вождельным randevu я надеялся на такое приглашение: плескался в ванне с ароматической солью, натирал себя лосьоном "ронхилл" (бей в барабан и не бойся беды, и маркитантку целуй вольней!) и завершил приготовления, сунув в карман пачку шикарных, антрацитового цвета презервативов "Черный Джек".

Но тоска и недобрые предчувствия грызли душу, из головы не вылезал скользкий тип с газетой (проверяясь, в зеркальце машины я не видел ничего, кроме горящих фар), и этот романс... "лобзай меня...".

- Немного поздновато... - попытался уклониться я.

- Что вы! - Она вдруг прильнула ко мне и поцеловала в щеку. - По чашке кофе, и я покажу вам свою библиотеку.

Рыцарское самолюбие Алекса не выдержало столь сурового испытания, и, проверив, на месте ли "Черный Джек", я поплелся за нею, словно на свою собственную казнь. На лестнице пахло подгоревшими шашлыками, лифт не работал, и мы пешком поднялись к двери Матильды.

- Жаль, что я не знаю сербского, - щебетала она, открывая замок, - говорят, у вас очень интересная литература...

Я перешагнул порог, чьи-то крепкие клешни сдавили мне голову и горло и, почти расплюснув нос, прижали к лицу влажную вонючую тряпку.

Сознание мгновенно покинуло меня.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

ИЛИ БЕСЕДЫ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ МЕЖДУ ФАУСТОМ И МЕФИСТОФЕЛЕМ ЗА БУТЫЛКОЙ РЯДОВОГО "ДЖОННИ УОКЕРА", КУПЛЕННОЙ НА ПОСЛЕДНИЕ ДЕНЬГИ ОБОЛЪСТИТЕЛЬНОЙ МАРГАРИТОЙ

"Столица Мекленбурга объявляет войну крысам"

Город осажден армией крыс, численность которой, по приблизительным оценкам, составляет 2 миллиона, и кампания по их уничтожению, объявленная городскими властями, займет около трех лет. Стремительное размножение грызунов объясняется мягкими погодными условиями, установившимися в последние два года.

На следующей неделе специально сформированные команды начнут закладывать крысиный яд в канавы канализации".

Из газет

Будильник на столе тикал и тикал, а мама все не приходила. В окна заглядывали крупные среднеазиатские звезды, от запруды, перегораживающей весело бегущие воды арыка, несло прохладой, а мама все не приходила, и напрасно я вслушивался в застывшую ночную тишину, вытягивая шею, - стук ее каблучков я различил бы за километр.

Вчера прямо около остановки бросилась под трамвай неизвестная женщина, я своими глазами видел кровавое месиво и красные лужицы у рельсов - ее свалили на носилки и потащили к машине, а мужчина в белом шел за ними, держа в руках отрезанную ногу, большой палец был перевязан, бинт развязался и дрожал на ветру, как белый флажок.

По вечерам в городе орудовали лихие молодцы, грабили и убивали не за поношку табака, а днем торговали на барахолке краденым. И у нас во дворе собиралась мелкая шпана, играли в карты и лузгали семечки, а мы, пацаны, смотрели на все это с восхищением, смешанным со страхом. Мне покровительствовал двадцатилетний главварь с нашивками о ранениях и с золотыми фиксами, я доставал ему жмых и дарил немецкие зажигалки, присланные с фронта отцом; он рассказывал, что среди эвакуированных много богатеев, которые прячут горы золота, и что все это награблено у трудящихся и должно быть изъято.

У мамы не было золота, и будильник тикал и тикал, а она все не шла и не шла. И тогда я начинал молиться, стыдясь своей слабости. Боже, думал я, я не знаю, какой ты, но ты есть, я никогда не буду плохо говорить о тебе, я знаю, что ты очень хороший и добрый и помогаешь людям, сделай так, чтобы мама пришла, чтобы пришла побыстрее, сделай так, чтобы она не попала под трамвай, чтобы ее не тронули, сделай так. Боже, это не так уж много и тебе ничего не стоит, прошу тебя, чтобы мама быстрее пришла.

Так я молился, закутавшись в простыню и вслушиваясь в безмолвие душевной ночи, которое изредка разрывал грохот трамвая, - сейчас застучат ее каблучки! - я знал, что веду себя постыдно и недостойно пионера, ибо передовые люди не верят в Бога, этим опиумом облапошивают дураков, но у меня не было выхода: никто не мог мне помочь, а я очень хотел, чтобы она вернулась побыстрее, и готов был на все, лишь бы она пришла.

И раздавались наконец знакомые шаги, и она целовала меня разгоряченными губами, пахнущими духами, вином и папиросным дымом, и я возмущался, что она задержалась, а она зачем-то еще больше укутывала меня в простыню, и я радовался, что она пришла, и забывал о Боге до очередного вечера и новых минут отчаяния, когда меня бросали одного в жестоком мире, где резали людей трамваи и убивали бандиты.

И еще я боялся скорпионов, которые водились в горах саксаула, сваленного у стены комнаты, однажды один из них залез ко мне в постель, и я проснулся от скользких по мне щупальцев и заорал на весь дом, а он в отместку укусил меня, и мама быстро сделала мне укол с противоядием.

А на следующий день она снова уходила, и я снова ждал и ждал, и молился, уже зная, что Бог мне обязательно поможет...

Я знал, что за ней ухаживал летчик-подполковник, лысый и похожий на щуку, который недавно ужинал у нас и пил из красивой заграничной бутылки, - он подарил мне верблюжий свитер, привезенный из оккупированного Ирана, но я не надевал его, я ненавидел подполковника и писал отцу на фронт большими закорючками: "Отец, отец, мы победим, мы разгромим фашистских гадов!" - и обещал громить врага примерной учебой и дисциплиной. Но мама снова уходила, и я снова молился, и однажды, когда казалось, что все уже кончено и она никогда не вернется, встал на колени на своей железной кровати, и она тут же вернулась, и я радовался, что научился ее возвращать, и утыкался носом в ее теплую грудь, и просил лечь рядом, и прижимался к ней, и тут же засыпал.

Жизнь крутилась, наплывала и уходила, щекотала нос и гудела морем. Витя шел по улице с дикторшей, предупредительно переводя ее за локоть через лужи, Маня проводил очередное совещание и с пафосом вещал о нерешенных задачах, а Челюсть сидел напротив него за длинным столом, крутил карандаш и одобрительно покачивал головой.

Если он наклонится над пропастью, ты можешь его подтолкнуть; спасибо, друг мой сердечный, за добрый совет, я специально приглашу его погулять по крыше собора святого Павла. Или полюбоваться, как сверкают монеты на дне прозрачного колодца.

- Кажется, он приходит в себя, - услышал я родную речь и не стал приходить в себя, пусть продолжается сон, но он не продолжался, голова разрывалась на части, теплая слезь обволакивала рот и к горлу подступала тошнота.

- Да, он приходит в себя, - повторил мужской незнакомый голос на том же языке.

Я открыл глаза и увидел Матильду и рядом с нею шатена с густыми волосами, сложения плотного, с крупным, чуть крючковатым носом и в очках. Я попытался встать и двинул рукой, но обнаружил, что мои запястья скованы наручниками.

- Прошу вас не предпринимать никаких действий, это повлечет за собой неприятности, - сказал Евгений Ландер, он же "Конт", вполне дружелюбно. - Все ваши документы находятся у меня. Тут же и ваша "беретта". Зачем, кстати, вы таскаете с собой такую громоздкую пушку? Вполне можно обойтись и браунингом. Итак, кто вы такой и как сюда попали?

Я молчал, делая вид, что не понимаю ни слова. Он повторил вопрос, и я ответил по-английски, что ничего не понимаю.

- Ах, я совсем забыл, что вы большой любитель конспирации, - сказал он на плохом английском. - Что ж, продолжим наши игры. Итак, Петро Вуколич, гражданин Югославии...

- Если у вас все мои документы, то, наверное, ваши вопросы не имеют смысла. И

снимите наручники, обещаю вести себя спокойно, - попросил я.

- Только помните, что двери надежно закрыты и я хорошо вооружен, - предупредил он и снял наручники.

Я размял затекшие кисти.

- Почему же не имеют смысла? - поднял он брови, - В номере отеля "Шератон", где вы остановились, я обнаружил британский паспорт на имя Джона Грея и удостоверение на то же имя, выданное Скотланд-Ярдом. Там же в вашем "самсоните" найден баллончик аэрозоля с этикеткой дезодоранта "тобакко". Я опробовал его на кошке, и она тут же подохла. Интересно, зачем мистеру Джону Грею отравляющие вещества и оружие?

Накрыли меня классно, заманили дурака Алекса в мышеловку на кусочек вонючего сала, легкомысленный болван, хорошо, что голову не проломили и не пустили плыть по великому Нилу на радость крокодилам! Играл принц Гамлет на флейте, играл и доигрался: сам влез, идиот, в капкан, выслеживал, поил шампанским, дундук, растекался по дереву, морочил голову своими фиглями-миглями, а профурсетка оказалась на несколько порядков выше и роль свою провела - что там Сара Бернар! Интересно, как он проник в "Шератон"? Впрочем, на этом восточном базаре любой европеец, более-менее прилично одетый, может попросить ключ у портье - кто помнит в лицо всех клиентов в этом небоскребе? Классно взяли, ничего не скажешь...

- Ну, если вы настаиваете, моя настоящая фамилия действительно Джон Грей. Я сотрудник детективной фирмы и прибыл сюда для розыска важного преступника.

"Конт" дико захохотал, даже его крупный нос пополз вниз и навис над раскрытым зевом.

- Что же это за важный преступник?

- Не совсем понимаю, почему я должен отвечать на ваши вопросы. Я иностранный подданный и нахожусь под защитой своих законов. Имейте в виду, что я уже был в британском консульстве, и именно сейчас они ожидают от меня телефонного звонка. Если его не будет, то начнутся поиски и у вас будут неприятности.

- Я могу позвонить в египетскую полицию, - заметил "Конт". - Она с интересом отнесется к личности Джона Грея, живущего в отеле по югославскому паспорту. Особенно сейчас, когда в каждом англичанине власти видят шпиона.

- Это ваше дело. Единственное мое преступление заключается в том, что я пригласил эту даму на ужин.

- Ну и фрукт! - сказал он по-мекленбургски. - Правда, Бригитта?

Моя Мата Хари улыбнулась, кивнула головой и поправила белый халат - галобоею, которую не успел сорвать Петр. Я представил, как они хохотали до слез, вытряхнув из моего пиджака пачку "Черного Джека", и горькая обида захлестнула меня.

- Мне кажется, что Петро или Джон не будут обращаться в консульство. Зачем им обоим неприятности? Я думаю, мы можем поладить мирно... - сказала Матильда по-мекленбургски с небольшим акцентом.

Проклятая баба, бойся баб, они в нашем деле самый ненадежный элемент, говорил дядька в семинарии, они не только дома портят нам жизнь, они и как агенты вероломны и легкомысленны - бойся баб! Закрутят голову и оставят с голым задом!

- Не будем зря тратить время, Алекс, - вдруг сказал "Конт". - Вас никто не собирается убивать или мучить, я хочу лишь узнать причину вашего появления в Каире и в

этом доме. Если вы не хотите отвечать, то можете идти на все четыре стороны. Но в этом случае я немедленно звоню в полицию и сообщаю, что на меня готовится покушение и что вы являетесь кадровым сотрудником мекленбургской разведки. Чтобы окончательно поставить точки над "i", добавлю, что мне известно и другое ваше имя. - Тут он произнес вслух святая святых, известное только узкому кругу лиц в Монастыре, - словно обухом ударил по голове.

- Рита, дай Алексу чистое полотенце и приличный лосьон - он ведь большой поклонник парфюмерии, я просто поразился, увидев у него в номере несметное число бутылочек...

- Ну, это не совсем так... но за лосьон спасибо, - ответил я улыбочиво - король оказался гол, факир пьян и фокус не удался.

- Вот и прекрасно. - Он протянул мне руку с обкусанными ногтями. - И давайте познакомимся! Евгений. Или лучше зовите меня Юджин. С тех пор, как я ушел, я вроде бы и имя свое там оставил...

Пожав руку заклятого врага, я вышел в ванную, испытывая даже удовлетворение, что все стало на свое место. Мягко гудела электрическая бритва, услужливо предоставленная мне коварной Матильдой, я смочил свои аскетические щеки неизвестным арабским лосьоном и решил приобрести пару флаконов этой тысяча и одной ночи для своей коллекции.

Голова с пока еще зигзагообразным пробором приходила в норму, и, поразмыслив перед зеркалом, я решил не играть в "кошки-мышки" и смело уйти под сень легенды, которую вдохнул в меня Великий Лыжник.

Хотя попал я в замаску и нос еще чуть побаливал от ласковых прикосновений, ситуация, по сути дела, оборачивалась вполне благоприятно: целеустремленному Алексу удалось наконец установить контакт, ради которого его и забросили в опасный Каир, - впрочем, не было ли это самоутешением подстреленного фазана, гордящегося тем, что из него на радость охотников сварили превосходный бульон?

Источая благовонные ароматы, я покинул ванную, надеясь прямо у дверей увидеть бдящего "Конта", терзаемого опасениями, что я либо удушился на крючке для полотенца, либо нырнул в унитаз и поплыл прямо до любимого Мекленбурга. Но оба заговорщика мирно сидели в гостинице.

- Прежде всего я хочу извиниться перед вами. Если бы не "беретта" в кармане, я, конечно, не прибег бы к таким крайним мерам... - заметил Юджин.

Откуда он знал о "беретте"? Ох, легкомысленный Алекс, глупая голова, разве ты не помнишь, что во время первого визита к Матильде повесил пиджак с револьвером в прихожей? Ай да Матильда! Бой-баба, прощупала карман на ходу, молоток, когда приносила кофейные чашки! Поделом тебе, кочан капустный с пробором, еще клички развешиваешь и издеваешься, именно ты и есть Задница, причем первая по величине в книге Гиннеса!

- Я всегда ношу оружие, когда выезжаю в места, где орудут террористы. - Мы перешли на родной язык, и я чувствовал себя, как в ресторанчике, что у памятника незабвенному Виконту. - Честно говоря, вы так хорошо знаете мою биографию, что невольно задумаешься, не занимались ли вы мною более плотно?

За моим игривым вопросом скрывались весьма основательные подозрения, не перестававшие мучить меня: а что, если меня бросают в костер так же, как бросили Генри и его пассию? Тут уже страхами не отделаться, пахнет хорошим сроком, хватит времени на

изучение Гегеля или языка племени мяу-мяу. Неужели и мною пожертвуют ради поимки зловерной Крысы?

Или это проверка меня американцами?

Все это очень походило на монотонное блуждание между Сциллой и Харибдой с завязанными шелковым платком глазами - не расплатиться бы потоками кровавых слез и выпущенными кишками, что ж, будем глядеть в оба, пусть каждый дергает за ниточки куклу-Алекса, не переделали бы только, не заигрались бы!

- Я вас не спрашиваю, зачем вы носите с собой оружие, - улыбнулся Юджин, - мне и так ясно, что вас направили сюда с совершенно определенной целью. Разве не так?

Он заложил в рот свою пятерню, накрыл ее своим крючком и начал вожацки грызть ноготь на мизинце, словно после месячной голодовки дорвался наконец до пищи.

- Не говорите чепухи, Юджин. - ответил я спокойно, - разве вам неизвестно, что мы уже давным-давно не проводим "эксков"? Разве вы не знаете, что все "эсксы" запрещены?

- И вы хотите заставить меня в это поверить? Мы всю жизнь шумим на всех углах о том, что выступаем против индивидуального террора, а на самом деле...

Бросьте, Алекс! Мы живем в царстве беззакония! Интересно тогда; зачем же вы пришли ко мне? Хотели пригласить на осмотр пирамиды Хеопса?³⁵ Или попали в дом случайно, увидели Риту и влюбились в нее с первого взгляда? Как вы узнали мой адрес?

- Разве вы никому не оставляли его в Лондоне? - подкинул я, как сказал бы Чирик, наводящий вопрос,

- Не был там никогда и не собираюсь!

Игрок передо мною сидел класса экстра-люкс, на кого бы он ни работал - на янки, на Мекленбург, на Израиль или на самого дьявола, - метал карты смело и сейчас спутал все разом, с ходу отбрил Алекса: не был - и все тут! А если у "Эрика" ночные галлюцинации на почве старческого маразма, то место ему в комфортабельной богадельне, пусть беседует там с привидениями и не поднимает на ноги сразу две секретные службы!

- Значит, не были? - повторил я, ощущая свою беспредельную глупость.

- По-моему, вопросы задаю я. Мне не нравится, как вы себя ведете, Алекс! Вас взяли с полициным, а вы все крутите. Неужели мне придется вызывать полицию?

Он многозначительно указал на телефон и сделал грозный жест.

- Не волнуйтесь, Юджин, я как раз собираюсь все вам рассказать. И забудьте о покушении! Какой идиот будет пользоваться в этом пчелином улье "береттой" без глушителя? Ведь на звуки сбегится весь квартал!

- А аэрозоль?

- Я же оставил его в гостинице. Я был до этого в Бейруте, там ночью опасно ходить без оружия. Кстати, заряд аэрозоля не смертелен, просто вам попалась кошка, которая только и ждала удобного случая, чтобы издохнуть. Я не скрываю, что искал вас. Мне поручено провести с вами беседу.

- Что это вдруг за ветры повеяли в Монастыре? - удивился он. - Неужели мы превращаемся в буржуазную демократию? Переговоры с перебежчиком? Это неслыханно! И все же я вам не верю! Волков нельзя превратить в овец. Только ради Бога не предлагайте мне вернуться на родину! Не говорите, что мне все простят! Не предлагайте искупить свою

³⁵ Интересно, сколько времени надо лететь с верхотуры вниз, пока не достигнешь любимой земли?

вину здесь! - Он рубанул рукою воздух.

- Почему вы меня не слушаете? И я сомневаюсь, что вы отрезали все концы. Ведь у вас там семья... - Я искренне сочувствовал ему, совсем вошел в роль.

Он аж взлетел - словно джинн вырвался из бутылки в небеса:

- Не напоминайте мне об этом! Вот мерзавцы! Я же вижу насквозь весь ваш сценарий: если вы не вернетесь, семье создадут такие условия... да? Сучьи потроха - вот вы кто! Думаете провести на мякине старого воробья? А если обращусь в Международный суд, в Комиссию по правам человека ООН? Да если вы их хоть пальцем тронете, я такое устрою... я выплесну на страницы газет такое, что все вы позеленеете от злости! И не предлагайте мне никакого сотрудничества, и не обещайте золотые горы!

Тут не ошибался уважаемый "Конт", наши уста всегда пели сладко и стелили мы мягко - много дураков клонуло на эту удочку, иных уж нет, а те далече, как Сзади некогда сказал. Я уже сгорал от нетерпения, уже жаждал швырнуть на стол свою козырную карту и предложить ему союз со штатниками, и увидеть застывшие от изумления глаза над его крупным, чуть крючковатым носом! Но Матильда слонялась по квартире, и я не хотел тягивать ее в наши маленькие тайны.

- У вас нет виски? - обратился я к ней, ласково поглядывая на мучительные колыхания груди под гапобеей.

- Я не пью, - ответил за нее "Конт", - а Бригитта иногда балуется кальвадосом, популярным у нее на родине, особенно до знаменитого добровольного присоединения к Мекленбургу. Я совсем забыл представить хозяйку дома. Для света она - Грета, а в жизни - Бригитта. Она эстонка.

Новая оплеуха Алексу от француженки с гагонским акцентом, даже не заподозрил этого пронизательный Задница с Ручкой, тешился, напевал "Где же вы, Матильда?", охладом!

- Увы, кальвадос не выношу, и хочется хорошего виски. Может, мы сходим вдвоем, если вы не боитесь, что я убегу... - Тут я ностальгически вспомнил, как нам вечно не хватало одной капли во время тончайших бесед с Совестью Эпохи, одной капли, и мы, пошатываясь и придерживая друг друга, выходили вдвоем в магазин, залихватски шутили и с кассиршей, и с продавщицей, вступали в умиленные контакты с такими же ищущими и страждущими. - В крайнем случае идите один, а я посижу под дулом пистолета вашей прекрасной Бригитты. Кстати, чудесный монастырь в ее честь около Пириты в Таллинне... Он с опаской поглядел на меня и задумался.

- Я дам вам денег, - облегчил я его мучительные думы.

- Риточка, сходи, пожалуйста, за виски. Денег не надо, будем считать, что это компенсация за причиненный ущерб.

Бригитта, не произнеся ни слова, тихо удалилась, и мы остались одни.

- Извините, Юджин, что я пошел на этот трюк, но я хотел поговорить с вами строго тет-а-тет,

- Я так и понял, ибо вы не похожи на человека, которому настолько претит кальвадос...

Я проглотил эту колкость, хотя сделал в памяти еще одну зарубочку: "Конт" известны и некоторые, сугубо интимные особенности покорного слуги, хотя, конечно, глаз Матильды - Маты Хари без труда мог зафиксировать количество шампанского, выпитое

кавалером с "Черным Джеком" в кармане во время плясок слонов.

- Прежде всего я хотел бы развеять ваши опасения. Дело в том, что я уже не работаю в Монастыре. Некоторое время назад я попросил политического убежища и связал свою судьбу с американцами.

Он встал и прошелся по комнате, пытаясь скрыть свое изумление. В наступившей паузе заголосили английские напольные часы,

- Как вы можете это доказать? - Он даже охрип от неожиданности.

- В этих обстоятельствах подобные вещи недоказуемы. Даже если я предъявлю вам свое письменное обязательство работать на американцев, вы мне не поверите. Кстати, у меня точно такие же основания не верить и вам. А что, если весь ваш переход на Запад - лишь умелая комбинация Монастыря?

Я внимательно следил за его реакцией, хотя, конечно, не верил, что актеры такого класса прокальваются, как воздушные шарик. Он снова сел и улыбнулся милой, даже застенчивой улыбкой - снова играл со мною бес, возбуждая симпатии к проходиму.

- Что ж, пожалуй, вы правы... это несколько новый оборот дела. Вы хотите сказать, что направлены сюда американцами?

- Совершенно верно. Они просили меня установить с вами контакт.

В этот момент хлопнула входная дверь и явилась бодрая Матильда с пластиковым пакетом, из которого торчало горлышко всего лишь восьмилетней выдержки пойла "Джонни Уокер", которое я брал в рот только в отпуске дома, застряв в безальтернативной сивухе.

- Я ведь раньше много пил, но после разрыва с прошлым решил поставить на этом точку. Слава Богу, смог это сделать без врачей. И чувствую себя прекрасно, совсем не тянет. Разве в нашем Мекленбурге нормальный человек может не пить? Что ему еще остается?

Этого конька славно объезжал Совесть Эпохи, точно знавший, сколько ученых, артистов и поэтов спилось в Мекленбурге за последние два века, себя он по скромности в этот список не зачислял.

- У вас нет бокала из тонкого стекла? - закапризничал я совершенно искренне.

- Да вы эстет! - Он поставил передо мною довольно симпатичную чашу с изображением горы, очень похожей на Химмельсберг в Дании, где я однажды целую неделю, изнемогая от безделья, ожидал прибытия агента из соседней Швеции.

Виски мгновенно затянул кровоточащие раны, сосуды надулись и запели бравурный марш, распустились бутоны души и весь мир опять предстал странным, закутанным в ночной туман. В полированной глади буфета отражалась обаятельная физиономия, правда, пробор своей неухоженностью больше напоминал Кривоколенный переулок, смоченный струями поливальной машины, а не тщательно убранный Невский проспект, прямой и честный, как вся наша История.

Я достал из пиджака алюминиевую расческу (презент от продавщицы³⁶ из южного городка, где герой восстанавливал свое разрушенное здоровье, подпольная кличка Каланча, - вершины всегда звали меня на альпинистские подвиги, - бушевал июль, санаторные черберы бессердечно запирали двери в одиннадцать, в номер приходилось влезать в окно, коллеги

³⁶ Всегда уважал парикмахерш, продавщиц, стюардесс, чего и всем желаю!

встречали меня похабными улыбками и снимали со штанов колючки) и, аккуратно отделяя друг от друга каждую волосинку, прочертил сквозь жесткие кущи безукоризненную, как собственная жизнь, линию.

Юджин между тем совершенно расслабился, словно и не совал совсем недавно мне в нос вонючую тряпку с отравой.

- Рита, покорми Алекса, чем можешь! Вы не хотите свекольника? Он стоит уже два дня и от этого стал еще вкуснее. Рита готовит его чудесно, кладет массу огурцов, лука и травки. Добавляет сметаны! Уверен, что вы давно не пробовали такой вкуснятины! - Сказал он это подкупаяюще.

Вот оно как случается в жизни: Бритая Голова, слуга царю, отец солдатам, товарищ по оружию, ничего не вызывал у меня, кроме неприязни и страха, а этого сурка, заложившего не одну резидентуру и достойного вышки, этого негодя, заманившего меня в сети, хотелось дружески потрепать по плечу. Почему он сбежал? Некорректно работал, запутался в сетях, расставленных контрразведкой? Или просто плюнул на все, пришел в полицию и сдался? Только не надо громких фраз о свободе и демократии, о поправках в правах мекленбургского человека - все это так, но не причина для предательства родины. Неужели его потянули заваленные снедью, фраками и мокасынами витрины? Мой друг Аркадий, дорогой Юджин, прошу тебя, не говори красиво и не вздумай уверять меня в том, что мы все жертвы нашего несчастного строя, и поэтому ты логически пришел к заключению... все равно не поверю ни единому слову! Не изображай жертву, Юджин!

А он и не изображал и совсем отвлёкся от нашего разговора (представляю, как ему хотелось узнать о цели моего прихода!), впрочем, при Бригитте возобновлять его было сложно.

- Рита, а где у тебя селедочка в банке?³⁷ Она стояла в холодильнике, я сам видел. Селедочка, между прочим, наша! - Как будто два старых друга заскочили на огонек к подруге дней своих суровых, старушке дряхлой лет тридцати и разводят шуры-муры, треплются от нечего делать.

- Ешьте свекольник, ешьте на здоровье! - И я окунул ложку в малиновую массу, вполне достойную рекламы.

Пока я вычерпывал из тарелки дары земли, Юджин вертелся на стуле, что-то напевал под свой крючок и мотал заброшенной на колено ногой в остроносом ботинке - крике парижской моды прошлого века.

- Как сложно мы живем, Алекс! - Он перескочил с тем прозаическим на темы заоблачные. - Ведь при царе самый радикальный эмигрант отнюдь не становился оружием в руках разведки другой страны. Наоборот, и английские, и французские службы помогали преследовать революционеров...

- Вы считаете себя революционером? - Я наконец вылез из тарелки со свекольником,

Ничего себе революционер! Все-таки каждый в своем глазу и бревна не видит, воображает о себе черт знает что, так и я, наверное, кажусь самому себе национальным героем, а на самом деле мало чем отличаюсь от кривоногого филера или громилы-рецидивиста.

³⁷ Опять задушевный тон, словно дома на заледневшей улице спрашивают, обратив страждущий лик: "Отец, как пройти в винный магазин?"

- Не дай Бог! - Он аж подпрыгнул. - Не оскорбляйте меня. При одном упоминании обо всех этих Робеспьерах и Лениных у меня начинается аллергия. Я не о том. Просто раньше эмиграция не означала автоматически перехода в стан вражеской державы. Все революционеры стояли по одну сторону баррикад, а власти - по другую. Англичане помогли царской охранке разрабатывать Герцена. А сейчас... Нет места свободному человеку: или - или! И даже если вы сами настолько отважны, что можете отвергнуть прямые предложения, скажем, американской разведки, то все равно она вас может легко использовать "втемную". Вы и знать об этом не будете. Подставит вам дружка - агента, которому вы поверите, а вы, допустим, независимы, и заклятый враг Мекленбурга, и вообще гений, строчите себе статьи или книги, а друг вам помогает устроить их публикацию. Вы радуетесь, а потом узнаете, что давно работаете на американскую разведку и ваши издания субсидируются ЦРУ. А если вы проявите характер, глядишь, и местные власти откажут вам в виде на жительство...

- К чему вы об этом? - Странные проблемы мучили его.

- К тому, что я ненавижу шпионаж! И ни с кем не хочу сотрудничать! Ни с вашими, ни с нашими! Слышите? Ни с кем! Лучше я вернусь в Мекленбург на верную смерть!

Мое предложение, видимо, задело его, и он его переваривал, словно гвоздь, попавший в желудок. Валяй, валяй, предатель Мазепа, думай о своей судьбе, очень хорошо, что ты понимаешь: никуда тебе не деться, в любом месте подкатится к тебе, нарушим твой призрачный покой. Думал до конца жизни преспокойно жить в Каире и жрать свекольники своей эстонки?

Бригитта унесла тарелку и супницу, она переоделась в розовую блузку и сняла очки, миглом потеряв свой вопросительный вид. Мягкая улыбка бродила по полным губам, под блузкой неумолимо подрагивала грудь и просвечивали широковатые плечи, находившиеся в неразрешимом конфликте с узкой талией, - дальше кисть Леонардо Алекса не осмеливается сползать: мстительная природа подарила ей кривые ноги, обросшие, как у фавна, темными волосами. Юджин послал ей вдогонку многозначительный взгляд, который она правильно прочитала и оставила нас вдвоем.

- Не хотите ли вы сказать, что перешли на сторону американцев? - Видимо, не до конца дошли до него мои объяснения.

- Совершенно верно.

- Знает ли об этом Центр?

- Разумеется, нет.

- И вы не боитесь? А вдруг это станет известно?

- Конечно, боюсь. Но риск есть риск.

Он хмыкнул и прошелся изгрызенными ногтями по своим волосам.

Чеши, чеши голову, уважаемый Юджин, только не думай, что тебе удастся снова провести лису Алекса! Так я и поверю, что ты не связан ни с какими спецслужбами, а просто честный Дон-Кихот, внезапно возненавидевший шпионаж! Ломай, дружок, комедию. Как там вмазал юный принц Розенкранцу и Гильденстерну, игравшим на нем, как на флейте?

"Вы собираетесь играть на мне; вы приписываете себе знание моих клапанов; вы уверены, что выжмете из меня голос моей тайны; вы воображаете, будто все мои ноты снизу доверху вам открыты".

- Интересно, как вы узнали, что я нахожусь в Каире? - спросил он.

За какого дурака он меня принимал! Ломать Ваньку таким наглým способом!

Неужели он считал, что его ночной визит к Генри мог остаться незамеченным? Что Генри испугается и не скажет мне ни слова? Валяй, валяй, запутывай меня, пудри мне мозги! А вдруг он действительно не врет и никогда не был в Лондоне? Вдруг это чистейший Фауст, с которым ведет беседу коварный Алик - Мефистофель?

- Что мы толчем воду в ступе? Давайте решим главный вопрос. Поедете ли вы в Лондон или нет? - Я нажимал на него как мог.

- Значит, вы не можете доказать, что выступаете от имени американцев? - снова спросил Фома неверующий,

- Я готов связать вас с ними, если вы выедете в Лондон. Как говорили великие, для доказательства существования пудинга его необходимо съесть. Я покрутил бокалом, вглядываясь в очертания горы (в Химмельсберге я забыл поставить на тормоз машину и она скатилась на основную магистраль - полиция тут же отбуксировала ее к себе на участок и с меня потом содрали огромный штраф, хорошо, что не начали разыскивать и не накрыли на встрече с агентом), - лед уже растаял, и виски приобрел милый сердцу мочеподобный цвет.

- Допустим, я вам верю. Но что конкретно предлагают мне американцы?

О, святая простота! Что же тебе предлагают американцы? Контрольный пакет акций в "Дженерал моторс", роль вождя индейцев в ковбойском фильме, Что еще могут предложить тебе, мой невинный друг?

- Естественно, вас допросят, снимут всю информацию... Дадут какую-нибудь работу по линии разведки. Не сомневайтесь, что получите хорошую зарплату...

Некоторое время он раздумывал, потом вдруг вышел из комнаты и вернулся с Бригиттой, снова водрузившей на нос свои вопросительные очки.

- Я хочу, чтобы ты слышала, Рита Он говорит, что он не мекленбургский боевик, а американский агент. Как тебе это понравится? Он предлагает мне сотрудничество! Как они все одинаково устроены, как у них у всех все просто! Ведь он не поверил, что я все это ненавижу, решил, что ломаюсь, набиваю цену! Говорит, что платить будут неплохо! Поедем в Лондон, Рита?

Я злился, что он втянул в это дело свою бабу, - зачем нам лишние люди? Терпеть не могу этих слизняков, быстро попадающих под новый каблук и ни шагу не делающих без совета со своими благоверными. Бригитта молчала, как та самая Валаамова ослица (никогда на картинках не видел это библейское существо, но представлял, как оно упирается копытами в дорогу, стискивая зубы и выкатывая красные от натуги глаза).

- Вот так, дорогой мой. Как говорят англичане. There is nothing more to be said³⁸, Извините, Алекс, я ничего не имею против вас, понимаю, что это не ваша инициатива, но никуда я не поеду!.. Как вы меня разволновали! Даже выпить захотелось! Как жаль, что я завязал!

Я молча ему посочувствовал: не хочешь - и не надо, расстанемся, как в море корабли (снова вспомнилась почему-то парикмахерша Каланча и расставание навеки под песню "Не уходи, побудь со мной еще немного", в глазах у нее стояли слезы, но жизнь моряков всегда в море - я выдавал себя за судового врача), насильно мил не будешь. А вдруг это действительно одинокий Фауст, ищущий истину?

- Не спешите, подумайте. Неужели вам хочется жить в Каире? Сегодня преподаете, а

завтра будете подметать улицы!

- Лучше уж дерьмо жрать, чем на вас работать! - сказал он с подкупающей прямоотой, - это острое словечко любил Сам и употреблял его иногда на совещаниях для характеристик самых неистовых врагов Мекленбурга. - Извини, Рита.

И тут я вдруг понял, что он не играет, а говорит без всякой задней мысли и самое главное, я с ужасом осознал, что миссия моя закончена, возвращаясь в Лондон, товарищ Том, докладывая о срыве вербовки. Как будет реагировать Хилсмен? А если это не проверка? Думай, думай, мудрец Алекс, не зря дядька в семинарии считал тебя сообразительным парнем ("Этот Алекс, как уж: всегда найдет способ соскочить со сковородки!"), не зря хватал ты самые большие очки на тестах!

И не ошиблись, коллеги! Упало ньютоново яблоко на гениальную голову, озарило мятущиеся мысли.

- Напрасно вы отказываетесь, ведь штатники дадут вам не только деньги. Они обещают помочь выволить семью из-за занавеса.

Сказал и подумал: а на черта ему семья? Если он попросил убежища, то уж наверняка семь раз примерил, прежде чем отрезать. Кем ему доводится Бригитта? Может, он и рад, что отделался от своих чад и домочадцев?

Но он оживился,

- Вот как? А как они смогут помочь? Кто же пойдет на воссоединение семьи предателя?

Конечно, никто, уважаемый сэр. Собаке собачья смерть. Если враг не сдается, его уничтожают. Вырвем с корнями гадючью поросль.

- Американцы - деловые люди. У них есть что предложить Мекленбургу взамен. В конце концов обменяли же Пауэрса на Абеля, а Лонсейла на Винна...

- Ну, это из другой оперы Что-то я не очень в это верю

- Знаете что, - продолжал кот Алекс, распушив хвост, - я могу и уйти, - Тут я встал и залпом допил виски - В конце концов я не могу вам ничего навязывать. Не хотите - и не надо! - И решительным шагом двинулся к двери.

Нервы у него не выдержали

- Черт возьми! Да садитесь же! Вы меня разволновали. - Он взглянул на бутылку скотча, а потом на Бригитту, которая стояла, прислонившись к стенке и внимала нашим речам - Может, мне развязать, Рита? Хотя бы на сегодня?

У него было такое страдальческое лицо, даже нос уменьшился от переживаний, жалость проснулась во мне, будто я сам завязал и пер на горбу целый мешок незряженных нервов, жаждущих окунуться в ведро водки и вырваться на вольные просторы.⁵

⁵ Завязки не были чужды жизнелюбу Алексу, очищавшему временами свой мотор от шлаков и грязи, - о литр теплой воды и целительные клизмы! О два пальца в рот! о яблочная диета! о молоко до судорог, утренние пробежки, пятьдесят отжимов от пола, эспандер и снова клизма - лучшее лекарство от всех недугов! И тихая счастливая жизнь без алкоголя неделю или две! Как писал святой Августин* "Даруй мне чистоту сердца и непорочность воздержания, но не спеши, о Господи..."

- Выпейте немного, все-таки сегодня у вас обоих было много впечатлений. - Благодная Матильда кивнула головой

- Ах, как я пил в свое время. Как я пил. - говорил он, со вкусом наливая в стакан

³⁸ Не о чем больше говорить.

виски и закладывая туда лед - Знаете, Алекс, сейчас я не успеваю жить, я думаю о сне, как о печальной необходимости и, засыпая, уже с нетерпением ожидаю утра. А было время, когда от пьянства я уставал жить и мечтал заснуть пораньше, чтобы не видеть ни знакомых лиц, ни телевизионный ящик, чтобы ничего не слышать, ничего. Напиться и свалиться в постель. Он сделал большой глоток.

Щеки Фауста сразу порозовели и крючковатый нос принял благообразные формы.

Он выпил до дна и даже поперхнулся от счастья.

- Что вы знаете обо мне? Небось получили циркуляр сбежал предатель, неприятный толстяк с висячим носом, правда, Рита? Иуда, законченный подлец, переметнувшийся к врагу Вы спрашиваете почему? Да я никогда бы в жизни на это не пошел если бы если бы - Он налил себе виски до самых краев, разбавлять, видимо, так и не научился - Да вы меня заинтриговали. Я бы никогда не ушел, но мне грозила смерть! Вы действительно думаете что можно вызволить семью? Скажите, а если я соглашусь на сотрудничество, я мог бы определить его рамки? Я не хотел бы выдавать людей, но я могу писать в газеты это все-таки не шпионаж? Могли бы американцы помочь мне организовать газету? Я бы такое написал.

- Думаете, что в этом случае наши не будут на вас в претензии? - съязвил я.

- Плевал я на ваших, дело во мне самом. Ненавижу я ваших - И Фауст засосал хорошую дозу скотча.

- В Лондоне вы будете в безопасности, вам организуют негласную охрану. Кстати, сколько вы получаете в каирском университете? Что вы там делаете?

- Как ни смешно, преподаю мекленбургскую историю, платят гроши, но нам хватает спросите у Бригитты. Вот пиджачок, вот брюки, ем я скромно пыгаюсь худеть Машина мне не нужна, пользуюсь машиной Риты, женщина она добрая и сравнительно состоятельная.

Он взял руку Бригитты и прикоснулся к ней губами - виски уже затуманил ему голову

- Вы самоуверенны, Алекс, и это, конечно, хорошо. Но вы ничего не знаете обо мне, я ведь в отличие от вас не со стороны пришел в службу, я ведь белая кость, я ведь вырос в шпионской среде и, если угодно, с пеленок впитал дух организации Что вы поднимаете брови? Не знали? Не пейте много, а то не запомните, вылетит все из головы Послушайте меня. А насчет американцев и вашего предложения я подумаю Если честно, не нравится мне это.

Хотелось трахнуть его кулаком по голове, как по мекленбургскому телефону-автомату, в котором застряла монетка, - так надоели мне эти рассусоливания, сказал бы просто берите билеты в Лондон, Алекс, - и точка. Но я налил себе виски и сделал вид, что меня дико интересуют все его дурацкие рассказы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О ДЕТСТВЕ ГЕРЦОГА, ОБ ИСКУСИТЕЛЕ КАРПЫЧЕ, О БЕЗУМНОМ ТАНГО ПОД ЗЕРКАЛЬНЫМИ ПОТОЛКАМИ И О СПИНКЕ СТУЛА, ЗАСЛОНИВШЕЙ СОЛНЦЕ

"Опять началась какая-то чушь", - заметил Воланд.

М. Булгаков

И он затянул свою песню - я не перебивал его, попивал себе виски и прикидывал временами, псих он или просто так.

- Мой отец служил в лагере, где я и родился; сам он деревенский, приехал в семнадцатом посмотреть на большой город и закупить гостинцев, а попал в заваруху - принял в суматохе сторону трудящихся, получил пару пуль в гражданку. Потом призвали его в интересную организацию... Но человек был добрый, незлобивый, на балалайке хорошо играл... До сих пор помню: воскресенье, луна над тайгой, он в гимнастерке и сапогах, с балалайкой в руках, она то хихикает, то плачет... Мы сидим - мама, я и он - на скамейке у дома.

Я, конечно, полагал, что отец сторожит отпетых преступников - что я тогда понимал? - да и уголовников там хватало, не только политических. Однажды двое бежали, убили часового, взяли оружие. Отец возглавил группу преследования, беглецы яростно отстреливались, и оба погибли. Отец рассказывал, как убил одного из них, просто рассказывал, как нечто совершенно обыденное: зашел сбоку, встал за дерево, прицелился, мягко нажал на курок, выстрелил. Потом взял свою балалайку и заиграл, а я все пытался себе представить: как это?.. Есть человек, и вдруг его нет?.. Неужели так когда-нибудь произойдет и со мною?

В детстве, Алекс, смерть чувствуешь гораздо острее, она кажется ужасной и невозможной, с годами дубеешь и привыкаешь к этой мысли, постепенно, но привыкаешь...

А потом вытянул один дружок моего отца в столицу и устроил в известное костоломное подразделение, где не миловали ни чужих, ни своих, доводили все дела до победного конца.

Правда, отец по малограмотности был там на подхвате, на следствия его не допускали, а для палаческих функций он не подходил: тут тоже подбирали с учетом характера, а он был мягковат... так мне казалось по крайней мере.

Однажды посадили его в камеру к редактору одного журнала, а тот на другой день возьми и напиши записку начальнику: "Уберите от меня этого дурака, мне тошно от его глупых вопросов!" Довелось ему быть и на обыске жены Троцкого, рассказывал об этом скучно: мол, кричала все время: "Кого обыскиваете? Отца нашей революции! Вам еще зачтется все это!"

И зачлось в скором времени. Дальний знакомец папы, один директор завода, был арестован и после допросов выбросился в пролет лестницы - тогда еще железных сеток там не было, - но умер не сразу. И по мистической причине, хотя они лишь пару раз где-то с отцом выпивали, на каменном полу, весь разбитый и окровавленный, начал повторять,

словно в бреду, имя отца. Его тут же взяли. Отсидел он полтора года во внутренней тюрьме, ожидая расстрела, но тут царица-случайность помогла. Клеили ему обвинения в троцкизме, и дело попало к дружку по отделению, а тот порядочным человеком оказался, взял дело и к начальству: "Да какой он троцкист, если грамоте лишь недавно выучился и с трудом рабфак окончил?" И убедил. Выпустили отца и выгнали со службы... Правда, отправили из столицы в далекий городок, помогли устроить на должность инженера в какую-то инспекторскую организацию - у нас же все инженеры, правда?

Началась война, и он сразу пошел на фронт. Отвоевал, и снова взяли отца в отвергнувшую его организацию, тем более что после войны дел не поубавилось, с запада шли пленные, их приходилось фильтровать, отсеивать, высылать и сажать. Назначили отца большим начальником в приграничный областной город, где, между прочим, пошаливали местные враги режима.

Знаете, как у нас в провинции, Алекс? Три там хозяина: партийный босс, начальник округа и глава карательной организации. Жили мы... куда там аристократам! Двухэтажный особняк с часовым у входа, яблоневый сад с забором, над которым заграждение из колючей проволоки, две немецкие овчарки.

В общем, голода и разрухи я не ощущал, радовался жизни и собакам, раскатывал на отцовских автомобилях с его личным шофером (у отца были "ауди" светло-кофейного цвета с открытым верхом, "опель-капитан" и "опель-кадет"), раскатывал и не понимал, почему люди смотрят на меня угрюмо, без всяких восторгов, а со страхом...

Я уже в школу ходил и кое-что понимал, читал серьезные книжки, самообразовывался и даже отца просвещал. Народ вокруг него крутился боевой, энергичный, словами не бросались, обстрелянный был народ, закаленный. Иногда напивались до чертиков. Помню друга отцовского, генерала в красных трофейных калсонах, орал он что-то о бандитах на постели в подпитии - рядом девка полуголая, - вдруг как вытянет из штанов на стуле пистолет и давай палить в потолок...

Хорошо помню юбилей отца. Собралась местная элита со своими бабами - все глупые как пробки, в тысячу раз тщеславнее мужей, все помешаны на трофейных тряпках - кто-то встал и говорит: "За юбиляра мы еще выпьем. А первый тост наш, товарищи, за вождя народов, за гения человечества", - и так далее. Впервые я почувствовал какую-то несправедливость: почему за него, если у папы юбилей?

Все это я вам сейчас рассказываю с ухмылочкой, Алекс, но тогда вся эта братия вызывала у меня восхищение, да и вбили мне уже в голову, что нет ничего более святого, чем наша служба, в которой самые честные и кристально чистые, преданные навеки!

Капитализма никто не видел, но ненавидели его люто, собственность презирали, но не отказывались, если что плохо лежало... Не все, правда. Отец, например, рвачом не был, деньгами швырялся налево и направо, ни о какой машине или даче и не заикался, хотя все это легко мог приобрести... И в то же время роскошный особняк, часовые, денщики, государственные машины. Но это считалось вполне в порядке вещей.

Учился я прилежно, но сейчас думаю, что отметки мне завывшали, стараясь угодить отцу, хотя он и в школе ни разу не был, никого там не знал. Мать в больнице работала, жила своей жизнью и вскоре ушла от отца к какому-то доктору в коммуналку. Передо мною встал выбор, и я остался с отцом, хотя мать любил больше, а еще больше любил особняк и яблоневый сад, где стрелял воробьев из мелкокалиберной винтовки.

Если бы только все это были ошибки незрелой юности, Алекс! Когда я впервые попал в Париж, прошелся по Монмартру, осмотрел Лувр и другие красоты города, не восторг и благоговение охватили меня, а снисходительное презрение к ухоженным газонам, к горничным с детьми в тенистых парках, к благоустроенным квартирам и хорошо одетым людям в автомобилях. Понятно, если бы я жил в нищете, хотя эта проклятая зависть перевернула нашу страну вверх дном, а я ведь... что говорить? Возмущался я, что трудящиеся обуржуазились и забыли о великом будущем и великих принципах, которыми дышит Мекленбург! Почему не уничтожают они свой прогнивший строй и не создают царство свободы, равенства и братства? Верил во все это, говорю как на духу.

Помню, еще дома, когда я был в гостях у знакомого художника, собиравшего иконы и антиквариат, в большой квартире, обставленной старинной мебелью, я спросил его: зачем нужны ему все эти вещи? Он аж растерялся: все это прекрасно, друг мой, ибо сделано рукой мастеров, рукой человека. "Но это же собственность!" - воскликнул я, не понимая, как прогрессивный человек может жить мещанским собирательством.

Боже мой, Алекс, какую жизнь мы прожили! Сплошной туман! А жили ли вообще или только казалось, что живем?

Юджин схватился за голову, потом за свой стакан. Мысли его удивительно перекликались с моими, мне даже стыдно стало, что у нас существует нечто общее - что общего может быть между солдатом незримых окопов Алексом и сбежавшим подонком? Впрочем, я слушал внимательно его исповедь (если это не была полная лажа) и кое-что наматывал на свой гусарский ус.

Одновременно я поглядывал на чуть-чуть приоткрытые пухлые губки Матильды и прикладывался к виски, вдруг запахнувшему вересковыми полями, бутылка таяла на глазах, ибо вылезший из трясины воздержания Евгений подливал и подливал в свой бокал, щедро смачивая свою исповедь. А на кой леший тащить его в Лондон? Почему не попытаться нейтрализовать прямо в Каире, в оазисе восточной цивилизации? И снова идефикс с пирамидой Хеопса: "Какая красота, Юджин, взгляните вниз! Как блестят на солнце минареты..." (и кончиком зонта в спину).

Ты что, спятил, Алекс? О чем ты думаешь? Как там у Святого Матфея? *Не убивай, кто же убьет - подлежит суду. А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата... своего...* Хватит виски, кровожадный Алекс, оно распялет твою фантазию, лучше прикинь, можно ли вывезти его прямо из города? Куда? В какую-нибудь соседнюю страну, идущую славным мекленбургским или некапиталистическим путем... Не убивай, кто же убьет - подлежит суду. И не надо убивать, надо нейтрализовать! Ха-ха и еще три ха-ха.

Сколько подобных историй я наслушался в своей жизни! Что там счастливая смерть на каменных плитах и приключения папочки Юджина! И о быстрых выстрелах в затылок арестованным, уверенным, что их ведут на концерт тюремной самодеятельности, и о сваленных в навозную яму мертвых и полумертвых телах, и об избиениях привязанных к стульям заключенных...

А Впрочем, все можно выкрасить в один цвет и вымазать грязью. Бывало ведь и весело, люди жили, дарили цветы женщинам, любили, ели семгу, занимались спортом. И в работе была масса незабываемых хохм. Философ и поклонник ливерной колбасы не раз рассказывал за бутылкой, как он брал крупного шпиона, скрывающегося на тайной квартире, как грозно стучал в дверь и угрожал сорвать ее с петель, как орал на хозяев,

утверждающих, что в квартире никого нет. И вдруг в тишине звуки пишущей машинки из чулана в дальней комнате (О, вот он где! Он там печатает прокламации! Взвод, в ружье!), рука сама собой вырвала из кобуры маузер, рывок к чулану - и перед бойцами в кожаных куртках... кролики! Сидели себе и стучали лапами по полу, усеянному крошечными шариками... О, как мы хохотали и как славно шла белая под ливерную колбасу за шестьдесят четыре цента фунт - такие цены в капиталистическом раю и не снились!

- Вам все это, наверное, скучно, - услышал я голос Фауста, - но я все-таки продолжу!

- И Алекс встрепенулся и снова превратился в гнусную черную собачонку, бегущую за доктором Фаустом и еще не принявшую облика зловещего Мефистофеля, поющего "Сатана там правит бал!".

- Я слушаю вас очень внимательно, Юджин.

- Я немного нуден, но иначе вы не поймете, почему я порвал со своим прошлым и возненавидел шпионаж... Итак, я осмысливал жите и делал жизнь с того товарища в шинели, который одиноко высится на постаменте, повернувшись спиной к известному зданию. Я окончил школу с золотой медалью, поступил в престижный институт... А мать, между прочим, ушла от своего доктора и вернулась к отцу, вышедшему на пенсию, до сих пор живут они и здравствуют в этом зеленом городе. Думаю, что отец проклял меня, если ему сообщили... во всяком случае, на словах. Что стоят слова, если пенсии можно лишиться? Что-то у вас сонный вид, Алекс... Постарайтесь понять меня, вы, как мне кажется, неплохой человек и сохранили остатки совести³⁹.

Но вы, Алекс, принадлежите к породе людей, созданных для служения государству, и это не оковы для вас, а высшее предназначение. Вы, Алекс, прирожденный служака, не обижайтесь, Бога ради, в этом смысле вы выдающийся человек! Я, например, всегда в сомнениях, всегда мечусь, ни в чем у меня нет уверенности. А вы... вы из другого теста, вы человек действия и отлично могли бы служить всем: и Робеспьеру, и Бонапарту, и Рузвельту, и Гитлеру, и папе римскому; не обижайтесь, это прекрасное качество. Такой уж вы человек! Не зря вас высоко ценит начальство!⁴⁰

- Не отвлекайтесь, Юджин, - заметил я сухо. - Мне очень интересно слушать вас. Итак, вы оказались в институте...

- Извините, я действительно склонен отвлекаться... Рита, ты не сходишь еще за бутылкой? Как говорит отец, раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!

Матильда махнула грудью, еще раз опалив ею мое задремавшее либидо, и молча вышла из комнаты. Вернулась она с бутылкой довольно быстро, словно боялась пропустить исповедь.

- Поехали в Лондон, Юджин, - сказал я прочувствованно. - Я обещаю, что все устроится так, как вы хотите!⁴¹

Но он словно пропустил мои слова мимо ушей.

- В институте я решил вылепить из себя просвещенного человека, - продолжал он, - составил себе программу, включил древних греков, современных полузапрещенных поэтов,

³⁹ Я тут же вспомнил, что у Шакеспеаре какой-то кровавый циник изрекал, что величайшая фантазия, именуемая совестью, ничего не значит и лишь делает человека трусом.

⁴⁰ Я уже начал подозревать, что и в моем личном деле он покопался. Спасибо начальству, если в нем лежали такие лестные характеристики!

⁴¹ Как говорил Учитель, обещания похожи на корку пирога, и дают их для того, чтобы нарушать.

стенографические отчеты... Разрывали меня там мечты и амбиции великие, хотелось мне стать Талейраном, полковником Лоуренсом, Кузнецовым или каким-нибудь другим великим разведчиком.

И все ожидал я, что меня пригласят и осчастливят, - на кого же, как не на меня, потомственного охранителя устоев, обратить внимание? Ведь я принадлежал к почетному шпионскому клану (разницы между разведкой и контрразведкой я тогда не усматривал), самому надежному, самому проверенному и безраздельно преданному Великому Делу.

Все ожидал я, что меня пригласят в какой-нибудь высокий кабинет и из-за стола выйдет человек в штатском, с уставшим лицом и грустной улыбкой. Я представлял, как он усаживает меня рядом на кожаный диван, говорит об огромном доверии ко мне и предлагает совместно работать во имя высших государственных интересов. Конечно, не против своих, не в роли стукача, хотя в общем-то я и на это пошел бы, если предложили бы под благородным соусом: скажем, студент такой-то часто бывает в американском посольстве... Ну как на него не доносить? Тут уж сам Бог велел, это же не анонимная записочка о том, что некто слушает регулярно Би-би-си. Нюанс ведь есть, правда? Какой все-таки сукой я был!

Но институтские годы шли, и никто не прибегал к моим услугам, никто не вызывал! Сначала я объяснял это тем, что мудрая служба ожидает моего дозревания до такого амплуа, и удесетерял усилия в деле самоусовершенствования, но минул четвертый курс, а все не появлялся на горизонте человек с грустной улыбкой.

Тут я уже начал нервничать: уж не попал ли я в число недостойных или, не дай Бог, подозреваемых? Я всегда был осторожен в связях, но еще раз взглянул на круг своих знакомых (близких друзей я не имел, ибо не находил среди окружения равных по уму и таланту) и быстренько вычистил из него и тех, чьи родственники отсидели, и тех, кто иногда высказывал спорные мысли. Но и после этого не пригласили меня в таинственный кабинет... Тогда я пошел еще дальше и отсекал от себя знакомых из мира богемы и евреев: может быть, они пугали моих ангелов-хранителей? Но и тогда лед не тронулся, а учеба шла к концу, и многие уже прикидывали, каким образом устроить свою судьбу.

А тут еще небольшая практика за границей, кое-кто выехал, а меня не взяли! Я совсем в панику впал и решил, что это из-за Каутского, да! да! стоял у меня на полке томик Каутского о "Капитале", изданный у нас, но по тем временам способный навести на определенные размышления. Жалко было Каутского жечь, а оставлять где-то еще опаснее: ведь могли и по отпечаткам пальцев, и по пометкам на страницах легко определить владельца... Пришлось закопать Каутского, так он до сих пор в земле и лежит, тлеет себе преспокойно. Но и тогда не раздалось долгожданного приглашения! Молчали компетентные органы, словно обиделись на меня за что-то.

И тут грянул фестиваль молодежи 1957 года, помните, как он прорубил окно в Европу? Событие революционное, я сказал бы, эпохальное, у многих тогда раскрылись глаза... Боже, как жрали бесплатную икру и осетрину и мы, и иностранцы! До победного конца, до поноса! Какую коммунистическую скатерть-самобранку расстилали прямо на воздухе, с проходом по фестивальному пропуску! Куда там парижскому "Максиму", двери которого открыты для всех - для богатых и бедных, но только взглянешь на цены, и пропадает аппетит!

Меня определили на фестиваль переводчиком, представили руководителя и его

заместителей, среди которых своим чутким натренированным годовыми ожиданиями нюхом я сразу выделил низкорослого улыбчивого человека - улыбка, правда, была не грустная, наоборот, бодрящая, вселяющая вечный оптимизм... Звали его Василием Поликарповичем, или, нежнее, Карпычем, - так мы его называли за глаза. Переводчики при упоминании имени Карпыча как-то значительно поджимали губы и придавали лицу чрезвычайную серьезность - ведь сами понимаете: засмейся некстати, и кто-то настучит, что не уважает или пренебрегает, - он ведал, естественно, общими вопросами, не владел иностранными языками, не видел особой разницы между, скажем, японцами и китайцами, не разбирался в премудростях пропаганды - в общем, по всем параметрам принадлежал к нашей уважаемой внутренней организации, ловащей шпионов.

Решительности у меня никогда не хватало, но тут уж ситуация сложилась отчаянная, я решил пойти ва-банк и постучался однажды в дверь его кабинета. Встретил меня Карпыч ласково, угостил чаем, слушал, не перебивая, лишь ложечкой иногда позванивал, а я поведал ему с пафосом, что мой отец - старый сотрудник службы, и так далее, и тому подобное, и вот сейчас, когда вокруг иностранцы, я счел своим долгом... Ну что вам, Алекс, рассказывать? Разве мало вы встречали добровольцев даже среди англичан, которых уж никто силой не тянет в нашу повозку? И не ради денег, а из высоких побуждений, из ненависти к частной собственности и из восхищения самыми передовыми идеями!

Карпыч поблагодарил меня, но не дал определенного ответа - это меня совершенно убило. Как же так? Я ведь уже среди своих испаноговорящих вычислил и агентов Франко, и агентов ЦРУ! Уже потом я узнал, что до меня просто не доходили руки: и институт, и фестиваль обслуживался целыми полками агентуры. К тому же, как известно, агентов лучше вербовать не из своей среды, а в стане обиженных, репрессированных, диссидентствующих. Им ведь верят больше!

И вдруг после фестиваля подарок судьбы: телефонный звонок, и рокот приятного баритона Карпыча.

- Здравствуйте, Женья! Узнаете? - Обычный вопрос малоинтеллигентного человека, уверовавшего в запоминаемость своей исключительной личности, включая голос.

Но я узнал его сразу, и сердце рванулось из груди от радости и гордости, я уже знал, что меня оценили и взяли! взяли! словно приобщили к лику святых.

А потом пошло-поехало. На следующий день встретились мы с моим благодетелем и его рыжим товарищем по имени Жорж, веснушчатый парнем лет тридцати, который раскрывал рот лишь в те моменты, когда Карпыч пил или жевал, прошли в ресторан, где Карпыча хорошо знали и почитали, столик накрыли с невиданной для нашей державы скоростью и сразу принесли бутылку трехзвездочного...

Я кое-что представлял о секретной работе и все ожидал, когда Карпыч возложит на меня, как говорится, конкретные задачи - так мы привыкли к задачам неконкретным, что вынуждены употреблять дополнительный эпитет - и раскроет тайны моей миссии. Но мы пили себе, Карпыч заказал еще бутылку и по второму шашлыку... Шла обычная пьяная болтовня, Карпыч за что-то отчитывал рыжего, красиво пили, ничего не скажешь, ребята были здоровые, правда, через десять лет обоих выгнали за пьянство, но это уже другой разговор!

Больше всего поразил меня финал нашей трапезы: Карпыч оплатил счет, положил его в карман и вдруг достал из пиджака небольшой блокнот.

- Женечка, ты напиши расписочку: "Мною... как тебя назвать по красивее, не возражаешь против... "Рема"? Мною, "Ремом", получено на оперативные расходы пятьдесят". Подпись. Число.

Я, естественно, написал.

- А теперь давайте, ребята, на посошок! И за твой день рождения, "Рем"!

Мы выпили, и я заглянул ему в глаза, ожидая, что сейчас он передаст мне конверт с деньгами, поставит конкретные задачи, объяснит, на кого их тратить. Но он не передавал, и я совсем смутился.

- Ты что? - улыбнулся он.

- А на что я должен эти деньги истратить?

Карпыч лишь расхохотался в ответ, расхохотался тихо, профессионально, не привлекая внимания окружающих.

- А мы их уже истратили, Женечка! Понимаешь, наша бухгалтерия на угощения выделяет мало, еле-еле на бутерброды хватит. В тридцатые годы, видно, нормы утверждали... Так что привыкай!

Так состоялось мое боевое крещение, мое посвящение в рыцари, и вскоре подключили меня к какой-то группе, как говорится, прогрессивных журналистов, исходивших любовью к нашей стране и жаждущих описать все достижения. И поехали мы по отечеству. То ли группа подобралась такая, то ли слишком большие я питал иллюзии, но ничего, кроме отвращения, не оставили они у меня в душе: бессовестные иждивенцы, им бы пожрать и попить за чужой счет, встречал я таких потом тысячи раз, и каждый раз обида и ненависть мучили меня, обида за наш обобранный народ, позволяющий себя околпачивать. Как ненавидел я этих иностранных жуиров, друзей пролетариата, попивающих водочку и в наших посольствах, и в наших южных санаториях!

Во время поездки я завербовал одного левака, впрочем, он сам себя завербовал давно, что-то есть в этих леваках противное, как вы думаете, что?

Карпыч оценил мое рвение и решил специализировать меня на ролях Дон-Жуана - видимо, мой солидный нос производил на него впечатление, человек он был простой, без затей...

Первая примерка новых одежд состоялась в шикарной гостинице, куда наш агент, лысый старик из какого-то издательства, приволок двух секретарш голландского посольства, а я же вроде бы случайно оказался в зале ресторана и проходил мимо столика, за которым они пировали. Старик меня окликнул, обнял, как давнего знакомого, усадил, несмотря на мое разыгранное сопротивление, представил дамам... В общем, простенькая комбинация на уровне сельпо, хотя простые методы работы никогда не устаревают, они ведь рождены жизнью - куда уйдешь от случайных встреч? Убежден, что и Фуше, и Гиммлер, и Брюс Локкарт работали теми же методами, что и неприметный Карпыч.

"Конт" опорожнил бокал, а мне вдруг захотелось прижаться к груди Матильды: Мефистофель уже был подшофе, да и вообще я обожаю танцевать с незнакомыми женщинами, вдыхать их новый, еще не познанный запах⁴², жадно пожирать его, запах так много значил для меня, видимо, моя жизненная сила скрывалась в ноздрах, как у карлы Черномора - в бороде.

⁴² И снова Вилли: "Роскошная смесь запахов негодя, поражающая ноздри".

- Включите что-нибудь веселенькое, Бригитта, - попросил я и сверкнул глазами, перед которыми никто не мог устоять.

И вдруг зазвучало танго, модное танго пятидесятых годов. И я даже физически ощутил, как танцевал его с Риммой на танцплощадке в духоте южной ночи, и к Римме вдруг пристал здоровенный пьянчуга и начал задиаться. Я чуть с ума не сошел от ярости, заломил ему руку простеньким приемом (в семинарии по самбо и прочим подобным предметам я всегда держал первое место), из какой-то бесовской мести заставил его вынуть из кармана паспорт, заложить его в зубы - он стонал - и довел его в сгорбленном положении до отделения милиции. Ах, Алекс, буйная головушка, бери на бордаж свою погубительницу!

И мы затанцевали с Бригиттой картинно и нежно, - если бы не этот упившийся Фауст, следящий за нашими движениями с расплывчатой мерзкой улыбкой, то танго затянулось бы надолго. Но все прекрасное в этом прекрасном из миров кончается слишком быстро, - кончилась пластинка, я выпустил трепещущее сокровище из рук и присел за стол.

Юджин только и ждал, когда мы закончим, и сразу же раскрыл свою varejku.

- С голландками дело не выгорело, птички они были стреляные и на такую туфту не клонули - видимо, хорошо их инструктировал посольский офицер безопасности. Но Карпыч не унывал, верил в мое будущее, верил и надеялся, что я оправдаю доверие, и потечет в его раскрытые мешки золотая, сверхсекретная информация. Странная это вера у наших работников - убеждены они, что женщина, если с ней переспать, обязательно нарушит все законы и выдаст все секреты! Откуда это идет? Неужели они верят, что случайная связь - это уже роман Ромео и Джульетты? Думаю, что от примитивности это идет и от собственных жен. Но доля истины тут есть, впрочем, в любой глупости всегда есть доля истины... Многие на этом ожглись, но кое-кто схватил и звезды: ведь были стервы, которые и документы крали, и мужей своих вербовали.

Итак, причастили меня к великому делу шпионажа, успокоилась наконец моя досель не завербованная душа, получил я своего духовника в лице Карпыча, пропал комплекс неполноценности честного гражданина своего отечества, ужасный комплекс, между прочим. Сколько я встречал людей, угнетенных недопуском к секретной информации или табу на выезд за границу! Одного моего приятеля, приехавшего из-за границы, задержали вдруг в отпуске без объяснения мотивов, а у него уже билет за рубеж куплен. Приехал он ко мне домой с початой бутылкой, руки трясутся, белый, как полотно, словно перед казнью. Все гадал: почему? почему? что случилось? И представляете себе, на следующий день повесился! Привязал ремень к трубе в клозете и туту! А оказался пустяк: бумаги его где-то задержались, а его повышали в должности...

Как мы все измельчали! Вертер покончил с собой из-за Лотты, полковник Редль - из-за бесчестия, Томский не хотел пачкать свое имя, Фадеев не вынес бремени прошлых грехов... Да у нас любого начальника отстраните от должности - и уже инфаркт или запой! Но опять я отвлекся, извините меня, Алекс, стройностью мысли не блещу, к тому же давно не говорил с соплеменником.

Однажды встретились мы с Карпычем в каком-то мрачном дешевом кабаке (от шикарных ресторанов мы к тому времени уже отошли, ведь я стал уже ценным агентом, а там вокруг иностранцы!), как обычно, боевой стандарт: сначала два по сто пятьдесят, потом еще по сто пятьдесят, потом по двести, чтобы не размениваться на мелочи. Закусывали легко, стараясь не особенно вырваться за служебную смету.

И тут, Алекс, подбрасывает мне благодетель Карпыч золотое дельце: студентка француженка, собирается поступить в разведку, приехала туристкой, но, видимо, с заданием, знает немного наш язык, и, как выразился мой шеф, слаба на передок и недурна на вид. Карпыч мои задачи сформулировал скромно: познакомиться на нейтральной почве и попытаться развивать контакт - извините за служебный язык, но тогда его слова звучали, как симфония. Вербовать Нинон - так звали мою жертву - Карпыч не призывал, над блюдом еще следовало поколдовать, серьезно его разработать: ведь о девице известно было мало.

Накануне ее прибытия, захватив из дома выходной костюм, шитый на заказ по всем правилам нашего отечественного уродства, поселился я под чужим именем в первоклассном отеле в качестве скромного аспиранта, прибывшего в столицу для завершения диссертации.

Нинон, на которую мне указали во время регистрации у окошка, оказалась смуглой, похожей на латиноску женщиной, не Софи Лорен, конечно, но весьма милой, особых порывов во мне она не пробудила. По докладу наружного наблюдения - обставили ее так, что и комар не пролетел бы, - первый вечер она провела у себя в номере. Вот и готовый сценарий: два аспиранта, объединенные любовью к науке и уставшие от одиночества, находят друг друга в гостинице, естественно случайно, все случайно в нашей жизни: и рождение, и смерть, и любовь, и все это ужасно, Алекс!

Ох, как я ненавижу все эти комбинации! И не потому, что нахожу в них нечто противоестественное, а из-за нервозности и вечной боязни неожиданности, которой воздух пропитан! Стареешь, стараешься и вдруг - бац! - словно кирпич на голову: извините, я с вами говорить не могу, у меня свидание! - это я все о случайной встрече толкую! о самых тонких подходах с расставленным неводом, сквозь который так часто уходит рыбка. Я, например, бегу ото всех случайных знакомств, как заяц. Садясь за столик, где уже сидят, испытываю неловкость, словно вошел в чужую спальню, скажу "приятного аппетита" и замолкаю, чуть ли не краснею от смущения, иногда на вернисаже разговоришься с интересным человеком и рад бы продолжить знакомство, да неудобно!

Но хватит философствовать... Итак, на следующее утро я проснулся рано и сразу встал, как бегун, на стартовую дорожку в ожидании сигнального выстрела. Позвонили: вышла на завтрак. Я сломя голову помчался вниз по лестнице, придал физиономии... как бы вам сказать? этакое скучающее выражение - с таким лицом Онегин являлся на бал или наводил лорнет на ложи незнакомых дам - и открыл дверь кафе, где одиноко сидела моя избранница, по-нашему - объект.

Наши взгляды встретились на миг, она тут же снова уткнулась в меню, а я помотал головой и со страху прямо подошел к ней.

- Извините, могу я подсесть за ваш столик? В зале никого нет, а мне скучно сидеть одному...

Прямо скажем, более идиотского предлога не сыщешь, но, видимо, моя растерянность и непосредственность действовали на нее благоприятно, а если она действительно была связана с разведкой, то представляю, как хохотала в душе.

- Пожалуйста... пожалуйста.

Дальше пошел обычный треп: "Вы не с юга? почему акцент?" - "Я из Франции..." - "Да не может быть! Так хорошо говорите! Где вы изучали наш язык?" - "В Сорбонне". - "А по-испански вы не говорите?" - "О, какой у вас испанский! Неужели у вас так хорошо преподают? Откуда вы?" - "Да приехал к диссертации готовиться..." - "Какое совпадение! И

я тоже! А какая у вас тема?" - "Татаро-монгольское иго. Знаете, если бы не татары, мы обогнали бы европейские народы... мы ведь стали на пути татар, как стена..." - "Я кое-что читала об этом..." - И пошло - пудрил я ей мозги не без вдохновения и не без результата. Договорились встретиться у библиотеки, потом пошли в музей. "Ах, какие у вас импрессионисты, не хуже, чем в Париже!" - "Хотите, я покажу вам иконы? А вот взгляните, какой уникальный Гоген!"

В живописи я был неплохо поднатаскан, ибо одно время дружил со старым художником-абстракционистом, правда, когда впал я в панику из-за неопределенности своего нестукаческого положения, пришлось вымарать его из списка знакомых.

Юджин налил себе в бокал и пошел за льдом, а я включил музыку и снова не пощадил Бригитту, прижались мы тесно и пахла она призывно, была некая тонкость в ее запахе, к которому примешивались ароматы "Коти" ("Цыганка с картами - дорога дальняя, дорога дальняя - казенный дом!"), - и все это врвалось в мои мефистофельские широко разverzнутые ноздри.

Фауст вернулся из кухни и улыбнулся, глядя на наш танец:

- Вы все-таки страстотерпец, Алекс!

Страстотерпец так страстотерпец. Приятное словечко, хотя и старомодное. Играй, играй, страстотерпец, на разрыв аорты с крысиной головой во рту, играй, пока играет, вот стукнет лет шестьдесят, схватишься за голову: зачем жил? Почему забыл о душе? Зачем грешил? Что оставил человечеству? Посадил ли хотя бы одно дерево? Да посадил! На субботнике в монастырском подсобном хозяйстве! А Бригитта хороша... Ах, вовсе я не страстотерпец и не женолюб, просто я люблю жизнь, и что делать, если звуки и запахи затягивают меня в свой прекрасный водоворот... Что там вечность? Существует ли она? *А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.* От Матфея. От "Черного Джека". Аминь.

- Вы будете слушать? Садитесь к столу, наливайте виски! И ты, Рита, тоже садись, хватит с ним танцевать! Итак, после музея двинулись мы в ресторан самого высокого класса, там и зеркальные потолки, и фонтан с карпами, которых официант вылавливал прямо из воды...

Карпыч дал мне полный карт-бланш и целую пачку денег: шикуй, брат, только достигни цели! Из ресторана направились в наш отель, прямо ко мне в номер, взяла коньяку и шампанского...

Думаете, почему я так подробно рассказываю? Просто эта история перевернула мою жизнь, заставила посмотреть на себя со стороны... но это потом.

Тут уж, простите, некоторые оперативные детали. Карпыч, прогнозируя различные вероятности, в том числе и благоприятное развитие событий - мне не совсем удобно говорить об этом при Бригитте, - настаивал, чтобы сие действо разворачивалось в моем номере и ни в коем случае не на территории Нинон ("Ты к ней в номер не ходи, удерживай в своем. Хорошенько напои ее "белым медведем", ясно?"). Карты, правда, полностью не раскрывал, но явно недооценивал мои познания в шпионских делах, не учитывал, в какой среде я вырос, а я еще в детстве прочитал о секретных службах целые горы литературы. Так что Карпыч столкнулся с человеком просвещенным и напрасно сделал вид, что удивился моему вопросу о секретном фотографировании ("Что за чепуха? Зачем? Ты об этом не думай, делай, что тебе говорят!").

И пошел я на бой, на смертный бой. Нервничал сильно, пили мы убойную смесь шампанского и коньяка, пили из стаканов, стоявших на круглом подносе у графина с питьевой водой, я не успевал наливать, поднимая тосты за приятное знакомство, в общем, начал я ее целовать, но моя красавица вдруг побелела, превратилась в бесчувственный труп и, шатаясь, проковыляла в туалет. Выворачивало ее жестоко, но вернулась она оттуда, хотя и поблекшая, но полная сил, начала раздеваться, и я тоже времени зря не терял, сбросил свои импортной ткани брюки-клеш и повесил их на стул, который пришлось пододвинуть поближе к дивану. И вот закончены все прелиминарии, полк рвется в бой, авангард вступил в город... и вдруг телефонный звонок! "Убери стул! - слышу повелительный крик Карпыча. - Убери стул побыстрее!"

Тут я смекнул, что спинкой стула загородил объектив, вмонтированный в стену. А пока я убирал - финита ли комедия! Пропал весь мой пыл, и вдохновение улетучилось мгновенно без всякой надежды. Был я тогда настолько юн, что даже не понял, как такой пассаж мог произойти!

К счастью, ей снова стало плохо, довел я ее до номера под бдительными очами нянечек-стукачек, договорился на следующий вечер. И вдруг понял: ничего у меня не выйдет, не отвязаться мне теперь от мысли об объективе фотокамеры!

На следующее утро побежал к врачу, в столице тогда много висело частных объявлений о мочеполовых болезнях. Доктор усмехнулся, пророкотал что-то и за восемь рванных вколол мне целый шприц какой-то дряни.

Карпычу я об этом рассказывать не стал, постыдился, а он попросил меня, улыбаясь: "Ты, брат, старайся... по-разному... чтобы покартиннее, понял?"

Выпили мы на следующий вечер лишь бутылку шампанского, и я сразу же приступил к делу. Черт побери, за что отдал такие огромные по тем временам деньги? Лицо в поту, руки ослабли, никакого эффекта! "Пошли ко мне, - шелчет она. - Мы, аспиранты, любим это дело!" Плюнул я на все и пошел за ней. У горничной глаза на лоб, и сразу же в номер телефонный звонок за звонком. И вдруг я ощутил свободу и радость, словно из тюрьмы вышел, укол взыграл во мне так, что ни телефонные звонки, ни стуки в дверь не мешали... Стою я в черных, до колен трусах, производства орехово-зுவской фабрики⁴³, о заграничных трусах тогда и не слыхивали, а Нинон смотрит на них в диком удивлении - ни у Диора, ни у Кардена таких не видела!

Карпыч пожурил меня за дезертирство в другое помещение, но уверил, что кое-какие материальчики уже в первый раз получились, ах, если бы не стул! не проклятый стул! "Молодец, Женя, неплохо стартовал. Теперь нужно довести ее до кондиции, чтобы она наплевала и на карьеру, и на дом, и на свой Париж". Карпыч не был лишен романтики и, когда напивался, читал строчки одного нашего поэта... помните? о ржавых листьях... "Мы ржавые листья на ржавых дубах! потопчут ли нас трубаки боевые, склонятся ль над нами созвездья живые, мы ржавых дубов облетевший уют!" - Сам считал себя таким листочком, понимал кое-что...

И тут я сломался и отказался дальше работать, лопнула какая-то пружина, горечь и отвращение охватили меня. Не могу, говорю, ничего у меня не выйдет! Если вначале все это

⁴³ Между прочим, доблестный Алекс долго был привязан душой к этой марке трусов, и только конспирация вынудила его обречь себя на западные образцы.

дело казалось мне чуть ли не подвигом, то теперь я смотрел на себя, как на гнусного паучка, плетущего сети вокруг случайно залетевшей прекрасной стрекозы да еще прикрывающего всю эту мразь патристическими идеями вместе с дебилом и вором Карпычем. До сих пор, когда вспоминаю "Убери стул!", омерзение поднимается в душе... "Убери стул!" - словно приказ рабу, но ведь даже не всякого раба в Древнем Риме заставляли проделывать такие штуки. Этот случай словно взломал меня изнутри, оголил мою душу и, как ни парадоксально, привнес в меня чувство порядочности, давно заглушенное абстрактными лозунгами о пользе делу.

И понял я, что никогда не смогу заниматься шпионажем, не смогу затягивать невинного в западню, не смогу выполнять работу, построенную на лжи. Ведь разведка - сплошная ложь! Грязнейшая грязь! Чем отличается добыча секретной информации от простого воровства, от постыдной уголовщины? А подкуп? Разве это не взяточничество, осуждаемое нашими законами? А дезинформация? Разве это не клевета? Все безразлично, все воняет жульничеством и преступлением! Я тогда еще верил в моральный кодекс и великое будущее нового общества... Но какое отношение все это имеет к шпионажу? Как можно утверждать великие принципы, а за спиной обделывать грязные делишки? Все мы словно тупые, ослепшие кони, тянущие несчастный воз в далекую пучину, расцвеченную, как елка, веселыми огоньками и звездочками... Не зря отец советовал мне поступить в архитектурный, чувствовал грехи свои и не хотел, чтобы я пошел по его стезе... Жаль мне его, но в вину ему ничего не ставлю. Что есть ослепшие рабы, которым заморочили голову? Человек слаб и в тоталитарном режиме ведет себя ненормально, живет по бесовским законам, даже не подозревая об этом. Что можно ожидать от недавнего крестьянина, с трудом окончившего рабфак? Не любил он свою работу, а когда вышел на пенсию, возненавидел свое прошлое... Любил он землю и балалайку, а у него все это отняли и превратили в карателя! Жалеть его надо, жалеть!

А моя прекрасная француженка вдруг взяла и уехала, тем самым разрешив мой конфликт с Карпычем. Я твердо решил отказаться от своих шпионских затей и заняться художественным переводом, кое-какой тапанчик у меня был...

Но Карпыч, видно, разрекламировал меня, и стали меня таскать из одного кабинета в другой, вели любезные и высокопарные разговоры, предлагали золотые горы и блестящую карьеру. Прикинуться бы мне тогда шизофреником или ляпнуть что-нибудь незрелое. В общем, уговорили меня. Слаб человек и грешен, и, если не признаете эту простую библейскую истину, залетите в такие дебри, в такие утопии... Страшно сказать! Несло меня по течению, и не было ни сил, ни воли сопротивляться увещаниям. А дальше все просто: спецподготовка, изучение языка... потом женили, не в буквальном смысле, конечно. Мягко это сделали, тактично. Все спрашивал кадровик любезно: "Ты еще не женился?" А ведь это уже внутренние установок, и помимо своих желаний, начинаешь подбирать жену, да чтобы с хорошей биографией. Делаешь это в духе свободы, уже осознанной как необходимость, и вот уже влетел в тихую пристань, бросил якорь. Самое интересное, что все это похоже на гипноз: начинает казаться, что действительно любишь и нет иного выбора. Поразительно, правда, Алекс? Впрочем, женился я счастливо, родилась у нас дочь, затем еще две, а через несколько лет я уже проходил обкатку в Бразилии... Собственно, все остальное уже не интересно, главное - это "Убери стул!". Хотите сигару?

Мы задумили, как два разгоряченных паровоза. Юджин заметно опьянел, даже его

крючковатый нос прорезали ранее незаметные склеротические жилки. Хватит исповедей, друг мой, со мной и почище бывало. Подумаешь, "Убери стул!". А ты что? В белых перчатках хотел работать? Подумаешь, не хотел лгать! А может ли человек не лгать? Кто из нас не лгал в семье? Кто не обманывал друзей? Кто не изменял? И разве не обожает большинство людей сплетни? Не вали все грехи людские на разведку, друг Фауст, вали на все человечество: не изобретали бы интеллектуалы ядерного оружия - нечего нам с тобой было бы и разведывать! Разве не благодаря подвигам ученых превратилась земля в пороховой погреб? Разве конфронтация не есть результат столкновения двух идеологий? А разве мы, разведчики, придумали все эти теории, из-за которых уничтожили целые поколения? А кто преподавал в школах науку классовой ненависти? Разве не интеллигенты? Кто с гордым видом изощрялся в красноречии на страницах прессы? Нет, леди и джентльмены, разведчик подобен святому: он распял свою совесть ради своего народа и врет ради него, и дорогу себе в ад прокладывает ради Отечества! А как еще можно бороться с врагами родины? И тебе, Фауст, лучше заткнуться и не носиться со своей сомнительной совестью как с писаной торбой: поступил ты как обыкновенный подонок, предал страну, которая тебя выкормила и удостоила чести - да, да, чести! - вручив в руки твои щит и меч, дабы ты охранял ее землю от врага. А ты взял и остался, и черт тебя знает почему; и я, вместо того чтобы целовать Кэти в Лондоне, пью твой мерзкий виски и танцую с твоей очкастой бабой! Хватит дымить сигарой, Мефистофель, раскрывай рот!

Но рот раскрыл я.

- Очень интересно вас слушать, Юджин, и спасибо за искренность. Что я могу вам сказать? Я ведь и сам испытывал подобное... и не случайно сжег мосты. Нет смысла рыдать над свернувшимся молоком. Я смотрю на вещи просто: только Запад может помочь нашей стране и нет иного пути. Или - или. Пусть кто-то считает нас предателями, когда-нибудь они поймут, что заблуждались... и что истинные сыновья Отечества - это мы. Да! Мы, перебежчики, - истинные спасители своего народа!

Мои слова своей банальностью напоминали передовицы "Дейли телеграф", которые писал мой приятель Терри Браун, высокий хлыщ со стеклом, водивший меня иногда в клубы Пэлл-Мэлла. В его политическом салоне я питался крохами вполне приличной информации и пил лучший в Лондоне "драй мартини", который вместе с неистребимым занудством Терри подтолкнул меня на отчаянный флирт с его норвежской женой, окончившийся в моей "газели" в пятидесяти ярдах от семейного очага.

- И все же я не понимаю, зачем дался вам Запад, - продолжал я. - Зачем вы рванули? Какой в этом смысл, если вы не работали и не хотите работать на западную разведку? Ну, не лежала ваша душа к нашей службе, попросились бы в запас, придумали бы болезнь, попали бы пару раз в милицию по пьянке, и вас бы вычистили, и еще пенсию бы дали!

- Думаете, меня бы так просто отпустили? - удивился Юджин.

- А почему бы и нет? Я знал одного парня, его увольнять не хотели, посидел он однажды в ресторане, а после освежился в пруду рядом - жарко было. Собрался народ, там купаться запрещено. Скандал в благородном семействе... милиция. И конец карьере!

- Я думал об этом. Но у меня было особое положение. Меня не отпустили бы так просто. Даже если бы я прошел по центральной улице в голом виде, меня не выгнали бы, нет! И я боялся, честно скажу, боялся! - Он даже пальцы растопырил от возбуждения.

Вторая бутылка закончилась, Бригитта ушла в другую комнату, а он снова начал

обсасывать "Убери стул!" и болтать о Карпыче - в печенках у меня была уже вся эта история! Ах, аморально, ах, перевернуло всю душу! Будто Алекс не колол себе в задницу допинг! Не бежать же к профессору! Своєю рукою колол, и продолжалось это не несколько дней под зеркалами комфортабельного отеля, а целый страшный год, и не присматривал в отличие от этого чистоплюя, как выглядит объект (главное, что она служила программисткой на военной фирме), не присматривался и колол себе, и не к чему было присматриваться: баба была толстая и мерзкая, вечно мокрая, и воняло от нее тухлой рыбой, поджаренной на средстве от клопов, жил у нее на квартире благородный Алекс целый год, целовал этот холодильник и Бога молил, чтобы пришибло ее кирпичом с крыши или врезался бы именно в нее пикирующий истребитель НАТО.

Юджин носом своим необъятным клевал, но все говорил, нес уже полную окопесницу:

- Ужасна наша жизнь! Иду я однажды и вижу у забора трех молодых девок-строителей. Думаете, что они делают? Соревнуются, кто выше пописает... Такая взяла меня тоска: им бы Моцарта слушать, любить и рожать красавцев детей, а они...

Он закрыл лицо руками и замолчал, плакал, наверное. Выпей еще бутылку, Фауст, тогда дозреешь и пойдешь поливать слезами грязные каирские улицы, хоть от этого польза будет. Бабы как бабы, веселились, и ничего больше, и прекрасно, и пускай! Ведь не мучились, а мочились и до слез хохотали, когда одна доставала выше. Кому - конец мира и трагедия, а кому - великий оптимизм, вера в жизнь и женская солидарность... Все зависит от того, с какого шестка смотреть на картину, да и каждый видит свое в одном кубическом яреде воздуха.

Римма заламывала руки от восторгов по поводу рассказа любимого Хема, убивалась над драмой швейцарского крестьянина, положившего свою покойную жену в холодный чулан - дороги снегом занесло. Через неделю пробрался к нему кюре, посмотрел на покойницу и ахнул: "Что вы сделали со своей женой? Что у нее с лицом?!" "Да ничего, просто я рубил в чулане дрова, было темно, и не на что было повесить фонарь... я и повесил его ей на челюсть..." - "Вы любили свою жену?" - "Конечно, любил. А что?" Действительно: а что? Не рубить же дрова в темноте? Римма возмущалась первобытностью швейцарца, а с ней спорил...

Тут я пересказал всю эту историю почти рыдающему Юджину, он посмотрел на меня дикими глазами:

- А я ведь слышал этот рассказ... его читали как-то вслух...

Интересно, кто? Впрочем, в Мекленбурге Хема боготворили и знали почти наизусть очень многие. Что ж, доктор Фауст, мы неплохо провели время, хотя личность твою я еще для себя окончательно не прояснил.

Не расстраивайся, продукт веймарского вельможи, мы еще покопаемся в тебе, любезный, плохо ты знаешь старого крота Алекса, он еще вытряхнет из тебя всю подноготную.

- Очень хочу вам поверить, Юджин, но не могу. Кого и чего вы боялись? Вы же не диссидент какой-то! Скажите просто: надоело все, захотел жить по-человечески, уехал за границу и сбежал.

Он поднял голову и посмотрел на меня в упор:

- А кто вам сказал, что я сбежал за границей? Я бежал из своей страны!

- Ни черта не понимаю! Чужь какая-то! Да разве от нас можно сбежать? - Я даже

подавился смехом.

- Мне угрожали... убийством! - Он говорил на полном серьезе. - На меня покушались!

- Да бросьте, Юджин, какого черта вы несете эту чушь? Какие могут быть покушения в нашей столице? Вы же не лидер государства и не шеф тайной полиции! Или, может быть, за вами там охотились западные разведки? - Я захохотал от этого предположения. Нет, он чокнутый, этот Юджин, типичный шизофреник с манией преследования - профессиональной болезнью нашего брата! Кому нужен этот идиот? Бежал! Самый обыкновенный псих, поэтому и боится работать с американцами. Ну, и дохни как собака в своем Каире!

- Последний раз, Юджин, и я ухожу. Поехали со мной в Лондон! Вам предлагают работу, вам предлагают выволить свою семью!

Но он молчал, снова опустив голову на руки.

Я встал и расправил широкие плечи ("а поутру пред эскадроном в седле я буду свеж и прям, просалютую эскадроном, как бы вчера я ни был пьян!"), нежно попрощался с внезапно постаревшей и поблекшей Матильдой, выползшей, словно настороженная ящерица, за мною в коридор, и, стараясь не качаться, вышел в темную каирскую ночь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О ТОМ, КАК ХРУСТЯТ КОСТИ И ЛЬЕТСЯ КРОВЬ, О СЧАСТЛИВОМ ВОЗВРАЩЕНИИ И О ПУСТЫХ ДНЯХ, КОТОРЫЕ ХУЖЕ АДА

*"Вперед, родные, не считайте трупы!"
Газета "Одесский коммунист", 1918 г.*

"Центр, Курту.

Как и предполагалось, неизвестный оказался "Контом". На мои предложения начать работу с "Пауками" он определенного ответа не дал. Встреча в целом прошла нормально, о деталях информирую позже. В настоящее время пытаюсь убедить его встретиться с "Фредом" в Лондоне. Том".

Все это я перевел в цифры своим личным шифром, вызвал на срочную встречу наглуго харю и, не молвив ни слова, передал ему сообщение.

На другой день я уже получил сигнал вызова и вечером раздутый от обиды коллега тоже безмолвно и с ненавистью сунул мне ответ.

"Каир. Тому.

Просим постоянно помнить, что "Конт" нас интересует лишь как отдельный элемент всей операции "Бемоль". Поскольку им заинтересовались "Пауки", он может быть полезен для выполнения вашей основной задачи. Курт".

Чисто, красиво, никаких нейтрализации, вроде бы самому Алексу пришла в голову эта бредовая идея, а чистенький Центр смотрит сверху и лишь напоминает: главное - это "Бемоль", лови свою Крысу и не отвлекайся на Мышей.

Простой обмен шифровками, за которым почти ничего не стояло, а между тем после ухода с Либерти-стрит начались страшные дни, ибо нет ничего ужаснее безнадежного и пассивного ожидания, когда вздрагиваешь на каждый скрип в коридоре и нервно бросаешься к зазвонившему телефону. Ожидание изматывает больше, чем сто проверок на маршруте, не говоря уж о самых рискованных операциях, - я даже теряю вес от ожидания и не идут ни газета в руки, ни виски в горло.

Так я и ждал у моря погоды, крутился в "Шератоне", смотрел в окно, считал звезды в бездонном небе, метался туда и сюда, боялся выйти в город, много раз порывался позвонить "Конт" сам, но говорил себе: "Спокойно, дружище, спокойно, у нас еще все впереди!" Помнишь, что писал великий житель Стратфорда-на-Эйвоне? "Как несчастны люди, не имеющие выдержки. Главное - выдержка!", и я слал свои призывы к "Конт" через стены каирских домов, и шептал: "Соглашайся, Юджин, соглашайся, так тебе будет лучше!", и снова просил Бога помочь, как умолял его в детстве вернуть побыстрее домой маму.

О товарищ Том, о мужественный, о находчивый, о скромный товарищ Том! Помнишь ли ты, какая радость охватила тебя, когда в номере раздался телефонный звонок?

- Здравствуйте, Петро, вы не могли бы спуститься в фойе? - Это пела птица, райская птица по имени Бригитта, пела полной грудью, отдохнувшей от танго соловья. Я пролетел пять этажей словно на мотоцикле, я уже по голосу все понял и благословлял Небо за то, что оно вняло моим мольбам.

- Юджин просил передать, что он согласен на ваши условия. Я пока остаюсь в Каире,

- вот и все, что она сказала, и эти слова придали мне волшебные силы, и выросли крылья серафима, понесшие Алекса над мраморными полами, стойками и столиками отеля.

Чечетка на ковре под пение "где твои семнадцать лет? На Большом Каретном!", стойка на руках; не хватало лишь метлы, чтобы вылететь в окно и порезвиться в необъятном космосе.

Счастье настолько переполняло меня, что захотелось обломить кусочек другу и наставнику в Лондоне.

- Хэллоу, это я, Рэй. Я нашел этого фирмача. Оказалось, что мы когда-то работали с ним вместе.

- Приятная новость, Петро. Хотя и неожиданная. - Рэй тоже был взволнован.

- Он согласился вылететь со мной и поговорить о новом контракте.

- Прекрасно. Поздравляю вас, Петро!

- Я заказал билеты на послезавтра. До встречи, Рэй!

Летели мы без всяких приключений, то впадая в сон, то выходя из него. Юджин дремал около иллюминатора, куда я его засадил на случай, если он решит выскочить в проход, содрогаться, словно рыба, попавшая в сети, стучать по стеклам, пытаться пробить их и выпрыгнуть на пролетающие облака - мало ли что могло взбесить ему в голову? Ровным характером он явно не отличался.

Я рассматривал его полукруглый рот, из которого текла струйка беловатой слюны, и думал: почему все-таки он решил отправиться со мной? Неужели он так хочет увидеть свою семью? Каковы его отношения с Матильдой? Наверняка он с кем-то посоветовался прежде, чем принять решение. С кем? Этот вопрос постоянно крутился у меня в голове, и я снова и снова перебирал в памяти все детали. Впрочем, жизнь научила меня не увлекаться анализом - ведь логика бессильна перед лесом случайностей, и слишком часто разумные построения совсем не похожи на сумасшедшую реальность.

Юджин захрапел, и от этого лицо его стало еще более беззащитным и даже детским, нос скособочился и подполз прямо к углу рта.

Допустим, американцы найдут ему применение (если он уже давно не их человек). Но что будет дальше делать Центр (если он не их человек)? Определенно Центр попытается наказать изменника, но каким образом? Найдут возможности, достанут и без Алекса, достанут изменника. Военный трибунал с Бритвой Головой во главе стола (ножки карлика еле достают до пола) и огненные речи, разведенные опиумом чернил и слюною бешеной собаки: "Расстрелять его, мерзавца!" - и крышка бедному Юджину. Бедному, если он мне не наврал. Если он действительно сбежал от неизвестного чудовища. А если нет? Туда ему и дорога! Особенно противно он изгалялся по поводу нашей древнейшей профессии, просто ангел во плоти! Сколько развелось любителей прочитать мораль, вот и Совесть Эпохи, дувший у нас в гостях водку и попутно ухлестывавший за Риммой, временами ронял на наш отциклеванный паркет такие булыжники, как "верные псы правительства", "зажравшиеся жандармы", "как вы там за бугром гребете?", и однажды за эти штуки был выставлен за дверь и пущен вниз по лестнице ударом ноги по худосочному заду. На другой день позвонил, извинился, что нализался и напел черт знает что ("совершенно не помню, что болтал"), а на самом деле перетрухал: вдруг я стукну куда следует о его излияниях, будто не знал, гад, порядочного Алекса почти всю жизнь!

Ладно, Юджин, пусть ты не любишь Мекленбург, пусть мил тебе процветающий

Запад, Бог с тобой, я сам не из святых и давно уже не трясу старыми знаменами, но зачем топтать в грязи нашу службу? Разве на том же Западе джентльмены позволяют такое? Разве западные разведки не пользуются уважением общества? И никто, кроме ультрарасистов, не встывает им за аморальность. У них это морально, а у нас аморально! А в чем, собственно, мораль? Црушники преспокойно пришли Альенде и еще целую когорту неугодных, приучили весь мир к своим интервенциям, будто это в порядке вещей и на благо свободы, пускают в эфир всякие о нас небылицы, фотографируют нашу военную мощь из космоса и плюют при этом сверху вниз - и все морально?

У нас все морально, фрайер Юджин, и Монастырь нужен государству, пока оно еще не отмерло по предсказанию Учителей. Народу нужна сильная служба без таких слонтяев, как ты, и без олигофренов типа Бритой Головы и его камариллы, пачками выкатывающих из партийного чрева Самого-Самого, аж лестница трещит от их суматошного топота, от нашествия всех этих толстомордых и пузатых (а кто ты сам? кто ты сам? - шептал внутренний голос, - не персонаж ли из "Жития святых"?), не дай Бог попасть в их общество! И жены харями под стать мужьям. Челюсти еще крупно повезло с Большой Землей, а другой мой коллега вляпался так, что не позавидуешь: женился на дочке из сливок общества, на шизофреничке, терзала она беднягу лет пятнадцать, разбивала о лоб рюмки на званых обедах, таскала за нос на людях, а он молчал, как сыч, не пил и не ел, - повсюду стрелял за ним ее шальной зрачок, - танцевал только с ней и любовно смотрел в глаза (другие эту выдру не приглашали), на работу выходил постоянно в лейкопластырях, - острые у нее были коготки, - и все объяснял свои раны сезонными работами на даче, где вечно падает на голову кровельное железо и щеки цепляются о торчащие из стен гвозди. А закончилось все печально - что там леди Макбет! - всадила ему красotka в грудь кухонный нож, предварительно опробовав его на хлебной доске, воткнула прямо в сердце, хорошо натренировалась, он и охнуть не успел... Папаша кровавой леди охотился в одной компании с Бритой Головой на кабанов, скандал замяли - мало ли что бывает в семейной жизни!

Ах, Бритая всесильная Голова! За день до моего вылета из Мекленбурга вызван я был в его высочайший кабинет и предупрежден помощником о строгой конфиденциальности беседы - ни Мане, ни Челюсти, никому ни слова. Решил он со мной поближе познакомиться перед выездом на "Бемоль", прошупать и проставить свою личную цену.

"Как там дела в Англии?" (обожаю эти общие вопросы, так и хочется спросить: "А как дела у вас в Мекленбурге?"), "Много ли там евреев?" (вечно волнующая проблема), "Какова реакция на наши действия по отношению к диссидентам? Видите, в тюрьмы стараемся не бросать, действуем эластично (словечко емкое где-то подцепил, наверное, в привозном порнографическом журнале с рекламой эластичных трусиков), используем положительную практику первых послереволюционных лет, стараемся высылать". - А глазки буравят меня: что ты сам об этом думаешь, Алекс? Как к этому относишься? Но на морде Алекса лишь равнодушие туповатого служаки, он толком и не знает, кто такие эти диссиденты, больные, что ли? Голова продолжает: "К сожалению, очень много больных... очень много..." Алекс только сочувственно покачивает черепом - много дел у Бритой Головы, много забот! Да разве нормальный человек будет заниматься таким бесплодным и вредным делом, как критика мекленбургских порядков? "Конечно, конечно... нормальный человек работает на благо страны, печется о ее интересах..." - Замолк и просвечивает как рентген, а я возьми и брякни, извинительно улыбаясь: к сожалению, я в этих делах плохо

разбираюсь, руки не доходят, у меня в Англии свои задачи... я занимаюсь разведкой!

Помощник его, похожий на некий мужской предмет, даже нос заканчивался раздвоенной бульбой, - достиг ли он такого схождения трудолюбием или еще чем, не знаю, - аж на стуле подпрыгнул (он записывал нашу сладкоречивую беседу для частного досье Бритой Головы, поговаривали, он даже на Маню собирал данные).

Глазки Бритой Головы замутились, словно небо перед грозой: "Как это не разбираетесь?! Наш сотрудник во всем должен разбираться! Такие вещи нужно знать!" Я спохватился: "Я обязательно подчитаю кое-что, поработаю..." - Ведь хлопнут, как муху, и разотрут по стеклу, и хана несчастному Алексу...

А гражданин Ландер преспокойно спал, спал великий нравственник, новый Лев Толстой, почитал мораль и закемарил. Плохи дела с этой моралью, не первый раз об этом слышу. Вот и Римма в свое время вещала: "Ты, Алик, совершенно аморален, ты можешь бесстыдно смотреть в глаза, даже если переспал с другой женщиной!" "А ты не можешь?" "Не могу. Ты искалечен своей профессией, ты не любишь и не можешь любить, ты все время врешь, чтобы овладеть женщиной, ты - жулик, Алик, в тебе нет чувств, ты бродишь с набором отмычек, ты - автомат, которому все равно, с кем! Вот я нашла один стишок, очень тебе подходит: "Избави Бог от нежности твоей, когда ты даже в ненависти нежен и без любви в любви прилежен!" "Что в этом плохого, Римма? Страна всегда ценила мастеров!" "Ремесленников, Алик! Хам, настоящий хам, но себе кажешься дико ироничным!"

- О чем вы думаете? - Юджин проснулся, и я даже вздрогнул от неожиданности. Выглядел он хорошо отдохнувшим и безмятежно улыбался.

- Я все думаю, почему вы все-таки решили ехать со мной? Отказывались отказывались и вдруг решили...

- Можно подумать, что вы этому не рады!

- Конечно, рад, меня за этим и прислали. Он хитро на меня взглянул, даже нос залоснился от удовольствия.

- Хотите правду?

- Правду, правду и только правду! - сказал я и подумал: "Сука ты эдакая, лгун и сука!"

- Все равно вы меня достанете. Лучше играть с вами в открытую!

- "Вы" - это кто?

- А вы не догадываетесь? - колол меня Юджин.

- Опять вы за свое... Вот прибудем в Лондон, сами убедитесь! - Думал Юджин, что на дубину напал.

- Ладно... больше не буду. Скажите, Алекс, а тяжело работать с американцами? Нет ли у вас раскаяния - ведь многих пришлось заложить, правда?

- Да ну вас к черту! - Я уже не на шутку рассердился, чего ему стоит начать брэнчать эту мелодию в развесистые уши Хилсмена.

- Не сердитесь! Извините, если что. Но и дурачком меня не считайте. Если вы мне соврали и на самом деле работаете на Монастырь, то помните, пожалуйста, об одном: если хоть один волосок упадет с моей головы, американцы получат имена некоторых наших ценных агентов. Я их указал в завещании, последнее хранится в сейфе одного банка. Поняли? Поймите меня правильно: против вас лично я ничего не имею, вы мне даже симпатичны... но просто не советую поступать опрометчиво...

Улыбочка уже сползла, скрылась под носом. Вот тебе и Фауст, хорош гусь! Разыграл

из себя чистоплюя, целку и шляпу, а теперь выпустил коготки, и прямо в точку, прямо по большому месту. Держись, Мефистофель, не клюй на эту удочку, Челюсть сам говорил в Монтре, что Ландер знает мало. Скорее всего все это туфта! Встряхнись, Алекс, еще Римма твердила, что ты мнителен и подозрителен ("Что ты обнохиваешь меня, когда я задерживаюсь? Зачем вертишь головой на улице? А что это за манера не говорить рядом с телефонным аппаратом? Ты болен, Алекс, ты - шиз, у тебя мания преследования, кому ты здесь нужен? Не своим же? Или и здесь за тобой охотятся армии агентов?"). А если это американцы? Но какой смысл разыгрывать такую трудоемкую операцию? Посылать своего агента к Генри, затем транспортировать его в Каир, и все это для того, чтобы взять на крючок Алекса! Неужели нет других способов? Ну, а если наши? Если меня захотели спалить и ввести на этом деле в игру "Конта", то ведь это можно сделать гораздо проще. Нет, это исключается, это на наших не похоже.

- Я вижу, что вы помрачнели, Алекс, а зря! - сказала эта скотина. - Я вас просто прошу об одном: если вы связаны с Центром, то сообщите, что я никого выдавать не собираюсь, в том числе и упомянутых агентов. Но если меня попытаются убить, все выплывет наружу... все! Ясно? Больше на эту тему не говорим.

- Зато скажу я. Мне ваша игра, извините, противна! Во всяком случае, никто вас из Каира не тянул и тряпку в нос не совал. Я выполнил честно просьбу американцев. Вот и все. Дальше уж решайте все сами, я в ваши дела путаться не собираюсь! Мы можем даже не общаться в Лондоне!

Нагонять на себя искусственный гнев умел я превосходно, правда, пребывание в самолетном кресле мешало в полную меру размахивать руками и ногами, но зато я умеренно побрызгал слюной справедливого возмущения, растрепав для пущей убедительности исторический пробор.

Больше мы не разговаривали и летели, сосредоточенно углубившись в газеты, словно в мекленбургском метро...

Самолет сделал большой круг, небо опрокинулось, потянув за собой всю панораму фарисейского города, затем стало на место, мы пошли на снижение, снова набрали скорость и спрятались за облака, словно для того, чтобы, вырвавшись из них, еще раз увидеть и дальние очертания собора Святого Павла, и змейку Темзы, и неприступный Биг Бен, и родной Хемстед (родной, подумал я, неужели все, к чему мы привыкаем, становится родным? Хорошо, что Кадры не читают мысли на расстоянии). Я почувствовал, что соскучился по Кэти и даже по миссис Лейн с ее обаятельным сеттером: привычка - вторая натура.

Глубоко вы, Алекс, однако, втянулись в свой маскарад - уже не в силах отличить, где враг, а где друг... Может, вообще вы никогда и не жили в Мекленбурге и всю жизнь торгуете приемниками? Может быть, синьоры! Может быть. Может быть.

Самолет пошел на посадку, и я незаметно перекрестился: в конце концов по легенде я был верующим и покоился на церковном кладбище.

Самолет нежно прикоснулся к земле своими круглыми лапками, словно раздумывая, скользить ли дальше или взмыть снова в поднебесье, пробежал вперед - ветер был в элеронах - и остановился. Пассажиры разразились аплодисментами, бляя от восторга, - как мы ценим свои жалкие жизни! Вот и я осенил себя крестиками. Нет, трус ты, Алекс, совсем измелъчал, разве можно обращаться к Богу по таким пустякам? Трус ты, Алекс, тьфу!

Победившим Цезарем я возвращался в Рим и ожидал ликующую толпу црушников во главе с Хилсменом прямо у трапа (некто вроде встречи на аэродроме Самого-Самого после очередной триумфальной поездки в республику Баобаб) с корзинами роз и мешками, набитыми тугриками.

Но у трапа нас встретили лишь гулящий ветер и два скромных автобуса, доставившие нас к залу, куда через десять минут приплыли чемоданы, затем - таможня и, наконец, церемонно-формальные рукопожатия с Рэем.

- Извините, что я вас не встретил и не провел без досмотра... не хотелось беспокоить по пустякам англичан... все-таки они тут хозяева.

Молодец, Рэй, конспирация - прежде всего, это и Ландера поставит на место, а то небось он тоже решил, что нас встретят с оркестром.

Молодой водитель с военной выправкой открыл двери, я занял место на козлах рядом с кучером, вспомнив о своих наставлениях Челюсти, сидевшему всегда с шофером: "Не совсем это прилично, Николай Иванович, в этом есть налет затхлого провинциализма, на прогнившем Западе все солидные люди сидят только на заднем сиденье!" Между прочим, через неделю он уже сидел за спиной у водителя, послушал умного человека, надо отдать ему должное. И на риск небольшой шел: Маня всегда сидел на козлах и по нему равнялись остальные настоятели - демарш Челюсти привел их в состояние шока.

Мы медленно ползли от Хитроу к центру, перебрасываясь время от времени плоскими остротами.

Я уже прокручивал в мозгах сладкий фильм о предстоящем ужине с непременным "гленливетом", куском мягкой малосольной семги, грушей авокадо с креветками, успокоительным супом из бычьих хвостов - желудочный сок заливал чрево, как Ниагара.

- Я очень рад, господа, что вы благополучно прибыли... очень рад. Вы, Алекс, наверное, очень устали с дороги, вам надо отдохнуть. Я сейчас устрою вашего друга в гостинице, номер уже заказан, а шофер отвезет вас домой.

Лимон выжали и вышвырнули в помойное ведро, даже не угостив за труды, - убил бы я этого скупердяя, впрочем, делал он это не из жадности: меня сразу решили отсечь, да и зачем я был нужен, не в правилах разведки сводить вместе сразу двух агентов.

Около отеля мы распрощались и уже двинулись в Хемстед, когда на пути встала тусклая физиономия коллеги Хилсмена Вика, испещренная вдоль и поперек морщинами, огромное печеное яблоко, зажатое очками. Он провел меня на консквартиру рядом, где я записал на магнитофон всю повесть о поездке в Каир и встречах с Ландером, - сейчас три машинистки перепечатают со скоростью света всю эту абракадабру и Вик подсунет мой отчет Хилскему.

Сорванный ужин и мрачные мысли о выжатом лимоне давили на меня, тут еще вспомнилось, как меня обмишурила Матильда, а вдобавок ко всему у самого дома я вдруг поскользнулся на совершенно ровном асфальте и картинно рухнул в лужу, воздев ноги к кебу, словно мистер Пиквик на катке.

Дом встретил меня глухой тишиной, я подумал, что нужно купить попугая - живности мне всегда не хватало, - и набрал телефон Кэти. Мгновенного и страстного свидания не получилось, говорила она со мной холодно и остраненно, будто все эти дни я

sowed my wild oats⁴⁴. Где вы, Пенелопы, Ярославны и Лорелеи, верно прядущие мужнины носки и бегущие к двери, лишь заслышав далекие звуки шагов? О бедный дядя Том, ты умрешь в своей хижине, пропахшей куревом и водкой, так и не познав женской преданности! Римма тоже никогда не ждала меня, даже если знала о дате моего приезда, не пекла праздничный пирог, не зажигала свечи и не ставила в центр стола внушительную свиную ляжку, обложенную молодым картофелем с укропом. Никто не ждал бедного дядюшку Тома - неужели ничего в жизни больше не оставалось, как мчаться в Сохо на поиски Черной Смерти - Утоли-Моя-Печали?

Спина ныла после позорного падения в лужу, и пришлось открыть желанный "гленливет". Но пить я не стал: пить хорошо в минуты побед и душевного подъема, на виноградниках Шабли и после взятия планки с первой попытки; сейчас пить я не стал, черт с ними со всеми, одна поездка в Каир стоила трех лет жизни, пора подумать о здоровье, открыть новую страницу в жизни, регулярно ходить в бассейн, делать утреннюю зарядку с гантелями, выезжать каждый день на прогулки в Ричмонд-парк, обнимать там оленей и играть в гольф с выжившими из ума сквайрами.

Я еще раз позвонил Кэти и голосом кошки, съевшей чужое мясо, тактично пожаловался на свое болезненное состояние (журчал я, как горный ручеек в необъятных Андах), граничащее с желтой лихорадкой - о грязный Каир! - один вздох, другой, по идее, она уже видела мой обострившийся нос и смертельный цвет щек.

- Ты был в Каире? - Голос ее оживился.

- И кое-что тебе привез... Зачем нам ссориться, Кэти? Жизнь так коротка, мы любим друг друга, конечно, в прошлый раз я был не прав, прости меня! Если бы ты знала, какие удачные контракты я заключил...

Она обнадеживающе подышала в трубку, но позиций не сдала, несмотря на все мои увещевания.

- Я тоже неважно себя чувствую, давай созвонимся завтра...

Нет, звезды сегодня не располагали к удаче, все шло шиворот-навыворот, не случайно я шлепнулся в лужу, плюнь на все, Алекс, залезай на диван, укройся теплым пледом и лежи, не бухти! Вся наша жизнь качается между радостью и бедою и уравнивается в конце концов самым невероятным образом. Плати, брат Алекс, падением в лужу за удачное приземление самолета, которое стоит подороже, - вот тебе и баланс, и равновесие на весах жизни и смерти. Застыли они, чуть-чуть покачнулись - ты сделал свое дело в Каире, и одна чаша взлетела вверх. А вторая... Закрой двери и окна, Алекс, жди грозы и шаровой молнии, и вообще лежи тихо под пледом, и не рыпайся, не высовывай коса из дому в этот вечер, дай весам постепенно возвратиться в норму, с помощью разной мелочи, вроде несварения желудка, севшего аккумулятора, фунта гнилых орехов, подсунутых на рынке в Портабелло, читай свои газеты, Алекс, опять они, гады, хают Мекленбург за военную угрозу и нарушение прав человека, а Мекленбург тоже не лыком шит и вставляет в ответ возмущенному Западу те же обвинения.

Часы пробили одиннадцать тонким расстроенным голосом, и я начал медленно отходить ко сну, гоня от себя паскудную тень Бритой Головы (он в последний момент вдруг

залез в коробок) и призывая туда толстую бабу, которая торговала урюком, сидя на крыльце и высоко задрав юбки, было это в далеком эвакуационном детстве, сидела она враскорячку, и мы, пацаны, располагались около нее на земле и жадно всматривались в темную бездну, обтянутую голубыми трусами, притворяясь, что поглощены расчерчиванием земли для игры в "ножки". Баба являлась ко мне во сны регулярно лет до восемнадцати, потом исчезла, словно обиделась на что-то, и появилась, как ни странно, совсем недавно, после возвращения из Мекленбурга. Сгорал я от стыда, но все равно лез почти под самое крыльцо и предавался грешным созерцаниям.

Баба уже рассаживалась на крыльце и раскладывала на полотенце грязноватый урюк, когда раздался телефонный звонок. Я даже плюнул от злости: кому понадобился Алекс в эту пору? Трубка ответила короткими гудками, я подождал немного, думая, что это звонил Хилсмен или раскаивающаяся Кэти (с ужасом я представил, как она вдруг примчится ко мне и нужно будет вставать и причесываться. Боже! Как я устал от всего этого!). Но второго звонка не последовало, и я с удовольствием залез под одеяло, воссоздавая картины крыльца и урюка.

Меня разбудил звонок в два часа ночи.

- Извините, господин Уилки. - Голос был хриплый и сдавленный. - Это говорят из полиции. Вашу машину, которая стоит у дома, задел пьяный водитель. Вы не могли бы на несколько минут спуститься вниз?

Я быстро натянул на себя спортивный костюм (мекленбургская привычка, в последнее десятилетие там прочно вошли в моду такие костюмы, их носили дома, на курортах и в поездках с таким же самозабвением, с каким после войны носили пижамы) и выскочил на улицу. Моя машина стояла на обычном месте по другую сторону улицы, ярдах в ста от подъезда, ни одной человеческой фигуры не крутилось вокруг.

Лишь только я сошел с тротуара, направляясь к своей машине, как раздался мощный рев мотора, словно взлетал в воздух самолет, и справа полетела на меня черная громада с потушенными фарами - доля секунды - и лежать бы раздавленному Алексу с раскрытым черепом, окропля гениальными мозгами хемстедские бульжники!

Но реакцией я всегда владел первоклассной в волейболе успевал взять мяч почти у земли, дядьку на тренировках по самбо сбивал с ног прежде, чем он успевал двинуть рукой), рванулся, как спринтер на финишной ленточке, грудью вперед и почувствовал легкий удар по бедру, сбивший меня на землю. Тип за рулем тут же дал задний ход, пытаясь переехать меня колесами, но не на дурака напал: покатился Алекс быстрым колом к другой стороне дороги. Водитель газанул, но я успел разглядеть некую миледи в собственном, очевидно, чулке, натянутом на голову в стиле грабителей банков, - на дикой скорости она домчалась до поворота и, визжа тормозами, скрылась за углом. Марка машины показалась мне какой-то допотопной, хотя, катаясь по асфальту, я при всем желании не мог фиксировать детали.

Нет, сегодня на моих звездах стояла каинова печать, веса жизни и смерти раскачивались опасно.

Как ни странно (а может быть, это вполне естественно?), настроение мое, как и у любого уцелевшего смертного, резко пошло вверх; чуть прихрамывая, я направился домой, содрал с себя замызганный любимый костюм и залез в ванну.

Покушение планировалось по незамысловатой схеме дешевого боевика: сначала проверочный телефонный звонок, установивший мое пребывание в замке, затем такой же

⁴⁴ Сеял дикий овес, точнее, прожигал жизнь. Английская идиома XVI века, обожаемая моей преподавательницей английского, много мы наеяли овса в те славные денечки!

ложный вызов на улицу (стало понятно, почему незнакомец говорил голосом застрявшего в клозете геморроидального старца, - как это профурсетка сумела изменить голос?) - работала она классно, еще немного - и готова глубокая яма, Алекс, и мы жертвою пали в борьбе роковой!

Работала изящно, но рука чувствовалась любительская, - во всяком случае, ни ЦРУ, ни Монастырь никогда не пошли бы на такую примитивщину - есть способы поэффеktivнее: и письмо, пахнущее "духами" (смерть через неделю), и легкое прикосновение портфелем к коже руки в метро, и брызги аэрозоля в глаза, инфаркт, и никаких следов при вскрытии.

Весьма похоже на действия отчаявшегося одиночки, но кто так жаждет угробить Алекса?

И тут вдруг меня осенило: да это дело рук Крысы! Или ее подручных! Крыса пронюхала, что я начал ее разматывать... Но с кем она, черт побери, связана? С американцами? Или с англичанами? Или с Израилем? Или с наркобизнесом? А вдруг Крыса - террорист? Или банда? Или масоны? Крыса со своей международной организацией, наблюдающей сверху за дракой наших служб... Крыса идет своим путем к установлению мирового господства... тьфу! Почему бы и нет?

Голова моя разрывалась от догадок вместе с задом, дико болевшим после кувырканый на асфальте (и все-таки падение в лужу было знакомением Божьим, если вспомнить, как граф Плевел поскользнулся на сливовой косточке за несколько часов до того, как его ухнули террористы), звонить в полицию я, естественно, не стал, погладил друга по зеленому горлышку и выпил бутылку в четыре приема, смешивая ее с чистой водой в любимой чаше, прихваченной в свое время в Орвальском монастыре, что на границе Бельгии с Францией, - в конце концов лучше быть алкоголиком, чем покойником.

Утром после изнурительного сна я вышел на улицу и обнаружил на затекшем от дождей столбе, который словно скорбел все мое долгое отсутствие, полоску мела, что означало вызов на встречу от неумоимого Генри, который явно не желал подчиняться условиям консервации и рвался в бой, несмотря на все мои запреты.

Согласно заранее обусловленным условиям связи (о Чижик, помани меня в своих молитвах, о твой великий и могучий язык!), randevu имело быть не на кладбище, где я любил побродить меж дубов и изваяний плачущих вдов на надгробиях, размышляя о непостижимой сути земного бытия и беседуя с приятными мне тенями⁴⁵, а в небезызвестном лесу Эп-пинг Форест на севере столицы.

Но кладбища я не миновал и не хотел миновать, ибо Истбурн-фейвьярд лежало на пути к Эппинг Форесту, а Истбурн-фейвьярд - это фейерверк, это плачущий от хохота, увязший в излишествах Фальстаф (между прочим, так звали собаку моего австралийского родителя, в деревушке пса помнили и любили: однажды он прокусил икру самого английского генерал-губернатора, который проезжал мимо, пожелал выйти из автомобиля и

побеседовать с народом - тут он его и хватил и вошел таким образом в анналы истории деревни), тут забываются и городской грохот, и бензиновая вонь, и ошалевшие толпы на Оксфорд-стрит и в Холборне, я ездил сюда иногда без всяких оперативных нужд, чтобы отдохнуть от людей и умиротворить мятущийся дух, да и просто погулять и поразвлечься: томился там целый сонм безвестных остряков, выдохнувших на прощание эпитафии на радость живым. Бродя меж потрескавшихся плит, я всматривался в побледневшие надписи, и их авторы словно выскакивали из-под земли и декламировали хорошо поставленными голосами: "Тут покоится Мэри Лизард, почившая в возрасте 127 лет. Она пришла пешком в Лондон сразу же после Большого пожара 1666 г., была добросердечна и здорова и вышла замуж за третьего мужа в 92 года" (вижу: краснолицая, вся в прожилках, в белом чепчике и показывает всему свету остренький язычок); "Тут лежит бедный, но честный Брайан Тансталл. Он был заядлым рыбаком, пока Смерть, завидуя его искусству, не вырвала у него удочку и не посадила на свой крючок" (бледный спирохет, продремавший всю жизнь на берегу, где и выдумал себе эпитафию); "Жизнь похожа на таверну, где останавливаются проезжие. Одним удастся лишь позавтракать - и они уходят, другие остаются до обеда и хорошо насыщаются, и только самым старым достается ужин, после которого они отправляются спать" (а это Огромная Голова, облысевшая от умствования уже в юности, вот она наморщила кожу на лбу, усмехается, скребет ногтем по виску, сейчас на нее сядет воробей) - да! Мекленбургу такие эпитафии и не снились, все едино, все просто и без выкрутасов в родной стране, в крайнем случае: "Любимому мужу и отцу от неутешных вдов и детей".

На Истбурн-грейвьярд, как всегда, тянуло на космические размышления ("Истлевшим Цезарем от стужи замазывают дом снаружи... Пред кем весь мир лежал в пыли, торчит затычком в щели" - однажды я это процитировал за столом у Челюсти, когда Капулетти и Монтеки еще общались дворами; "Что? Что? Что?" - выпустила очередь его Большая Земля - Клава, а Коленка усмехнулся и заявил, что это утешение слабых бездельников, которые ничего не могут сделать в жизни. "Совершенно верно!" - поддакнула Римма, словно мне приговор произнесла. "Безумно завидуя Цезарям, - продолжил Челюсть, - многие льют себе на сердце бальзам, крича, что могила уравнивает всех. Не надейся, друг, это только мираж, тайна Смерти еще не открыта, но уверен, что и там неравенство!"), и тут отдыхала моя душа, хотя если по чести, то больше всего я все же почитал военные кладбища, особенно Арлингтонское и мюнхенское, каменные плиты, выстроившиеся в ряды, среди которых я мысленно застывал по стойке "смирно", и не было места для мелких чувств, которые обычно обуревали меня на Венском кладбище, или на Сент-Женевьев де Буа, или на Новодевичьем. "Ах, это - Моцарт!" - радуется дама-энциклопедистка. "А это - Штраус!" - "Посмотрите, тут лежит Бунин! Говорят, что он был злой!" - "А почему у Хрущева голова состоит из двух половинок - черной и белой?" - Пересуды заглушают чирикание птиц и скрипы дубов.

Сладостно вдыхая чуть затхлую, но пахучую влажность Истбурн-грейвьярда, я побродил меж склепов и вышел из ворот к автобусу.

Вызов меня на встречу анархистом Генри раздражал: старик явно шалил и бунтовал, боясь, что мы бросили его навсегда без фунта в кармане, начал себя какими-нибудь новыми идеями по разработке Жаклин или просто запаниковал; любой агент считает себя пупом земли и думает, что, кроме его забот, иных дел нет. Я твердо решил всыпать ему по

⁴⁵ "Вступим вместе в вечную ночь, и я отворю перед тобой могилы... слышалась беспомощная возня, и всем было тягостно и тревожно, и в глубинах каждой из бесчетных ям слышался тоскливый шелест погребальных одежд. А среди тех, что, казалось, мирно почил, я увидел великое множество лежащих не в той или не совсем в той торжественной и принужденной позе, в которой укладывают покойников в гробу..." - на этом месте из Эдгара По у меня была кожаная красная закладка с видом дома-музея шведской писательницы Сельмы Лагерлеф, там я ее и приобрел несколько лет назад на пути к тайнику, заложенному для меня на пустынных берегах озера Веттерн, и одно время использовал этот текст в качестве кода.

первое число, чтобы не высовывался, а лежал, как потонувший "Титаник" на дне океана, пока его не позовет на помощь страна.

Мысленно плюясь от злости (буквально делать это опасно: иные англичане, подобно немцам, могут заставить поднять окурок, брошенный на тротуар, ну, а плевков просто вызовет паралич, это вам не свободный Мекленбург, где сморкаешься на ходу прямым в угол, как в бильярдную лузу, зажав одну ноздрю большим пальцем, - у нас люди простые, демократичны и терпимы, идут себе спокойно и им легко на сердце от песни веселой), я на автобусе добрался до Эппинг Фореста и пошел по дороге к обусловленному (о Чижик!) пню.

Генри на точке не оказалось, я покрутился в районе положенные четверть часа, потоптался около скамейки, где должно было произойти наше падение друг другу в объятия, и уже собрался уходить, как прямо из дуба над моей головой в глаза мне прыснули осколки древесной коры, - пуля просвистела совсем рядом, только после этого я услышал за спиной глухой выстрел.

Выхватив "беретту", я спрятался за дерево, но повторного выстрела не последовало; вокруг не было ни души, тишь и благодать - утро туманное, утро седое, нивы печальные, - я даже поднял глаза: не из ковра ли самолета покушались на меня вороги.

Недалеко оголтело застучал по дереву дятел, белка упала с дерева, не замечая еще живого Алекса. Я вышел из-за укрытия и направился в сторону, где мог прятаться стрелок. Подул ветер, зашевелились, зашумели листья деревьев, казалось, что за каждым кустом сидит по снайперу, я еще раз пошуровал по лесу, но наткнулся лишь на холмик земли, напоминавший свежую могилу (так и хотелось раскопать ее и порыться в гробике - не даст ли это ключ к разгадке?).

Тут на меня налетела паника: а вдруг на выстрел примчится полиция, осмотрит мои карманы и найдет "беретту"? Я быстро выбрался из Эппинг Фореста, остановил такси и смылся с места происшествия, словно был не потерпевшим, а преступником.

Охота так охота, шла она всерьез, и ниточка вела к Генри, который вызвал на встречу в этом лесу. Впрочем, тут же это предположение полностью переворачивалось: с таким же успехом обо всем могли знать и американцы, державшие Генри и меня под своим колаком, и Центр, и, конечно же, стоявший в тени, беспощадный мистер Икс - Крыса, холодно наблюдающий за моей сложной тройной (или четверной) жизнью. Генри? Какого черта старику палить в меня, он и пистолета наверняка в руках не держал. Но почему он не вышел на встречу? А может, все это неким образом связано с Юджином и его визитом к Генри, с которого начался весь сыр-бор? Но Юджину сейчас не до меня, Юджин отвечает, как Соломон, на все вопросы публики, обвитый электродами детектора лжи. И зачем ему моя смерть? Кому вообще нужна моя смерть? Только Крысе, если она существует. Только Крысе при условии, что ей известно о моих поползновениях. Крыса может нанять террористов, в Европе их - как незваных собак, стреляют и в правых, и в левых, и в богатых евреев, и в бедных палестинцев, и в профессоров, проводящих эксперименты над кроликами (делают это друзья животных), и в директоров центров ЭВМ, которые, по мнению новоявленных луддитов, нарушают права человека, концентрируя у себя огромные массивы информации. Крыса это, Крыса! И я с благоговением вспомнил свирепое клочкотание бритой Головы на нашей последней конфиденциальной аудиенции: "Расстрелял бы его, суку, собственными руками! Кожей чувствую, что он где-то рядом... бродит здесь на наших этажах, дышит одним воздухом с нами со всеми и, возможно, даже заходит в мой

кабинет! - Помощник его напрягся, как пес перед командой "фас!", и еще больше раздвоил свою фаллическую бульбу. - Нам нужно получить о нем хоть кусочек информации, - говорил Голова, - лишь самую малую толику, лишь небольшой намек... Я мобилирую все силы, вы знаете мощь наших аналитиков... Мы быстро нащупаем его в своей норе! Или ее, если это баба!"

А я сидел, умирая от скуки на этом балагане, смотрел ему прямо в переносицу, и бродила в моем воспаленном воображении церемония вручения мне ордена по окончании "Бемоли". И мучила мысль: сможет ли Бритая Голова дотянуться до моей героической груди? Не получится ли конфуз? Вдруг не дотянется? Не побежит же Раздвоенная Бульба за табуреткой, чтобы подставить ее патрону! И я представлял, как подгибаю колени и чуть приседаю, дабы облегчить положение Бритой Головы, если он решит осчастливить меня троекратным поцелуем.

Происшествие в лесу окончательно утвердило меня в мысли, что бессмертие мне не грозит, и я решил с головой окунуться в радости надвигающейся семейной жизни. Священный Союз с Кэти был полностью восстановлен, вечера мы снова проводили в чтении захватывающих объявлений о сдаче в аренду квартир и даже не поленились съездить в Илинг для осмотра недорогого двухэтажного дома, который освобождался через полгода.

Перерыв в нежных общениях с Рэем продолжался целую неделю (я сам не досаждал ему звонками, зная, что он выдергивает ногти Юджину), чувствовал я себя, как в заслуженном отпуске.

Наконец великий Гудвин вызвал меня на встречу. Поил он меня, как обычно, низкосортным виски и был похож на несвежий холодец, который не успели дожрать гости.

- Ну и орешек ваш Евгений! Впервые встречаюсь с таким перебежчиком. Капризничает, ставит условия и вообще ведет себя странно. Да, он согласен с нами сотрудничать при условии, что мы поможем его семье. Кстати, за ваш экспромт я получил нагоняй из Лэнгли. Какой идиот будет связываться с этим обменом? Что мы дадим взамен? Мне лично все это неприятно, ибо из-за вас я вынужден врать и поддерживать эту версию. Но ладно, вернемся к нашим баранам. Этот "Конт" заявил, что, поскольку он дал присягу, он не намерен разглашать какие-либо секреты. Как вам это понравится? Он утверждает, что если он кого-либо выдаст, то его тут же убьют! Даже если мы запрячем его на самую заброшенную ферму в штате Арканзас. В то же время он готов заниматься любой пропагандистской деятельностью, не прочь вести изучение своих сограждан...

- Так устройте его в "Свободу", найдите что-нибудь подобное. Это настроение у него пройдет... не спешите... - Хороший подарок я привез дорогому дружку из Каира!

- Подумаем. Но кое-что мне неясно. Он божится, что не знает Генри и никогда не был у него дома! Кто же дал тогда Генри его адрес? Полная чушь! Мы проверили его на детекторе лжи и должен признаться, что не получили результатов.

- Надеюсь, вы ему не говорили, что я связан с Генри?

- Мы не такие идиоты, как вы полагаете!⁴⁶ Конечно, мы попытались проверить, был ли он у Генри или нет, никаких следов. Проверили его по отпечаткам пальцев... ничего! Запросили все информационные системы в Европе и Штатах - ничего! Интерпол тоже

⁴⁶ Иногда в минуты черной тоски именно так я и полагал. Впрочем, любезный сердцу Монастырь недалеко ушел.

ничего не дал.

- Выходит, вы зря заварили всю эту кашу с поездкой в Каир?

- В общем, мы не жалеем... любой перебежчик может пригодиться. Знаете что? Иногда мне кажется, что этот Ландер - сумасшедший. Он бывает очень странным.

- Вполне вероятно. У нас всегда хватало психов, - не стал спорить я.

- Совершенно не могу понять его верности присяге. Это даже смешно. Он, видимо, считает себя великим политологом или философом, чьих откровений ждет изголодавшийся Запад. Оказывается, он пишет стихи и какую-то книгу о своей жизни и все это хочет издать за наш счет. Но мы не благотворительное общество!

- В конце концов вы же помогаете многим изданиям, которые борются за свободу! Устройте его туда, совсем неплохо иметь там еще одного агента влияния...

- Честно говоря, я не знаю, что делать. Мы столько надежд на него возлагали, думали, что удастся раскрутить целый клубок... Кроме того, он пьет, как лошадь, и каждый день. Вы по сравнению с ним просто младенец!⁴ Он очень скучает по Бригитте, но на черта она нам тут нужна? Послушайте, а он не может быть подставой?

⁴ Большого оскорбления я сроду не слышал.

- Все может быть. Но мы же сами его разыскали! Подставы обычно проявляют инициативу. В конце концов если вы не можете найти ему применения, отправьте его в Каир!

- Это преждевременно. Потратить столько сил и денег - и обрезать все дело!

- Что же вы предлагаете? Чем я могу вам помочь? Начать с ним вместе, пить?

- Надо вывести его из состояния тоски, этим страдают почти все перебежчики из вашей страны. На первых порах. Даже вас это не миновало, дорогой сэр⁵. У меня к вам просьба: развлеките его! Поводите по Лондону, покажите достопримечательности. Заодно прозондируйте, чем объяснить его странное условие насчет присяги. Воспринимайте это не только как мою личную просьбу, но и как серьезное задание. Потом доложите.

⁵ Не иначе, как этот простак из Канзаса намекал на мой загул с Черной Смертью. Просто в Принстоне плохо изучают "Гамлета": подобно тому, как принц разыгрывал свое сумасшествие, лицедей Алекс имитировал внезапный взрыв загадочной мекленбургской души. Вранье, конечно, но как оправдание перед Кадрами вполне сойдет.

Докладывать так докладывать, ваше высокоблагородие, нам к этому не привыкать, с детства приучены докладывать и сигнализировать, правда, выводить человека из состояния тоски, увы, не научились.

- Как вам угодно, сэр! - Я был подчеркнута официален и вроде бы обижен после Каира (пусть в следующий раз не дает мне под зад и не отшивает, как прислугу, на кухню), но, как обычно, холоден, блестящ, спокоен и угрюм.

- И еще одна просьба: мы перефотографировали некоторые бумаги, которые Ландер привез с собой. Личные записи и прочее... Помогите разобраться, ладно? Мы очень ценим ваше мнение.

Последнее звучало уже как щедрая похвала верному агенту, и вообще в этот раз я впервые почувствовал, что Рэй, несмотря на всю его дремучесть, проникся ко мне определенным (это слово Чижик и К° обожали и привили эту любовь Мане, который размазывал им любую ясную мысль) доверием и даже некоторой (определенной) симпатией.

Дома я углубился в целую папку ума холодных наблюдений и сердца горестных замет беглеца Юджина.

"Лет двадцать тому назад в районе Филадельфии обнаружили вид горошка, который стелется по обочинам дорог на тысячи километров. Он выбирает канавы, рывтины, глину, гравий и осколки камней, он образует своего рода зеленую плоть, сквозь которую не может пробиться даже трава. Он сам создает для себя почву для зимней спячки и - о чудо! - не только делает изуродованную землю зеленой, но и спасает ее от эрозии и украшает сгнившую листву удивительными бледно-лиловыми цветами.

Многие пророки утверждают, что западная цивилизация подошла к концу и катится в пропасть. Футурологи предупреждают американцев о росте монополий, безличностного образования, военно-промышленного комплекса, индивидуалистического нигилизма, бессмысленного насилия, о перегруженной психике и падших нравах. Всем нам нужен новый пласт, новый слой ценностей, который, как горошек, затянет все шрамы земли. Точно в такое же раздираемое противоречиями время Святой Павел сказал жителям Колосса: "Все собрано во Христе". В дни сверхобразования и отсутствия мудрости кто из нас решится утверждать, что одна идея о Боге и человеке, один опыт народов, уходящий корнями в историю, может связать вместе, спасти, собрать воедино на попавшей под угрозу территории? Иисус Христос всегда один и тот же вчера, сегодня и завтра (Ветхий Завет, 13:8). Он будет стабильностью нашего времени (Исайя, 33:6)".

Прочитал я это с интересом, я уважаю людей верующих и сам верю, хотя толком не знаю своего Бога. Не знаю, но верю, что Он существует и печется обо мне и о всех людях. Ах, Юджин, мой альтер эго, двойник мой, мой образ печальный. Неужели с самого начала он мне не враг? Неужели он не предатель, а просто беглец? Дальше было еще забавнее:

*Когда ты высишься достойно
Среди нечитанных газет,
Простой, возвышенный, довольный,
К народу близкий с детских лет.
Когда я вижу эту муть,
Когда я чую этот запах,
Мне представляется внезапно
Абстрактной живописи суть.
Твой честный нос стянуть до пят,
Твой череп расколоть на части
И вместо лба поставить зад...*

О Бог, какое это счастье!

И дальше:

"...если бы он не увидел случайно этот томик Исайча, все могло бы сложиться по-другому, и моя жизнь не покатила бы кувырком. Но поздно уже, я оказался в болоте: коготок увяз - всей птичке пропасть! "

"...и страна дураков казалась землею обетованной. Разорвать бы мне путы, тогда еще не такие прочные, и начать жизнь простого и честного человека, зарабатывающего на хлеб не воровством, освященным государством, а достойным трудом".

И снова стих:

Так кто же однажды посмеет

Прорвать заколдованный круг?

И пальцы распялив на стенах,

Чертог почерневший качнуть?

"...Он крепко держал меня в руках и знал, что я не пикну. Все началось с небольшого одолжения: посмотреть, сядет ли на скамейку около театра человек в серой шляпе типа "Генри Стэнли". Ждать от семи до семи пятнадцати вечера. Естественно, на скамейку никто не сел. Это больше, чем убийца, это Каин".

Все эти темы, словно наваждение, то налетали, то отступали, но пронизывали насквозь, словно шилом пропирали, все сорок листов рукописного текста, написанного в разное время и явно еще а Мекленбурге,

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОБ ОТРУБЛЕННОЙ ГОЛОВЕ СЭРА УОЛТЕРА РЭЛИ И О ТЫСЯЧЕ И ОДНОМ СПОСОБЕ БЕГСТВА ИЗ СЧАСТЛИВОГО МЕКЛЕНБУРГА

"Одна из неприятных сторон тюремной жизни – крысы. Социал-демократы в камере для борьбы с ними создали дружину, которую возглавил Яков Михайлович Свердлов. Дружинники хватали крыс, кидали их в парашу, чтобы они там утонули, сапогами отталкивали крыс от краев, не давая им вылезти, и при этом от души смеялись. Другим развлечением дружинников было повешение крыс".

Из газет.

Чрез суетливый малохолный Сити, запруженный котелками и зонтами, решающими на ходу глобальные проблемы, we followed our noses⁴⁷ в грузный Тауэр, запертый в серый камень, отбитый от прославленных скал Альбиона, будоражащих путешественников вокруг света при подходе фрегата к порту Дувр.

Тауэр, как ни странно, я ни разу не визитировал, несмотря на изобилие вековых трупов, тлеющих в его подземельях, не тянуло меня сюда раньше, обходился я вполне традиционными кладбищами, соединяющими в единой гармонии желтые листья, желуди, пряную затхлость, тусклое солнце, еле сквозящее из тьмы ветвей, кресты и плиты, плиты и кресты.

И правильно я делал, что не спешил в этот туристский бедлам: одиозная крепость со стенами, изгаженными жирными воронами, которые за долгие века одурели от выклеивания глаз у трупов и тупо вертела клювами, испачканными человеческой кровью.

Мы прилепились к туристской группе с гидом (вертящая коза с худыми ляжками, вызывающая ностальгию по крупнотелым матронам Рубенса), и полились душераздирающие истории о жизни английских королей, и я сверял все эти страсти со своей нескучной биографией и ужасался: что жизнь твоя, Алекс, не мучная ли патока? Что твои мелкие измены и элегантные запои? Что вранье, коварство и жестокости твои в сравнении с буднями королей и баронов?

Шел рассказ о каком-то рыцаре, который во время дружеского ужина заколол мечом двух своих братьев, тут же скальпировал и очистил от серого вещества их головы, а затем зачерпнул черепом прямо из бочки с мальвазией и опрокинул в глотку, - да ты просто святой, Алекс, ты ангел по сравнению с этими чудовищами, поедающими друг друга, палицами разламывающими башки, сующими в уши яд, ты просто нежный ангел, Алекс, верный муж и прекрасный отец и заслужил еще двух-трех Кэти!

И Сам, и Бритая Голова, и другие товарищи тоже, как апостолы, несут свой крест в добрейшем из добрейших государств, процветающем Мекленбурге, хотя, конечно, имеются и недочеты, и срывы, и ошибки. Но ведь не летится же рекою кровь, не летят же головы, все решается келейно и деликатно, в сумасшедших домах или на просторных восточных землях,

⁴⁷ Мы направили наши носы или пошли вперед - и эту идиому вдохнула в меня милая преподавательница семинарии, чудом попавшая в это богоугодное заведение. А я прерывал ее словами из Донна: "For God's sake hold your tongue and let me love" - "Ради бога, придержи язык и дай мне тебя любить".

где целебный климат и тайга, правда, комары кусают. В конце концов не пытаются же каленым железом, а законным образом высылают, и не куда-нибудь, а в Париж, прямо на Монмартр, где художники, жаренные лягушки и перно, разве это так уж плохо?

Генри VIII не только разорвал брачные узы с Аннушкой Болейн, но и распорядился отрубить ей голову, дочь Елизавету объявил незаконнорожденной, потом дядя подвесил на дыбу ее возлюбленного, а католичка Мэри заточила будущую королеву в Тауэр, где бедняжка бродила вот по этим булыжникам в парчовом, расшитом золотом платье и не знала, что ее звезда восходит и будет светить 45 лет. Невиданный срок для любого короля, даже в Мекленбурге, занявшем первое место в мире по запасам старческого маразма наверху, никто не правил так долго. И что ты привязался к Мекленбургу, печеночник Алекс, не знающий, куда девать свою желчь?

Люди мирно живут (главное - чтобы не было войны), трудятся, ходят на субботники. Народ доверчив и боязлив (основания имеются), все повязаны одной цепью и напуганы насмерть, все сидят с полными штанами и больше всего Самый-Самый (вдруг свергнут?).

Темноволосый, привлекательный (один пробор чего стоит!), чарующий женщин (о Черная Смерть!), сэр Уолтер Рэли метеорически взлетел к славе в 1551 году, когда швырнул свой плащ под ноги королеве Елизавете и помог ей перейти через вонючую лужу в районе деревушки Гринвич, где ныне знаменитая обсерватория. Женщины обожали его всю жизнь, а жена после его казни даже испросила королевского разрешения на хранение его отрубленной головы. Держала она голову в заспиртованном виде в спальне, недалеко от кровати... Ты слышишь, Римма? Что будет с головой великолепного Алекса? Сохранится ли его пробор, если ты сунешь его голову, скажем, в аквариум с рыбками? Ах, Римма, Римма, что ты делаешь сейчас там? Где вы теперь, кто вам целует пальцы? Куда ушел ваш китайчонок Ли? Пошла к подруге? Занимаешься с Сережкой, который ленив и мечтает работать за границей? Смотришь телевизор, надев японское кимоно с драконом? Принимаешь гостей? Танцуешь? Представляю, как ты танцуешь, как вскидываешь рыжую голову и смотришь прямо в лицо, что создает впечатление необыкновенной открытости и прямоты, и подкупает, и тянет к себе...

Алик, не сравнивай себя с Рэли, это был философ, поэт, авантюрист, а ты всего лишь шпион! Слышишь, Сережка, что она говорит? Как там у Рэли? Три вещи есть, не ведающих горя, пока судьба их вместе не свела. Роща. Поросль. Подросток. Роща - в бревнах виселищ мосты. Заросли конопля - веревка для захлесток. Ну, а подросток... это я? Или ты, Сережка, платящий по крупному счету за грехи отца? Сводим три эти вещи воедино... Помнишь, Сережка, ты однажды заорал на отца: "Уходи из нашего дома, шпион!"

Из нашего дома. Да, мой дом - вселенная. Ха-ха. К 1586 году (коза чуть вихляла пчелиным задом - так увлеклась собственным рассказом) Рэли стал капитаном гвардии, обласканным почестями и землями, фаворитом королевы, *bete noire*⁴⁸ двора, первооткрывателем Вирджинии в Новом Свете. В 1592 году отлучен от двора за увлечение одной из фрейлин и обречен лишь на занятия математикой и поэзией... Постаревшая королева перед смертью простила ему измену, но трон занял новый король, возненавидевший Рэли и отправивший его сначала на 15 лет в Тауэр, а потом и на виселицу.

- Интересно, зачем вас приставили ко мне? - услышал я голос Юджина.

- Чтобы я вывел вас из депрессии.

- И только?

- Я никогда не вру⁴⁹.

- Без надобности, - добавил он гнусно.

- Что вы нервничаете американцев?

- Я ожидал, что мне предложат политическое сотрудничество. А от меня требуют выдачи секретов. Ведь я же давал присягу...

- Вы морочите голову или серьезно так считаете? Может, вам нужна и аудиенция в Белом доме?

- А почему бы и нет? Принимал же президент некоторых диссидентов!

- Какой вы диссидент, Юджин? Вы обыкновенный шпион, который перешел на сторону противника. Давайте смотреть трезво на вещи, мы с вами в одинаковом положении. Мы предатели и перебежчики! Нас даже неудобно принимать в приличном обществе...

- Я хочу заниматься политикой...

- Прекрасно. Выдвигайте свою кандидатуру в сенат. Станный вы человек, Юджин!⁵⁰ Какого черта вы ушли на Запад? Вы могли бы сделать прекрасную политическую карьеру в наших профсоюзах...

Он только хмыкнул в ответ.

- Знаете что, Алекс? Давайте выпьем по кружке пива. У меня от этого Тауэра такая тоска, словно я сам присидел тут две жизни! А эти вороны напоминают мне о помощи в нашем дворе... Они сидят над ней на деревьях и слетают вниз, когда оттуда убегают кошки. Чудесный у нас двор... голуби, детская площадка, пьяницы, играющие в домино... Впервые я так остро затосковал по дому... Смешно? Давайте выпьем!

- Но вы же войдете в штопор.

- Разве можно напиться пивом?

Я похлопал его по плечу и не стал спорить: в годы буйной юности мы надирались пивом с превеликим изобретательством; тогда еще функционировал истинно чешский павильон в парке имени Буревестника, подавали шпекачки, пили на спор, не отрываясь от стола, по десять - двенадцать кружек - я, правда, не выдерживал и семи.

Паб нашли тут же, и Юджин сразу присосался к бокалу с наслаждением доходяги, дорвавшегося наконец до живительного ключа.

- Вот вы все не верите мне, удивляетесь, почему я ушел, - шелестел он, - да если бы я рассказал вам все, что я пережил, у вас волосы встали бы дыбом!⁵ Вы представляете, что такое убежать из нашей страны?

⁵ Представляю, что стряслось бы с моим пробором!

Что-то, а этого я представить себе не мог при всем желании, напрягал все свои мозговые жилы, тужился, стремясь воспламенить воображение, но слабо горел фитилек, не виделось ничего, кроме заградительной колючей проволоки, электронных устройств, сторожевых будок в полоску, оскаленных штыков, рычащих овчарок; не мог я представить себе, чтобы беспрепятственно перешла наши кордоны даже кошка.

⁴⁹ Каждый раз, когда я произносил нечто подобное, мне казалось, что разверзнется земля и полетит лежеч Алекс вниз головой на пламя адского костра.

⁵⁰ Чистейшей воды псих!

⁴⁸ Черный зверь, объект ненависти (франц.). Иногда таким я казался себе в кругу коллег.

- Я чувствовал приближение опасности и знал, что рано или поздно наступит развязка. Больше всего я боялся пистолетного выстрела в упор, помните, как Руби убил Освальда? Все чудилась мне одна и та же картинка: светит солнышко, я иду по улице, жмуря глаза и надвинув на лоб шляпу, подхожу к углу дома, и вдруг оттуда выскакивает человек, сует мне в живот дуло, бухает выстрел, пальцы мои хватаются за разорванные кишки, хлещет кровь, теплые струи бегут по рукам... Еще мучило, что собьет меня грузовик. Именно грузовик. Даже стишок написал: "И где-нибудь в последний миг тебя настигнет грузовик!" Я ведь иногда пописываю. Как вам нравится такая эпитафия? "Не осуждай меня, что тут, средь остановленных минут, залег я, Музой пораженный, между желудком и погоном!" Это я себе посвятил. Тут три символа, понимаете? Муза - идеал, стремление к творчеству. Желудок - раблезианство и жизнелюбие. Погон - карьера. Что вы об этом думаете?

Он даже заглянул мне в глаза, так интересно ему было узнать, что я думаю по поводу всей этой грандиозной символики. Просто Рэли в миниатюре. Роща. Поросль. Подросток. Муза. Желудок. Погон. В обоих случаях молодцу конец, и я вспомнил, как совсем недавно крутился волчком на дороге и ускользал от надвигающегося бампера.

Эпитафиями Алекса не удивишь, самые смешные списаны с надгробий в тетрадь, вот исполню свою симфонию "Бемоль", вернусь в родные пенаты, уйду на пенсию и издам сборник эпитафий в монастырской типографии. Гриф "для служебного пользования", материалец накоплен, не напрасно великий путешественник Алекс обошел собственными тренированными ногами ("Ноги у тебя раз в десять раз сильнее рук, - учил дядька, - в рукопашной ты, брат, долго не выдержишь, любой середнячок, знающий приемы, ткнет тебя носом в землю, ноги - твоё спасение, но нужно научиться ими точно бить, овладевай каратэ, а если видишь, что тебе каюк, то давай деру, ноги тебя выручат, особенно хорош ты на дистанции до пяти километров и, конечно, на сотке, только не беги, как на стадионе, а вихляй в разные стороны, чтобы не застрелили в спину!") все лучшие кладбища мира. А Юджин-змея продолжал:

- Но все произошло иначе: был у меня дома большой сабантуй. Семья обычно на лето и начало осени уезжала к теще в деревню, предоставлен я был самому себе и гулял крепко, много знакомых и мало знакомых перебивало тогда в моей квартире... И вот однажды после пьянки глухой ночью, когда все ушли, валяюсь я на диване в своей просторной кухне (до комнаты не дополз, да и удобно, когда рядом бутылки и закуски), сплю чугунным сном и вдруг слышу: тук! тук! тук! Напрягаюсь, а в голове обрывки фраз, певец орет что-то душераздирающее о синем крематорном дыме, духота, но сил нет подняться. Как вы это находите?

Он отпил крупный глоток из бокала и прислушался, как прожурчали потоки пива по его воспаленным кишкам. Находил я все это довольно банальным, на кухнях я не спал, слава Богу, обошлось, да и представить не мог, как это не доползти до комнаты.

- Слышу снова: тук! тук! тук! А глаза разлепить не могу, словно примерзли ресницы, руки скованы и сознание то здесь, то там, в небытии, значит. И снова: тук! тук! тук! И вдруг я почувствовал: конец! Умираю! И какая-то неведомая сила толкнула меня в спину и заставила подняться. Только приподнялся - и снова в пучину, и снова: тук! тук! тук! Призывает обратно: вернись! Стучит: вернись! На миг открыл глаза, вижу: у окна на карнизе сидит белый голубь, смотрит на меня и долбит по стеклу. И только тогда я

почувствовал запах газа: две конфорки были открыты...

Бог спас меня, а зачем? Об этом я часто задумываюсь, ведь каждый человек родился не просто так, а с целью, с замыслом. Для чего он появился в этом мире? Не улыбайтесь, Алекс, никто из нас это место сам не может определить, ответить не может, это становится ясно потом... Руссо родился для "Исповеди", Каракозов - чтобы выстрелить в Александра Второго, Ньютон - ради того мига, когда на голову ему упало яблоко и как следствие - закон земного тяготения. Но я ушел в сторону...

В тот момент вполне реально дохнула мне в лицо смерть, игра велась всерьез, деться мне было некуда, знал, что даже в глухой тайге разыщут. Бежать за границу? Забиться в какой-нибудь уголок на Фиджи или дрейфовать на льдине в Антарктике до конца дней? Но как? Страна ведь закрыта наглухо, муха через границу не пролетит! Угнать самолет? Безумие. Превратиться в человека-невидимку? Не было среди знакомых Герберта Уэллса. Ожидать, когда меня снова пошлют за кордон, и там дать деру? Рискованно, ибо я уже ходил под топором, несколько раз хлопнули бы, пока я собирался. Оставалось только бежать нелегально, а именно, под чужим паспортом... Вы, Алекс, конечно, попытались бы добыть американский или английский и совершили бы ошибку: эта публика всегда на крючке, присматривают за нею серьезно. Нужна страна незаметная, дружеская, не вызывающая эмоций.

Бармен принес нам еще пару продолговатых запотевших бокалов и безмолвно поставил на стол.

- У вас нет соли? - спросил Юджин.

Ни тени удивления не скользнуло по лицу бармена: англичане считают иностранцев существами одноклеточными, но которых, увы, приходится терпеть, ибо они платят деньги за товар по законам, открытым Адамом Смитом. С тем же безучастно-холодным выражением лица он принес солонку, Юджин обмазал солью края бокала и стал с наслаждением цедить пиво.

Хорошо, что мы оба находились под крылышком властей и не нуждались в камуфляже - такие нюансы не проходят мимо внимания наблюдательной obsługi, совсем недавно чуть не загремел один резидент, который позволил себе чокаться с агентом, дернул его черт расчохаться в окраинном пабе, где сидят лишь аборигены, не привыкшие чокаться, и глазают от нечего делать на любого пришельца, - тут же какой-то стукач позвонил в полицию: подозрительный иностранец!

Я бросил щепотку соли в пиво, со дна поднялись мутноватые пузырьки, пил я пиво таким образом еще в те ностальгические времена, когда его было вдоволь во всех киосках и шло оно хорошим "прицепом" к стакану белой (или наоборот). Даже сравнительно недавно, когда сосед по этажу Виталий Васильевич одолжил мне бутылку "редебергера", купленного в Буфете (физиономия его лопалась от жмотства), я опохмелялся им с солью, приглашая тшкетно на виски соседа ("Что вы, Алекс! Завтра у меня с утра совещание по урожаю, да и вообще я редко в рот беру, лишь по праздникам Революции!" - Видно, "редебергер" покупал только для Алекса из партийного альтруизма и пролетарской солидарности).

Юджин продолжал:

- Пока я размышлял и сомневался, произошел очередной инцидент из серии уголовной хроники. Утром перед работой я вышел к машине, и издали мне показалось, что у днища кузова несколько странные очертания. Не поленившись, я подлез под машину и

обнаружил у самого карданного вала небольшую капсулу, прикрученную веревкой к глушителю. Вам, Алекс, как специалисту прекрасно известны такие штучки - ими пользуются все террористы. Этот случай подхлестнул меня к побегу и выбил из головы гамлетовское "быть или не быть".

Срочно требовался паспорт гражданина самой братской страны, вызывающей у пограничников умиление и любовь, - к таким странам принадлежала Болгария. Но сомнения все равно подтачивали меня, ночами я не спал, обуреваемый мыслями о семье, о старых родителях и о своем неопределенном будущем. Впрочем, моя собственная судьба не очень беспокоила меня: я фаталист, Алекс, и верю в то, что если Обстоятельства или некая Высшая Целесообразность сочли нужным вытолкнуть меня за рубеж, то, значит, мне найдено другое, совершенно иное жизненное предназначение. Какое? Тогда я об этом не думал, больше терзала меня участь детей, обреченных после моего побега на дискриминацию, и, главное, как я буду выглядеть в их глазах: грязный предатель, перебежчик, дезертир! Но какова была альтернатива? Искромсанное тело, стынувшее в морге, опознанное или вообще неопознанное. Легко считать мой побег аморальным... Ну, а если нет выбора? Что есть на свете дороже жизни?⁵¹

В таком лихорадочном состоянии я и приступил к поискам болгарина, стараясь действовать быстро и скрытно - не дай Бог о моих замыслах дошло бы до нашей фирмы! К счастью, давно водил я дружбу с одним актером, женатым на болгарке, которая хорошо знала все болгарское землячество.

За жареным барашком с "гамзой" в круглых плетеных бутылках я пожаловался, что при написании одного труда (им я представлялся как научный сотрудник, служивший в "ящике") не могу я обойтись без болгарского эксперта, часто бывающего на Западе и имеющего международный опыт. Так я познакомился с профессором Г., работавшим по соглашению при одной нашей академии над темой о Балканском Союзе.

Друг-актер затащил его в финскую сауну, обставили мы все дело с размахом, на угощения и все прелести комфорта я не скупился: все-таки на карту была поставлена вся моя жизнь.

Когда я пошел за очередной бутылкой, припрятанной в раздевалке на дне моего "дипломата", то не преминул залезть в пиджак профессора и просмотреть его паспорт - большинство иностранцев ведь предпочитают у нас таскать документы с собой не только из-за передрыг, которым постоянно подвергаются, но и как своего рода пропуск в ресторан или в театральную кассу. Мне повезло: весь паспорт был испещрен иностранными визами, из них французская и финская действовали целый год, по-видимому, профессор был связан с болгарской разведкой, но это дела не меняло. Куй железо, пока горячо! Это вы хорошо знаете, Алекс. И я начал ковать и ковать, молотом только успевал жарить по наковальне, искры летели по сторонам!

⁵¹ Действительно, что дороже жизни? Что есть жизнь? ...a walking shadow, a poor player that struts and frets his hour upon the stage, and then is heard no more: it is a tale told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing". - "Жизнь - только тень, она- актер на сцене. Сыграв свой час, побегал, пошумел - и был таков. Жизнь - сказка в пересказе глупца, в ней шум и ярость, и ничего она не значит", - учил меня австралийский лапа, являвшийся во сны после бегства с крыльца толстой бабы, торговавшей уроком, был он в красном оархатном халате, с однотономиком Уильяма в издании "Спринг букс", в окружении казуаров, молохов, страусов эму, диких собак динго и, конечно же, симпатичнейших коал с эвкалиптовыми листьями в зубах.

Гуляли мы широко и вольно, завершили на лирической ноте в ресторане, клялись, как принято у нас, в вечной дружбе и верности, утопали в объятиях и поцелуях. Во время возлияний я времени не терял и обрабатывал болгарина со всех сторон. Боже, как тяжело, когда не знаешь заранее хоть что-нибудь существенное о человеке, тычешься наугад, как слепой котенок.

Профессор проводил время в архивах и, естественно, часто упирался головой в стену, пытаясь добыть кое-какие документы. А я все искал, за что бы зацепиться. Что говорил на этот счет Учитель? По-моему, Алекс, вы большой знаток его трудов. А он вещал, что нужно ухватиться за одно звено, чтобы вытащить всю цепь. И я вцепился в это звено, как слепень в загривок коровы, обещаний не жалел: "Нет проблем, устроим, полно знакомств, вам нужен военный архив? Так у меня там друг и любит, между прочим, болгарскую мастику, он, знаете ли, лет десять работал в Париже и привык там к перно, меня, правда, дрожь берет от этих анисовых капель, а мастика так на него похожа..."

Гвоздь был забит настолько красиво, что уже на следующее утро профессор позвонил мне домой, рассыпаясь в благодарностях за сауну и всю гульбу и деликатно намекая на мои обещания.

Юджин прервался и глотнул пива.

В паб, словно стая рассерженных гусей, ввалилась группа черноголовых туристов, они гоготали и хлопали крыльями, грохотали стульями, рассаживаясь и заказывая, громко переговаривались и щелкали фотоаппаратами.

Зачем Юджин рассказывает мне всю эту историю? Чтобы доказать свою непричастность к предательству и отвести удар? Ведь он до сих пор подозревает, что я могу его кокнуть. Или просто после тяжелых дней запоя его тянет вывернуть душу?

Тяга к откровению как шквал иногда накатывается на нашего брата. Сидел и я однажды за столиком с чахлым старичком, напоминающим Дон-Кихота (события разворачивались в мекленбургском литературном клубе с огромной деревянной лестницей, резными стенами и витражами), и вдруг напылло: выложил ему внезапно о себе всю подноготную, даже ордена перечислил, все рассказал, фотографии Риммы и Сережи показывал, заграничный паспорт, и о тайниках, и о черт знает чем. Старичок вежливо слушал исповедь, кивал головой, улыбался и нервно ерзал. Естественно, решил, что за столик ему подбросили провокатора, дабы вывести интимные стороны жизни Сервантеса, - вот он, ужас жизни в Мекленбурге: вдруг станешь самым собой, очищаешь душу и режешь правду-матку, надеясь на понимание и взаимность, но в ответ... Что в ответ? Порядочный человек подумает: вот, сволочь, болтает и думает, что я клону на его откровения, дудки, брат, жизнь нас многому научила. А подлец быстренько, боясь, чтобы вы его не опередили, обвинив в отсутствии должной позиции, полетит стучать и наговорит с три короба, лишь бы спасти свою шкуру. Невозможно быть искренним в Мекленбурге, и это, наверное, самое страшное. Все мы подозрительны, вот и я не верю ни одному слову Юджина, повсюду чудится тяжелая длань шпионажа, все мы очумели, все погрязли в подозрительности!

Я оторвался от своих мыслей и тронул его за рукав.

- Что вы замолчали, Юджин? Пусть галдят, они нам не мешают. Не выношу туризм и вообще коллективные походы. В новом городе я обычно брожу один, вооружившись картой, дышу, смотрю по сторонам, зеваю, рассматриваю витрины, приноживаюсь к запахам, и каждый раз мне кажется, что я уже там бывал и все знаю... Так продолжайте же, мне очень

интересно⁵².

Юджин как будто только и ждал моего приглашения:

- В тот же день я направился к одному отставнику, назовем его Фокусником, у которого в свое время стажировался, осваивая все тонкости легализации по подлинным и фальшивым документам. На пенсию старик ушел совсем недавно и полностью посвятил себя делу рыбалки, к которому тщательно подготовился. Я сам понавозил ему массу различных блесен, крючков, спиннингов, и возили ему все, кто у него стажировался, слыл он виртуозом в делах фальшивок и мою просьбу чуть освежить знания воспринял с энтузиазмом и умилением, тем более что я принес ему в дар очередной комплект блесен. Начал он учить и демонстрировать, и я только успевал перебивать его унавоженную матом речь нужными вопросиками, особенно о технологии замены фотографии и подделки печати: старик тут же достал из письменного стола приспособление с бритвенным лезвием, специальный паровой нагреватель (все это я потом у него взял для домашних тренировок) и аккуратно отделил фото от какого-то подвернувшегося ему под руку документа, наклеил другую фотографию, достал несколько печатей, в том числе и целый ворох маленьких печаток с отдельными буквами, и очень ловко скопировал достаточно заковыристую печать с моего удостоверения.

Итак, начало было положено. Бежать я решил через Финляндию, хотя знал, что финны иногда выдавали дефекторов под нажимом могущественного соседа" и решение это объяснялось не только имевшейся визой, но и психологическими моментами, ибо в гурьбе гудящих полупьяных финских туристов скромный, трезвый болгарин с небольшим чемоданчиком не вызовет ни раздражения, ни особого интереса.

Для побега я наметил воскресенье, когда вполсилы бдят наши недремлющие церберы, и через своего коллегу забронировал железнодорожный билет до Хельсинки для болгарского гражданина - обычное дело в нашей повседневной работе, где все постоянно приезжают и уезжают по фальшивым паспортам. И железную дорогу я выбрал, исходя из своих прежних наблюдений при пересечении границы: режим на пограничных станциях казался мне либеральнее, иностранцев там не просвечивали рентгеном в поисках оружия, да и не хотел я быть во власти нашей прихотливой погоды, из-за которой могут задержать или вовсе отменить отлет.

Итак, все было на мази, я приступил к операции. В субботу вечером я пригласил профессора в ресторан для знакомства с "другом из архива", прилично его накачал и облакал по всем правилам, изложенным в заповедях Дейла Карнеги, его прекрасные советы, которые в жизни обычно, увы, использовать забываешь, гораздо умнее, чем у полковника Лоуренса с его "чаще прибегай к чувству юмора, предпочтительны сухая ирония и остроумный ответ не слишком общего характера".

Уже подали десерт, а желанный друг, естественно, все не появлялся, пришлось разыграть небольшой спектакль, звонить ему по телефону и довести до сведения нетерпеливо ожидающего профессора, что друг оказался в самом горниле государственных дел, в ресторан не успевает, но готов заскочить ко мне домой, поскольку поедет мимо с работы. Профессор, расслабленный вином и моим тонким обхождением и привыкший уже к

несуразности и непредсказуемости всей нашей мекленбургской жизни, естественно, поверил во всю эту туфту и без всяких колебаний погрузился со мною в такси: горел в нем неистребимый дух исследователя, жаждущего добраться до сокровенных тайн Балканского Союза, и предложи я ему лететь за ними в космос - помчался бы галопом!

Добрались мы до моей квартиры без всяких приключений, бар мой ломился от самого изысканного спиртного, и уже через полчаса мой гость получил лошадиную дозу сильнодействующего снотворного, по моим расчетам, он разлепил бы глаза не раньше, чем через тридцать часов, когда я уже любовался бы видами Финского залива со стороны Хельсинки.

Вскоре он начал зевать, тереть глаза, клевать носом, посерел и побледнел, потянулся к диванчику (а я все поигрывал наживой: вот-вот придет друг, человек он обязательный, обидится, если мы его не встретим, впрочем, можно и вздремнуть на полчаса, чувствуйте себя как дома, дорогой товарищ!), примостился на нем и тут же ровно и сладко захрапел. Я снял с него ботинки, любовно укрыл пледом, потушил свет и вышел в соседнюю комнату.

Паспорт профессора я прощупал, еще когда вешал его пиджак на плечики в прихожей, и тут же приступил к работе, пустив в дело весь инструментарий старика Фокусника. Тренировки мои не прошли впустую, и через пару часов я уже любовался своей фотографией на чужом паспорте, скрепленной официальной печатью.

Часы показывали два, старт прошел отлично, Рубикон был перейден. Поезд уходил в восемь вечера, кассы открывались в десять утра (как известно, билет за границу у нас можно получить только по паспорту), я немного вздремнул, тщательно выбрился, намазал лицо заграничным лосьоном (это действует на окружающих, иностранцы пахнут по-другому), переоделся в добротные европейские одежды, оставил на всякий случай записку, чтобы профессор дожидался моего возвращения, и около девяти выскользнул на тихие воскресные улицы. В десять часов я уже всунул свою благоухающую физиономию в окошечко вместе с паспортом.

- Будьте любезны, билет по брони... - Говорил я с легким и приятным акцентом.

Миловидная девушка за окошечком порылась в своих бумагах и вдруг рывкнула грубым гортанным голосом, превратившим ее личико в дышащую злобой рожу запущенной старой ведьмы.

- Да, бронь в Хельсинки имеется, но тут также и бронь на Берлин на среду... Как это понять?!

- Какой Берлин?!

- Бронь на ваше имя... Разве вы не заказывали? Что вы мне голову морочите?!

- Тут, видимо, какая-то ошибка...

- У нас не бывает ошибок! - отрезала фурия и вышла с моим паспортом из комнаты. Да, Алекс, наша родина светна и непредсказуема, все неустойчиво, все движется по сумасшедшим законам диалектики, все течет и нет никакого порядка, один произвол, и в его бушующем пламени человек чувствует себя лишь дрожащим кусочком пепла. Можете себе представить, какие страшные минуты я пережил в ожидании красавицы, и она появилась под предводительством невыспавшегося человека, походившего по всем гнетущим внешним параметрам на сотрудника службы безопасности.

- Через кого вы заказывали билет в Хельсинки? - спросил он хмуро.

- Через сотрудника нашего посольства. - Я назвал первую болгарскую фамилию,

⁵² Беседу с "Контом" я записывал на мини-магнитофон, не хотелось потом напрягать мозги при составлении доклада Хилсмену.

которая пришла мне в голову.

Человек осмотрел меня сверху донизу, как смотрят врачи на вошедшего в комнату голого новобранца.

- Странно... В Хельсинки и затем в Берлин. Две брони... Как же так? Я покрылся холодным потом.

- Видимо, это заказали без моего ведома, - залепетал я, - посол говорил, что сразу же по возвращении я должен срочно выехать в Берлин, - мысль моя лихорадочно билась, как птица в клетке, - я пробуду в Хельсинки буквально несколько часов, вернусь и тут же уеду в Берлин.

Человек молчал и что-то прикидывал, явно раздраженный самим фактом таких стремительных передвижений; не о безопасности он думал, а просто завидовал, что кто-то другой, а не он имел возможность так свободно пересекать границы.

- Это очень важное дело... Я могу сейчас позвонить послу... Если можно, я выкуплю сразу два билета... - Терять мне уже было нечего, а на наших чиновников слова "посол", "министр" оказывают магическое воздействие,

- Ну... если так... Что ж, выдайте ему билеты!

И он удалился, грозно и величественно, и ворчащая фурия подчинилась его приказу. Часы показывали одиннадцать, я вышел на улицу и вытер вспотевшее лицо носовым платком.

И вдруг, Алекс, мне нестерпимо стало жалко и себя, и свою семью, и город, который я покидал навсегда, - замелькали в голове картинки прошлого, радостные и сентиментальные: речные кораблики с культурником (два прихлопа, три притопа), любимая станция метро со скульптурами солдат, рабочих и крестьян, идиллические обветшалые церкви, фонари вдоль бульваров, уродливые, но такие близкие сердцу трамваи...

Юджин замолчал, горло ему перехватил спазм. Он снял очки и долго протирал их специальным фланелевым тампоном. Нет, он не играл, он действительно плакал, впрочем, при надобности я мог разыграть сцену и почище, особенно хорошо удавались мне внезапные взрывы гнева - я их важно называл пароксизмами гнева, - плакал я гораздо хуже, но навернуть слезу мог без всяких усилий.

Юджин глубоко вошел в настроение и даже драматически стиснул руки.

- Что мне соборы Петра и Павла? Что мне заваленные товарами магазины? Я ведь не рвусь в миллионеры и вполне удовлетворялся нашей квартирой и машиной... И все, больше мне ничего не нужно, о даче мы и не помышляли, обожали иногда летом выезжать с палаткой и детей к этому приучили. У тещи в деревне большой дом, свой огород, корова... И я решил в тот момент тут же вернуться домой, извиниться перед болгаринами, что-нибудь придумать насчет друга. Но здравый смысл тут же поборол внезапный порыв, такое находит на меня часто... ведь я дурак!

Юджин вдруг захохотал, спрятал свой мощный нос в пивной кружке, поперхнулся и так закашлялся, что казалось, вылетят изо рта у него и бронхи, и легкие.

- В общем, я поездил по городу, простился со знакомыми местами, со скамейкой у тихих прудов, где мы впервые поцеловались с женой, сходил в зоопарк (его любил мой отец и вытаскивал меня туда каждый раз, когда приезжал в столицу), пообедал плотно в том самом отеле, где я по поручению Карпыча танцевал с француженкой около фонтана, поглядывая на свое отражение в зеркальном потолке, - там началось мое падение" там

пришло и воскрешение, - сейчас все казалось милым, безвозвратно ушедшим прошлым.

С вокзала я на всякий случай решил позвонить к себе домой. К моему ужасу, трубку поднял профессор:

- Что случилось, Юджин? Куда вы исчезли?

- Вы так сладко спали, что я не рискнул вас будить. Меня срочно вызвали на работу... произошла авария, - плел я все это с искренним волнением, - ждите меня, я скоро вернусь и захвачу своего приятеля.

- Но почему вы заперли меня? Я не могу выйти! - Профессор с трудом сдерживал негодование.

- Дело в том, что у меня специальный замок... от воров. Как вы себя чувствуете? Я сейчас приеду...

- Очень плохо. Не понимаю, что со мной произошло... Скажите, Юджин, куда исчез мой паспорт?

- Какой паспорт?

- Который лежал у меня в боковом кармане.

- Я не понимаю, о чем вы говорите... - Я из кожи вон лез, стараясь разыграть удивление. - Зачем мне ваш паспорт?

- Но он был у меня в кармане... он всегда там.

- Возможно, вы оставили его дома... Дождитесь, пожалуйста, моего приезда!

Он недовольно бурчал; я положил трубку, внутри все клочкотало.

Юджин глубоко вздохнул, нырнул своей оглоблей в бокал пива и словно забыл обо мне.

Елки-палки, ничего мы толком не умеем делать" думал я, даже элементарное снотворное изготовить не в состоянии, црушники, гады, такие штуки вкалывают своим подопытным кроликам - секретаршам, что они друг у друга секретные документы воруют, закладывают в девочек целые программы, и готовы они под гипнозом продырявить пулей насквозь хоть президента, а у нас... если бы какое-нибудь серьезное психотропное средство, а то всего лишь снотворное! Психотропные тоже подводят, сам я однажды сел в лужу, поверил Центру и распил с одним объектом бутылку арманьяка, предварительно проглотив нейтрализующую таблетку, и что? Объект, как ожидалось, не выложил мне свою переполненную секретами душу, а впал в состояние крайней веселости, а я чуть не уснул, и только целый кувшин крепчайшего кофе вынул меня из размягченного состояния.

- И вы не вернулись назад? - спросил я главного фигуранта дела "Конт", когда он выплыл из бокала. - А если бы он тут же позвонил в соответствующие органы?

- Я не рассчитывал на такую прыть. В любом случае он начал бы с офицера безопасности посольства. Было воскресенье, все уезжают за город. Наконец, все выглядит со стороны не так просто: человек попал в чужую квартиру. Как? Почему? Пьяный он или трезвый? Наконец, профессор считал, что я работаю в "ящике". Стали бы искать "ящик"... Учтите, дело было в воскресенье! Нет, я рассчитал верно! Впрочем, в тот момент я об этом не думал, я летел к цели, как фанатичный камикадзе.

В купе меня ожидал очередной сюрприз. Навстречу поднялся добродушный на вид мужчина, представившийся как сотрудник болгарского посольства. У меня чуть язык не отнялся, но, мгновенно сориентировавшись, я представился как польский профессор. Мой спутник, к счастью, принадлежал к распространенной породе неутомимых говорунов,

готовых общаться хоть со стенами, лишь бы она не мешала им высказаться: он фонтанировал до полуночи, пока я не залез под одеяло.

Сначала я попытался заснуть, но сердце мое громыало так громко, словно отстукивало последние миги жизни, я раскрыл книгу, но буквы плясали перед глазами. Так я и пролежал до самой границы, вслушиваясь в стук колес. Что делает профессор? Взломал дверь? Вызвал по телефону своих друзей? Пришло ли ему в голову, что я использовал его паспорт для побега? Сколько времени потребуется на перекрытие пограничных пунктов? На мгновение я заснул, и вдруг возникла та самая миловидная мордашка в кассе, брызжащая слюной, а рядом профессор. Он размахивал своим, а теперь моим паспортом, а она кричала своим гортанным хамским голосом: "Он в Хельсинки убежал!"

Перед пограничной станцией проводник собрал паспорта и бросил весело:

- Привет братьям-болгарам! - Благо, что мой сосед-болтун ничего не понял.

Вскоре появились и пограничники с нашими паспортами и внесли новую ясность в мою личность: тут у нас двое болгар!

- Как? Вы тоже болгарин?! - удивился мой компаньон.

- Нет, я поляк, но являюсь гражданином Болгарии, - ответил я на родном языке и чуть сощурил глаза, чтобы придать некую многозначительность этой фразе.

- Но вы член нашего землячества? Я там знаю почти всех... - лопотал болгарин.

- Бывают обстоятельства, когда в землячестве не все известно, - твердо осадил я его.

Смешно, Алекс? Секретность настолько пропитала нашу жизнь, настолько свыклись все, что вокруг осведомители, агенты, резиденты, нелегалы, затемненная номенклатура, таинственные иностранцы, что принимаем любую чепуху на веру. Вот однажды пришла к моей жене подруга. "Маша, - говорит, - познакомилась я на курорте с одним красавцем разведчиком, одет во все иностранное, рассказал мне по секрету, что работает в Испании. Твой муж не знает его?" Я тут же запустил проверку, и оказался красавец продавцом с двумя судимостями... Но я опять отвлекаюсь, Алекс, извините. Короче, я выкрутился кое-как, навел тень на плетень.

И вот наконец финская земля, мои страдания кончились, запахло свободой, меня охватила полная эйфория, голова кружилась от успеха - так, наверное, радуется осужденный на казнь, когда за пять минут до повешения ему приносят известие о помиловании,

Старый хельсинкский вокзал показался мне дворцом, один иностранный говор приводил в экстаз. Я легко получил недорогой номер в привокзальном отеле и рассчитывал на следующее утро уехать в Турку, а оттуда на пароме - в Швецию. Будущее казалось мне безоблачным, я и думать забыл о семье и своем побеге, я радовался жизни и комфорту, побултыгался в душистой ванне, обтерся огромными махровыми полотенцами, разрисованными абстракциями, я заказал шампанского и раков, дурной тон, конечно, но хотелось кутить, а в Финляндии в то время был как раз рачный сезон, и так захотелось раков... ведь в последний раз ел я их лет пять-шесть назад у отца, ходили мы с бреднем по заросшему озеру и приволокли домой целых три ведра, раки - это моя слабость, особенно если они остро пахнут илом! Как люблю места, где проходило мое солнечное детство с кофейного цвета "ауди", и особняком, и часовыми! Когда я охотился на воробьев в саду...

Как сейчас помню светлый, белый-белый номер и двух негров: один подвозит тролли с шампанским и раками, другой разливает. Оба в белых фраках, белый-белый цвет... Как их

занесло в Финляндию? Впрочем, цветными и черными уже забита вся Европа.

Я решил прогуляться по Маннергейм-тие, сошел вниз по лестнице и, задержавшись на втором этаже, взглянул на фойе. Рядом со стойкой администратора стояли двое в шляпах и плащах, вид деловой, совсем не праздный, выправка военная, морды пинкертонские.

Вся моя эйфория мигом улетучилась, и до меня дошло, что моим шефам удалось связаться с финской полицией и нацелить ее на меня, по всей видимости, подав мою особу как опасного уголовника, убившего не один десяток людей или ограбившего сотню банков.

Как ракета, я взлетел в свой номер, запер его на ключ изнутри, быстро собрал свой саквояж и приоткрыл балкон: внизу простирался провинциально-уютный Гельсингфорс, почти рядом серело здание универмага "Стокман", где я частенько покупал сувениры во время транзита домой. Балкон опоясывал гостиницу и был разбит перегородками на секции у каждого номера.

Жизнь или смерть! Не долго думая, я перелез на соседний балкон" затем на следующий, такая прыть у меня появилась от страха, что взял я, как добрый конь, около двадцати барьеров. На одной секции я задержался и постучал в окно - дверь отворилась, и я предстал перед удивленной парой, рассеянно поглощавшей виноград из круглой хрустальной вазы.

Вы верите в людей, Алекс? Иногда весь мир мне кажется одним огромным и злобным чудовищем, которое все разрывает на части, предает и продает, и все равно завидует, и исходит жаждой убийства, - низкий и мерзкий мир, в котором подышать и то противно! Но вдруг в этом море зла наталкиваешься на удивительное милосердие и красоту души, на доброту, поражающую своей бескорыстностью... Ах, как радостно тогда становится на душе и снова хочется жить и - как это говорил доктор Гааз? - спешить делать добро. Мы, разведчики, изломаны, мы искорежены своей профессией, мы всегда ищем в человеке слабость и грязь и сами от этого превращаемся в нелюдей, и все-таки... все-таки самая поганая тварь останавливается и задумывается, когда своим грязным носом ощущает добро...

Вся сцена выглядела, как в хорошей комедии Чарли Чаплина, мне оставалось приподнять свой несуществующий котелок и представиться:

- Я политический беженец из Мекленбурга... Помогите мне... Меня могут выдать финны... Сейчас сюда придут...

Лица супругов тут же стали деловыми, словно они давно ждали, когда в их комнате появится беглец (оба оказались западными немцами, но мой ломаный английский поняли без труда), и безмолвно втиснули меня в платяной шкаф вместе с саквояжем, главное, без тени колебания или страха, наверное, именно так порядочные интеллигенты в свое время прятали революционеров от царских ищек, зря, наверное. И почти сразу же громкий стук в дверь:

- Откройте! Полиция!

Супруги явно не торопились, муж даже вышел в ванную и включил воду.

- Что вам нужно? - спросила жена через дверь.

- Немедленно откройте дверь!

- Но я не одета! - Все это напоминало мне всю ту же сумасшедшую комедию с преследованиями, выстрелами, падающими перекидными мостами, гонкой и скачкой... Помните, какой-то латиноамериканский политэмигрант скрылся в церкви и спрятался под расой у священника? Все было похоже на правду, я задышался от запахов крепчайших духов,

бивших мне в нос⁵³ из дамского платья, и больше всего на свете боялся чихнуть, а чихнуть хотелось страшно, громко, очистительно чихнуть на весь шкаф - представляю, как бы я выпал оттуда, словно кулек, прямо к полицейским ботинкам!

Щелкнул замок, и тут я услышал истерический вопль мужа, орущего на диком немецком - словно тарелки били об пол.

- Как вы смеете?! Кто вам дал право?!

- У вас в комнате никого нет, герр?

- Что за нахальство! - Дальше взрывалось нечто похожее на "доннер веттер" и "швайне", он стал набирать номер телефона. Немецкое посольство? Срочно соедините меня с консулом! На меня совершено нападение!

- Извините, герр, мы только хотели узнать...

- Мне до этого нет никакого дела! Как вы смели вломиться в мой номер? Передайте консулу, - это уже в трубку, - что звонит герр Бауэр... Я жду... Я не кладу трубку...

Дверь захлопнулась, и герр Бауэр, поорав еще с минуту, - его вопли доносились до коридора, куда уже, судя по голосам, высыпали люди, - приоткрыл створки шкафа.

- Вы не задыхались? - спросил он тихо по-английски и снова стал громко возмущаться и даже вышел в коридор и пошел в контрнаступление на перепуганную полицию - прекрасный прием, ведь все мы не перевариваем истериков, душевнобольных, скандалистов, боимся их как огня.

Так началась моя дружба с Бауэрами, милейшими людьми, работающими на западногерманской фирме в Каире, им обязан я жизнью⁵⁴, им я останусь благодарен до самой смерти.

У меня и сомнения не было, что все входы и выходы из отеля перекрыты: финны работают грубо, но добросовестно. Фрау Бауэр вышла в город и в театральном магазине приобрела парик и набор грима, супруги посадили меня в кресло, довольно умело разрисовали, она пожертвовала некоторыми своими туалетами, и вскоре я превратился в старую, противную, носатую бабицу в очках и преспокойно проковылял через все полицейские кордоны.

Выйдя из отеля, я тут же направился на вокзал, благо, что он через дорогу, переоделся в вокзальной уборной и тут же сел на поезд до Турку.

На следующий день я уже шагал по мостам Стокгольма, к вечеру на деньги, ссуженные Бауэрами, я вылетел в Каир...

Дальше уже неинтересно... Я познакомился с Ритой, поступил на работу. У меня появилась идея написать бестселлер под чужой фамилией и свести счеты с прошлым. Кое-что я написал... Впрочем, я давно не пил столько пива... Не пора ли нам прогуляться?

Мы расплатились и покинули гостеприимный паб.

- Публиковать мемуары вы не считаете зазорным, а разве это не нарушение присяги? - воткнул я ему шпилечку.

- Это открытая политическая борьба, это вполне нормально! В истории полно примеров, когда люди отрываются от своих взглядов и восстают против прошлого.

Вспомните Андре Мальро, Говарда Фаста или Артура Кестлера. Все они были убежденными коммунистами, но потом превратились в не менее убежденных антикоммунистов. Кто-то сказал, что в конце концов в мире останутся лишь коммунисты и бывшие коммунисты, - я думаю, что коммунистов вообще не останется...⁵⁵

На улице моросил дождик. Юджин раскрыл зонт с бамбуковой ручкой, а я шагал, подставив голову стихиям, и слизывал с губ солоноватые капли. Дождь успокаивал меня, настраивал на оптимизм, бодрил и веселил, в нем я чувствовал себя буквально как рыба в воде, наверное, в другой жизни я и был каким-нибудь карасем. Римма, наоборот, мучилась от пасмурной погоды, дождь вергал ее в транс, она оживала только под солнцем, светящим с голубого неба, ливня она боялась панически и всегда задерживала в комнате шторы. Меня же дождь омывал и очищал, я мог часами наблюдать, как стучат и разрываюся капли на асфальте, как суматошно бежит вода по крышам, прорываясь к водосточной трубе, и особенно любил я идти по траве после теплого дождя. Я бы всю жизнь ходил босиком - терпеть не могу туфли, - из матушки-земли в меня вливаются токи, призывающие к жизни. Кэти не понимала наслаждения, когда топашь голыми пятками по полу, и все время подсовывала тапочки.

Вокруг Тауэра бродили туристы под зонтами и, несмотря на дождь, щелкали фотоаппаратами. Я еще раз взглянул на пепельного цвета башни и вдруг почувствовал, что нахожусь под слежкой. Такое бывало не раз: словно невидимые мурашки пробегали по спине, покалывая кожу, не понимаешь, в чем дело, но осознаешь некий дискомфорт, хочется оглянуться, повернуть головой или нырнуть куда-нибудь в сторону.

Ощущение слежки не проходило, чьи-то настороженные глаза сверлили и жалили меня, я повернул резко голову - что-то мелькнуло, тут же спрятавшись за зонтом. - Повернул еще раз и скорее почувствовал, а не увидел мельтешения неясного силуэта в толпе. Неужели это фата-моргана шизофреника Алекса? Или просто нервы обострены до тонкости бритвенного лезвия - играть на лезвии ножа, дрожа от сладости пореза, чтоб навсегда зашлась душа, привыкнув к холоду железа?.. Черт побери, неужели это болваны Хилсмена на всякий случай контролируют наши променады?

Я взял Юджина под руку, встал под зонт и потянул его в узкий, выплывший прямо из средневековья, покрытый булыжниками *cui de sac*⁵⁶, упирающийся в приземистое строение с башенкой наверху. Сзади застучали о булыжники каблук, мы с Юджином прошли немного, остановились у тупика и развернулись.

Футов за сто от нас на пустой улице стоял человек, прикрыв лицо зонтом. Не убирая зонта, словно защищаясь щитом, он начал боком, по-крабьи пятиться назад и быстро скрылся за углом.

⁵³ Я представил себе рубильник "Конта", воткнутый в юбку, и с трудом сдержал улыбку.

⁵⁴ "Неужели западногерманская разведка? - мелькнуло у меня в голове. - Нет, Алекс, они информировали бы ЦРУ, выкормившее службу генерала Гелена".

⁵⁵ Хорошего мнения он был о себе, этот Юджин! Андре Мальро, Кестлер... Себя, видимо, он считал новоявленным Пименом, которого Бог пустил в этот мир лишь для того, чтобы написать истинную правду о Монастыре и Мекленбурге.

⁵⁶ Глухой переулочек, тупик.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О ТАЙНАХ РИММИНОГО ЛАРЦА, "КРАСНОЙ СЕЛЕДКЕ", ИРЛАНДСКИХ ТЕРРОРИСТАХ И О ТОМ, ЧТО ЗНАЧИТ СКОЛЬЗИТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА, ДРОЖА ОТ СЛАДОСТИ ПОРЕЗА

"- Уже гремит гроза, вы слышите? Темнеет. Кони роют землю, содрогается маленький сад".

М. Булгаков

"Центр", Курту.

1. "Конт" благополучно доставлен сюда и представлен лично "Фреду", который к работе с ним меня не привлекал, а вывез "Конта" для бесед в известную вам загородную резиденцию. В отношении "Конта" определенного впечатления у меня не сложилось. Устоявшихся политических взглядов "Конт" не имеет, хотя к нашей внешней и внутренней политике относится резко отрицательно. Он утверждает, что бежал прямо из страны через Финляндию, используя болгарский паспорт. Причиной этого якобы явились угрозы со стороны неизвестного лица (или организации) и даже покушения на его жизнь. По моему мнению, эту версию "Конт" придумал, чтобы оправдать предательство. Совсем недавно "Фред" жаловался на "Конта", заявив, что тот не хочет идти на глубокое сотрудничество и на передачу секретов, якобы "не желая нарушать присягу", но готов работать как журналист и выступать с материалами, разоблачающими порядки в нашей стране. "Конт" также задумал написать книгу, но к этому еще не приступил. В процессе многократных бесед с ним я пришел к заключению, что мы имеем дело с весьма скользкой личностью, к тому же еще психически неуравновешенной и склонной к пьянству⁵⁷.

Каких-либо перспектив установления особых отношений с "Контом" не вижу. Он, как мне думается, рассчитывает заполучить через американцев жену и детей, устроиться с их помощью на работу, сделать деньги на бестселлере о деятельности нашей службы и заняться журналистской деятельностью с диссидентских позиций. По моему, для реализации операции "Бемоль" - "Конт" вряд ли может представить интерес. Считал бы целесообразным от контактов с ним воздерживаться, сказав "Фреду", что личные отношения у меня не складываются.

2. Мое продвижение в плане "Бемоли" проходит медленно, что, по всей вероятности, объясняется тем, что "Пауки" еще не закончили окончательную проверку. Во всяком случае, поездка в Каир укрепила мои позиции; как кажется, "Фред" стал больше мне доверять. Он представил меня нескольким сотрудникам "Пауков", которых я консультирую по отдельным вопросам (справки об этом направляю отдельно), планирует перевербовку некоторой выданной мной агентуры и собирается подключить меня к разработке сотрудников нашего посольства. "Пауки" чрезвычайно внимательно следят за действием Центра, и мимо их внимания вряд ли прошел тот факт, что Центр ведет

себя пассивно и, по сути дела, лишь принимает от меня текущую информацию, не ставя новых заданий, которые бы постоянно поддерживали интерес "Пауков" к моей деятельности. На данном этапе это создает основные препятствия на пути укрепления ко мне доверия и приближения к основной задаче, поставленной Центром. Том".

Это тусклое послание было катапультировано мною на экстренной встрече через спирохетичного молодого человека в очках, и на следующий день рыжий вахлак, уже в кожаной куртке и не воняющий перегаром (получил втык из Центра за плащ и сделал выводы), на том же месте сунул мне в ладонь коробок с ответом Центра, точным и кратким, ибо, как известно, краткость - сестра таланта - это часто повторял Маня на совещаниях, обсасывая по часу какую-нибудь самую простенькую истину.

"Лондон, Тому,

1) С вашей общей оценкой обстановки согласны.

2) Предложения по укреплению ваших позиций приняты нами к сведению.

3) Вашу линию на уход от контактов с "Контом" считаем в корне неправильной и просим по возможности углублять личные отношения с ним и держать нас в курсе его истинных намерений. На наш взгляд, работа с "Контом" может помочь решению основной задачи "Бемоли". Курт".

"Ну и хитрецы! - думал я, сжигая телеграмму в унитазе и разминая пепел туалетной щеткой. - Как они тянут меня в дело с "Контом" ("если он будет стоять на краю пропасти, ты можешь его и подтолкнуть"), а на фига все это нужно Алексу, не желающему пачкаться в дерьме?"

Третий пункт о "Конте" был составлен в жестких тонах и наверняка согласован с самим Бритой Головой, осуществлявшим контроль сверху за "Бемо-лью". Центр не выносил, когда с ним вступали даже в легкий конфликт, и обычно бил прямо кулаком в нос, не заботясь о мягких замшевых перчатках.

Телеграмму, естественно, готовил Чижики под диктовку Челюсти, который и клал ее на стол к Мане для согласования с Бритой Головой. Я представил Маню перед грозными глазенками Бритой Головы, робкого Маню, почесывающего густой "ежик" рукой с почти вытравленной татуировкой (как гласило предание, падение сие произошло в самом начале его партийной карьеры на далеком тракторном заводе; об идейном содержании татуировки в Монастыре шли вечные дискуссии, и многие склонялись к тому, что там синело "Не забуду мать родную").

Я посмотрел на календарь - в этом месяце Бритая Голова обычно ложился в больницу на профилактику своего бесценного здоровья. Монастырской больницей он гнушался, хотя там для него постоянно содержали отдельную палату с персональной ванной и туалетом (все полководцы службы были привержены к персональным туалетам, видно, боялись, что рядовой состав вдруг обнаружит, что его шефы, как самые обыкновенные люди, имеют несчастье мочиться и отправлять прочие неприличные нужды), а предпочитал загородную больницу от Застарелой площади, предназначенную для самой высокой номенклатуры, где не только проходил осмотры под глазом самой диковинной японской техники, но и активно общался в кулуарах, обсуждал политическую ситуацию в стране, прошедшие и грядущие кадровые перемещения и мелкие сплетни, без которых никто из больных не мог спокойно и навеки уснуть, мысленно устроившись в Неоднозначной Стене.

Значит, Мане пришлось мчаться на своем "шевроле" за город, виляя по узким,

⁵⁷ На этой фразе я почувствовал себя старой проституткой, читающей мораль о необходимости сохранять невинность.

установленным "кирпичами" и милицией дорогам; сам он был здоров как бык, но тоже регулярно ложился на обследование под давлением личного врача, сивившегося любыми средствами оправдать свое существование ("Зря вычистили евреев, что могут эти блатари с чистыми анкетами?" - ворчал Маня, теребя свой "ежик", и вспоминал, как сладко и легко жилось ему до того, как бросили его на укрепление Монастыря в величественном сером доме на Застарелой площади, где ласково-вкрадчивые и по-рабочему крепкие рукопожатия в кабинетах и глухая тишина в коридорах, лишь иногда разрывает ее трепет бумаг: это, как испуганная лань, летит по ковровой дорожке референт на доклад к начальству).

Маня, Маня! Озорник Алекс приклеил ему эту кличку лишь потому, что ни густой "ежик", ни остатки татуировки, ни прямой, мужественный взгляд не могли скрыть его удивительно бабьего облика - баба это была, старая кисельная баба⁵⁸: повяжи ей вокруг "ежика" и почти отсутствующего подбородка оренбургский платок - и не отличить ее от старушенций, сидящих в любой деревне на скамейке у дома и глазающих на проезжающие автомобили.

Знатки относили Маню к разряду трудных шефов. Если его предшественник Бобер подписывал любой документ легко и не читая (взбучки за глупости и ошибки он давал страшные, устраивал настоящее аутодафе, говорили, однажды проломил кулаком стол, некоторых даже выносили в глубоком и искреннем обмороке, поэтому все бумаги готовились тщательно и с учетом его твердого стиля), то Маня прочитывал все от начала до конца, вгрызаясь в каждое слово и даже пунктуацию (!), и, прежде чем поставить свою закорючку (некий глубокомысленный вензель, разработанный им еще во время трудов на тракторном заводе), правил и правил разными карандашами, рассыпал весь документ на части и собирал воедино совершенно в другой последовательности, приказывал все перепечатать, снова все перечитывал, иногда приходил в ярость от бестолковости исполнителя, но чаще всего оставался доволен своей работой.

Бобер лишь в редких случаях достаивал документ своей резолюции (обычно с его слов это делал помощник: хитер был Бобер, не любил оставлять следов и, если дело разлезалось по швам, всегда снимал стружку с помощника, якобы исказившего его мудрейшие распоряжения), Маня же из-за любви к печатному слову и привязанности к мекленбургской словесности (на самой последней работе в Доме он занимался идеологией, защитил кандидатскую о Принципах и считал себя виртуозом пера) не резолюции писал, а целые эссе, писал со страстью и душой, иногда даже на отдельных страницах, пока, наконец, мудрый Челюсть, охраняя репутацию шефа (и свою тоже), не убедил его умерить пыл и ограничиться такими содержательными формулировками, как "Пр. переговорить" или "Обсудим".

Но от правок Маню отучить не удалось: при виде любого текста зажигались хищными искрами его прямодушные глаза, мятое лицо розовело от предстоящего наслаждения, он долго выбирал по цвету, по длине, по внешнему виду, по марке ручку или карандаш - они лежали и стояли на мраморном письменном приборе в загадочном беспорядке - и впиался в документ с ретивостью изголодавшегося бульдога, сжимал скулы, играл желваками и превращался на миг в мужчину - пух и перья летели в разные стороны, словно пес раздирал на части лебяжью перину.

⁵⁸ Менее прекрасная, чем та торговка урюком на крыльце, будоражащая мои прозрачные сны.

Но когда испещренный линиями и кружками текст, рассыпавшись, снова интегрировался в единое целое, перепечатанное обозленными уставшими машинистками (Маня никогда ничего не успевал, сидел допоздна и держал при себе всех заместителей и 2-3 технических работников), то оказывалось, что суть текста оставалась такой же, только начало перекочевывало в финал, а финал попадал в начало.

Конечно, Алекс не настолько глуп, чтобы кричать на каждом углу, как он тайно называет Маню, но с Челюстью этим я уже поделился, - хохотал тот до упаду, точно так же, как и тогда, когда я впервые назвал его в глаза Челюстью ("Здорово придумал, старик, у меня на это не хватило бы мозгов!").

Я вышел из туалета, попыхивая сигарой, забивающей запах дыма от сгоревшей бумаги, вошел в ванную и причесался специальной щеточкой, предназначенной одновременно и для регулярного массажа натруженной светлой головы.

Облившись слегка "Аква вельвой" ("гори, гори, моя звезда!"), я вышел в халате в гостиную, где тонула в телевизоре грустная Кэти, которая прильнула ко мне так нежно, что заставила забыть не только о Мане, но даже и о Бритой Голове.

Яростный диалог тут же на тахте оказался не таким безрадостным, как я предполагал, а вскоре разговор вошел в обычную колею.

- Когда мы с тобой походим на яхте, Алекс? Или мне ее продать?

- Зачем продавать? Выберем время и съездим в Брайтон. Заодно я повиданюсь с папой, давно его не видел.

Она закивала головой и погладила меня по волосатой мужественной ноге.

Это вызвало у меня необыкновенный прилив нежности.

- Когда наконец мы снимем дом? Надоело жить на две квартиры. И вообще, милая, нам пора уже связать себя формальными узами... в конце концов я не хиппи, а солидный человек, мне надоело свободный брак..., я уже сто раз говорил, что хочу ребенка... даже двоих... - Я не скупился на обещания, добродетельный Хилсмен уже не раз намекал на то, что мне пора упорядочить мою бурную жизнь, да и Центр призывал закрепить свой семейный статус ради "Бемоли" - что делать, если на человека давят две такие мощные организации?

Реакция Кэти была предсказуемой: изящный жест голой руки (ах, бросьте! не говорите глупости, сэр! какой ребенок? я вас люблю, как дай вам Бог любимым быть другой, элегантного, сильного и с чарующим пробормом! зачем нам семья? какая скука!), белозубая улыбка (зубы Кэти были нашей общей гордостью, удивительно, что она не поручила мне их чистить - так заботливо мы оба к ним относились), затем она перепорхнула на мои распахнутые колени (тут мне в голову пришла поэма из единственной строфы полузабытого мекленбургского поэта: "О, закрой свои бледные ноги!", я не расхохотался лишь потому, что испугался растерять в смехе все свои скаковые качества), и я простучал голыми пятками за нею в спальню, радуясь лишнему шансу походить босиком.

Второй антракт пришлось смочить вином. Хотя лепету Кэти я совершенно не верил, меня согревала мысль, что она все же отвергла мое брачное предложение - никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!

С Риммой этот больной вопрос мы решили проще: ехали на трамвае, увидели загс и зашли.

Мы жили в другие времена и любили друг друга крепко (ах, Алекс, ты стареешь и

слабеешь, ты стал сладко-сентиментальным, брат, скоро и менторствовать начнешь: мол, учитесь, молодые, берите пример с моей образцовой семейной жизни!), счастливые годы, веселые дни, как вешние воды... - и ничего не осталось, кроме слабых раздражающих воспоминаний.

В конце моего последнего мекленбургского визита Челюсть решил разрушить лед, уже несколько лет разделяющий кланы Капулетти и Монтекки, и пригласил нас домой в гости. Одевался я тщательно и решил придать себе богемный вид, повязав шею угольно-черным платком с искрой (его десять лет тому назад подарил один агент: снял, душка, и отдал, увидел, что вещь мне понравилась), который давно валялся где-то в моем гардеробе, но там его не оказалось, и я начал шарить по всем сусекам - событие экстраординарное, терпеть я не мог барахтаться в шмотках, никогда не помнил, где что лежит, а на Риммины шкафы смотрел с боязнью, знал, что они забиты барахлом, которое я привозил по ее заказам.

Тут я нарушил традицию: очень хотелось потрясти Челюсть и его деревню - Большую Землю черным с искрой платком, обернутым вокруг шеи а la лорд Байрон, под клетчатым пиджаком с кожаными заплатками на локтях, криком моды, особенно вкупе с мышинного цвета фланелевыми штанами.

И я зарылся во встроенный шкаф в коридоре, взрыхлил там все, но платка не обнаружил, зато налетел на пистолет-пулемет "венус", о котором совершенно забыл, - блестящая штука длиной всего лишь в 38 сантиметров, калибр 5,6 мм, скорострельность - 5000 выстрелов в минуту. Купил я это чудо военной техники в Майами, штат Флорида, на случай революции (или контрреволюции) в Мекленбурге, когда озверевшие толпы начнут штурмовать комфортабельные дома для "белых", вешать на фонарях номенклатурных дядей, а заодно и невинного агнца Алекса - кто будет разбираться, великий ли он разведчик или обыкновенный стукач, заложивший десятки невинных людей.

Впрочем, счастливая находка совершенно забытой вещи не остановила моих усилий, я рыл, как тот самый крот истории, воспетый моим соседом по Хем-стеду на Хайгейтском кладбище, так и не дорывший ее до всемирной диктатуры пролетариата, и вдруг уткнулся в знакомый ларец, прикрытый коробками с туфлями, я открыл его и - о Боже!

Именно в этот момент возвратилась из цветочного магазина Римма и застыла на пороге, пораженная, если не убитая, кавардаком в апартаментах.

- Откуда у тебя такая груда бриллиантов?! - Я был поражен, и как тут не поразиться, если найден целый клад, целый ювелирный магазин - откуда свалились эти сокровища? Неужели это все наше? Полная чепуха! Я привозил ей, конечно, много, и тут покупали, но столько... нет!

- Что это ты надумал рыться в моих вещах? До сих пор это за тобой не наблюдалось!

- Неужели это все мы накопили? - Мне даже страшно стало: вдруг нагрянет сейчас Бритая Голова со взводом солдат и застанет меня над сундуком с золотом, словно Скупого Рыцаря.

- Представь себе, все это мои драгоценности! - Меня резануло слово "мои", хотя вдевать ее серьги в нос я не собирался. - Приходится продавать некоторые вещи, которые ты привозишь, ведь они все равно изнасятся или испортятся, а драгоценности всегда в цене... хороший вклад!

- Неужели на наши вещи можно купить столько бриллиантов?

- Знаешь что, Алик? Не лезь не в свое дело! Что ты в этом понимаешь? Катаешься себе там как сыр в масле на казенных харчах... К тому же тут и мамини бриллианты...

- Мамины? Никогда не думал, что у нее что-то было...

- Конечно! Было только у твоего слесаря папы... Ты пойми: в Мекленбурге вещи стоят дорого, а драгоценности дешево, ясно?

- Римма, в чем ты пытаешься меня убедить? Ты лучше скажи, откуда все это?

- Ах, ты начал следствие? Проснулась профессиональная жилка? Хорошо! Все это подарил мне любовник!

Я только захохотал и сбил себе весь запал гнева - днем с огнем в Мекленбурге при всей фантазии не сыскать такого богача. Конечно, при жесточайшей экономии и умелом обороте со шмотками и техникой Римма могла сколотить капиталец и разумно инвестировать его в драгоценности... Разве не здравый смысл? Тут я отыскал любимый шейный платок. Из-за чего, собственно, сыр-бор? Не украла же она? Конечно, у Риммы имелись капиталистические замашки, с Молохом она не ссорилась, жила в дружбе, и, кстати, я сам это всегда ценил. Если бы не Римма, черта лысого я получил бы, а не дачный участок, все это не моя стихия. Вершина моей коммерческой деятельности - это сдача пустых бутылок, да и тут меня всегда обсчитывали, а я и не спорил: противно было. Наверное, Римма справедливо считала меня тряпкой и орала: "Если бы ты родился женщиной, то постоянно был бы беременной!" Что ж, невелика беда!

Я завязал на шее платок, чуть взбил и взрыхлил его, стараясь сделать это небрежно, что само собой получалось у любого европейца, а мне стоило многих тренировок перед зеркалом, и набросил пиджак раскраски шахматной доски. Такими пиджаками поражал Лондон король Эдуард VIII, женившийся на американской актрисе вопреки воле двора и истеблишмента, за что и поплатился короной, - вот это герой! Вот это настоящий мужчина!

Я надел фланелевые брюки мышинного цвета на подтяжках с белыми слониками (слоники приносят счастье, а Алекс никогда не забывал ни о расположении звезд, ни о гороскопе) и узорчатые туфли "ллойдс", которые не хочется снимать даже перед сном, и закончил шедевр, воткнув в верхний карман пиджака белый платок, но не так, как делают это мекленбургские клерки, не на миллиметр-два вверх от кармана, а на полную катушку и небрежно, чтобы торчал он, как гордая белая роза!

Челюсть Николая я уже имел счастье лицезреть и в день моего приземления, когда он ошеломил мир своим внезапным приездом в аэропорт, и на работе, и на конспиративной квартире, куда я приволок ценные заказы: золотые запонки с изображением Нефертити и еще кое-что (заграничные подарки, стыдливо именуемые сувенирами, давно вошли в плоть и кровь Мекленбурга, их уже не просили, а требовали).

Особенно в ходу были рыболовные снасти, и мне пришлось специально наладить бизнес с владельцем магазина рыболовецких принадлежностей - ведь спрос на все эти крючки и блесны не имел границ: все бонзы Мекленбурга охотились и ловили, особенно любили половить, подпить, к вечеру загрузить всех чад и домочадцев очисткой рыбы и снова хрюпнуть перед здоровым сном.

Челюсть принял "Нефертити" для себя и спиннинги для своих контактов (сам он не ловил, а охотился - это уже на ранг выше) и заказал по просьбе тестя два снайперских прицела для стрельбы по кабанам с вышки (егеря сгоняли бедняг в стадо, и палить можно было, не целясь) и особый чехол для охотничьего ружья, сделанный из стали и не

позволяющий тягачу, трактору (или танку), везущему прицеп с убитыми фазанами (кабанами, тиграми, слонами), переехать и сломать ружье, случайно положенное на дорогу, - такой случай якобы у тестя был: тягач повредил ему подарочную бельгийскую винтовку во время охоты в заповедном хозяйстве.

Мы проехали мимо памятника виконту де Бражелону (голубь на его шлеме радовался жизни) и прямо у муниципалитета свернули на улицу Отца Уникальной Театральной Системы,

Римма немного нервничала - ведь наш визит знаменовал собою новую страницу в истории домов Капулетти и Монтекки: близкая дружба, свадьба, потом вежливое охлаждение до телефонного уровня, вдруг новый всплеск в виде ночного визита к нам Николая Ивановича после пьянки и приглашение к нему домой - событие национальной важности!

Челюсть уже перебрался во внушительный номенклатурный дом, перед которым моя весьма приличная обитель выглядела, как лачуга (правда, в случае заварушки его атаковали бы в первую очередь и не помог бы тут даже пистолет-пулемет "венус", калибр 5,6 мм), мы вплыли в роскошное фойе - иначе не назовешь эти устланные коврами просторы с импортными щетками-половиками у входа, целой оранжереей заморских цветов в керамических кашпо, развешанных на витиеватых железных перегородках, с мягкой мебелью и вкрадчивой дежурной, которая одновременно и обдавала бездонным гостеприимством, и испепеляла пронизательной рожей ветерана местной охраны.

Большая Земля за истекший период (нет, Чижик, ты в гроб сойдешь со мной вместе с азбукой канцелярита!) стала еще необъятнее и превратилась в целый Материк, ноги совсем укоротились, и когда-то ястребинные очи прикрывали матовые очки - видимо, после ночных бдений над историческими романами из жизни французских королей (пример для подражания) зрение пришло в негодность.

Апартаменты, точнее, покои с цветными витражными дверями, хрустальными люстрами, пейзажами, в которых доминировали березы и осины, окруженные тальм снегом и весенними ручейками, кожаным гарнитуром и палисандровой стенкой, вполне соответствовали новому стилю Мекленбурга, сменившему суровый аскетизм борцов за справедливость на роскошь не обреченного на неизбежную гибель нового класса.

В холл влетели нас встретить два ангела, мальчик и девочка, улыбающиеся, как на рекламе импортной зубной пасты, дети на американский манер сами протянули руки для пожатия (уж не гувернантку ли завела семья Челюсти?) и тут же удалились, приняв из рук мамы врученный мною букет потрясающих роз, купленных за дикую цену на рынке недалеко от памятника Буревестнику.

Стол, покрытый алой скатертью (тоже не случайно: Челюсть любил этот цвет и частенько повторял цитату из Уитмена, в свою очередь, процитированную Усами, в чьих трудах он ее и подцепил: "Мы живы, горит наша алая кровь огнем неистраченных сил!"), ломился от распределительных яств и набора напитков, включавших даже "гленливек" (Николай знал мои слабости, впрочем, будем к нему справедливы: с юных дней он любил жить широко, не мелочился и всегда давал взаймы, я же, например, еще не дав, уже чувствовал себя обворованным).

Римма и Большая Земля изображали радость после вынужденной разлуки (обе, наверное, с удовлетворением фиксировали друг у друга новые морщины, складки и

жировики), щебетали через стол, вспоминая общих и особенно покойных подруг и делясь советами по воспитанию детей (телефонный контакт все-таки не прерывался, и они были в курсе семейных дел), мы с Челюстью произносили несуразные тосты, сознавая их глупость, но в то же время и необходимость, затем Большая Земля лично внесла баранью ногу ("сделала сегодня ногу со сложным гарниром" - тогда это мистическое обозначение вошло в моду во всех первоклассных ресторанах Мекленбурга, я тут же придумал себе эпитафию: "Тут лежит несложный Алекс Уилки, который съел сложный гарнир и от него погиб"), затем мы переместились на кожаную мебель, где Коленька (между прочим, специально надел подаренные мною запонки с головою Нефертити), как в доброе старое время, исполнил "Не счесть алмазов в каменных пещерах", - партия не его голоса, но заучил он ее еще тогда, когда у него прорезался тенор; женщины разнеженно слушали, Большая Земля тихо подпевала, раздувая свои мехи-бюст.

Оставив женщин наедине с их нержавеющей* дружбой, мы взяли кофе и переместились в кабинет-библиотеку. Челюсть за многие годы я изучил как свои пять пальцев, и его полные и неполные собрания меня не потрясли: дай Бог, если за свою славную жизнь он прочитал хоть одну серьезную книгу!

Правда, он проштудировал несколько полезных книг типа "Крылатые слова" и "Сборник застольных анекдотов" на английском: мой опытный взгляд сразу засек стопку книжонок с закладками, по корешку я определил словарь цитат издания "Пингвин", содержащий мудрые высказывания на все случаи жизни и индекс, по которому их легко было зацепить. Челюсть готовился буквально ко всем общественным мероприятиям, репетировал выход даже в гости, дабы выглядеть человеком эрудированным, разве только в постель с Большой Землей не ложился, не подкрепившись броской цитатой, анекдотом или отрывком из мемуаров военачальников (в его высокой среде проблемы войны частенько накатывались на бессвязное бормотание после фужеров с водкой).

В далеком углу я приметил маленькое фото Усов в орденах (они все чаще украшали лобовые стекла грузовиков в те неопределенные дни) - ого! Это говорило о многом, это означало, что жесткие тенденции в мятущейся мекленбургской политике продолжали нарастать: ведь Челюсть зазывал в свой кабинет не только так называемых старых друзей вроде меня, но и тестя, и его коллег, живущих напротив, в охраняемом доме-дворце.

- Ты сегодня какой-то грустный... - заметил Николай. - Думаешь об операции? Не стоит! Я уверен в успехе... конечно, если мы не будем идти на поводу у руководства.

- Давай не говорить о делах, - попросил я, - в печенках у меня эта "бемоль", ну ее к черту!

- С женой, что ли, поругался? - Он был наблюдателен и почувствовал холодок в наших общениях с Риммой.

- Надоела эта дурацкая жизнь, Коля. Трудно. Сомневаюсь, что мы сможем жить вместе, если я вернусь...

Он начал меня успокаивать, а размякшего Алекса понесло по волнам, и я вывалил ему о драгоценном ларце.

- Как бы она тут не запуталась. Бухгалтер из меня плохой, а она спекулирует шмотками... - исповедовался дурак.

Сказал - и обделался: ведь дал Челюсти козырную карту, заложит при первом же

случае, если ему будет выгодно.

Но он реагировал благодушно:

- Ах, Алик, сейчас такое время... все продают, деньги-то нужны. Тем более что вы строите дачу... Только предупреди, чтобы она делала все осторожно.

- Надеюсь, что все это между нами, - вякнул я.

- Как тебе не стыдно! А еще старый друг! Я не стал спорить и отхлебнул "гленливета", захваченного хозяином из гостиной.

- Хорошо ты пьешь, здоровяк, я подох бы от таких объемов! Ты Солженицына читал? И как? Я неопределенно пожал плечами.

- Зря его выпустили, - продолжал он, - стрелять таких надо! Дали бы мне, рука не дрогнула, и целился бы я ему медленно, прямо в лоб, чтобы он лучше почувствовал, какой он гад!

Я промолчал: ну его к черту, достаточно и того, что разболтал ему насчет ларца, ну его к черту, парень он хороший, но... зачем делиться с ним тайнами? Разве он поможет? Кто поможет тебе вообще, если жена и сын смотрят на тебя, как на денежный мешок? Для чего вообще я живу? Для того, чтобы Бритая Голова шепнул по пьянке Самому-Самому (стараясь не задеть застрявшими в коронках мясными ошметками глухое ухо) о том, что в Англии ("что? что? где? где? в Андах?") живет-поживает некий разведчик Алекс, преданный Делу и рискующий своей единственной жизнью ради Великих Идеалов и мудрой политики Самого-Самого? О том, что бесстрашный Алекс рано или поздно отловит и удавит Крысу?

К концу вечера я все же весело нажрался, был блестящ и остроумен - так по крайней мере я парировал на следующий день упрёки Риммы, добавляя, что "тому, кто не грешил, не будет и прощенья, лишь грешники себе прощение найдут!" - изобретательно танцевал с Большой Землей под "ах, Тоня, Тоня, Тонечка, с ней случай был такой, служила наша Тонечка в столовой городской" (пел сам, забыл, что она не Тоня, а Клава), ей это безумно нравилось, пока я не уронил ее на пол.

На прощанье Челюсть одел и Римму, и меня (так в Кембридже одевает профессор своего не менее почтенного коллегу), на пустой улице Буревестника я сразу же нашел свободную машину, что в трезвом виде мне никогда не удавалось, которая и доставила нас до дома.

Утром я проснулся рано, не умываясь, сел в машину и поехал на пляж недалеко от речного вокзала, чтобы смыть тоску и похмелье. Город уже проснулся, спешили на работу люди, у киосков стояли очереди за газетами, деревья еще не устали от жары и пыли, по воздуху плавал тополиный пух.

Я медленно заходил в воду, ступая осторожно по грязному дну, вода поднялась по грудь, по самую шею, я решительно пошел вперед, и она накрыла меня с головой (подводное ныряние всегда было моим хобби). Я шагал и шагал, как герой юности Мартин Иден, упираясь, подгребая руками и мешая воде вытолкнуть меня наружу, темно-зеленый потолок нависал надо мной, я шел и шел, напрягая все свои силы и волно...

"Созвездий мириады сюда не шлют лучи, молчат здесь водопады, не пеняются ключи; ни радости беспечной, ни скорби быстротечной. - Один лишь сон - сон вечный, ждет в вечной той ночи", - повторял я, как молитву, строчки, которые по моему настоянию Сережка освоил и исполнял под гитару, заменявшую ему Баха и Плутарха.

Помню судорогу гребущих рук, сопротивление ног, тянущих обратно на дно, боль в

плечах, уходящий свет, который вдруг показался единственным, самым важным и самым нужным маяком... Очнулся я на мокром песке, выворачивало меня наизнанку.

Все это было давно, в дни зарождения "Бемоли", а сейчас я валялся в постели с Кэти, и мы щебетали по поводу мебелировки нашего еще не купленного дома...

Через неделю меня срочно вызвал Хилсмен и без всяких церемоний положил на стол уже расшифрованную американцами телеграмму Центра.

"Лондон, Тому.

Нами готовится мероприятие большого государственного значения, связанное с переборской "Саперам" нескольких партий "пива"". В этих целях проверьте готовность тайников "Рассвет" и "Темница". 25 сентября (запасная встреча через день) вам предстоит провести встречу с представителем Центра по условиям связи "Грот"" для обсуждения деталей передачи "пива"" "Саперам"".

Телеграмма меня ошеломила, хотя Центр ударил в самую точку: не было вопроса, который мог бы поставить на уши всю американскую службу (и англичан тоже), чем "Саперы", то бишь экстремистское крыло Ирландской Республиканской Армии (ИРА), террористической организации, действующей не только в Ольстере, но и в Лондоне, где они временами взрывали бомбы. Западная печать обвиняла Мекленбург в снабжении террористов оружием ("пивом"), но я знал, что мы боялись прямых контактов с ними как огня, и не раз говорил об этом Хилену.

Вопрос этот муссировался и во время моего последнего визита в Мекленбург, когда Челюсть в наших частных беседах даже высказал мысль, что если бы Крыса действительно находилась в стенах Монастыря, то она не преминула бы информировать своих хозяев о действительном положении вещей.

- Возможно, Крыса и информировала об этом противника, - заметил я. - Но они специально подливают масла в огонь, дабы разжечь ненависть к миролюбивой политике нашей страны. В конце концов дезинформация всегда оставалась мощным орудием пропаганды!

Челюсть, поразмыслив, согласился со мною, и на этом разговор о "Саперах"" закончился.

- Что вы об этом думаете? - Великий волшебник Гудвин из Канзаса сузил глаза и вытянул нос, словно хотел вынюхать мои мысли.

Я даже удивился такой прыткости Центра, просто феерической оперативности, разрушающей мои представления о ритме монастырской работы. Я сразу усек, что Центр внял моей просьбе и подбросил реальное дело, способное поднять доверие к Алексу до высочайшей планки. Но как это все будет выглядеть?

- Надо дожидаться встречи... решение самого высокого уровня, вы сами видите, что меня к этому делу они не привлекали, да и роль мне отвели, как я понимаю, подсобную. Очевидно, Центр вел переговоры с ирландцами по другим каналам.

- В каком районе "Грот"?

- В районе доков, кажется, вест-индских...

- Прекрасно. Проводите встречу и сразу же свяжитесь со мной. Теперь о Ландере. Вы на него подействовали, спасибо! Во всяком случае, пить он перестал⁵⁹. Хотя мы

⁵⁹ Вот уж не ожидал от себя таких способностей. Есть шанс после отставки устроиться на терапевтическую

обеспокоены состоянием его нервной системы.

- Куда вы спешите, Рэй? Никуда он от вас не уйдет со своими секретами! Дайте ему привыкнуть к обстановке, успокоиться - и он сам забудет о своей присяге!

- Согласен. Скоро мы его устроим в одну эмигрантскую газетенку, пусть работает там под чужой фамилией, а потом видно будет... Мы готовы на обмен семьи. В нашей тюрьме сидит шофер вашей легальной резидентуры, задержанный вместе с двумя сотрудниками во время встречи с одним служащим "Дженерал моторс". У них были дипломатические паспорта, а ему, бедняге, не повезло... Мы готовы пойти на этот жест, поскольку он отвечает американской позиции по правам человека.

- Очень разумно! - согласился я, еле сдерживая раздражение. Права человека! Ненавижу эту американскую брехню. Будто Хилсмен не стрелял в безоружных во время войны во Вьетнаме, предварительно натренировавшись на овцах, одетых в шинели мекленбургского производства! А кто поставлял оружие "отрядам смерти" в Бразилии, перестрелявшим не одну сотню людей? А кто готовил покушения на Фиделя? Кто хлопнул Че Гевару? Так что нечего качать права, нечего искать соломинку в чужом глазу, не видя в своем и бревна!

- Будем считать, Рэй, что с Юджином все в порядке и моей помощи больше не требуется...

- Ну зачем же так? - От Хилсмена не укрылась моя обида, когда меня, словно пешку, сбросили с доски после триумфального возвращения вместе с Юджином из Каира. - Вы оказываете на него благотворное влияние... он очень тепло о вас отзывался! Кроме того, нам постоянно нужна информация о его настроениях... - Черт возьми, словно с Центром сговорился! Тот тоже долдонил об этом. Нет, дорогие друзья, катитесь вы подальше, не нужен мне ваш "Конт", у меня свои задачи, валяй, Челюсть, бери лыжи, закутай свои мрачные уши в шарф, не забудь диппаспорт, Садись в лайнер и сам занимайся этим делом.

25 сентября, согласно указанию Центра (скажи, Чижик, когда-нибудь выветрится из меня этот оскотеневший стиль или так я и отдам концы согласно воле Центра?), я вышел на встречу с таинственным представителем в районе вест-индских доков, в небольшом парке около ветхого паба "Остров веселья".

Шел я беспечно и легко, как на свидание с любимой девушкой, и сразу же увидел, что все вокруг уже обставлено наружкой: в ста ярдах от лаба двое работяг со специальной машины обстригали деревья - по их нетрудовым рукам и лоснившимся шеям я понял, что это стационарный пост, возможно, с телесистемой замкнутого контура, позволяющей не только наблюдать слияние в шпионских объятиях, но и прослушать весь разговор.

Не успел я развалиться на скамейке, как из правой стороны парка, словно из небытия, вывалились и быстро покатились ко мне фигура в просторной болонье, прикрытая сверху игривой шляпой с пером, какие носят легкомысленные тирольские стрелки (этими бездейными импортными шляпами уже несколько лет заваливали прилавки Мекленбурга). Ба! Знакомые все лица! Дорогой Евгений Константинович, милый Болонья! Как ваши бородавки? Физкульт-привет! Я даже затосковал по тому заброшенному городку, где ухабы и белье на веревках, где торжественно и оскорбленно стоят поруганные церкви и ютятся перекошенные домишки. Салют, Болонья, как поживает торговец медом и первый любовник

работу в общество анонимных алкоголиков.

города Зальцведела Семен? Привет, Болонья, ты в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес, а там ты районная опора власти. Какими судьбами занесло тебя в суровый Альбион?

Лицо его выражало решимость человека, готового немедленно прикрыть грудью дот: - Извините, как мне проехать в Челси?

Спрошено было на таком жутком английском, что если бы я не знал Болонью, то принял бы его за загулявшего голландского матроса.

- Лучше автобусом номер семьдесят два...

Болонья посмотрел на часы, мы широко, по мекленбургски улыбнулись друг другу, и он плюхнулся на скамейку, оглушительно шурша пластиком.

- Очень рад вас видеть! Все о'кей! Я очень тщательно проверялся, ничего подозрительного нет. На подходе Семен проводил за мной контрнаблюдение...

- Семен?!

- Тот самый Пасечник, помните? Знаете, он женился... Впрочем, здоровье у него железное...

- Давайте прогуляемся по парку! - И мы повернулись спинами к направленным микрофонам стационара, о котором Хилсмен не счел нужным меня предупредить, и зашагали по аллее.

- Извините меня, Алекс, но я буду очень краток. Прежде всего сориентируйте меня по обстановке. В каком состоянии тайники "Рассвет" и "Темница"? Вы их проверяли?

- А много ли у вас "пива"?

- Всего два ящика, весом по пятьдесят килограммов.

- А какая там марка "пива"?

- Я не знаю. Моя задача сводится лишь к транспортировке.

- Тайники представляют из себя две глубокие ямы, они находятся в пригородном лесу, хорошо замаскированы. Отличные тайники!

Тайники привели в восхищение даже Хилсмена, с которым мы провели их инспекцию накануне.

- Как вам удалось отыскать такие ямы? - удивлялся Рэй. - И зачем вам такие огромные?

- На случай обострения обстановки, Рэй! Будем складывать туда трупы убитых црушников!

Он не среагировал на мой черный юмор, с юмором у волшебника Гудвина было туго, да и кто мог тут соперничать с Алексом, кроме Оскара Уайльда и Марка Твена?

Болонья внимательно выслушал мои описания тайников и даже сделал себе пометки в блокноте.

- Под каким прикрытием вы сюда прибыли? - поинтересовался я.

- Мы с Семеном работаем на нашем торговом судне, которое сейчас стоит на ремонте рядом с Тилбури.

- На какое число вы планируете операцию по переброске "пива"?

- На 10 октября. Запасная - 11 октября. - Болонья был серьезен и четок, не зря он понравился мне в ту памятную поездку,

- А почему именно вас прислали сюда?

- Этого я не знаю. Я выполняю приказ. Центр просил, чтобы вы помогли мне сориентироваться на местности... Боюсь, что мне будет сложно самому найти тайники.

"Еще бы! - подумал я. - Мне и самому сложно, тем более что каждый раз я путаюсь в любом лесу среди тропинок и кустарников и еле-еле выхожу к шоссе".

- Хорошо. За четыре дня до операции проведем встречу у тайников. На чем вы будете транспортировать "пиво"? - спросил я.

- Все хорошо продумано. С утра мы выедем на машине с западногерманскими номерами, хорошо проверимся, а потом сменим номера на английские... Все продумано, Алекс!

- Вы лично будете встречаться с ирландцами?

- Мне приказано лишь перевезти ящики. Больше я ничего не знаю, Алекс.

Мы шли по аллеям, и мой опытный глаз видел, что парк наполнялся людьми с кейсами и дорожными сумками - значит, на стационаре поставили крест и пытались засечь нашу беседу с помощью передвижных улавливающих микрофонов. Слушайте, слушайте, джентльмены, много услышите!

Черт поberi, кто же будет встречаться с ирландцами? Значит, задействована еще одна резидентура? Исключено. Но Центр - молодец, красивое подбросил дело, наверняка оно уже находится под личным контролем директора ЦРУ. Акции Алекса растут и растут...

- Что ж, если нет вопросов, давайте разбежимся, - предложил я.

- Мне приказано вам лично передать сувенир из Центра. Он достал из кармана матрешку и протянул мне.

- На черта она мне нужна? - расхохотался я.

- В ней личные указания для вас. Я об этом ничего не знаю.

Мы вышли из парка на улицу и чуть не врезались в возлюбленного Жаклин, дремлющего на скамье после утомительного контрнаблюдения. Выглядел он еще моложе в свои сто и тоже был в тирольской шляпе. Ах, Сема, Сема! Где твои нежинские огурчики, розоватое сало и штоф первача?

- Итак, до встречи! - И я пошел в сторону автобусов, сжимая матрешку в кармане.

"Что они сообщают?" - зудело в голове. Я не выдержал, спустился в клозет около парка и заперся в кабине, даже не изучив, как обычно, все будоражащие непристойности, начертанные на туалетных стенах.

"Лондон, Тому.

Руководством принято решение провести вербовочную беседу с "Контом" и предложить ему сотрудничество в обмен⁶⁰ на заботу о семье и прощение его предательства. В целях безопасности мы планируем провести беседу на торговом судне 10 октября (запасная - 11 октября). Судно в это время перейдет от Тилбури в доки Литтлхемптона, находящегося рядом с Брайтоном.

Вам предписывается следующее: 10 или 11 октября организовать в одном из ресторанов Брайтона, где живут отец и сестра "Регины", ужин, на который под благовидным предлогом пригласить "Конта". В ресторане без вашего участия с ним установят контакт.

Просим иметь в виду, что лицо, передавшее вам эти указания, в операцию не посвящено. Через него (на судне имеется рация) передайте нам подробный план своих действий 10 (или 11) октября".

Я обомлел от этой цидули и застыл на стульчаке - ну и дела! А я-то полагал, что

⁶⁰ Телеграмму явно подготавливал Чижик.

фантазия Центра давным-давно сдана в Музей Монастырской Славы, забавное заведение, где среди приличных людей висели портреты многих выдающихся прошельг, сделавших карьеру на чужих костях, лизоблюдов и подхалимов. Молодцы, ребята, настоящие орлы, главное, что даты операции с "'пивом" и поездки "Конта" в Брайтон совпадали по времени, ерго: первая операция не только поднимала шансы Алекса, но и отвлекала американцев от "Конта" - не иначе как все свои силы сконцентрируют они на ирландских террористах. Итак, это "красная селедка"⁶¹! И все же как мог Центр, вечно опасавшийся международных скандалов, пойти на такой рискованный шаг, как переброска оружия террористам? Но черт с ними, надо думать, как уговорить Юджина. Захочет ли он поехать в Брайтон? Сам Рэй считает его психом, от которого можно ожидать чего угодно. А если он под опекой мышек-норушек? Вряд ли. Мышки - дело накладное, подержали первые дни, и хватит, за мною уже давно не увязывалось никаких "хвостов", если не считать истории в Тауэре. Не пугай сам себя, Алекс, не преувеличивай силы контрразведки, вспомни, что Джордж Блейк, получивший сорок два года за шпионаж в пользу Мекленбурга, запросто убежал из лондонской тюрьмы и почти месяц жил в миле от нее, в маленькой квартире, а потом преспокойно выехал из Альбиона, спрятавшись в фургончике своих друзей. Контрразведке и в голову это не приходило: она считала, что он давно празднует свое вызволение в восточном ресторанчике рядом с памятником виконту де Бражелону, не переоценивая противника, Алекс! Что же это за вербовочная беседа на судне? А если... (вспомни: "Если он наклонится над пропастью, его можно и подтолкнуть"). Пойдет ли он на судно? Ха-ха. Я никогда бы на его месте не пошел! О беседе ли идет речь? Вспомни историю. Разве не на судне вывозили из Парижа белого генерала Миллера? Конт - такая же сволочь. Мало ли что он тебе нравится, Алекс! Обыкновенный предатель. Представь себе, что все наши люди, последовав его заразительному примеру, начнут бежать за границу по подложным паспортам. Что будет? Конечно, Самый-Самый и компания превратили Мекленбург в дерьмо, но это твоя родина, Алекс, и ты ей должен служить верой и правдой. Даже если ты подписал кровью договор с чертом, ты обязан его выполнять, а это твоя родина, Алекс, исполняй свой долг! Да, мы не ангелы. А что, американцы - ангелы? ЦРУ такое же дерьмо, как и Монастырь, даже вонливей. Центр, конечно, сука, все-таки приплели меня к "Конту", несмотря на все просьбы... Почему ты вдруг решил, что его уберут? Или вывезут? Мнителен ты, Алекс, нужно меньше пить и заняться, наконец, спортом. Ведь все звучит очень резонно: мы вам прощаем, дорогой Юджин, и будем беречь вашу семью, а вы за это поработайте немного на нас. Скорее всего беседу будет проводить Болонья, он вполне для этого подходит. Но каков трюкач! Делает вид, что ему ничего не известно о "Конте", изображает из себя передаточный пункт в тирольской шляпе! Но молодец! Конспиратор! Надо вытащить его из провинции, такой сто очков даст посольским мальчикам - колобкам, угоревшим от перегара!

Я задумчиво вышел из сортира в район краснокирпичных коттеджей и не успел дойти

⁶¹ Большой Уэбстерский словарь: "Красная селедка - это селедка, которая высушена, прокопчена и засолена и имеет настолько резкий запах, что, если провести ею по следу лисицы, борзые теряют нюх и сбиваются с пути. В наши дни красная селедка не уступает кипперу, но слово имеет идиоматическое значение, как нечто, задуманное для отвлечения внимания, для действий в ложном направлении. Пример из газеты "Геральд": "Вот еще одна "красная селедка", чтобы заставить избирателей забыть об актуальной проблеме безработицы".

до своей "газели", как рядом со мной поравнялась машина, из которой выглянула красная, как окружавшие нас особняки, морда Рэя Хилсмена. Видимо, у него поднялось кровяное давление из-за происков ирландцев, - американцы избалованы легким оперативным режимом, не привыкли к стрессам, это вам не бронепоезд Алекс, забывший, что такое жизнь без мышек-норушек и угрозы ареста, жизнь без часовых метаний на маршрутах проверки и ковыряний в тайниках-могилах.

Через минуту мы уже сидели в пабе.

- А как ирландцы заберут оружие? Это ведь не так просто...

- Он ничего об этом не знает. Это рядовой работник, спица в колеснице. Ему поручено лишь заложить оружие в тайник. Ирландцы заберут его в тот же день, 10 или 11 октября.

- А какое время? - Таким взволнованным Рэй я никогда не видел.

- Не знаю. Но у меня будет еще одна встреча с этим парнем. Кстати, Рэй, наружка вела себя навязчиво, так мы можем спугнуть птичек! - вставил я ему перо.

- Извините, я просто забыл вас предупредить, что на всякий случай возьмем место встречи под контроль. Вся беда в том, что мы опираемся на свои силы и не обращаемся за помощью к англичанам...

- Неужели и стационар обслуживался вашей резидентурой?

- К сожалению, это так. Видите, как мы заботимся о вашей безопасности? И правильно делаем. Запомните, Алекс, эта ирландская история рассматривается нами как особо важная...

- Я вас понимаю, Рэй. К сожалению, Центр, как вы видите, раскрыл передо мною немного. Но это в нашем стиле.

И тут же в пабе я набросал телеграмму для передачи в Центр по "Фасаду" ребятам Хилсмена: "Центр, Курту. Встреча с вашим представителем прошла благополучно. Тайники пригодны к использованию. Перегрузку "пива" планируем на 10 октября (запаска 11 октября). Том".

Рэй внимательно прочитал документ,

- Отправим сегодня же, Мои ребята научились классно работать на вашей рации. А ваша пара работала грубо. Оба постоянно оглядывались, заходили в тупики, пытаясь затянуть туда наружное наблюдение... короче, сразу видно, что они шпионы.

- Знаете, Рэй, моя пара не имеет квалификации, они, по сути дела, лишь технари, которым нужно переправить ящики с оружием. К тому же я с вами совершенно не согласен: в таких острых операциях глупо думать о том, за кого тебя примет наружка, главное - отрезать любой "хвост". Это грубо, но в данном случае оправданно.

- А ваши ребята нас видели? - поинтересовался Рэй.

- Конечно, нет! Они же пришли без "хвоста". Извините, Рэй, я сегодня устал, и меня ожидает дома Кэти. Завтра созвонимся, ладно?

Он помахал мне на прощание рукой, и я мирно отправился к своей "газели". Через час я уже пришвартовался к своей пристани.

- Хватит! Надоело! - решительно заявил я Кэти, удивленно моргающей глазами. - Надоели мне вся эта тягомотина и твои выкрутасы! 10 октября будем праздновать нашу помолвку в Брайтоне, пригласим папу с сестрой, еще кого-нибудь... Решено!

- Но Алекс... - Она нежно замерла на моей косматой груди: подумать только, сколько

счастья свалилось сразу на голову несчастной парикмахерши с Бонд-стрит!

- Давай заранее съездим в Брайтон, закажем ресторан, а заодно и походим на яхте! О'кей? А сейчас, моя милая, поехали кутить! Надоела мне вся эта беготня с радиобизнесом!

И жених с невестой помчались в незабвенный "Монсиньор", что на Джермин-стрит, уже давно уничтоживший мою патристическую страсть к пожарским котлетам.

Кэти любила устрицы, креветки, клубнику со сливками и прочую простую пищу, чем мы и отпраздновали великое решение.

Какое счастье, что Маня и другие партайгеноссе никогда не бывали в таких заведениях, не имели ни малейшего представления ни об устрицах, ни о почках по-лионски, омаровом супе и других изысках и потому не завидовали и были глубоко убеждены, что в этом прекрасном мире нет ничего лучше, чем номенклатурные деликатесы из специального распределителя.

Юджин уже не раз говорил мне по телефону о своем твердом режиме: подъем рано утром, зарядка, чашка кофе и кропанье за письменным столом до двух часов, - рассказывал он об этом с серьезностью сумасшедшего.

Я заехал к нему на следующее утро без предупреждения и застал в халате, надетом на белую сорочку с галстуком.

- Извините, Юджин, что не позвонил... Проезжал мимо, решил заехать. Мы с Кэти решили сделать небольшой обед 10 октября. Хотелось бы, чтобы вы составили нам компанию.

- Спасибо, Алекс, огромное спасибо. А где мы будем обедать?

- Пока мы не решили. Зарезервируйте на всякий случай весь день!

- Ого! Но мы с вами надеремся!

- И что в этом плохого?

Мы блаженно расхохотались и едва не упали друг другу в объятия.

В тот день я подготовил сообщение в Центр для передачи через Болонью:

"С "Региной" достигнута договоренность о помолвке з Брайтоне, где живет ее отец, 10 октября с. г. "Конт" согласился принять участие в обеде, места встречи я ему не раскрывал.

План мероприятия:

12.00 утра - отъезд из дома.

12.30. Заезд за "Контом" домой.

15.00. Приезд в Брайтон.

16.00. -19.00. Празднование помолвки в ресторане "Морской орел", где с ним может установить контакт представитель Центра. Том".

Итак, общая схема прояснилась, оставалось лишь ждать и ждать 10 октября, смотреть на циферблат, вздыхать, что так медленно тянется время, скользить по лезвию ножа, дрожа от сладости пореза...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О ТОМ, КАК ЗАМАНИТЬ ПРИЯТЕЛЯ В ЛОВУШКУ И ПРИДУШИТЬ

"Сеть, сеть, сеть", - беспокойно зашептали вокруг кота. Но сеть, черт знает почему, зацепилась у кого-то в кармане и не полезла наружу".

М. Булгаков

И все-таки свинью мне подложили величайшую. Нет, я не чурался любой работы и даже соглашался быть на подхвате, но Челюсть ведь знал, знал подлец прекрасно, как я отношусь к делу "Конта", видел же он выражение моего лица, когда зондировал в Монтре по дороге к горнолыжному центру. А моя телеграмма с отказом заниматься предателем? Подставил Челюсть ножку - воистину тот, кто ужинает с дьяволом, должен иметь длинную ложку. Да и зря они заварили всю эту кашу: вряд ли "Конт" пойдет на вербовку, а если нет, то зачем вывозить его? Не Крысу же вытягивали за хвост из норы, а несчастного беглеца, попавшего на родине в беду. Так ли это? Не малой идиллические картинки, Алекс, и поменьше иллюзий. Если бы наши идеи были лошадьми, то нищие катались бы на них верхом. Ты что, в душу Юджина заглянуть успел? Центру всегда виднее со своей вышки, его лупа, словно магический кристалл, различает и собирает воедино миллионы золотых крупинок информации. Если сам Юджин и не имел возможностей доступа к сверхсекретным документам, то разве он не мог завербовать одну из веснушчатых девочек-машинисток из секретариата Мани, через который проходили лавины секретов? Кто знает, быть может, он руководил целой резидентурой, обвинившей шупапцами весь Монастырь? Почему бы Юджину не быть Крысой?

- Так мы едем в Брайтон или нет? - Кэти раскрыла глаза⁶².

- Несомненно, - пророкотал я. Она еще спала, но притворялась, что уже проснулась.

- Как погода, милый?

- Вполне приличная для прогулки на яхте...

И она смежила веки и продолжила свой сладкий сон.

В Брайтоне мы бывали время от времени, тянуло меня порой на морские прогулки (чего стоит образ Алекса в синем блейзере с сияющими медными пуговицами и строгой капитанской фуражке, сжимающего твердой рукой руль!), с последующим шведским столом в королевском яхт-клубе в сотне ярдов от причала, где стояла яхта.

Я потянулся, как переспавший, обленившийся кот, и спрыгнул на пол.

На тумбочке рядом с Кэти лежал сборник гороскопов, раскрытый, естественно, на созвездии Близнецов, под которым родился герой ее романа, Кэти серьезно относилась к нашему браку и изучала меня по всем статьям, словно прилежный ученый, рассматривающий под микроскопом крылышко стрекозы.

"Стихия воздуха под управлением Меркурия. Живые и остроумные Близнецы (поразительно точный портрет Алекса!) желанны в любом обществе. Сообразительность и осведомленность создают им репутацию интеллектуалов и эрудитов. Их день - среда

(странно, но мне везет по понедельникам), камни - берилл, фанат, кварц (очень точно, если учесть, что в ларце Риммы лежали бриллианты, которые я никогда не дарил). Гармоничен союз с Весами, Водолеями, Львами, Овнами". Я нагнулся и поцеловал Кэти в щеку.

- Kiss me, Kate!⁶³ - сказал я нежно и вспомнил чье-то: "Под развесистым каштаном продали средь бела дня - я тебя, а ты меня. Под развесистым каштаном мы лежим средь бела дня, справа ты, а слева я".

Была блаженная суббота, в эти дни Монастырь не дремал, не расслаблялся и не отрывался от подзорной трубы: высочайшим повелением Самого на уикэнды вводилось дежурство на всех уровнях - круглосуточные тотальные бдения вошли в плоть и кровь Мекленбурга, а как же иначе? Ведь миллионы Брутов с наточенными кинжалами охотились за Самым-Самым, разводил пары самиздат, шпионы готовились взорвать Неоднозначную Стену, вся страна сидела на пороховой бочке, и стоило лишь поднести спичку к бикфордову шнуру... (возможно, так оно и было).

Вахту несли и в священных стенах, и дома, и постоянно звонили на работу, и докладывали о своих передвижениях, даже находясь на дачных огородах.

Монастырь бдил и улавливал своими чуткими ушами все местные и международные происшествия, которые сыпались как из рога изобилия.

Уходили в отставку правительства, свершались перевороты в дальних странах, судьбы которых непостижимым образом переплетались с благополучием Мекленбурга, случались и мелкие, но не менее болезненные ЧП, вроде пребывания в вытрезвителе загулявших монахов, самоубийства механика гаража, удавившего жену, бродячие кошки вдруг подлезали под ворота и устраивали во дворе праздник любви, от которого электронная система тревоги била в такие колокола, что срывала и ставила "в ружье" целый взвод солдат.

Утром Маня с интересом выслушивал все сенсации и, когда Главный Дежурный, лихо застыв в стойке "смирно", докладывал, что "никаких происшествий не произошло" - происшествия, как известно, либо происходят, либо не происходят, - по бабьему лицу Мани пробегала гримаса разочарования, он раздраженно хмурился, садился в кресло и бросал придирчивый взгляд на грудку ручек и карандашей (зачинивать последние предписывалось лично Главному Дежурному, клерков меньшего калибра к заточке на импортной точилке не допускали, запрещалось допускать в высокий кабинет разную мелкую шваль, способную вставить в стол "клопа"), поправлял держатель для коробка со спичками (он не курил) и пресс-папье (чернилами уже четверть века мало кто пользовался).

На письменном столе, как на свалке, громоздились медные ножи для разрезания бумаги, контейнеры для скрепок, ножницы, тюбики с клеем и клейкая лента (во время кровавых правок он резал и клеил, что его успокаивало) - все знали слабость Мани к канцтоварам и привозили их со всех краев света...

Неужели они решили кокнуть "Конта"? Неужели плюнули на репутацию нового миролюбивого Мекленбурга и на все законы? Но ведь "Конта" могли приговорить заочно на закрытом заседании военного трибунала.

⁶³ "Поцелуй меня, Кейт!" - слова Петруччио, обращенные к Катарине во втором акте "Укрощения строптивой", отрывок из которой мы самозабвенно играли на самодеятельных подмостках в семинарии во имя совершенствования языка.

⁶² Глаза, между прочим, прекрасные, в которых, как я убеждал ее, тьма перемешана со светом.

Я вспомнил слова Челюсти:

- Усы, конечно, во многом ошибались и наломали дров, но признаем, что в те годы страна имела авторитет, нас боялись! Да и на что похожа политика, у которой отбирают кинжал и яд? Бессильны все эти парламенты и демократии, переливающие из пустого в порожнее, как на собрании старых баб! Что говорить, при Усах ребята ради Идеи себя не жалели и работали на износ! Крали и убивали за рубежом, да и как было не кокнуть генералов, заливших кровью страну во время гражданской войны, или Иудушку Троцкого и его прихвостней?

- Но сам Учитель осуждал индивидуальный террор... - мягко возражал я.

Челюсть лишь пробарабанил пальцами по глади письменного стола - в отличие от Мани его рабочее место напоминало пустыню Гоби: лишь одинокая ручка фирмы "Монблан" с золотым пером (дорогое удовольствие, подарок Алекса) строго покоилась на нем. Документы Челюсть сразу же после прочтения убирал в сейф времен очаковских и покоренья Крыма, - конспирация начинается с порядка, и никаких безделушек, никаких пресс-папье и бронзовых чернильниц, ничто не должно отвлекать Мысль, освещающую, как маяк, пути Монастыря.

Челюсть, Челюсть! A little more than kin, and less than kind⁶⁴, иногда я ненавидел и его, и Маню, и всю камарилью, и чаще всего я ненавидел по ночам, когда не шел ко мне сон.

Страшные игры прокручивал я тогда в своей голове, безжалостные и унижительные, как у маркиза де Сада! Тогда в моих фантазиях возникал пышный гарем с гуриями, где Маня занимал место султана, а Челюсть - первого евнуха. Маня беспрестанно поправлял тюрбан, прикрывавший "ежик", облизывал вожделенно губы и вдруг указывал перстом на одну из наложниц, прикрытую черной чадрой. Челюсть-евнух подводил ее к султану, она целовала ему ноги и приоткрывала лицо - о Боже, это была сама Большая Земля, только не расплывшаяся до размеров Материка, а полненькая, с круглым задом и ястребиными очами...

Не отрываясь, я вглядывался в лицо Челюсти, надеясь узреть дрожание губ и судороги на лице, но он был бесстрастен, как сфинкс, - и я радовался, сердцем чувствуя все муки его самолюбия, я видел, что за кривой улыбкой, теряющейся в огромном подбородке, скрывается жажда разорвать Маню на части. A little more than kin, and less than kind - лошадка выскочила далеко вперед, обскакала ловко и небрежно благодаря сиятельному тестю, а тяжеловоз Алекс, тягач Алекс, чернорабочий Алекс тянулся сзади со своей телегой, забитой поклажей.

Когда Челюсть оказался правой рукой у Мани, внешне ничего не изменилось: "Привет, старик, как дела? Почему не заходишь? Не стесняйся, заходи, мы же старые друзья!"

Сначала я заходил просто так, но взгляд его был рассеян, и он мягко беседовал со мной, думая о других, более высоких материях. Во время приездов моих в отпуск всегда обнимал и целовал, словно клевал в щеку. Маня, вручая однажды орден, целовал с большим чувством, трижды даже, и прижимал крепко к груди - вот она, партийная школа! Целовались в те годы все, от малых чинов до высоких, любили друг друга до безумия.

⁶⁴ "Немного больше, чем родственник, немного меньше, чем друг" - любого человека я примеряю этой фразой умника Вилли.

И все же в просторном кабинете Челюсти я чувствовал отчуждение, несмотря на теплое "старик" и похлопывания по плечу, я стоял посредине кабинета, одинокий, как ручка "Монблан" на его письменном столе. Он сажал меня в кресло рядом с книжными полками, где все было рассчитано на разинувших рот простаков зрителей: "Автобиография" лорда Рассела (тяга к абстрактной философии, уводящей от шпионских будней), переписка классиков (нестандартный интерес к жизни Учителей Учителя - еще одно доказательство неистребимой преданности Делу), "Кибернетика" Винера (восхищение передовой научно-технической мыслью), томик Пушкина ("в свободную минутку раскрою, усталость как рукой снимает"). Даже портрет Учителя на стене он велел повесить - не бесцветно-холодный, похожий на плохую икону, как у Мани и прочих тузов, а снятый в последние годы жизни, с трагически раскрытыми глазами, смотрящими чуть исподлобья, словно усомнившимися на миг в светлом будущем, предначертанном еще не парализованной рукой.

Молчи, Алекс, молчи, неблагодарный! Разве ты не помнишь, кто вытянул тебя за уши из самого темного закоулка человеческого тела, когда Римма, хватив лишнего на одном банкете, вдруг рассказала издевательский анекдот о Самом-Самом? Люди были все свои, из Монастыря, и хохотали, естественно, искренне, а через неделю Алекса вызвали в Кадры и попросили изложить злонамеренный анекдот, что я сделать не смог, ибо по пьянке все забыл. Пришлось сочинить слезливое объяснение, которое по своим таинственным каналам уплыло наверх, а потом попало к Мане, который раздраженно написал резолюцию Челюсти: "Пр. разбор. и дол."⁶⁵ Лукавый заместитель нахмурил лоб и бросил секретарше: "Вызовите эту болтушку, уж я ее взгрею!" - Челюсть знал длинные языки своих секретарш, и уже на следующее утро по Монастырю гуляла весть, что навис топор над Алексом и ждет его Лобное место за недержание супруги. - Во всех кельях царило радостное ожидание.

И Челюсть принял Римму у себя в кабинете, угостил кофе, поговорил о последних театральных премьерах (в театрах он не бывал, но следил за рецензиями), ни словом не обмолвился о злосчастном анекдоте и отпустил с Богом домой.

После беседы Челюсть написал чуть пониже резолюции Мани целый отчет, из которого следовало, что он прочистил Римме мозги, приказал держать язык за зубами, принял ее покаяние и пригрозил в случае рецидива прибегнуть к самым крайним мерам. Бумага вернулась к Мане, обожавшему точное и решительное выполнение своих указаний, который и закрыл весь этот мировой скандал одной закорючкой красного карандаша.

Челюсть показал себя молодцом и истинным другом - ведь мог и сдрейфить, и полетел бы тогда растерзанный Алекс вместе с чадами и домочадцами на периферию, гонял бы там диссидентских ворон.

И я прощал его, и выпускал из гарема, и перетасовывал колоду с картами, назначая на должность Главного Евнуха Бритую Голову, а на место султана - Самого, а Мане передавал функции Главного Банщика.

Вот тут и начинались катавасия и византийские интриги вокруг Самого, битва между Бритой Головой и Маней за его расположение и любовь. Сражались не на живот, а на смерть, заискивали, угодничали, дрались из-за веника, дабы похлестать Самого по спине, подводили девок, отталкивая друг друга локтями.

И вдруг явление Христа народу: входил Самый-Самый, распушив брови, и тут же

⁶⁵ Это был уже период, когда Маня от пространств резолюций-монологов перешел к сокращениям.

возникал новый баланс сил, - ведь Бритая Голова доводился родственником Самому-Самому и выпивал с ним в интимной обстановке, куда непьющему и интеллектуальному Самому пути были заказаны. Тут уж Маня бледнел и прятался в простынях, Сам хватал веник и норовил похлестать по спине Самого-Самого, а Бритая Голова сталкивал Самого с полка и подсаживал на место султана Самого-Самого, подставив под короткие ножки шайку...

Я протопал босиком в ванную ("опять пыль собираешь!" - сказала бы Римма) и начал священнодействовать над своей физиономией, украшенной пронизательными, умными глазами и курносым неподозрительным носом, увы, не принадлежащим к предметам моей мужской гордости.

Побрившись и натерев себя "Фаберже" ("частица черта в нас заключена подчас!"), я вернулся в комнату, где Кэти уже приступила к зарядке (стартовала она обычно уже в постели, лежа на спине и крутя ногами, как на велосипеде) и счастливо улыбалась в мечтах о предстоящей семейной жизни.

О помолвках я имел самое смутное представление (не каждый же год вязал себя грешник Алекс брачными узами!) и раскрыл энциклопедию "Британни-ка": "В Великобритании еще сохраняется обычай помолвки, хотя многие молодые люди обходятся без этого. Как правило, помолвка объявляется после согласия девушки на брак. Правила этикета диктуют, чтобы родители девушки первыми услышали новость, на практике, однако, об этом первыми узнают друзья, а не родители".

Далее о кольце, которое девица надевает на третий палец левой руки, и мудрый совет, что вместо бриллианта можно купить викторианский камень ценою лишь в несколько фунтов.

Бриллиантовое кольцо уже было изготовлено (куплено давно, согласно (!) санкции Центра на закрепление отношений с "Региной"), а почтенный родитель давно махнул на нас рукой и в последнее время даже не звонил по телефону.

С облегчением я прочитал; "В большинстве случаев помолвка сводится лишь к объявлению о ней родителям, друзьям и знакомым, некоторые устраивают по этому поводу банкет, а состоятельные люди помещают объявления в газетах".

Кэти отработала свои изнурительные упражнения, мы быстро позавтракали и на безотказной "газели" помчались в сторону Брайтона.

Меня совершенно не прельщала прогулка на яхте - полезно было собственными глазами изучить ресторан "Морской орел", вдруг он на ремонте - сел же я в лужу однажды, когда по старой памяти наметил агенту randevu в пабе, который, как оказалось, сгорел полгода тому назад.

Свадебный марш Мендельсона уже щекотал мне уши - о грешник Алекс! святотатец Алекс! что ты ответишь, друг мой, на Страшном Суде и знаешь ли ты, каким мукам и карам подвергает двоеженцев ад на своих полыхающих кругах? А ты ведь не только двоеженец, ты, Алекс, шпион, лжец, пьяница, обжора, бабник, лицемер, бумаги не хватит, чтобы перечислить все твои прегрешения. Входи в ад, прыгай на раскаленную добела сковородку, не бойся, тут и компания неплохая: вот бородатая голова в красном тюрбане (не бритая ли?), из которой растут птичьи лапы, вот обнаженная грустная девица с распущенными ярко-рыжими волосами (не Римма ли?), обкрученная длиннющей гадюкой с выпущенным жалом, танцует она под трубу, в которую, раздуваясь, как шар, дует сизая птица в сапогах (не Совесть Эпохи ли?). Скрученная ведьма склонилась над задущенным ребенком, пальцы ее

похожи на сухие ветви и вместо ног - хвост динозавра; рядом идиот в плетеной корзинке тужится сломать саблю над головой; а вот и ты, Алекс, голый и несчастный, с ошалевшими белыми глазами, распростерся ты, Алекс, в смертной тоске, проползают по тебе змеи, ящерицы, лохматые подозрительные птицы, щекочет тебе спину котоподобный тип с разинутой пастью, а сосед рядом летит в твой раскрытый рот... Нет, не "гленливает", нет - слишком много вокруг ночных горшков. И вот, задев боком ногу, торчащую из кастрюли, подходит к тебе прыщавая баба с "бобриком" и капает расплавленным оловом на голову, словно делает очередное вливание на совещании о какой-нибудь кризисной ситуации, а потом достает гвоздь, приставляет его к твоей голове...

А кто это лежит, подложив под голову руку, с кровавой раной под соском и безысходностью в глазах? Опять ты, Алекс, и склонился над тобою мрачный тип в черном плаще, обсыпанном золотыми блестками, с крысиной мордой и человеческим носом - вот и Крыса! - одна рука в перчатке до локтя сжимает твое пропитое горло, другая прижала клинок к груди. На спине у Крысы толстый щит, и тарелочка на нем с отрубленной кистью, нож пронзил ее, но крови не видно, и в двух вытянутых мертвых пальцах застыла игральная кость - что выпало тебе, Алекс? Что выпадет тебе? Что ты такого натворил? Никого не убивал, и никому не желал смерти, и издевался только в своих гаремных фантазиях. Что ты плохого сделал? А что хорошего? Паровоза не изобрел, Эдисона из тебя не вышло, отстаивал честно интересы Отечества (или Самого-Самого?). Выпустите меня, выпустите! Ведь во все века было именно так! И Иван Сусанин отдал жизнь за глупого царя, и единомышленники, обыкновенные крестьянские дети, как твой папа, ухнули полстраны ради Великой Идеи, и полковник Лоуренс служил прогнившей британской короне, и бесстрашный Зорге трудился на палача Усы! Никуда от этого не деться, таков condition humaine, удел человеческий.

Взгляни, неподалеку от тебя играет на арфе череп кавалера д'Эона, пробравшегося во двор Екатерины под видом девицы, а вот фанатик и троцкист Блюмкин, взорвавший германского посла Мирбаха, а вот Борис Савинков, по которому ходит маленький черный дракон со свечой и в ботинках с острыми шипами. Вбегает Азеф, и все кричат: "Ату его! ату!" А он в ответ: "Сами вы провокаторы!" - "Мы провокаторы?! Да мы борцы за благо народа!"

А тип в черном щекочет лицо крысиными усами:

- Ты нарушал супружескую верность?

- По велению долга!

- А Черная Смерть? - И глубже в сердце клинок, заныло сердце от тоски и оттого, что не увидеть больше белый свет.

- Ты пьянствовал? Ты крал?

- Я выведывал секреты у врага...

- А помнишь "не укради"? Двоеженец!

- Я выполнял указания Центра. Я лишь исполнитель. Никто не имеет права судить солдата... я выполнял приказ...

- Выходит, и над палачом нет суда? Ведь он тоже выполняет приказ!

Нет! Не дело - судить солдата, не дело!

Перестань грызть себя, Алекс, глотни успокоительные таблетки, бери пример с великих мира сего, с Наполеона, с Бисмарка или даже с Усов - их никогда не мучили

угрызения совести, даже мысли у них не было усомниться в своей правоте! Тебе бы в настоящий монастырь, как слабой Офелии (уходи в монастырь, go to the nunner!), куда-нибудь в Оптину Пустынь, о которой ты знаешь понаслышке и где лежат лучшие сыны Отечества. Что твое двоеженство, Алекс, что твой так называемый разврат? Семечки! Джакомо Казанова лобзал двух прекрасных дам, взирал из окна на казнь Дамьена, кольнувшего Людовика XV перочинным ножиком в плечо, - веселые на дворе стояли времена, тело Дамьена разрывали раскаленными щипцами, поливали раны кипящим маслом под молитвы милосердных священников. А потом четыре вскормленных жеребца растянули тело несчастного в разные стороны - и делу конец, а продолжалось оно несколько часов, и любовный экстаз всех троих заглушал стоны на площади.

Разве сравниться тебе по злодейству с Казановой? Ты совсем не злодей, Алекс, ты лишь обыкновенный слабый человек.

Не терзай свою лживую душу, кто знает, может, и пронесет, и не захлопнет апостол Павел двери в рай прямо перед твоим хитрым носом...

- Ты знаешь, Алекс, голубой и белый - самые лучше цвета для женитьбы... - Это уже ворковала Кэти на автострате, ведущей в Брайтон. - Белый цвет означает святое таинство. Знаешь, в Риме новобрачных осыпали рисом... это символ плодородия. В других странах до сих пор забрасывают гранатами, фигами...

- Когда мы устроим свадьбу?

- Когда хочешь... Запомни, что невесте нельзя дарить жемчуг и опал, и не дай Бог в день церемонии встретить на дороге свинью...⁶⁶ Паук на платье невесты - к деньгам. Если в доме есть кот, то невеста должна его покормить...

К Базилио мы заезжать не стали и прямо двинулись к причалу (предварительно я заскочил в "Морской орел", выпил там пива в баре и нашел заведение вполне пригодным для операции).

Яхта "Грациозная" - подарок Базилио любимой дочке - сияла округлыми боками и отнюдь не походила на скорлупку с парусом, из тех, что бегали по грязной Темзе во время регат. Это был крошечный одноэтажный домик, все нерабочее пространство под палубой делилось на два отсека: спальню и гостиную, - плавучий приют любви и наслаждений, оснащенный мощным мотором.

Кэти рассказывала, что в те страшные времена, когда папа отлучил ее от семейной казны за самостоятельность (читай: за беспорядочные сношения с мужиками), она постоянно проживала на яхте.

Часа два мы бороздили серые воды, посматривая на тусклую панораму Брайтона, такого же унылого осенью, как и Монтре, - под эти печальные крыши, наверное, хорошо приезжать умирать: все тускло, все облезло вокруг, и берег, и безжизненное небо слились и перемешались в одно тоскливое бесцветное пятно, и не жаль расставаться с промозглой неуютностью, и нет желания вернуться назад.

После прогулки Кэти снова пустилась в мечты о грядущих дочерях и сыновьях, ради их здоровья мне предписывалось строжайшее воздержание от питания - последние дни она помешалась на потомстве и после удачного совокупления задирала ноги на стену, что, по ее

⁶⁶ О Боже мой! А на ум шли бриллианты из лапца Риммы, жемчуг, густо-розовые топазы, лунный камень и золотая змейка с глазами из настоящего гиацинта.

разумению, надежно завязывало прекрасный бутон.

6 октября я вышел на встречу с Болоней. От автобусной остановки мы углубились в лес, уже усеянный желтыми листьями. На этот раз наружка не свирепствовала - очевидно, прямо у тайников Хил-смен организовал надежный скрытый контроль.

Погода стояла по-осеннему дивная, с синего безоблачного неба светило холодное солнце, развеивая мифы о сырости и смогах в Альбионе.

В начале встречи я вручил Болонье атлас Лондона.

- Я знаю, что такой атлас у вас есть, но в переплет заделано мое сообщение в Центр. Все зашифровано, вам остается лишь зашуговать его в Центр.

Болонья спокойно положил атлас в карман, даже бровью не шевельнул, шельма. О'кей! - уже сегодня мой план поездки с "Контом" ляжет пред светлые очи Мани.

- Как вы будете доставлять ящики с "пивом" к тайникам? - поинтересовался я.

- Все продумано, Алекс. Мы довозим ящики на машине до тупика около леса, затем переложим груз на складные велосипеды со специально приспособленным багажником и уже по тропинкам двинемся в лес.

Мы подошли к тайнику "Рассвет" и вдвоем отвалили камень от ямы. Оттуда дохнуло прелыми листьями и щекочущей вечностью, не хватало лишь гробовой змеи, выползающей из своего логова, чтобы поразить Алекса, как вещего князя Олега.

Болонья деловито осмотрел яму и пошуровал в листьях.

- Ящик войдет, но придется немного подкопать. Это и хорошо: сверху засыплем землей и сухими листьями.

- Интересно, как будут изымать "пиво" ирландцы? - Очень мне хотелось его расколоть, но он только хмыкнул.

- Мое дело заложить и дать сигнал о закладке.

- А как вы узнаете, что ирландцы получили груз? - не унимался я.

- Они должны дать сигнал в эфир. Затем я телеграфирую в Центр о завершении операции, и все шито-крыто. Должен вам сказать, Алекс, что Семен оказался очень работоспособным агентом. Я буду ходатайствовать о выдаче ему крупного денежного вознаграждения.

- Передавайте ему привет и скажите, что я никогда не забуду его грибки и огурчики, - порадовался я.

Мы осмотрели тайник "Темницу" и прямо в лесу распрощались, договорившись об условиях экстренного вызова.

10 октября, фатальный день Икс, надвигалось неумолимо.

Именно в эти дни Кэти развила бешеную активность, дабы меблировать наше новое семейное гнездо, присмотрела чиппендейлские кожаные диван и кресла темно-гранатового цвета, антикварный письменный стол с узорчатыми ножками, дюжину бронзовых канделябров чуть ли не из венецианских дворцов, словно дворец собиралась обставить и в самый центр поместить неунывающего Алекса с трубкой в ровных белых зубах, отдаленно напоминающего британского премьер-министра Бенджамена Дизраэли, прожившего, кстати, всю жизнь с женой лорда Купера, народившей ему пятерых детей, - куда, интересно, направил его апостол Павел?

8 октября меня срочно вызвал на консквартиру Хилсмен и положил на стол целую папку с отчетами наружного наблюдения о всех передвижениях Болонии и его верного

оруженосца.

- Всего читать не надо, только просмотрите... Но внимательно изучите отчет о работе за "Майклом"⁶⁷ 7 октября.

И я пошел по тексту, как по вязкому болоту: "7 октября "Майкл" сошел с судна, доехал из Тилбури до вокзала Виктория, там сел в метро, добрался по линии Пиккадилли до остановки Финсбери-парк, пересел на северную линию и доехал до Южного Уимблдона. Выйдя из вагона, "Майкл" пропустил всех пассажиров вперед и некоторое время бродил по платформе, делая вид, что рассматривает рекламные объявления. Затем он быстро сел в подошедший поезд, следующий в противоположном направлении, вышел на остановке Тутин Бродвей (характерно, что билет купил до конечной остановки Морден) и, поднявшись, сел в автобус 151. Во время движения "Майкл" внимательно наблюдал за дорогой и незаметно делал пометки на карманной грифельной доске, очевидно, фиксируя номера идущих сзади автомобилей. Добравшись до Кингстона, он взял такси, доехал до Сербитона и пошел пешком, используя карту города и проверяясь. Затем на автобусе 49 добрался до Буши-парка, там пересел на автобус 37 и доехал до Кемптон-парка, где в это время начинались скачки. Там он обменялся фразами с тремя людьми (все трое взяты под слежку, их фамилии и местожительство устанавливаются). Посмотрев около часа скачки, "Майкл" вышел из Кемптон-парка, доехал на такси до Хемтон-корта и оттуда на поезде уехал в Доркинг, где вышел и углубился в лес⁶⁸. В лесу он остановился у клена и делал вид, что дышит свежим воздухом. Пробыв в лесу полчаса, "Майкл" пешком добрался до станции, уехал на метро до Лондон-бридж, там вышел и направился по адресу Гриффит-лейн, дом 4, где у подъезда нажал на кнопку квартиры 27..."

- Ну и что? - спросил я, прочитав весь этот сумбурный и придурковатый детектив. - Они готовятся к операции с ирландцами, и его послали предварительно осмотреть тайники.

- Это понятно. А что вы скажете насчет Гриффит-лейн? - Он глядел на меня торжествующе. - Знаете, кто там живет? Жаклин! Контакт вашего Генри и бывшая пассия "Майкла"! Зачем он к ней поперся?

Я только развел руками - все это не лезло ни в какие ворота. Зачем это нужно Центру? Разве Генри не преуспел в работе с Жаклин? Шуточка ли - заполучить шифры! Такое в разведке случается не часто. Зачем же направлять героя Зальцведеля к своей бывшей пассии? Несколько спектаклей разыгрывалось вокруг меня, один другого сложнее, либо прогнило что-то в Датском королевстве, как говорил Гамлет, либо машина давала сбой, и, главное, ниточки тянулись в разные стороны, и никак невозможно было соединить их воедино и тем более привязать к попыткам переехать меня машиной или подстрелить, как воробья, в Эппинг Форесте.

Беспокойство охватило меня, тяжелое предчувствие смертельного конца, иногда находившее на меня и заставлявшее бодрствовать ночами, путешествовать среди склепов и представлять в ужасе эту космическую, необъятную и страшную формулу: НИКОГДА! НИКОГДА тебя не будет на свете! НИКОГДА! Nevermore!

То ли смерть, то ли разлука, то ли отъезд в неизвестность - от Хилсмена я ехал, как с

похорон (Nevermore! - стучало в голове), руки машинально поворачивали руль, голова со знаменитым пробормотом словно окаменела, и глаза тяжело ворочались в орбитах, еле успевая следить за летящей дорогой.

У Грин-парка я оставил свой кар на случайно подвернувшейся стоянке и мрачно опустился в подземелье туалета, где, помимо основных дел, наслаждался изощренными надписями и рисунками на стенах. "Не забудь спустить воду - некоторые едят все"; "Не пидай на пол - от этой лужи у людей сгниют подошвы"; "Сделай что-нибудь великое: трахни великана!" По интеллектуальной мощи Лондон давал фору неприветливым мекленбургским клозетам, но зато явно уступал по витиеватой и заковыристой крепости мата.

Затем по парку Сент-Джеймс я дошел до Даунинг-стрит, 10, и чуть задержал там шаг, словно ожидая, что сейчас оттуда выскочит премьер-министр: "Что вы не заходите, дорогой Алекс? Чай уже готов и ваш любимый "гленlivet" ожидает, как всегда, в баре под портретом лорда Пальмерстона. Батлер сейчас принесет лед..." - так по Пэлл-Мэллу я доплелся до Вестминстерского аббатства, сами ноги несли меня к усыпальницам, сами ноги тянулись к святым мощам, и я покорно повиновался, словно ведомый невидимой силой.

Великий путешественник Давид Ливингстон, великие архитекторы Бэрри, Скотт и Стрит, Неизвестный Солдат, а недалеко от стены, у самой двери, англофранцузский лазутчик майор Джон Андре, повешенный по приказу генерала Вашингтона ("Меня взяли в плен американцы, - это из его прощального письма, - раздели и лишили всего, кроме медальона с портретом любимой Омор, который я запрятал в рот. Сохранив его, я все же считаю себя счастливым!" - учись, забудьдыга Алекс, скажешь ли ты это в свой смертный час?), тело перевезли в Англию, тут ценят разведчиков, даже курят им фимиам, лишь в Мекленбурге, где воздух напоен ароматами шпионства, как ни парадоксально, на нас, на героев, плюют и пока еще ни одного разведчика не захоронили в Неоднозначной Стене.

А вот и бард шпионов Редьярд Киплинг: "Смерть - наш Генерал, наш грозный флаг вознесен, каждый на пост свой стал, и на месте своем шпион!" - словно строй солдат, обходил могилы генерал Алекс, скорбно наклонив голову, промелькнули премьер-министры сэры болтун Гладстон, ханжа Пиль, распутник Дизраэли, и вдруг потянуло в Стратфорд-на-Эйвоне, к домику папиного идола, к статуе принца Гамлета. (- What do you read, my prince? - Words, words, words... - Что читаете, принц? - Слова, слова, слова.)

Но вместо Стратфорда моя стройная "газель" понеслась на кладбище на Банхилл Филдс, что рядом с гарнизоном седьмого полка королевских мушкетеров, - не мог я не визитировать могилу Даниэля Дефо, тоже великого шпиона, чьего "Робинзона" я в детстве зачитал до дыр.

И вдруг меня осенило, что я прощаюсь, прощаюсь с любимым городом, прощаюсь навсегда и бесповоротно... почему? почему?

Успокойся, Алекс, не мандражи перед операцией, хорошенько выпипись и не пей накануне. Итак, десятого октября ровно в 12.30 ты заедешь за Юджином. Все эти дни он работает над эссе о подпольной прессе Мекленбурга - иначе не называет, только "эссе", а не какая-нибудь статья, - видно, считает себя мастером пера, инженером человеческих душ... Позванивает каждый день, уже в привычку вошло: "Что делаете, Алекс?" - "Беседую с Кэти". - "Счастливый человек! А я тружусь над эссе, не отрываюсь от стола! Знаете, как приятно!" - "Увы, мне бы толкнуть радиоприемники, куда нам до высоких материй!" - "Ха-ха, один ноль в вашу пользу, ха-ха!" - "Неужели пишете целый день?" - "Увы. Хотя

⁶⁷ Так американцы окрестили Пасечника, фантазии оказалось еще меньше, чем у Чижика, неужели во всех спецслужбах работают люди лишь с одним полушарием?

⁶⁸ Там находились тайники - ямы для оружия.

творчество от чрезмерных усилий скудеет... Начинаю в семь утра и тружусь до полудня". - "Советую вам ставить ноги в тазик с водой, как Хем. Очень помогает..." - "Ха-ха, благодарю вас!" На всякий случай проверишься (вдруг эти кретины выставили "хвост"?) и поедешь ковать свое семейное счастье в Брайтон... а дальше? Дальше твое дело сторона, дальше будет действовать Центр, и это уже тебя не касается. Думай о "Бемоли" и не нервничай: твое дело Крыса, а тут все идет о'кей, Хилсмен верит тебе" и это доверие растет. Если пройдет операция с "пивом"... ты будешь на коне, Алекс. Сейчас бы "гленливета" с H2O" самую малость, но нельзя терять форму.

Отчего такая смертельная тоска? Плюнь, Алекс, оборотись и трижды плюнь, от смерти не уйдешь, и дано тебе прожить ровно столько, сколько отмерено на роду. *На тебя, Господи, уповаю; да не постыжусь вовек. По правде Твоей избавь меня и освободи меня; преклони ухо Твое ко мне, и спаси меня. Будь мне твердым прибежищем, куда я всегда мог бы укрываться; Ты заповедал спасти меня, ибо твердыня моя и крепость моя ТЫ.*

Жаль, что похоронят в Альбионе. Свои узнают через несколько месяцев, а то и позже, Кэти будет страдать, закопают на каком-нибудь дрянном кладбище, ни Дефо тебе в соседи, ни Учителя Учителя Карла. Дома умереть, пожалуй, приятнее: небольшая панихида, Челость толкнет прочувственную речь о боевом товарище, преданном делу, скромном и чутком к людям, обольется положенной слезой, взвод солдат пальнет в воздух холостыми, и застучат комья земли по деревянному домику Алекса. А вдруг сожгут? Непременно надо написать завещание и распорядиться, чтобы не жгли. Наука идет вперед, и всех мертвых через полвека преспокойно воскресят. Зачем же создавать сложности и превращать Алекса в пепел? Карамба! Шпионов, наверное, будут воскрешать в последнюю очередь. Разных борзописцев, которые то славили Усы, то Кукурузника, то Бровеносца, а сейчас, суки, бьют себя в грудь, этих вонючих пропагандистов, охмуривших народ и стучавших на всех, их, гадов, воскресят ведь в первую очередь - ах, цвет нации, совесть народа!

Они, эти стукачи и сексоты, выйдут из воды чистенькими, постараются еще, чтобы их агентурные дела сожгли, а Алексу... куда деться Алексу? Во вторую очередь тоже не воскресят, раздолбай, вот и будешь веками гнить в дерьме, пока дождешься своего часа. А к тому времени земляне переселятся куда-нибудь в космос, заживут славной жизнью с инопланетянами, а твои кости так и останутся невоскрешенными... Одинокий, заброшенный, всеми забытый, никому не нужный - вот твой удел, Алекс. Аминь!

Девятого утром Кэти отбыла в Брайтон к Базилио, дабы обласкать и попросить у него родительского благословения вместе с солидным кушем приданого.

Я долго дремал, потом выпустил из клетки зеленого попугая, купленного недавно на Портабелло, - летай, Чарли, летай, радуйся воле! - Чарли попор-хал и сел мне на плечо, прошелся клювом по волосам и растрепал идеальный пробор.

День тянулся неимоверно долго, я включал и выключал телевизор и пил отвар из валерьянового корня. Резня в Ливане. Угон самолета. Бомбы в Ольстере. Марши мира. Скоро покажут неопознанный труп, выплывший около Брайтона... тьфу! Не суетись, Алекс, суета сует, все суета, глоток "гленливета" под соленый орешек, черт с ним, все равно хуже не будет! Я включил нью-орлеанский джаз - увлечение молодости, даже запахи вспомнил того дня, когда мы с Риммой слушали блюз Сент-Луи... Как там она и Сережа?

Алекс, Алекс, износились твои нервы, тебе бы домой на потертую тахту. Сидеть себе и листать семейный альбом: крошка Алекс на руках у мамы, кругломордый Алекс с

чубчиком и в матроске с плюшевым мишкой рядом на стуле. Алекс и Римма на берегу Голубого озера, что по дороге на Рицу. У обоих в зубах шашлыки, рты растянуты до ушей, славно жили, любили друг друга! Студент Алекс с папой в сером "тонаке" - словно кастрюля на голове, зачем он заменил им свою кепку? Римма в умопомрачительном декольте и рядом Сережка в красном галстуке. Алекс с улыбкой Кеннеди. Алекс у Бахчисарайского фонтана. Алекс на фоне Орлиных скал и Агурских водопадов. Раньше этот альбом лежал в гостиной на видном месте, а потом Римма засунула его куда-то в нишу.

Я вышел в ванную, вымыл лицо теплой водой и облился лосьоном "ронхилл" ("вперед, вперед, нас честь зовет!"), его запах всегда успокаивал меня и вселял уверенность.

День наконец-то усох, за телевизором я прикончил и вечер - наступило время покойного сна. Теплая ванна, целая пинта валерьяны. Начал читать "Таймс" с некрологов - тьфу! - углубился в передовицу о предвыборной платформе тори, не выдержал, бросил, переключился на кулинарную страницу. Восемь унций риса, одна головка лука, одна долька чеснока, три унции несоленого масла, две чайные ложки оливкового масла, полторы пинты бульона, черный перец, четыре унции тертого сыра...

Вдруг дико захотелось есть. Я прошлепал на кухню, вычерпал из кастрюльки рагу, оставленное невестой, разогреть из-за нетерпения не стал - больше ни грамма, - улегся в постель и снова раскрыл "Тайме". Очистить лук и чеснок, мелко порезать. Подогреть две унции масла на сковороде и жарить чеснок и лук...

Я отбросил на пол газету, повернулся на бок и попытался заснуть. Никаких таблеток, ни в коем случае, иначе вялость и раскисшее состояние, завтра голова должна быть ясной, как солнечный день. Я начал считать овец в огромной отаре, овцы блеяли, словно Хилсмен кутал их в серые мекленбургские шинели перед расстрелом из снайперской винтовки. Одна овца, вторая овца, третья овца...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ СТРАСТЕЙ, О ГУСЕ, ЗАПЕЧЕННОМ ЗАЖИВО, БРАЧНЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ, МОМЕНТАЛКЕ В КЛОЗЕТЕ И ЛЕДЯНОМ ЯЗЫКЕ ПРИКАЗА

"Зарежем штыками мы белую гидру, тогда заживем веселей!"

Газета "Одесский коммунист", 1918г.

"Се-емь" - прозвенело в башке, этот будильник никогда не подводил. Раз-два! - серия упражнений с эспандером и гантелями и ледяной душ - день предстоял тяжелый, прожить в нем и, возможно, умереть следовало красиво: с отлично выбритыми щеками и в любимом сером костюме в светлую полоску.

Ритуал начал я с особой помпой, достал свежий "жиллет" и начал ворожить им, бросая теплые взгляды на вереницы одеклонов и лосьонов, выстроившихся в полке, подобно каре гвардейцев на плац-параде. Каждый лосьон существовал сам по себе и будил музыкальные ассоциации в моей не шибко музыкальной душе, в основном романсы, шлягеры и еще не выветрившиеся стишки.

"Ярдли" - "Взгляд твоих черных очей в сердце моем пробудил..."

"Шанель-5" - "Ах, не люблю я вас, да и любить не стану, коварных ваших глаз не верю я обману".

"Фаберже" - "Частица черта в нас заключена подчас".

"Ронхилл" - "Бей в барабан и не бойся беды, и маркитантку целуй вольней!"

"Аква вельва" - "Гори, гори, моя звезда".

"Шипр", вывезенный из Мекленбурга, на который для маскировки (как вдруг попал ко мне этот одеклон?) я приклеил этикетку "Денима", - песня без слов, скелет динозавра, вечное напоминание о еще не испорченном Алексе в ратиновом пальто, велюровой шляпе и туфлях на белом каучуке, любившем рвануть кружку пива в киоске около Беломекленбургского вокзала.

Но эти флакончики были лишь авангардом, за ними тянулись новые ряды моих маленьких разноцветных друзей, которыми я окроплял себя в течение дня. Кэти пыталась отвратить меня от этих увлечений, утверждая, что парфюмерия заглушает ни с чем не сравнимые запахи моего тела⁶⁹ и отвлекает ее от лирического настроения, что грозит осложнениями в наших, как сказал бы покровитель Юджина Карпыч, интимных отношениях.

Позавтракал я овсяной кашей и кофе - в ответственные судьбоносные дни рыцарям предписывается есть легко, дабы горячая кровь отливала от живота к голове, обостряя и восприятие, и хватку, и без того молниеносную реакцию. Именно на голодный желудок, словно у бродячего волка, появлялась у меня дьявольская сообразительность, что полностью исключено после недожаренного бифштекса с кровью.

Я открыл клетку, выпустил на прогулку Чарли и засыпал ему корма до воскресного

⁶⁹ В период добрачной любви Римма говорила то же самое, зато впоследствии с ее нежных уст все чаще слетало слово "козел".

вечера, когда мы с Кэти предполагали вернуться в Лондон. Чарли полетал вдоль стен, задевая крыльями морские карты и голландские гравюры в черных рамках, присел на старый секретер, где иногда отлично писались толко-вейшие информационные сообщения, пропорхал над тахтой в форме лады, сел мне на плечо, крутя головкой и рассматривая благородный антиквариат, и перепрыгнул на массивную бронзовую пепельницу, стоящую в углу на длинной ножке и приобретенную за бесценок у итальянского матроса в марсельском кабаке, - Марсель всегда приносил мне счастье, еще когда я сидел на коленях у девятиклассницы, которая, кроме "Джона Грея", прекрасно пела "Шумит ночной Марсель в притоне "Трех бродяг", матросы пьют там эль, а девушки с мужчинами жуют табак".

Время летело быстро, я не чувствовал ни напряженности, ни растерянности - именно за это качество и ценили Алекса - пусть пижон, алкаш и манд-ражит накануне, но в трудную минуту, когда призовет набат, умеет зажать нервы в кулак и действовать четко и точно, словно робот, - шагай вперед, веселый робот, гудит труба, неровен шаг, но воздух раскаленный легок, и старый марш звенит в ушах!

Я собрал кейс, сунул туда пару лосьонов, магнитофон, аэрозоль с дарами химии, "беретту" с глушителем и ровно в 12.00 вышел из квартиры.

Внизу я вспомнил, что забыл присесть на дорогу, вернулся обратно и плюхнулся на тахту, горько сожалея, что нет истинной веры ни в Бога, ни в черта, ни в святого духа, ни в свою жуткую фортуна, пролетающую расплавленной звездой⁷⁰ между туч, где выются бесы и невидимкою луна.

Тут мне пришлось в голову, что возвращаться домой так же плохо, как и не присесть, но я честно отсидел одну минуту, подошел к клетке и постучал пальцем по железу.

- Comment sa va, mon vieux?⁷¹ - спросил я, щедро расходуя свой французский багаж.

- Dans la vie sexuelle, mon vieux? - ответил Чарли невпопад, что в полном виде означало: "Что нового в твоей сексуальной жизни, старик?" - эту фразу я репетировал с птицей добрый месяц, не жалея ни времени, ни сил.

- Rien⁷², - сказал я, грустно созная всю пустоту своего шпионского существования.

- Пшэл в дупу!⁷³ - вдруг зашипел Чарли по-польски и захохотал дробным, скрипучим тенорком.

Куплен он был на рынке у старого шляхтича (в Лондоне после разделов Польши хватало эмигрантов), который, видимо, не отличался хорошим воспитанием и не скрывал своих чувств в присутствии птицы.

Я уже собрался уходить, когда раздался звонок в дверь. Пред моими глазами стояла милая пара, которую я меньше всего хотел бы видеть в эти роковые минуты: Генри в черном пальто и котелке (вылитый сэр Уинстон, не хватало лишь сигары, торчащей из скуластого рта) и весьма стройная молодящаяся дама с припухлыми губами и глазами, светившимися, как два голубых карбункула.

- Здравствуйте, - сказал Генри дрогнувшим голосом и из него, словно из пулемета, полетели невидимые флюиды, покалывая меня своими нервными головками.

⁷⁰ В спецфонде одной библиотеки в революционной газете 1918 года я вычитал: "Блеск звезды, в которую переходит наша душа, состоит из блеска глаз съеденных нами людей".

⁷¹ Как дела, старик? (франц.)

⁷² Ничего (франц.).

⁷³ Пошел в задницу! (польск.)

- Какая неожиданность! Как я рад! - Я изобразил такой восторг, словно явился ангел с индульгенцией, отпускающей все мои шпионские грехи, но, как любой подпольщик, внутренне содрогнулся от этого визита (Как он мог прийти ко мне на квартиру?! Да еще вместе с агентом!). Впрочем, я тут же вспомнил, что оба гостя уже давно принесены в жертву на алтарь "Бемоли", успокоился и последовал формуле, вычитанной мною в детстве: "Мохнатые уши повесь на толстый внимания гвоздь!"

- Мы пришли к вам, Алекс, с очень серьезным делом...
- К сожалению, я сейчас уезжаю... но заходите, пожалуйста! Не хотите ли раздеться?
- Спасибо. Это Жаклин... моя fiancée, на днях мы собираемся пожениться⁷⁴.
- Поздравляю! - рассыпался я от счастья. - Желая благополучной семейной жизни!
- Спасибо, - ответил Генри сухо. - Но мы пришли по другому делу. Несколько дней назад Жаклин стала объектом шантажа со стороны одного типа, которого, Алекс, вы не можете не знать...

- Разрешите мне, - вмешалась Жаклин, блеснув голубыми глазами, воспетыми Генри во многих агентурных донесениях, - Это было вечером... он пришел без телефонного звонка, прямо ввалился в квартиру с банками черной икры, матрешками и консервированным балыком...

- Надеюсь, вы понимаете, о ком идет речь? Это тот человек, с которым Жаклин познакомилась в Зальцвеледе, - вставил Генри, будто беседовал не с понятливым Алексом, а с рогожным мешком, набитым навозом.

- Я была очень обрадована, - запинаясь Жаклин. - Хотя и растеряна... мы поужинали и вдруг... вдруг он сказал... - она поднесла платок к лицу, - что ему очень нужны деньги... что положение у него бедственное и, если я ему не помогу, он покончит с собой!

- Самый настоящий шантаж! - снова встрял Генри.
- Он пользовался распиской? - спросил я.
- Какой распиской? - Генри даже поморщился, словно и не принимал участия в грязном дельце по получению шифров у Жаклин. - Он просил деньги в обмен на икру и баночный балык!

"Господи! - подумал я. - За что ты меня мучишь?! Только этого еще не хватало!" От Хилсмена я знал о заходе Семена к своей пассии, и вывод был один: Центр проводит за моей спиной операцию, возможно, они решили сжечь и Семена, и Болонью ради нашей "Бемоли", подставить его под арест, сделать это нарочито топорно, что порою убеждает гораздо больше, чем хитроумнейшая комбинация.

Но менять икру на валютные бабки - это не лезло ни в какие оперативные ворота.
- Я дала ему денег, - продолжала Жаклин, - правда, немного. Но когда мы ужинали, ко мне вдруг пришла соседка по дому, технический сотрудник нашего посольства... была она у меня минут пять. Короче, на следующий день меня вызвал офицер безопасности и спросил, что за иностранец находился у меня дома - ведь мы обязаны, как вам известно, докладывать обо всех иностранных контактах... такой режим у всех шифровальщиков мира. Что мне оставалось делать в этой ситуации? Я все рассказала, начиная со времен войны...

- Вы говорили, что дали расписку? - спросил я.
- Нет, нет! Ни слова. Тем не менее на следующий день меня попросили написать

⁷⁴ Видимо, звезды в октябре того года располагали к помолвкам и бракосочетаниям шпионов.

заявление об увольнении по собственному желанию. Причина очень простая: я никогда не упоминала в анкетах о своем старом друге и о переписке с ним.

- Все это достойно сожаления... - пробормотал я. - В ближайшее время выясню, что произошло... Обещаю вам!

- Нас не интересуют ваши сожаления. - Голос Генри дрожал. - Мы пришли вдвоем не случайно: Жаклин считает меня виновником того, что случилось! - В воздухе запахло истерикой.

- Во всяком случае, - сказал я твердо, - вы, Генри, не имеете к этому инциденту никакого отношения, повторяю: никакого!

- Вот видишь! - обратился он к Жаклин. - Я же тебе говорил! Но это не все, Алекс, - он обратил свой бульдожий лик ко мне, - объясните мне, кто же тогда виноват в этом?

Генри вынул из кармана платок (блеснули перстни на холеных руках) и вытер вспотевший лоб.

- Уж не намерены ли вы устроить мне публичный допрос? - возмутился я.

- Именно, - прогремел Генри. - Именно! Происходят утечки, Алекс, и это требует объяснений! Впрочем, мне все ясно: вы давно продали и Жаклин, и меня, а визит этого дурака тоже подстроен вами!

- Да вы что? Сошли с ума? - вспыхнул я. - Чего вы от меня хотите?

- Правды! - Его черчиллевы щеки тряслись, словно он перепрыгивал на коне через барьеры. - Что ж, карты на стол! Я давно знаю, что вы предатель! Мне сказал об этом Рамон! Да, да, Рамон! Он раскрыл мне глаза в ту темную ночь, он сообщил, что вы работаете на американцев!

- Вот как? Что же молчали? Это провокатор! - Дело принимало совсем неприятный оборот, тем более что старик все глубже входил в истерику.

- Он запретил мне об этом вам говорить! Но он выступал от имени Центра!

- От имени Центра? Да Рамон - предатель! - отбивался я.

- Ничего подобного! Он меня не предавал! А вы встречаетесь с американцами, я выследил вас! Вы заложили всех, вы предатель и мерзкая гнида! - Губы его прыгали от ненависти, - Вы американский шпион, признавайтесь! Жаль, что мне не удалось прикончить вас раньше! Признавайтесь во всем, подлец!

Только тогда я увидел выглядывавший из рукава пальто бельгийский браунинг "бэби", калибр 4,7мм, скорострельность черепахи; с таким покушались на президентов в прошлом веке, стреляли почти в упор, как ни странно, убивали, хотя пуля нередко застревала в жилете или отскакивала от галстучной заколки. Так вот та миледи в чулке, под машиной которой я катался по мостовой, так вот кто чуть не раздавил нежное тело Алекса! Старый идиот, растерявший мозги, как ты мог поднять руку на своего куратора?! Я вспомнил, как брызнули мне в глаза кусочки коры, расщепленной пулей, и холодная ярость охватила меня. Сволочь последняя, сукин ты сын, так это ты, оказывается, охотишься за мною?

А он продолжал, как грозный судия, недоступный звону злата:

- Признавайтесь, Алекс! Да или нет! Если вы будете молчать, я выстрелю! Да или нет?

Я звезданул ногою ему по руке, бухнул с такой силой, что браунинг, пролетев сквозь люстру, с шумом врезался в потолок, и на нас посыпались разбитый хрусталь и штукатурка

- удивительно, что его кисть не оторвалась и не помчалась вслед, как хвост кометы.

Он замычал, скривился от боли и прижал руку к животу.

- Руки вверх! - заорал я, схватив его игрушку. Он обомлел и захлопал глазами, Жаклин откинулась на стуле и всхлипнула.

- Вы послушали какого-то проходимца, - закричал я, - и чуть не лишили меня жизни! Клянусь вам - слышите? - клянусь, что никого не предавал, провалиться мне сквозь землю, никого!⁷⁵ Зачем мне вас предавать? Если бы я этого захотел, вы давно сидели бы в тюрьме! Неужели вы этого не понимаете?!

Я взглянул на часы - весь график операции уже полетел в тартарары.

Старый дурак! Подумать только: притащить свою зазнобу, которая, видимо, устроила ему сцену после визита Семена с икрой и балыком. Но все это были фигли-мигли по сравнению с откровениями таинственного Рамона.

Мы оба молчали, смотря друг другу в глаза, моя неизбывная ярость, по-видимому, охладила Генри.

- Неужели это провокатор? - Язык его заплетался.

- Генри! - сказал я торжественно и чуть подпустил в глаза слезы. - Сейчас нет времени для объяснений. Мы с вами работаем долгие годы и отдали жизнь великому делу. Как вы можете не доверять мне и поверить какому-то жулику? Опомнитесь, сэр! Что еще он вам говорил?

- Но он же знал все мое дело, все клички, контакты, пароли... Он приказал убрать вас. Он сказал, что вы предатель и находитесь на связи у американского резидента. Фамилия его Хилсмен. Я засек вашу встречу с ним в баре отеля "Гровнор".

- И вы пытались выполнить его приказ? - Я торопился, времени совсем не было.

- Да. И у вашего дома, и в Эппинг Форесте... Простите меня, Алекс... Я следил за вами в Тауэре.

- Со мною был Рамон?

- Я же в темноте его не видел... Кстати, он потерял у меня в спальне вот это... - И Генри протянул мне коробочку, завернутую в бумагу и перевязанную ниткой. Не глядя, я сунул ее в карман.

- Что он еще говорил?

- Больше ничего. Извините меня, Алекс, простите ради Бога. Прошу вас, скажите Жаклин, что я не мог предать ее... что не из-за меня ее уволили со службы...

Под глазами налились бурдюки, - только еще не хватало, чтобы пролился ливень.

Жаклин сверкала голубыми глазами и поглядывала на дверь, словно собиралась улизнуть.

- Конечно, нет, - сказал я твердо. - Это чья-то игра, и мы еще докопаемся до виновников. А теперь прошу вас уйти. У меня нет ни секунды времени. На следующей неделе я пошлю вам вызов, мы встретимся и все обсудим⁷⁶.

Словно ветер дунул - и две перепуганные мыши юркнули за дверь.

13.00. Операция сбивалась на целый час, Базилио и Алиса наверняка решат, что

накануне женитьбы я выскочил из окна и убежал, как персонаж одного носатого сатирика прошлого, Кэти изведется от ожидания, а Болонья просто уйдет через полчаса, не застав никого в ресторане. Впрочем, я еще могу войти в график. Ну и сволота этот Генри: чуть не превратил жизнелюба Алекса в замазку Цезаря! Я даже похолодел, представив себя лежащим на пропитанном кровью ковре, с черепом, пробитым пулей, и мозгами, повисшими на гравюрах и клетке с Чарли.

Дальше жизнь поскакала вперед на неестественно бешеной скорости, словно в немом кино: рывок на лестничную площадку, вой мотора, и гонка что было сил - благо в субботу Лондон не перегружен транспортом. На маршруте пришлось проделать серию резких коленец, показавших отсутствие присутствия кровожадных мышек-норушек, и через полчаса я уже нажимал на кнопку звонка.

Юджин встретил меня в малиновом бархатном халате - истинно граф Лев Николаевич, только носом несколько переплонул, рубильник выпирал, как клюв пеликана, даже очки терялись на нем, казались снятыми с липипута.

Апартаменты Юджин обставил в стиле недострелянной мекленбургской интеллигенции: все завешано фотографиями в рамочках, никаких излишеств, каждая вещь - от колокольчика на столе (видимо, для вызова Софьи Андреевны) до вольтеровского кресла - призвана дополнять образ великого писателя, уже и не квартира, а музей светоча мысли, создающего непреходящие и, как говорили "высоколобые", пронзительные эссе о подпольной литературе Мекленбурга.

Величественным движением руки со съеденными ногтями он пригласил меня присесть в кресло.

- Вы не готовы? - Мой голос звучал так жалобно, что он всполошился:

- Но мы же не договорились о точном времени...

- Одевайтесь быстрее, у нас помолвка! - наступал я.

- Что ж вы раньше не сказали? Поздравляю, Алекс! Куда мы идем?

- Мы едем в Брайтон! У Кэти словно вожжа... там у нее родственники!

- В Брайтон? - Этого он не ожидал.

- Кэти уже там, она нас ждет... Хотели отметить в Лондоне, но все переменялось. - Я врал легко и упоенно, мимика моя играла гримасами досады, вспышками радости и прочими цветами радуги.

- Так это в Брайтоне? - занял он. - А я еще собирался немного поработать вечером.

Тут я почувствовал, что обкрадываю все человечество. Продержится ли оно, выживет ли, если эссе появится на день позже?

- Я вас очень прошу, Юджин. Я обещал Кэти, что приеду с приятелем. Там будут папаша с сестрой... зануды дикие! Удружите, Юджин! - Я чуть не рыдал.

- А как вы меня представите?

- Как моего партнера по радифирме, испанца по национальности.

Моя напористость и жалобный тон сделали свое дело, он скинул халат и предстал передо мною в белой сорочке и при галстукке (в дороге он рассказал, что Чехов садился за письменный стол, одевшись, как на заседание земской управы, тщательно выбрившись и отманикюбив ногти - оказывается, только таким образом можно достичь чудес в творчестве).

Наша "газель" словно убегала от погони, мы лихо мчались по автостраде в сторону

⁷⁵ Коварные персы во время переговоров со своими врагами стояли на деревянных замаскированных настилах, покрывающих заранее вырытые ямы, - боялись провалиться, давая клятвы.

⁷⁶ Очень похоже на одну из любимых резолюций Мани- "обсудим". Просто, изящно, деловито.

Брайтона, моя нога так жала на акселератор, что я боялся продавить днище. Вдруг что-то полетело под колеса и я услышал мягкий стук.

- Кошка! - застонал Юджин. - Вы убили кошку!

- Не может быть! - Я чуть не выпустил руль.

- Это ужасно, это просто ужасно! - Он закусил свою лапу и затряс головой, словно старая баба, причитающая у гроба покойника.

Боже мой, кошка! Что же я наделал? Как не заметил бедняжку! Дурной знак, очень дурной! Интересно, какого она цвета? Черного? Но разве я виноват? Я и не видел, как она метнулась под колеса. Что за глупая кошка, вздумалось же ей перебегать автостраду! И именно под мою машину - ведь я люблю кошек. Я люблю, а Римма терпеть не может ("Вечно всюду гадят, о этот запах!") - "Я сам буду за ней ухаживать, поставлю ящик с песком в уборную. Мне нужна кошка, Римуля, меня успокаивает, когда в доме кошка. Она словно забирает у меня нервные токи, ее можно гладить, класть рядом..." - "Тебе нужна кошка или я?" - "Странный вопрос!" - "Я не могу жить в одной квартире с кошкой!") - вот и весь сказ, Алекс, и не спорь, мало ли что ты любишь? Кошка перебегала дорогу и была убита. Вот и все. Аминь!

Слева уже остался городишко Гилфорд, когда вдруг со скоростью света меня обошла полицейская машина, грозно просигналив "стоп".

- Извините, сэр, вы превысили скорость! - Ненависть из бобби перла, как пар из кипящего чайника, но установленные законом правила приличия придерживали ее крепкой уздой.

- Сэр, - я тут же выкатился из машины, как колобок, и униженно запрыгал вокруг полицейского (синдром Мекленбурга, где милицейский жезл приводит в трепет любого водителя, не имеющего спецсигналов, превращает в рабскую душонку), - извините, сэр, ради Бога, сэр... у меня ребенок!

- Какой ребенок? В машине?

- В Брайтоне... жена родила несколько часов назад... - барахтался в навозе находчивый Алекс. - Она рожала так трудно... столько пришлось пережить...

Я так старался, что еще минута - и родил бы сам, видел бы меня в этот момент дядька, видел бы, как выделяет Алекс кренделя вокруг величественного, как памятник, полиция, - непременно сказал бы: "А что я всегда говорил? Молодец, Алекс! Уж, хитроумный уж, всегда вывернется из любой ситуации, выползет из самой темной задницы!", а наставник Философ, пожевав ошметок ливерной колбасы, поднял бы граненый стаканчик: "Ты молоток, Алик!"

- Мальчик или девочка? - Бобби был наивен и честен.

- Сын! - заорал я фальцетом. - Извините меня, сэр!

И он снисходительно махнул рукой, пропуская нас дальше. Часы показывали половину шестого, и Болонья уже наверняка подкрадывался к "Морскому орлу".

В Брайтон "газель" ворвалась в шесть тридцать, пот лил с меня градом, пришлось достать "ронхилл" ("бей в барабан...") и обмочить им чресла, дабы не бросать вкусную кость коту Базилио и лисе Алисе, которую они радостно глодали бы целый вечер: "Ох уж эти вониучие кенгуру-австралийцы!"

Прибыл я с тяжким чувством: кошка + полицейский = ? Что знаменовало сие? Кому из нас? Мне или Юджину? Бедная кошка, угораздило же тебя, Алекс! Хватит, не думай об

этом, думай об операции, впрочем, что в ней сложного? Болонья без тебя установит контакт. Почему Центр прямо не написал, что Болонья проведет беседу с Юджином? Конспирация? Успокойся, ради Бога, тебя ждут любимая женщина и ее почтенные родственники, смени пластинку, Алекс, поставь... как это? "Пою тебя, бог любви Гименей, ты благословляешь невесту с женихом!", а еще лучше произнеси несколько раз и обязательно шепотом: "Когда лошадь украдена, слишком поздно запираешь конюшню". Когда лошадь украдена, слишком поздно запираешь конюшню. Вот так.

Кэти встретила нас в платье из серебряного атласа с вышитой диадемой у левого плеча, потоки алых кораллов стекали с открытой шеи на белые груди, она сияла суперочаровательной, сногшибательной улыбкой, с трудом удерживаясь от вполне уместного из-за моего опоздания площадного мата.

Базилио прошипел нечто невнятное на кошачьем языке и отвернулся, показав затылок, на котором среди стога седых волос светилось белое пятнышко, напоминающее зад кота (оно вместе с усами и подтолкнуло в свое время на кличку), сестрица же Алиса не сводила с меня ненавидящих глаз, словно овчарка, еще не решившая, в какую часть тела вцепиться, - вся ее лисья морда от злости сморщилась в одну большую улыбку, в которой и нос, и глаза, и уши разбегались в разные стороны.

- Прошу прощения, у нас по дороге спустились оба колеса... пришлось заехать в сервис...

Базилио посмотрел на меня так, словно я только что выпрыгнул из кровати девочки Мальвины.

- Да, да, полковник, сразу два колеса!

Присутствие незнакомого человека (Юджин уже метал бисер перед полковником на полную катушку) несколько разрядило обстановку. Мы спустились к "газели", и пинкертон Базилио начал тут же разглядывать и щупать колеса, чуть ли не облизывая их своим шершавым языком.

- Что-то колеса старые... неужели такие продаются? - Но я даже не удостоил его ответом.

В машине Юджин на своем ломаном английском рассказал анекдот⁷⁷, его никто не понял, но все для приличия ржали.

"Морской орел" призывно горел цветной рекламой, и через витрину я увидел фигуру Болоньи, засевшего на стульчике у стойки бара. В фойе всю нашу гоп-компанию встретил метрдотель и повел к столу с зажженными зелеными свечами. Проходя бар, я встретился взглядом с Болоньей - он повел глазами в сторону туалета. Метр усадил нас за стол, а я вернулся к бару и пошел по коридору, слыша за собой топот самых надежных в мире "скороходов".

Француз вбегает в цветочную лавку. "Мне нужен букет цветов для невесты!" - "Она девушка или женщина?" - "Какое это имеет значение?!" - "Если девушка, то нужен букет из белых роз, а если женщина, то из фиалок". - "Ну, конечно, из белых роз!" После паузы: "А впрочем, влетите туда немного фиалок".

В уборной было пусто и покойно, Болонья указал мне на кабину, куда я и вперся, снедаемый любопытством и страхом. Болонья тут же влез в соседний отсек и подsunул мне

⁷⁷ Выбор Юджином анекдотца говорил о том, что ему явно не хватало папы-эстета.

под кабину конверт, в котором лежало послание. "В целях обеспечения безопасности мы планировали провести беседу с "Контом" на судне в районе Брайтона, - расшифровывал я. - Однако случилось непредвиденное: сегодня утром загорелось машинное отделение, и на судне много пожарных и полиции. Вам предписывается доставить "Конта" под благовидным предлогом в порт Кале (Франция), где в данный момент находится другое наше судно. От Брайтона до Кале несколько миль, поэтому предлагаем вам обеспечить доставку "Конта" на яхте "Регины", используя все необходимые для этого средства. Яхту следует поставить на причале No 4 порта Кале, у Голубой набережной. В контакт с вами там вступят по паролю: "Сегодня на море 2,5 балла, не правда ли?" Отзыв: "По-моему, три". Подпись...

Боже мой, такого не бывало в моей безумной жизни: заделана была высочайшая подпись самой Бритой Головы, беспрецедентный случай, приказ летел почти с самого верха, руки по швам, Алекс!

Болонья уже исчез из кабины, а мне, пораженному неожиданным указанием, сам Бог велел воспользоваться счастливым случаем и задержаться на толчке подольше.

Кошка, несомненно, была черной, настоящая черная кошка, проклятая служба, сумасшедшая баба-разведка, все переворачивающая с ног на голову, типичный случай в оперативных традициях Монастыря: детальный план, тщательная подготовка, взвинченные нервы, а в последний момент все лопается к чертям, все летит вверх тормашками, суета, и новый приказ, и каждый умирает в одиночку. Яхта в порядке, до Кале ходу часа три, погода вполне на уровне... Смогу ли я уговорить Юджина прогуляться в Кале? Проблема номер один. Чем все это может закончиться? Вопрос. Если Юджин согласится, то все будет шито-крыто. А если отметет предложение? Допустим. Но если он выдаст Алекса, худо придется его деткам, он ведь не дурак. А если отметет и возникнет скандал? Не пришлось бы рвать когти из Альбиона.

И тут я вдруг безумно заскучал по своей квартире у Хемстед Хита с видом на зеленые лужайки и по каменным плитам Вестминстерского аббатства, в котором металась призраки и королей, и премьеров, и расстрелянного шпиона с миниатюрным портретом возлюбленной Онора в медальоне, спрятанном во рту. И казалось мне, что я снова в двухэтажном красном автобусе, взбиравшемся на Лондон-бридж, я беседовал с милой миссис Лейн и ее сеттером, симпатично выпустившим язык, я входил в полумрак "Этуали", следуя за знакомым метрдотелем ("Как обычно, столик в правом углу, сэр?" - "Да, да, под картиной Каналетто!" - "Т" я произносил шикарно, с заиканием и придыханием на оксфордский манер, словно вел свой род от династии лорда Честерфилда), даже Черная Смерть уже казалась необыкновенной, нежной и хорошо отмытой девушкой шоколадного цвета.

Ох уж эти беседы на мекленбургских судах! Зачем тебе ввязываться в это дело, Алекс? Этот мяч можно отыграть очень просто, без малейших усилий... кто тебя может проконтролировать? Что же делать для этого? Да ничего не делать! Сиди себе за столом, хорошо жуй и пей, а после банкета распрощайся со всеми и поезжай на яхту вдвоем с Кэти. То есть как? А задание? А долг? А телеграмма Бритой Головы? Пошли их к такой матери, Алик, не влезай в эту историю! Ну, а дальше? Тебя ли учить, старый и хитрый лис? Дальше сочини телеграммку в Центр: "Несмотря на мои настойчивые просьбы, "Конт" идти на яхту отказался, сославшись на... с комприветом. Том" - и работай себе спокойно под крылом Хилсмена, ищи свою Крысу, тем паче что после встречи с Генри в руках твоих появились новые интересные ниточки... Пошли все это дело с "Контом" подальше, ничего, кроме

неприятностей, оно тебе не принесет, не скользи по лезвию ножа, обмозгуй все это дело еще раз, а пока слезай с толчка и двигай к столу! Все, наверное, уже решили, что у тебя колики от страха перед брачной ночью.

Картина застолья написана сочными красками: чуть смущавшиеся блеска люстр *iaitances de carpes*, тающий во рту *salmon*, ниццуазский салат с гренландскими креветками и мидиями, конечно же, приличествующая событию *caviar*⁷⁸ и гвоздь программы - гусь, зажаренный в эльзасском вине и кусочках свиного сала.

Метрдотель не без черного юмора утверждал, что повар зажарил гуся заживо, - тут уж меня замутило, я боялся убивать живое, выпускал на волю ос и пчел, застрявших в блюдечке с вареньем, почтительно обращался с пауками и всегда доставал их из ванны, боясь упустить свое счастье, - все это осложняло мою жизнь с Риммой.

Новый финт Центра омрачил мое настроение, "гленливет" - а он, естественно, не мог не красоваться посредине стола - я пить не стал, а ограничился разбавленным сотерном. Впереди зиял черной дырой светлый путь и требовались, как завещал Несостоявшийся Ксэндз, холодная голова, горячее сердце и чистые руки.

Базилио встал и во всем своем кошачьем остроумии произнес прочувствованный тост за наше с Кэти счастье (тут он просто изнемогал от своих реприз, я и не предполагал, что в Англии отставные полковники нисколько не умнее наших).

Я бездумно водил взглядом по молокам карпа, по веселой Кэти и по тихому и скромному Юджину, не подозревавшему, что вся эта трагикомедия весьма напоминает его приключения со стулом перед дулом фотообъектива.

Юджин встал.

- Я тоже хотел бы произнести тост. У Алекса в Австралии существует прекрасный обычай. Правда, это касается свадьбы, а не помолвки, но суть его от этого не меняется. Дело в том, что и еда, и питье становятся горькими, если новобрачные не поцелуются. Горько!

- Так я знаю этот обычай! - взвизгнул Базилио, словно ему мазнули под хвостом скипидаром. - Однажды в порту Архангела нас водили на свадьбу! Ох, сколько я выпил водки! Вы пили когда-нибудь настоящую водку? - Вопрос был адресован Юджину.

- Только смирновскую. - Глаза его блеснули из-за носа заговорщицкими искрами.

Мы поцеловались, и тяжелая тоска вдруг навалилась на меня.

- Что ты такой грустный? - обратилась ко мне Кэти. - Устал?

- Что-то побаливает желудок, - ответил я совсем по-семейному. - Видишь, я даже решил пить сотерн с водой и не притрагиваюсь к гусю⁷⁹. Давай после ужина прогуляемся на яхте... прихватим заодно и моего дружка.

- Отлично! - Кэти блеснула глазами. Она не вылезала бы из яхты, бороздила бы всю жизнь моря и океаны.

Итак, яхта. А если Юджин не захочет плыть в Кале? Будем действовать творчески, в зависимости от обстоятельств. Нельзя сделать омлет, не разбив яиц. А как в этом случае

⁷⁸ Молоки карпа... семга... икра. Когда Базилио ее увидел, его словно ударило током: "О зернистая икра! Как я люблю те края! Ведь я служил в конвое во время войны, охранявшем грузы, идущие в порт Архангела!" - Просто готовый ценный агент, так и хотелось подойти к нему на четырех лапках и промяукать: "Дорогой Базилио, докажите делом ваши симпатии. Одна ваша знакомая кошка работает секретаршей у премьер-министра..."

⁷⁹ Не то что притрагиваться - видеть его, зажаренного заживо, не мог!

будет реагировать Кэти? Мда, дело пахнет керосином, если Юджин наотрез откажется. Что будем делать, Алекс? А может, все-таки спустить все на тормозах? Плавно и легко. Можно даже пригласить Юджина на яхту таким образом, что он сам откажется. И совесть твоя будет чиста, если она еще осталась. И волки сыты, и овцы целы. Тыфу! И это называется бесстрашный Алекс, которого ставят в пример молодянку! Вот вам и гордость Монастыря, орденосеца и героя! Трус! Способен только глотать "гленливет" и трахать баб! Трус, встряхнись: перед тобою предатель родины, не пускай слюни и сопли, зажми себя в кулак! Телеграмму подписал сам Бритая Голова! А если я не вернусь? Прощай, суровый Альбион, прости, мой край родной! Почему не вернусь? А не вернусь - тоже не страшно, исчезну из мира ликующих, праздно болтающих, обгадряющих руки в крови...

И вдруг тревога охватила меня: что будет с Чарли? Что будет с моим бедным какаду? День, другой, третий... Не умрет ли он с голоду? Надо было оставить клетку миссис Лейн. Впрочем, он вряд ли ужился бы с сеттером. Сколько времени потребуется контрразведке, чтобы осмыслить происшедшее? Я представил, как группа в плащах врывается в мою хемстедскую квартиру и начинает грубый обыск, а Чарли дергает головой и по привычке кричит: Good morning, old man! - "Доброе утро, старик", он обращается ко мне так же, как и Челость. Контрразведка покидает квартиру, и бедняга Чарли остается один - кто в пылу исполнения долга вспомнит о несчастной птице? И вот он сидит на жердочке одинешенек, и заглушают стены его предсмертные крики...

А стол гулял и смеялся: Кэти и сестрица с умилением вспоминали свое безоблачное детство, полковник Базилио удовлетворенно поддакивал, куря дешевую сигариллу (десерт он умял одним духом, несмотря на то, что сожрал добрую половину гуся), и рассказывал Юджину об огурцах в своих парниках. Иногда мы с Юджином обменивались многозначительными репликами: "Как гусь?", "Вам поперчить?", "Прекрасный салат!" - в общем, помолвка удалась на славу, если бы не мочеподобный сладковатый сотерн, которым мне приходилось пробавляться.

- После ужина я хочу показать вам нашу яхту... это совсем рядом, - шепнул я Юджину.

- А я не опоздаю на последний поезд?

- Что вы! Он ходит до полуночи. Кэти гордится яхтой... - Я почувствовал, что уже начинаю нервничать. - Там и выпьем, как следует... без всяких любопытных родственников...

- Только на несколько минут. Я хотел бы вернуться в Лондон пораньше. - Эти слова словно ошпарили меня, и я машинально отхлебнул мерзкого сотерна.

Ничего, мы попробуем его уговорить прокатиться в Кале. Уговорим. Все знают силу убеждения Алекса. "Если ты, Алик, чего-нибудь захочешь, - говорила мама, - ты пристанешь и не отлипнешь, как банный лист". Семинаристский дядька тоже ценил Алекса за настойчивость. Уговорю, обязательно уговорю. В конце концов пообещаю довести до Лондона на машине. Рухну на колени, разыграю сцену, взмолюсь, застучу лбом по паркету - не откажет он мне в день помолвки.

Базилио, положив глаз на бутылку "гленливета", который я, увы, не трогал, к концу банкета надрался as a lord⁸⁰ и надувал щеки, выпуская мерзкий едкий дым сигариллы.

После кофе, захватив со стола "гленливет", оставшийся после пиршества Базилио

(моветон, но не пропадать же добру), и, подав руку ослепительной Кэти, я вышел из-за стола, и мы торжественно прошествовали к "газели".

Базилио и Алиса, помахав нам руками (сестрица придерживала папашу, наступавшего себе на хвост), направились домой, а наша тройка покатила к причалу, где, слегка покачиваясь на темной воде, белела "Грациозная".

Я пропустил Кэти и Юджина вперед и на минуту задержался в машине, переложив из атташе-кейса в карман "беретту" и аэрозоль с газом. Черт побери, как бы брызги не попали и мне в нос, такие случаи бывали, поэтому стоит подстраховаться, прикрыть другою рукою нос и рот, лучше всего платком. Где он? Платок, как ни странно, находился на месте и ностальгически пах "шипром". Именно "шипром" пахло от Алекса, когда он повел Римму в загс, - даже подергала ноздрями тетя в очках, сидевшая за столом; Римма стеснялась, что на ней потертый котик, что ж, теперь у нее две норки! И так, платок на месте. Впрочем, не надо спешить. Возможно, Юджин легко согласится на поездку в Кале. Стоит хорошенько его попросить. Так, как умеешь только ты, Алекс. Если откажется категорически, заманить в малый отсек (спальню), дальше уже ясно...

Мысли упрыгивали прочь от операции, скакали взад и вперед, как синицы на ветвях: как там Сережа, хорошо ли начал четверть? Что сейчас делает Чарли? (Опять!) Почему бы не отказаться навсегда от "гленливета" и не перейти на сотерн? Или завести черного бульдога? Три вещи: роща, поросль, подросток. Из леса в бревнах виселицы мосты. Из конопки веревки для захлесток... Наш паровоз, вперед лети!

Кэти и Юджин уже расположились в салоне, сладко пахло от электронной кофеварки, и Юджин даже пошевеливал своим хоботом от удовольствия.

- Выпей что-нибудь покрепче, Алекс, страшно было смотреть, как ты цедил сотерн... словно чашу с ядом! - пошутила Кэти, и мы с Юджином понимающе переглянулись.

- Я предлагаю прошвырнуться в Кале! - заявил я радостно, а сам замер, как перед прыжком с трамплина, даже ноги задрожали от напряжения.

- Чудесно! Только я стану за штурвал! - подхватила Кэти.

Скажи "да", умоляю тебя: скажи "да", умоляю тебя всеми святыми: скажи "да"! Я тебя озолочу, если ты скажешь "да". Боже, Боже, умоляю, прошу тебя, заклинаю: сделай так, чтобы он сказал "да". Я исправлюсь, Боже, я буду другим, я и так стараюсь не делать зла, умоляю тебя, пусть он скажет "да".

- Нет, нет, извините, Алекс, я только на несколько минут, - промолвил негодай, идиот, сукин сын, чтоб твоя могила польною заросла!

Я взял принесенную бутылку "гленливета" и увидел, что у меня дрожит рука, - Юджин это заметил, но тактично сделал вид, что рассматривает свои обкусанные ногти.

- Черт побери, пора завязывать, вчера я дико надрался - и вот результат! - Я растопырил дрожащие пальцы и показал Юджину.

- Так завяжите на полгода, а потом посмотрите, что из этого получится...

- Пожалуй, я так и сделаю... с сегодняшнего дня... спасибо за совет! - Хотелось, конечно, рвануть, но сначала дело, а потом кайф, как говорил король Ричард, прирезав брата и собираясь придушить его младенцев.

- А вы что не пьете?

- Не хочется... - ласково ответил он.

- А я думал, что вы... помните?

⁸⁰ "Как лорд", по-мекленбургски - "как свинья" - яркое свидетельство разницы классовых подходов.

И вдруг скрутила меня судорога смеха, не знаю почему, но я гомерически захохотал, не в силах удержать себя в руках, и хохотал бы до полной истерики, если бы не закашлялся. Кэти всплеснула руками и стала больно колотить меня по спине.

- Я знаю, почему вы смеетесь, - сказал Юджин, дружелюбно улыбаясь.

- Почему? - продолжал давиться я, чувствуя, как позорно из курносого носа, словно с горных вершин, текут бурные ручьи.

- Вы вспомнили, как я пил с одним человеком перед своей прогулкой в Хельсинки. Правда, тогда мы пили коньяк...

Значит, мы все время думали об одном и том же, значит, он подозревал меня! Зачем же ты попер на яхту, дурак? Зачем согласился ехать в Брайтон, дубина ты стоеросовая?! Или тянула, словно пропасть, опасность, когда прешь на рожон и не веришь внутреннему голосу? Хотелось верить людям, да? Почему так устроена душа?

- Но мы будем пить из одной бутылки... - Я все кашлял.

- Тогда мы с ним тоже пили из одной бутылки... - Он подхохотывал.

- Но из этой бутылки уже пил папа, - не унимался я.

- Вот он и пошел спать... Впрочем, прошу прощения за черный английский юмор!⁸¹ - Юджин улыбнулся.

А я никак не мог сдвинуть себя с мертвой точки, время, как назло, растягивалось и удлиннялось, а на самом деле его уже не оставалось, и Юджин заерзал в кресле, нацеливаясь на выход.

Я ощущал аэрозоль и встал. В спальню. "В голубой далекой спальне твоего ребенка опочил", - пел когда-то Вертинский, я его еще застал, видел на сцене, не понимая, зачем он двигает руками, как лебедь крыльями.

- Юджин, вы видели нашу спальню? Она, конечно, невелика и чем-то напоминает шалаш для влюбленных... Прошу вас! - И я указал рукой на соседний отсек со щедростью хозяина, готового пожертвовать всем для дорогого гостя.

- Что там смотреть? - возразила Кэти.

- Мы там выпьем тайно от тебя... - молот я что придет в голову, - выпьем немного "гленливета", - Я не слышал, что говорил.

Юджин встал и двинулся к спальне, я пошел за ним, держа в кармане аэрозоль. Только не забыть вынуть платок, обязательно вынуть платок, нажать на кнопку, закрыть нос и рот, обязательно задержать дыхание хотя бы секунд на десять или сразу же выйти из комнаты...

- Добрый вечер, леди и джентльмены! Наконец-то я вас разыскал!

На лестнице, ведущей вниз с палубы, стоял полноватый джентльмен с букетом белых роз.

⁸¹ Истинно черный юмор обитает не в Англии, а в Мекленбурге: "Голые бабы по небу летят - в баню попал реактивный снаряд".

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

О ПРЕЛЕСТЯХ МОРСКИХ ПРОГУЛОК, КРЕПОСТИ БУТЫЛОЧНОГО СТЕКЛА, БРЫЗГАХ КРОВИ И ФОРС-МАЖОРНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Товарищи, кольцо сомкнулось уже! Кто верит нам, беритесь за оружие! Дом горит, дом горит! Братец, весь в огне дом, Брось горшок с обедом! До жранья ль, товарищ? Гибнет кров родимый! Эй, набат, гуди, мой!

"Известия", июнь 1919 г.

- Его превосходительство губернатор штата Канзас Рэй Хилсмен! - не растерялся я, хотя казалось, что сейчас на моих твердых руках загремят наручники.

Все кончено, finita la comedia, Алик, кранты, твоя песенка спета. А что, собственно, кончено? Что, простите, произошло? Все нормально, все о'кей, просто честный стукач ЦРУ Алекс расслабляется на яхте в компании с драгоценной невестой и не менее драгоценным соотечественником. Вот и все, леди и джентльмены. И спокойной ночи, леди, спокойной ночи, милые леди, спокойной ночи, спокойной ночи. Четвертый акт "Гамлета". Во всяком случае, смертоубийственная операция с прогулкой в Кале накрылась, это ясно. И слава Богу! Значит, Он все-таки есть, Он прислушался ко мне, Он внял моим мольбам. Он существует и спасает меня.

И я почувствовал радостное облегчение, стыдно сказать, счастье охватило меня, горло сжалось от волнения, хотелось взлететь на ангельских крыльях, парить в воздухе, кувыраться и бездумно смеяться, плюнув на Великое Дело, на Кадры, на Бритую Голову и на весь свет. И проделал бы мелкая душонка Алекс все эти мерзкие сальто-мортале, если бы не жгла мысль: зачем приехал Рэй? Или Юджин был под наружкой и они засекли мой визит? Миниатюрный компьютер, заделанный в волшебный череп любителя лучшего в мире одеколona "Шипр", мгновенно проиграл все варианты и не нашел серьезного повода для беспокойства.

- Оказывается, у вас была помолвка... я хочу вас поздравить... - Рэй протянул чуть мокроватые, будто только что срезанные с куста, белые розы и церемонно поцеловал руку Кэти. "Roses blue and roses white plucked I for my love's delight"⁸², - пропело в моих полushариях и уже не отпускало до самой ночи.

- Извините, Алекс, что я вас потревожил. Возникло чрезвычайно срочное дело. Дома вас не было, и я резонно решил, что вы уехали в Брайтон - ведь у вас тут родственники. Как видите, я не ошибся.

- Как вы меня разыскали?

- С огромным трудом. Сначала звонил по телефону полковнику Ноттингему, но его не застал. Тогда решил ехать прямо в Брайтон, и на этот раз полковник оказался дома... Он мне дал все ваши координаты.

Штатники пронюхали о планах Центра. Генри и Жаклин явились с повинной. Болонья и Пасечник наломали дров. Выдан план операции с Юджином или вся "Бемоль". Думай,

⁸² "Голубые и белые розы собирал я на радость своей возлюбленной" - черт знает, где я подцепил эти строчки и почему они вдруг всплыли в памяти.

Алекс, думай своей тыквой, только помни, что у страха глаза велики.

Я налил Хилсмену "гленливета" (пусть лишний раз узнает, что пьют приличные люди), и он погрузился в бокал с беспечностью человека, который явно не собирался меня арестовывать.

Шифровка, как чеканные строчки гениальной поэмы, сама собой сложилась в драгоценной голове, перечеркнутой белой молнией:

"Согласно вашим указаниям мною была начата известная вам операция в отношении "Конта". Удалось пригласить его на яхту и создать условия для отбытия в Кале⁸³. Однако перед самым отплытием к нам неожиданно прибыл "Фред", и в этих обстоятельствах я счел целесообразным перенести мероприятие на другой срок. Том"⁸⁴.

И операция спокойно умерла, сыграли ей марш фюнебр Шопена, чуть покадили, окропили "гленливетом", и жизнь побежала дальше, как резвая лошадка, – шагай вперед, веселый робот!

Я исхитрился, ухватил момент и набормотал Кэти о великих достоинствах доброго волшебника Гудвина из Канзаса, своего партнера по бизнесу и отличного парня, на которого можно положиться. Кэти, однако, не вспыхнула от радости и не облилась слезами от счастья: она относилась к расе неисправимых хамов, которые в свое время по-бандитски откололись от Британской империи, наплевали в душу своим и искорежили великий английский язык мерзким акцентом.

- Мы могли бы поговорить наедине? – шепотом спросил Хилсмен.

Я взглянул на Юджина, который безмятежно ворковал с Кэти, не подозревая, что милостивая судьба отвела топор от его шеи, и, наверное, радуясь, что теперь не нужно тащиться одному в поезде: Рэй, как все американцы, не отрывается от машины и подбросит его до Лондона. Вряд ли Рэй пропустил мимо внимания наш совместный вояж – в оперативной практике дружеские контакты агентов нежелательны и, во всяком случае, должны иметь санкцию начальства. Я, естественно, скажу, что звонил Рэю, хотел пригласить его на помолвку, не мог дозвониться, страшно расстроился из-за этого...

- Кэти, а куда запропастилась морская карта? Она лежала тут на столе... (Проходной цирковой номер Алекса на тройку с плюсом.)

- Ты, наверное, оставил ее в ангаре, – так она называла наш отсек в удлиненном помещении на берегу, куда яхтсмены в непогоду затаскивали небольшие яхты, а Кэти хранила разную утварь.

- Не хотите ли прогуляться со мною, Рэй? Я покажу наш ангар и заодно достану еще бутылку "гленливета" – у меня там тайный погребок. Когда Кэти меня выгонит, я собираюсь там жить. Что может быть лучше жизни на берегу моря! Целебный воздух, купание по утрам, шелест волн...

Мы выбрались из яхты и расслабленно, как два гуляющих старца-долгожителя, двинулись вверх, к строению.

- Чрезвычайное происшествие, Алекс! Ваши мальчики привезли сегодня утром два ящика на машинах, а потом на велосипедах довели до тайников. Вели они себя спокойно и

уверенно, не подозревая, что за ними следят. Мы обложили все место по первому классу, пришлось подключить к работе англичан... Затем они смылись на корабль, нас они больше не интересовали. Стали ждать ирландцев, ждали час, два, пять часов, но за ящиками никто не явился... – Хилсмен говорил таким укоризненным тоном, словно в непунктуальности террористов виноват был я.

- Может, ирландцы заметили наружку и отказались от операции?

- Исключено. Все организовано на самом высоком уровне, комар носа не подточит.

- Надо ждать, Рэй, другого выхода нет... Может, их планы изменились.

- Дело в том, что произошла накладка. Англичане, которых мы привлекли к операции, решили вскрыть один ящик. Мы не могли проводить операцию без них, ибо дела с оружием подпадают под законы Соединенного Королевства. Но они, оказывается, получили приказ премьер-министра... Через два дня в парламенте намечены дебаты о борьбе с терроризмом.

- Ну и что? Вскрыли?

- В ящике оказалось не оружие, а разный железный хлам! Вы поняли, в чем дело?

- Ничего не понял. – Сразу до меня, как ни странно, не дошло.

- Вся эта операция с ирландцами придумана Центром для вашей проверки, Алекс. Оба ящика – проверочные контейнеры. Они химически обработаны, и уже никак не показать, что они не вскрывались. Ирландцы – это "липа" Центра, вам тоже не даны указания о вскрытии. Кто же это сделал? Ясно, что спецслужба. Откуда узнали о тайниках и операции? Только от вас!

Напрасно разжевывал волшебник Гудвин, все я уже усек, блестяще сработали ребята: я-то, дурак, думал, что это всего лишь "красная селедка", чтобы отвлечь от путешествия с Юджином, а на самом деле Центр смотрел гораздо дальше и глубже, и меня "провалил", показав американцам, что не верит мне ни на йоту, что, естественно, укрепляло доверие ко мне американцев.

- Итак, вы сгорели, Алекс, и теперь не придется играть с Центром в "кошки-мышки".

- Он все разжевывал мне очевидное. – Какие идиоты эти англичане! Я так уговаривал их не вскрывать ящик и подождать хотя бы пару дней. Правда, мы все равно бы вскрыли их рано или поздно.

- Что же будем делать дальше?

- Я связался сегодня с директором в Лэнгли, и мы пришли к общему заключению, что пора свернуть игру с Центром и максимально использовать ваше дело в политическом плане. Завтра же мы дадим сообщение в прессу о вашем разрыве с тоталитарным режимом и о просьбе политического убежища в США. Через месяц организуем пресс-конференцию... надеюсь, вы сможете задать хорошую публичную трепку вашей организации по конкретным пунктам, включая связь с ирландскими террористами. Нужны тезисы вашего выступления, я, конечно, понимаю, что у вас помолвка, но просил бы сейчас же выехать со мной в Лондон: директор хочет говорить с вами по телефону. – В голосе Хилсмена звучали хозяйские нотки, словно свободолюбивый Алекс уже стал вилкой или ложкой в огромном црувском буфете.

- Надо хорошо все обдумать... Такого поворота я не ожидал.

Мой завал, конечно, сделали красиво, но не покидало меня ощущение, что в этом деле одна рука не ведала, что творит другая: как можно совместить приказ о вывозе Юджина в Кале и смелое, даже изящное укрепление моих позиций в ЦРУ с помощью "разоблачения"?

⁸³ Мне нравилось писать а la Чижик, так звучало торжественней и ласкало уши Центра.

⁸⁴ Полная туфта! Какой мог быть другой срок? Повторить операцию я уже не мог, но требовалось показать Центру, что я полон решимости выполнить Высочайшую Волю. О Бритая Голова!

Последнее явно встраивалось в "Бемоль" и подталкивало меня ближе к Крысе. Пресс-конференция, гласность, возможно, зачисление в вожаемое ЦРУ на штатную должность, после всего этого доверие ко мне повышалось - ведь любой двойник всегда под сомнением. Конечно, надо немедленно ехать в Лондон и бодрым голосом сообщить о своем решении лопавшемуся от счастья директору.

И вдруг затаившийся в ребрах хриплый внутренний голос залопотал: ты на грани гибели, Алекс, не связывайся ни с пресс-конференцией, ни с политическим убежищем! Погубят тебя, Алекс, запутают, затянут в сети! И тут целая толпа: оскорбленная Кэти, сумасшедший Генри с браунингом в одной руке и своей профурсеткой - в другой, шуршащий Болозня, Пасечник с зернистой икрой, обманутый Юджин, разъяренные кот Базилио и лиса Алиса и даже строгая миссис Лейн с еще более строгим сеттером - вся эта толпа вдруг понеслась на меня, грозя кулаками и свистя. Беги, Алик, беги, пока тебе не оторвали голову, беги, пока не поздно.

- Что мы будем делать с Генри и Жаклин? - спросил я.

- Пока я не думал об этом. Все будет зависеть от вас, никаких документальных улик против них нет. Конечно, нам очень выгоден большой процесс о шпионаже Мекленбурга. Уверю, что ваши бывшие коллеги подожмут хвост на несколько лет!

Я представил себя в сером костюме в белую полоску, толкающего покаянную речь в суде, с омерзительной рожей тычущего пальцем в Генри и Жаклин, сидящих на скамье подсудимых, - и комок тошноты подкатил к горлу. Веселенькая перспектива, ничего не скажешь, хватит рисковать, Алекс, подумай о своей драгоценной жизни, единственной и неповторимой, которую надо прожить так, чтобы не было... Хватит рисковать! Тебя уже несколько раз чуть не убили, какого черта играть с огнем? Вот они, два края, и ты, мечущийся между ними: на одной стороне самоличны приказ Бритой Головы об "эксе"⁸⁵ в отношении Юджина, на другой - маневр Центра с провалом, о чем, кстати, тебя никто не предупреждал. Камо грядеши, Алекс? Делай выбор, хотя и там, и тут сплошная мерзость, думай, Алик, не трухай, но и не забывай о главном - о своем долге. У тебя есть твердое указание Центра, разве ты уже не следовал за Юджином, сжимая взмокшей рукой баллончик аэрозоля? Решай, Алекс, не плавай, как дерьмо в проруби... Я сунул руку в карман за ключом и наткнулся на "беретту" - словно электричеством обожгло пальцы. Мы подходили к ангару, действуй, жалкая тряпка, слюняй, сопля! "Roses blue and roses white plucked I for my love's delight".

И грянул марш "День Победы", гремевший однажды на юбилее Челюсти в специальном зале ресторана. Певец в поношенном фраке пел тогда, выкатив грудь, прямо перед очами Николая Ивановича: "День Победы порохом пропах, День Победы сединою на висках", и юбиляр, который во время войны только пошел в школу, хмурил лоб и вздыхал, скромно опустив голову, словно вспоминал трудные дни, когда он и другие герои спасали Мекленбург и весь мир от коричневой чумы.

⁸⁵ "Эксами" до мекленбургской революции деликатно называли экспроприации собственности, а точнее, вооруженные налеты на почтовые поезда с деньгами, взрывы и ограбления банков, столь необходимые для жизнедеятельности руководящего ядра во главе с Учителем в целебной Швейцарии и других жемчужинах обреченного капитализма. После революции "эксами" стали называть любые острые мероприятия, включая удушение подтяжками, выстрел в затылок или увоз с кляпом во рту из Рио-де-Жанейро, где все ходят в белых штанах, в родимый Мекленбург для свершения справедливого пролетарского суда.

Марш оглушал меня, перемешиваясь со строчками о голубых и белых розах, я снял навесной замок и пропустил Хилсмена вперед.

- Посмотрите, какой уютный склад, Рэй,.. - И почему-то вспомнил дядьку, скомандовавшего взводу "Вперед!" и первым прыгнувшего со второго этажа семинарии (большинство поломали ноги, двое испугались, не прыгнули и были отчислены дядькой, а сам он схватил выговор за авантюризм в работе с кадрами).

Я ударил его по затылку рукояткой "беретты" - шмяк! - прикоснулся не сильно, как учили, но вполне достаточно, чтобы он кулем опустился на пол.

Рамону Меркадеру, когда-то проводившему "экс", было гораздо проще: он бил Троцкого альпийской киркой сверху вниз, а мне пришлось чуть встать на цыпочки и откинуться назад, чтобы замахнутья. *Прости мне, Господи, грехи мои. Прости мне, Господи. Вы слышали, что сказано древним: "не убивай": кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: "рака", подлежит синедриону, а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной. Прости, Господи.*

Ноги Рэя с задранными брюками нелепо высывались из двери, и мне пришлось втащить его поглубже в помещение. Он застонал - прости меня, Господи, и спасибо Тебе, что он жив, - я достал баллон с аэрозолем и шуганул ему в нос сильную струю. Он снова застонал, глубоко вздохнул и погрузился в здоровый сон канзасского фермера - надолго, но не навсегда.

Я осторожно затворил дверь и повесил замок. Если лошадь украдена, слишком поздно запираешь дверь конюшни. Назад пути нет, мосты сожжены, наш паровоз летит вперед.

Глубоко вдохнув пропавший водородными воздух, я зашагал к яхте. День Победы сединою на висках...

- А где Рэй? Что-нибудь случилось? - дрогнувшим голосом спросила Кэти. - Что с тобой? На тебе лица нет!

- Кое-какие неприятности в Лондоне. Рэй пошел звонить по телефону, сейчас он вернется.

- Надеюсь, ничего серьезного? - вытянул свой носик Юджин, словно приносиваясь.

- Мелочи жизни... - Философ и гуру Алекс ободряюще улыбнулся Кэти и пригласил пробор, наверное, так выглядел принц Гамлет после того, как пронзил шпагой Полония.

Марш играл и играл, голова моя и руки двигались по каким-то особым, им одним ведомым траекториям, словно меня, как куклу, дергали за ниточки - да это Маня подключился к игре и улыбался детской улыбкой, почесывая "ежик", а рядом Бритая Голова в простыне (баня или гарем?) и аскетичный Сам с томиком своих собственных гениальных стихов - все дергают за ниточки, играют в любимого оловянного солдатика... Теперь начнем все сначала: "Посмотрите, Юджин, какую мы устроили спаленку..." Начнем сначала, как на репетиции. Вспомни, как в семинарии ты с Чижиком играл "Идеального мужа", повторяли по несколько раз, и все во имя чистого отшлифованного английского языка.

Леди Чилтерн (я): Нет, Роберт, никогда.

Сэр Роберт Чилтерн - Чижик (с грустью): А твои честолюбивые мечты? Ведь ты мечтала об успехе - для меня?

Чижик все время забывал последнюю фразу, и я снова начинал: "Нет, Роберт, никогда!"

Прости меня, Господи, но ты сам покарал Иуду, а любой предатель - Иуда, чем бы он ни оправдывался. Самое главное - вовремя закрыть нос платком, руку вытянуть до отказа и для страховки чуть отвернуть лицо.

- Посмотрите, Юджин, какую мы устроили спальню...

Он открыл дверь и вошел.

В голове моей "День Победы сединою на висках" врывался в "roses blue and roses white", одна рука сжимала в кармане баллон, а дура-другая сама по себе ухватила со стола остатки "гленливета" (хотелось хлебнуть, вот он, проклятый алкашизм!) - так я и застыл с занятыми руками и только тогда вспомнил о платке - что делать? - и, не успев пожалеть о третьей руке, бухнул его по голове "гленливетом" - не засыпать же нам от газа, мучаясь в объятиях друг друга!

Бутылка разлетелась на кусочки, виски и кровь обрызгали мне лицо и потекли за шиворот. Юджин рухнул головою вперед, задев руками лампу. Господи, прости меня, грешного, прости!

Пришел я в себя лишь от пронзительного крика Кэти, трясшей меня сзади за плечо.

- Полиция! - Она зывала то ли в никуда, то ли ко мне, то ли к морскому царю, мягко раскачивающему нашу шикарную посудину.

- Кэти! - Я достал злополучный платок и вытер им лицо и шею, использовал все-таки, хоть и не по задумке. - Кэти, не кричи, я должен тебе рассказать кое-что. Это очень, очень важно. Это касается не только нас с тобой, но и всего Соединенного Королевства (хотел добавить "и всего мира").

В глазах Кэти застыл такой ужас, словно перед ней трепыхалась многоголовая гидра, она не слышала меня, и я прижал ее к себе.

Полная чепуха, что лучшие шпионы - это священники и женщины. Насчет Несостоявшегося Ксендза, быть может, это и правда, но у женщин всегда сдают нервы и слишком развита чувствительность, они эмоциональны, и от этого одни беды, знал я одну - конь в юбке, - и то ухитрилась вторгнуться во французского резидента, выдала все с потрохами, разворошила весь муравейник, потом раскаялась и сиганула с моста в Сену. Она была сильнее многих, целую сеть сплела из своих любовников, пока не зацапал ее Эрос.

- Я люблю тебя, Кэти, - шептал я, поглаживая ее, как перепуганную кошку, - люблю, люблю, люблю, ты у меня самая нежная, самая красивая, самая умная, я жить не могу без тебя, моя милая, моя любовь, моя судьба, успокойся, ничего не произошло, все будет в порядке, я все объясню, только не нервничай, моя дорогая, моя самая любимая, ну что ты испугалась? Я же люблю тебя, люблю, люблю...

Заклинания мои по своей бессвязности напоминали письма одной прекрасной дамы к Совести Эпохи, наградившего ее, то бишь даму, "сифоном", который он сам подцепил совершенно случайно во время поездки на грузовике (роман Совести с девицей шофером был посильнее, чем в "Фаусте" Гете⁸⁶ или соблазнение Джакомо Казановой старой вдовы, пожелавшей вновь родиться мальчиком). Совесть обнаружил беду с опозданием, из честности и порядочности сообщил имена всех своих привязанностей требовательной

медицинской службе (имени у девицы-шофера он не успел спросить), прекрасную даму вместе с мужем поставили на учет, но она все вытерпела, все приняла, как должное, все снесла, только в горящую избу не успела войти, и каждый день летели Совести сумбурные письма с "люблю, люблю, люблю", он читал мне их вслух, попивая водку, оставляющую размазанные пятна на тексте, и говорил: "Учись, Алик, учись! Постигай, что такое настоящий мужчина, что такое настоящая любовь!"

Я целовал ее лицо и плечи, я ласково прижимал ее к себе (серое атласное платье тут же покрылось кровавыми пятнами) и не мог оторваться, дьявол подталкивал меня к постели... Мы аккуратно обошли безжизненное тело Юджина и быстро, как изголодавшиеся коты, довели помолвку до логического конца, или, по Шакеспеару, "made a beast with two backs" - "сделали одного зверя с двумя спинами".

"О карамба, я еще опишу все это, - думал я, целуя ее и тоскуя, - мир еще узнает, что такое разведка, где долг, любовь, виски и кровь смешаны воедино, мир еще узнает, я вздымусь со дна подводного царства тайной войны, я выплыву оттуда, весь залепленный ракушками и водорослями, и поведаю миру об этом! Все поры души, годами придавленные конспирацией, задушенные и изведенные, вдруг раскроются, как белые цветки, и сорвет взбунтовавшийся Алекс сургучную печать со своего измученного молчанием рта, главное - успеть до цирроза, до инфаркта, до паралича".

- Слушай меня внимательно, Кэти. Я давно собирался тебе об этом сказать, но тогда мы еще не были так близки, как сейчас... Ты любишь меня?

- Да, да! - шептала она.

- Так слушай и не удивляйся. Ты была права: я плохо разбираюсь в торговле, папа правильно угадал... Не удивляйся, Кэти, но я работаю в разведке.

- Я так и думала! - И она прижалась ко мне еще крепче. - Я люблю тебя, Алекс!

- И я тоже, - сказал я. - Я очень, очень тебя люблю, Кэти. Я не могу без тебя, и я счастлив, что мы повенчались. Я всегда буду с тобой, Кэти, - жужжал я, уже сам поверив в это.

- Да, да, - шептала она, словно боясь разбудить окровавленного Юджина. - Да, да...

- Ты даже не спрашиваешь, в какой разведке я работаю... Она словно очнулась после летаргического сна.

- То есть как? Разве не в Секрет Интеллидженс Сервис? - Вот таким патриотом я выглядел в ее глазах! О женщины! Глупые птички головки, ничтожество вам имя, доверчивые щенята - вот вы кто!

- Конечно. В Секрет Интеллидженс Сервис, в четвертом бюро по иностранным операциям. - Нес я всю эту муру, прекрасно зная, что широкой публике так заморочили голову байками о шпионаже, что чем больше идиотски-сложных названий, тем глубже доверие. - Кэти, нам срочно нужно плыть в Кале, за мной погоня... меня об этом предупредил Рэй... положение очень сложное.

- А Юджин? Зачем ты это сделал? Она уже совсем очнулась и с ужасом смотрела на распростертое тело Юджина.

- Юджин - агент враждебной службы, он заслан сюда с подрывными целями... он пытался меня отравить. Рэй поручил доставить его в Кале, там его ждут наши французские

⁸⁶ "Эта штука посильнее, чем "Фауст" Гете", - сказали Усы о "Девушке и Смерти" Буревестника, "тут любовь побеждает смерть, а не наоборот". Видимо, эта мысль озарила Усы после того, как он довел до самоубийства (если не убил сам) свою жену.

коллеги - до этого он совершил преступление в Гавре⁸⁷.

- Может быть, вызвать полицию?

О, это вечно, чисто западное уважение к Закону, эта слепая вера в его неизбежность и правоту, полное непонимание норм кристально чистой пролетарской Морали - единственной судьи всех и вся. Яхту покачивало, набережная Брайтона сияла огнями, времени было в обрез - за работу, шпион, и горн, и барабаны, барабаны, барабаны!

- Не беспокойся, Кэти, с полицией все согласовано, сейчас мы приведем его в порядок... - Я тронул Юджина рукой, и он застонал. - Видишь, он жив, не волнуйся, Кэти. Где у тебя бинт? Скажи, где бинт, я перевяжу его сам, а ты включай мотор и становись к штурвалу! Только быстро, нельзя терять ни минуты!

Она убежала на палубу, мотор вздохнул, мягко взял первые обороты, и мы отчалили, освещая темнеющие дали прожектором, которому помогала несколько мрачноватая луна.

Я перевязал голову Юджина - в бинтах он выглядел как Дед Мороз на даче у Большой Земли, к снежной физиономии которого присобачили неестественно огромный красный нос. (Я вспомнил, как целовал Римму в снегу.) Я оттер его рубильник от крови, вытер все лицо тем самым пресловутым платком, о котором забыл в критический момент, что, собственно, и привело к кровопролитию, с трудом перетащил на ложе, снял забрызганный кровью костюм и рубашку, перекрутил ему руки веревкой и привязал к кровати.

Все его испачканные вещи вместе со своим любимым костюмом я завернул в простыню, привязал к тюку якорь и выбросил в морские глубины на радость Нептуну и золотым рыбкам. На яхте находились кое-какие шмотки, я быстро переоделся и принес Юджину спортивный костюм.

- Какая вы все-таки сволочь!⁸⁸ - сказал он вдруг тихо. - Я предполагал, что вы сволочь, но не думал, что до такой степени. Дайте мне что-нибудь от головы...

Я достал таблетки.

- И воды!

Я положил ему таблетку на язык, приподнял голову и поднес стакан к губам - просто брат милосердия, спасающий ближнего и кормящий его своей собственной грудью.

- Какой я дурак! - вздохнул он. - Тюфяк! Я всегда подозревал вас, но потом перестал. И вот результат: попался как кур в ощи! Но я не думал, что вы такой негодяй, чтобы делать все это в день помолвки. Что вы сделали с Рэем? Убили?

- Что за ерунда! И вообще это вас совершенно не касается. Лежите себе спокойно.

- А ведь я вам поверил... Я действительно поверил, что вы порвали с Мекленбургом. Дурак я все-таки, ужасный дурак! - причитал он.

Яхта уже набрала скорость, за иллюминаторами свистел ветер, Хилсмен мирно храпел в ангаре на берегу, Базилио и Алиса, видимо, обсуждали мой переход на сотери как добрый знак на пути к полному семейному счастью и радовались за Кэти, неизвестный Летучий Голландец, на котором собирались ласково побеседовать с Юджином, уже,

⁸⁷ В Гавре, в Рио-де-Жанейро, в пустыне Сахара, на памятнике виконту де Бражелону, на крыше - все легко сходило с рук: и красная опасность, и рука Меклен-бурга давно вошли в кровь и плоть англосаксов, все это постоянно подогревалось и прессой, и контрразведкой. Впрочем, под родными осинами ребята тоже не лыком были шиты и умело надували пузыри о западных происках.

⁸⁸ Тут он не ошибся. Правда, у меня тоже были некоторые претензии, когда он зажал мне нос тряпкой в Каире.

наверное, бросил якорь в Кале, и на все это щедро выливала свой мутноватый свет маячившая над нами луна.

- Вы еще пожалеете об этом, Алекс... Вы еще пожалеете! Зачем вы это делаете? Вы даже не представляете, какую роль вы играете... Вы же пешка в чужих руках... Сука ты последняя, - перешел он на более эмоциональный сленг, - сука ты, вот ты кто!

Я вышел на палубу, подошел к Кэти сзади и нежно поцеловал ее в шею.

- Как Юджин? - деловито спросила моя боевая подруга, прижимаясь ко мне спиной, видимо, в ней проснулась душа полковника Лоуренса, спасающего Британскую Империю от происков турок.

- Он пришел в себя, все в порядке. Тебе не холодно? - Заботлив я был до приторности, самому стало противно.

- Постой немного у штурвала, я достану меховую куртку.

Я гляделся в непроходимую тьму, слегка просвеченную головным прожектором яхты, и прибавил ходу - вдали мельтешили пляшущие огоньки французского берега, по времени мы вполне укладывались в железные указания Бритой Головы. Точность Алекса высоко ценилась в Монастыре, точность всегда была культом: перед началом совещания Маня многозначительно смотрел на часы, а опоздавших обливал таким ледяным презрением, что они проходили на цыпочках и боялись громыхнуть стулом. Правда, как всегда в Мекленбурге, за точностью следовала безалаберная говорильня, не ограниченная никаким регламентом, которую Маня - отдадим ему должное - увенчивал неким пространственным резюме (он говорил "резюме"), лишь отдаленно связанным с предметом дискуссии.

Через несколько минут Кэти вернулась, переодевшись в куртку и исторические ботфорты, перевернувшие мозги баловня лондонских клубов.

- Юджин говорит, что ты мекленбургский шпион и получил задание вывезти его из Англии. - Глаза ее смотрели настороженно, - Между прочим, папа тоже считал, что ты мекленбургский шпион!⁸⁹

- Леопард не может сменить своих пятен (у нас это переводится вроде как "горбатого могила исправит", ужасно просто с этими переводами!). Ты его больше слушай, он может наговорить с три короба! Ему лишь бы спасти свою шкуру! Если хочешь, спроси у него об ирландцах, с которыми он взрывал пластиковые бомбы в Лондоне, - эти акции вызывали ненависть у всех англичан.

- Значит, он связан с террористами! - Кажется, Кэти совсем выплыла из транса и на глазах превращалась в знакомую следовательшу с перхотью на плечах, которая в свое время выжимала из меня все соки,

Я еще раз поцеловал ее в шею. На этот раз спина ко мне не подалась и словно затвердела - кровь, видимо, отлила к милой головке, - ищeyка мчалась вперед, вертя черной пуговой носа, все остальное ей было до фени.

Я поспешил вернуться в спальню.

- Что вы там болтаете. Юджин? Хотите испортить со мною отношения?

- Какая вы сволочь, Алекс! - Видно, ничего свежее и оригинальнее не приходило ему больше в забинтованную башку.

- Давайте смотреть на вещи трезво, Юджин. Я ничего не имею против вас, вы мне

⁸⁹ Старый козел!

даже симпатичны... но вы же не дошкольник. У меня есть задание. Оно очень просто: вывезти вас на беседу в порт Кале.

- И там прикончить!

- Ничего подобного. Вы сами должны быть заинтересованы в этой беседе... Я не в курсе дела, но предполагаю, что речь пойдет о серьезных вещах. Поверьте, я ваш друг...

- Послушайте. Алекс, не морочьте мне голову. Таких друзей, как вы...

- Хорошо, - я старался говорить спокойно, - но не забывайте, что мы имеем право предъявить вам претензии. По всем канонам и по уголовному кодексу вы являетесь предателем родины!

- Это я-то предатель родины? - вдруг заорал он, - Это ты, сволочь, предатель родины вместе со своими жирными псами! Это вы обобрали народ, довели его до ручки, выпили из него кровь! Я ничего не выдал и никого не предавал!

- Только без эмоций! Взгляните на все разумно, не как человек пишущий, а как профессионал...

Меня его бурные всплески особо не взволновали: к жирным псам я себя не причислял, кровь народную не пил и служил своему народу честно, как солдат. Что было еще делать? Звать Мекленбург к топору? Уже звали и дозволись.

Вся страна от столицы до самых до окраин вкалывала на заводах, поднимала урожай, создавала ракеты и ядерные бомбы, и ничем они не лучше меня, я служил своему народу, и точка. Любое правительство всегда подонки, но не терзает же себя агент ЦРУ из-за того, что президент Никсон - обманщик и интриган, устроивший Уотергейт! Правильное ты делаешь дело. Алекс, великое дело, без темных делишек нельзя, чистоплюям всегда достается за парение в небесах, они проигрывают, а побежденным, как говаривал Бисмарк, победитель оставляет только глаза, чтобы было чем плакать.

- Послушайте, Алекс, будьте благоразумны, отпустите меня. И сами сматывайте удочки, вас же прикончат... я не сомневаюсь... - Тут он уже явно запугивал меня, в борьбе все средства хороши. Впрочем, я и сам догадывался, что старуха смерть гоняется за мною со своей острой косой, глаза он мне не открывал.

- Хватит блефовать. Юджин! Если мне действительно кто-то угрожает, то говорите конкретно и прямо! Что вы все время юлите и недосказываете?

И снова в памяти выплыл сосед по этажу - задницеподобный Виталий Васильевич, который темнил мастерски: "Как чувствует себя Самый-Самый?" - "Чудесно! Даже рюмку иногда пропускает (перепугался, что сказал лишнее)..., когда, конечно, дел нет!" - "А западная пресса пишет, что он тяжело болен!" - "Да что вы! Где вы читали?" - "Да у нас на Севере эти проклятые голоса плохо глушат..." - "Больше их слушайте, они сплетни пускают, лишь бы нам поднагадить..." - "Пишут даже об отставке по состоянию здоровья..." - "Да он на водных лыжах катается! Все решает сам, и знаете, иногда поражаешься, как глубоко смотрит... прямо в корень. Не специалист, казалось бы, а сто очков даст любому специалисту и во внешней политике, и по сельскому хозяйству!"

- Я не могу назвать имя, это опасно и не нужно. Поверьте мне на слово.

- Почему не можете? - Я не слезал с него.

- Вы мне все равно не поверите, решите, что я опять блефую. Зачем вам имя? Хотите выслушать правду? Развяжите меня!

Я снял с него веревки, вынул "беретту" и приказал надеть лежавший рядом

спортивный костюм.

- Валяйте! Рассказывайте! - сказал я и умышленно зевнул, сверкнув белыми зубами. До Кале еще было плыть и плыть. Сейчас он навешает мне на уши, ведь, когда на горло наброшена петля или к сердцу приставлен пистолет, любыми средствами нужно найти выход и улизнуть. Даже архипринципальный Учитель, когда его в 1918 году прихватили на дороге бандиты, не стал с ними спорить и моментально отдал кошелек со златом, что впоследствии возвел в теоретическую мудрость.

- Так слушайте! - начал он. - Короче говоря, меня завербовали, и не какая-нибудь западная разведка, а свои...

- Что-то я не совсем понимаю. Что за ерунда? - Такой фигни я от него не ожидал даже при форс-мажорных обстоятельствах.

- Вербовка была проведена сотрудником Монастыря, одним очень влиятельным человеком. Собственно, это была не официальная вербовка. Он просто привлек меня для выполнения своих личных поручений. Знакомы мы были давно, одно время частенько встречались... Началось это вскоре после моей эпопеи с Карпычем, когда я поступил работать в Монастырь. Он очень часто одалживал мне деньги, правда, я их всегда вовремя отдавал... Тогда я еще был холостяком, жил один, и я ему был нужен, как владелец хаты, куда он водил своих подружек. Однажды я случайно переступил грань... Дело в том, что я собирал самиздат, причем самый что ни на есть политический, в общем, хранил дома небольшую крамольную библиотеку. Однажды по пьянке я разоткровенничался и стал хвастать ею перед своим другом, на следующий день пожалел, но что делать? И эта тайна легла между нами, ни разу мы о ней не говорили, хотя она постоянно витала в воздухе. По работе я подчинялся ему, и вот однажды он мне говорит: "У меня есть очень важное и секретное поручение для тебя, никому об этом говорить не надо, все должно быть сугубо между нами". У меня и мысли не мелькнуло ему отказать, я исходил из того, что выполняю одно из заданий Монастыря, тем более что его просьба оказалась очень простой: передать письмо человеку в широкополой шляпе типа "Генри Стэнли", который сядет на скамейку в одном сквере. Был и пароль. Вскоре последовала другая просьба: отнести пакет по указанному адресу. Дверь мне открыла женщина, довольно хмурая и неприветливая, взяла пакет, поблагодарила и передала для него небольшое письмо в конверте. Откровенно говоря, я не придавал особого значения этим поручениям, воспринимал их, как любой из нас, и не задавал лишних вопросов. А он мне однажды и говорит: "Вот у нас с тобой и появились свои собственные тайны, правда?" О его тайнах в то время я еще не догадывался и принял все на свой счет, то бишь на библиотечку, ведь за хранение запрещенной литературы полагался приличный срок. Целый год я передавал пакеты или контейнеры незнакомым людям и соответственно что-то забирал у них, я был убежден, что он ведет особую работу по линии Монастыря, в этом у меня не было никаких сомнений.

Однажды он вручил мне увесистую пачку денег, и это меня удивило, ведь существовали бухгалтерия и прочие финансовые органы, а тут, как на базаре, - из рук в руки. Но он добавил: "Наша работа носит чрезвычайно секретный характер, и мы нигде не фиксируем ее официально. Этого требует конспирация". Такое объяснение показывало особое доверие ко мне, и я даже возгордился.

Все началось за полгода до моего побега. Поздно вечером я зашел к нему в кабинет без всякого предупреждения, секретарша из приемной уже ушла, дверь я открыл тихо, не

постучался, и он не заметил меня, поскольку весь углубился в работу, сидел над стопкой документов и водил по ним пачкой "Мальборо". Вам, Алекс, не нужно объяснять, вы сами, наверное, не раз пользовались этой мини-камерой, закамуфлированной в пачку, - никаких подозрений, сидишь себе за столом, водишь ею по документам, покуриваешь и делаешь незаметно свое дело. Единственный недостаток заключается в том, что она берет лишь половину обычной страницы, поэтому приходится тратить много времени.

Он поднял голову и увидел меня - ни один мускул не дрогнул на его лице, хотя он сразу оценил всю обстановку. Все же перед ним стоял профессионал, который прекрасно понимал, что в своей собственной стране нет необходимости фотографировать документы таким способом, если не опасаться, что тебя засекут. Документы в сфотографированном виде предназначались для иностранной разведки, в этом у меня уже не было сомнений. Тут же я трезво оценил свои функции связника в его операциях и понял, что он использует меня "втемную" в своих целях. Вы уже наверняка поняли, Алекс, что я человек доверчивый и довольно слабый, что бы вы сделали на моем месте? Явиться с повинной и все рассказать? О самиздате, о работе связником на иностранную разведку? Признание в шпионаже? Думаю, что меня тут же расстреляли бы. Его, конечно, тоже, но ведь от этого не легче. Что оставалось делать? Ничего. Я не подал виду, что заметил "Мальборо", и продолжал выполнять его поручения. И так работал бы на него и до сих пор, если бы он не попытался меня убить. Это он пустил газ у меня на квартире... - И Юджин закашлялся от избытка эмоций.

Крыса! Я вышел на Крысу! Вышел неожиданно, искал в одном месте, а нашел в другом - вечный парадокс разведки. Но может, он врет? Играет ва-банк? Это же в его манере, думай, Алекс, думай! И все-таки ты чертовски удачлив, мой друг: казалось бы, все планы "Бемоли" и поимки хитроумной Крысы разлетелись в прах - все заслонил этот проклятый вывоз Юджина в Кале, перевернул все вверх ногами, - и вот тучи рассеялись, выглянуло солнышко, и обернулась "Бемоль" лебедем и грандиозным успехом, вот она, Крыса, сидит себе, улыбается, шевелит усами, водит "Мальборо" по документам... "Вдруг волшебник, плут отпетый, явился, в пестрый плащ одетый, на дивной дудке марш сыграл и прямо в Везер крыс согнал!"

- Но где доказательства, Юджин? Как можно все это доказать?

- Во-первых, я помню все адреса и тайники, которыми пользовался. Во-вторых, мои показания тоже что-то значат. Наконец, вы представляете себе весь размах утечек в Монастыре? Провалы целых резидентур, появление липовых агентов, которые снабжали нас дезинформацией? Остается только все сопоставить...

Все я представлял, все я понимал, ведь не для забавы вызывали меня на большой ковер и везли прямо с аэродрома по утренней столице в высочайший кабинет, выходящий окнами на памятник неподкупному и железному Несостоявшемуся Ксендзу. Крыса, наконец-то Крыса! Но почему он ходит вокруг да около, как кот вокруг блюдца с горячим молоком, почему не называет имени?

- Договаривайте до конца, Юджин! Имя!

- Этого я не сделаю. Во-первых, вы мне не поверите, свяжитесь с Центром, и это дойдет до него. Но главное не это. Я хочу гарантий. Вы должны меня отпустить. Баш на баш: мне - свобода, а вам - этот предатель. Могу я встать?

- Только не валяйте дурака! - Я легко поиграл "береттой".

Он встал и захромал по спаленке, разминая ноги. Вряд ли он врал, ведь я и сам читал о человеке в шляпе "Генри Стэнли" в его личных бумагах. И поступил он верно: какой же идиот подставляет голову под топор? Конечно, расстреляли бы вместе с Крысой. Хотя...

- Я даю вам слово, что, если вы назовете имя, это вам зачтется. Клянусь честью! - сказал я твердо, даже торжественно, будто объявлял о начале собрания.

Он лишь хмыкнул:

- Бросьте, Алекс, не берите грех на душу! Я еще с ума не сошел, чтобы верить на слово. Да еще когда дело касается Мекленбурга, где все построено на бессовестности! Только баш на баш. Имя я вам сообщу, когда буду на свободе.

- Он часто приходил к вам на квартиру? С кем он был в последний раз? И как вы не заметили, что он открыл конфорки?

Не было у меня следственных навыков, сюда бы сейчас дядьку, который хвастался, что в молодости раскалывал любую контру, одного трудного субчика из антиуасотой оппозиции допрашивал шесть ночей, сам извелся и его довел до ручки, но тот не дрогнул. И тогда дядька сделал ход ферзем: "Если не сознаетесь, то я вас выпущу!" - "То есть как?" - "Выпущу, и ваши арестованные друзья справедливо решат, что это вы их завалили!" И полился из голубчика водопад признаний, ничего не утаил, очень боялся презрения товарищей.

- Споил он меня, поэтому я и не заметил ничего... - бормотал Юджин.

- А с кем он был? - не отставал я.

- С разными... Жратву приносил сдобой из своей кормушки: и кету, и буженину, и разные салами, икру притаскивал, даже сыр рокфор, все аккуратно нарезано, видимо, просил в буфете. И бутылку шампанского, пил он мало... Почти все оставалось, мне на неделю хватало...

- И с кем же он был тогда, когда пустил газ? - Я знал, что лечу в пропасть, но ноги сами тянулись туда, и толкать меня не надо было. - С кем он?..

- С одной рыжей бабой... любительницей Хемингуэя... она не представлялась. Он с ней часто бывал, правда, и других хватало. Однажды я слышал из кухни - они меня туда выставляли, - как она смеется над своим мужем: мол, помешан на кладбищах, готов там дневать и ночевать. Я еще тогда содрогнулся: какой цинизм! А муж-дурак, наверное, ей верит... Впрочем, как писал ваш любимец Шекспир: "Женщине, которая не умеет обмануть своего мужа, не давайте кормить ребенка, ибо такая непременно выкормит дурака".

Много он обо мне наслушался, слишком много, дружок и начальник кое-чем с ним делился, да и сам он ушами не хлопал и много усек, пока они... Молчал, гад, скрывал от меня, пока не приперло...

Я ударил его хуком справа, поддел аперкотом и сбил с ног. "Врешь! Зачем ты, сука, врешь?" - Я бил его ногами, пока он не замолчал.

За что ты лупцевал его, Алекс? Ты же ноги должен ему целовать, памятник при жизни поставить! И тебе поставят, Героя дадут - ты же сам мечтал, что в деревушке, где еще пара старух помнит твоего настоящего отца, установят твой бюст, и приедешь ты туда, и пойдешь, опираясь на палку, по грязной дороге, окруженный любопытствующими ребятишками, а потом сядешь за стол и начнешь рассказывать байки из своей яркой шпионской жизни. Выше нос, Алекс, ты нашел Крысу, ты реализовал операцию "Бемоль", а в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...

Но как простенько и красиво завербовала Крыса этого дурака Юджина! Ведь и тебе, Алекс, приходилось не раз вербовать под флагом чужим: то от имени транснационального концерна, заинтересованного в экономической и политической информации (надо же знать мировую конъюнктуру!), то от лица пацифистов, осуждающих НАТО. Красиво его сделала Крыса, что и говорить! Что ты на него набросился, Алик? Он ни в чем не виноват, он открыл тебе глаза - вот и вся его вина. Боже, кругом идет голова, опомнись, нервы в кулак, пусть старый марш звенит в ушах...

- Вы больны, Алекс? Я не могу поверить, что вы просто дурак! Неужели вы до сих пор думаете, что я все выдумал? - услышал я.

Юджин раскрыл глаза, из его разбитого носа текла кровь, он смотрел на меня со спокойной кротостью, как Христос, прибитый к кресту.

- Простите меня, Юджин. - Жестокий спазм перехватил мне горло. - Я не понимаю, что со мной творится, я болен... простите меня!

Я чуть не наклонился и не поцеловал ему руку, словно священнику, совершенно спятил Алекс, это уж точно, чуть было не ткнулся мокрым носом, совсем зашлись мозги.

Дьявольскими огоньками подмигивали через иллюминаторы ночные звезды, яхта шла полным ходом, ведомая капитаном в ботфортах. Я взял себя в руки, достал злополучный платок, пропитанный кровью и "гленливетом", и вытер глаза. Небольшой пансионат в Монако - вот что нужно, если отказывает психика и вся система разболтана. Утренние терренкуры, грязевые ванны, табу на "гленливет", овсяная каша и молоко по утрам, вечерами рулетка по мелочи, к ней меня редко тянуло - слишком много игры было в бурной жизни.

- Зачем вы везете меня в Кале? - повторил он.

- Для беседы...

- Понятно. Там меня заберут и доставят в Мекленбург.

- С вами поговорят... они, видимо, хотят предложить вам кое-что... если вам дорога семья.

- Слушайте, Алекс, прикончите меня прямо здесь! Умоляю вас! Ведь меня будут мучить...

- Да все будет в порядке... сейчас же не тридцать седьмой! - Я думал о другом.

- Неужели вы думаете, что вас оставят в живых? Не будьте наивны, Алекс, он догадывается, что я вам все рассказал... он держит все дело под контролем... он же не дурак! Сначала кокнет меня, а потом - вас!

В этом у меня не было особых сомнений, и я холодно, словно с бородинского холма, обозрел всю диспозицию. Итак, последняя соломинка переломила спину верблюда, как веревочке ни виться, а конца не миновать, как вор ни ворует, а тюрьмы не минует, я сгорел, комедия окончена, и принцу Гамлету больше не жить в Эльсноре. Хилсмен приходит в сознание, бьет тревогу, подключает Интерпол и французских коллег. Обыск в Хемстеде (никаких улик, все в тайниках), перепуганная миссис Лейн у подъезда, медленная смерть несчастного Чарли, оставшегося без пищи, прощайте, могилы королей, прощайте, Вестминстерское аббатство, Шерлок Холмс, пиво "Гиннес" и газовые фонари, я унесу с собой ваше тепло.

Конечно, я отвык от Мекленбурга, но я не разлюбил его, я - частица его плоти... В Кале нас ожидает судно, на которое забирают Юджина. Нет, не забирают, я постараюсь

выпустить его на свободу. Хватит лить кровь и крутить мясорубку, Алекс, ты создан для наслаждений, для звуков сладких и молитв. Ты отпустишь Юджина, иначе накажет тебя Бог, не гневи Его. Центру объяснишь, что он ухитрился выпрыгнуть с яхты и исчез, возможно, утонул. Что дальше? Срочно вылететь в Мекленбург. Опасно: Хилсмен и К° расставят сети, аэродромы контролировать легко. Поездом или авто проще, но долго, изведешься, пока доберешься до дома. Что мне грозит, если, выпустив Юджина, я рву на пароход к своим? Вряд ли Крысе известно о моих перипетиях в Брайтоне и на яхте, и глупо меня ликвидировать, оставив на свободе Юджина. К тому же Крыса далеко-далеко, туда мне дойти нелегко (а до смерти четыре шага), развалился, наверное, в кресле и читает свежую "Истину", купленную в киоске на Мосту Кузнецов, по которому он продолжает ходить пешком - не любит, чтобы его подвозили прямо к парадному подъезду, сходит у Мекленторга и прет вверх пешечком ради променада, рассматривая ножки пробегающих леди из Дома моделей. Опомнись, Алекс, не связываясь ни с какими пароходами, не будь идиотом, забудь о Кале, а дуй до соседнего порта, там ты его выпустишь... А что дальше? Дальше придется перейти на другие документы, которые ты перед операцией положил в атташе-кейс, сменить внешность (усы, борода, очки) и добираться до Мекленбурга через Берлин. Прямо из Кале до Булони, затем на поезде до Парижа. Хорошо бы в Париже в последний раз в жизни успеть прошвырнуться по Монмартру, заглянуть в "Ротонду" или в "Дом", в эти приюты гениев... Что тебе лезет в голову, безумный Алекс? Спасай свою школу, дурачина, хотя, конечно, жаль, что уже никогда - Nevermore! - не порешишь в книгах на берегу Сены, да и в хемстедский паб никогда не забредешь. Прямой поезд Париж - Берлин. Вряд ли за такой короткий срок французы сумеют организовать поиск. Французская полиция не будет обыскивать все поезда, уходящие из страны. В Берлине перейдешь в восточную часть через пункт Чарли, потом в Карлхорст, а дальше все элементарно просто. По прибытии в Мекленбург немедленно просить аудиенции у Бритой Головы, выкладываешь все как на духу. Но он потребует доказательств. Что ж, они будут. А может, оставить все как есть? Контакт в Кале со своими, и проследовать на судно вместе с Юджином. Но он идет на верную смерть. Кто тебе сказал? Хорошо, конечно, он понесет наказание, но это же не невинный агнец, это предатель. О Алекс, создание Ближнецов, вечное метание из одной стороны в другую, хлипкая нерешительность. Перед тобой предатель родины. И от того, что он выдал Крысу, его вина только уменьшается. Кто тебе сказал, что он выдал? Он даже имени не назвал, одни намеки... Ты вычислил Крысу, ты, Алекс, ты! И не надо жалеть предателя, пусть его охмурила Крыса, но кто ему мешал пойти и доложить обо всех манипуляциях с "Мальборо"? Испугался, перетрухал, вот и затянули его в паутину! Отдать гада на корабль и самому следовать туда же - никакого риска, полный иммунитет, а дальше видно будет...

Побойся Бога, Алекс, зачем тебе выдавать Юджина? Человек запутался... Разве не могло такое произойти с тобой? Никогда. Никогда. Никогда в жизни. Все что угодно: пьянство, Черная Смерть, все земные и неземные грехи беру на себя, но только не предательство!

Я глянул в иллюминатор - береговые огни быстро приближались. На такой яхте не "эксами" заниматься, а путешествовать по Средиземному морю под ласковым солнцем, наслаждаться рыбалкой с борта, целовать любимую женщину, баловаться домашней кухней в приморских ресторантиках, где хозяева считают своим долгом рассказать клиенту какую-

нибудь байку, бродить по набережной, обняв Кэти (или кого-нибудь еще) за талию, выйти на рыбный рынок и съесть прямо у прилавка пару только что выловленных и легко засоленных голландских селедок (особенно хороши они в Остенде, сравнительно недалеко отсюда), поваляться на пляже, листая "Плей-бой", вечером переодеться и прикоснуться к чему-нибудь возвышенному, допустим, пойти на "Волшебную флейту", помнится, в Венской опере, где все пропахло Габсбургами и нафталином, я чуть не заснул, и все из-за того, что трое суток безвылазно обучал агента элементарному шифроделу. Совсем раскуксился, выше нос, Алекс, в Мекленбурге ты не пропадешь, твои корни там, ты легко приспосабливаешься к новой жизни, неприхотлив и вполне проживешь на ржаном хлебе, картошке в мундирах, селедке иваси и ливерной колбасе. Пора подумать о воспитании Сережи, он совсем отбилась от рук, прояснить отношения с Риммой, сделать вид, что ничего не произошло - не судить же рыцарю Черной Смерти о чужих грехах. Заняться благоустройством дачи, кирять иногда с Совестью Эпохи, завести девочку из иняза, сразив ее австралийским акцентом. Работенку, конечно, дадут фиговую, не бей лежачего, буду учить каких-нибудь болванов уму-разуму. Не вешай нос, Алекс, жизнь продолжается, наша алая кровь горит огнем неистраченных сил, и вперед - в Мекленбург!

- Выпустите меня, Алекс, прошу вас! - прервал мои сладкие грезы Юджин. - Я сделаю все, что вы попросите. Если надо, исчезну, и вы меня никогда не увидите. Если хотите, не буду писать в эмигрантской прессе, замолкну навсегда, уеду в Аргентину или к черту на кулички. Отпустите меня, Алекс, разве вы не видите, что я ни в чем не виноват? Я отплачу вам добром... Умоляю вас!

Слезы стояли у него на глазах, нос совсем опух, он снял очки (удивительно, как они не разбились!), и они дрожали у него в руках.

Глазки Бритой Головы прощупывали меня насквозь. Где доказательства? Не дезинформация ли это американской разведки, умело выводящей из строя самые ценные и самые надежные кадры? Временно мы вас арестуем, Алекс!

- Вот что, Юджин, я вас отпущу, но сначала коротко напишите обо всем. Больше фактов. Но обязательно укажите фамилию.

Он быстро ухватил листок бумаги и ручку и начал что-то скрести, а я вышел к Кэти, которая уверенно вводила яхту в порт Кале. Я обнял ее и почувствовал боль расставания, и жалко стало самого себя, и вновь я обернулся ребенком, которому никто не может помочь. (Мама! Мама! Почему ты задерживаешься? О Боже, верни мне маму, пусть с ней ничего не случится по дороге, верни мне маму поскорее, умоляю тебя!)

Мне было жаль расставаться с Кэти, расставаться навсегда, я любил ее, и все, что шептал ей совсем недавно жарким, срывающимся голосом, было сущей правдой. Я пошлое ее что-нибудь купить в ночной лавке, сам встану у штурвала, пусть она уходит.

- Ты на себя не похож, Алекс! - сказала испуганно Кэти. - Вытри лицо... Ты весь в слезах!

На пути вниз я взглянул в зеркало и увидел бледное, изможденное лицо с красными глазами. По знаменитому пробору словно прошелся плуг, и несло от меня такой уксусно-острой псиной, что тут же пришлось вылить на себя изрядную дозу "ронхилла" ("Бей в барабан и не бойся беды...").

Юджин передал свои писания, и я спрятал все в атташе-кейс.

- Когда причалим, я попрошу Кэти сходить в портовую лавку и купить что-нибудь. -

Я не мог придумать что, такая в голове была каша. - Постарайтесь тут же исчезнуть из порта. Если мне понадобится, я буду писать на каирский адрес, где живет Бригитта. До свидания!

- Спасибо, Алекс! Я знал, что вы настоящий человек! Я никогда этого не забуду! - Мы обнялись и поцеловались, как два самых близких друга, и испытывал я величайшее счастье, что повстречался с честным человеком, который помог разоблачить Крысу, слабым, правда, но все мы грешны и слабы - разве не так сказано в Библии?

Яхта упруго коснулась причала, лишь чуть-чуть скрипнул борт.

- Прощайте, Юджин! Уходите быстрее, а лучше всего улетайте сразу же куда-нибудь подальше. Старайтесь не входить в контакт с незнакомыми людьми. Желаю вам счастья! Кэти! - крикнул я. - Ты не сходишь...

И тут на лестнице, ведущей в наш салон, появились чрезвычайно знакомые ноги, чуть кривоватые, как у старого кавалериста, дальше следовали неопределенные формы и вот, наконец, мощный подбородок, прославленные уши и сам главный герой.

Пока я соображал, что делать, Юджин, словно в предсмертной агонии, метнулся в угол, схватил по дороге вазу и метнул ее прямо в Челюсть. Раздался звон разбитого фарфора - ваза, пролетев мимо начальственной головы, разбилась о стенку, - Челюсть же ринулся за Юджином, как кот за мышью, как овчарка в фильмах о пограничниках, мгновенно настигающая нарушителя. В руке у Николая Ивановича сверкнул некий предмет с иглой, и Юджин тут же осел на пол - такие уколы гораздо надежнее любых таблеток и аэрозолей, они сразу одуряют и превращают человека в живой мешок, который можно таскать на спине или просто ставить в угол.

Кэти, вбежавшая вслед за Челюстью, вскрикнула и рухнула в обморок.

Так мы и остались друг против друга, два старых кореша, два мастера деликатных дел, два соперника. Остановись, машина! Огнем горит, сгорает осень. Мальчишка проволочкой гонит через дорогу обруч...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

В КОТОРОЙ БЕЗУМНАЯ НОЧЬ, ДВА ЗАКАДЫЧНЫХ ДРУГА НА ЯХТЕ, МИРНО БЕСЕДУЮЩИЕ НАД ХЛАДНЫМ ТРУПОМ, ПАРА ВЫСТРЕЛОВ, ПОЛНАЯ ЯСНОСТЬ И, ЕСТЕСТВЕННО, ХЭППИ-ЭНД

"Ночь густела, летела рядом, хватала скачущих за плечи и, содрав их с плеч, разоблачала обманы. И когда Маргарита, обдуваемая прохладным ветром, открыла глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели. Когда же навстречу им из-за края леса начала выходить багровая и полная луна, все обманы исчезли, свалились в болото, утонула в туманах колдовская нестойкая одежда".

М. Булгаков

"...Жизнь моя течет спокойно и размеренно и, если проложить в тюремный двор трубу, качающую воду из Северного моря, сделать бассейн, подогреть его, засыпать все вокруг желтым песком и зажечь над Лондоном субтропическое солнце, и вместо грабителей и убийц запустить сюда пестрый люд из нашего санатория, ей-богу, я бы не соскучился до конца своих печальных дней. Как странно, но именно санаторий лезет в башку, как средоточие всех видов хомо сапиенс нашей благотворительной организации: там и борцы за здоровую идеологию, спасающие заблудших железом и кровью, и седовласые пенсионеры-полковники, прошедшие огонь и воду, и бледнолицые, измочаленные дамы-полиглотки, сидящие на святом деле подслушивания, и мускулистые атлеты из охраны, взлетающие над волейбольной сеткой, и юркие секретарши, отдыхающие от внимания начальников, чью подноготную они изучили, как пункты морального кодекса, и мрачноватые сыщики, обычно страдающие желудком, - попробуй потрудись за объектом, сидя на сухом пайке, попробуй помотайся по городу. Там и осторожные Кадровики - Ангелы-Хранители Партийной Морали, даже на отдыхе не отрывающие взоров от личного состава, они конспиративны и глушат водку в одиночку, а бутылки тайно выносят в город, чтобы не наткнулись на них уборщицы и не просигнализировали наверх о пагубных пристрастиях, там и руководящие Настоятели с одеревеневшими физиономиями, они живут в отдельных коттеджах, подальше от рядового люда, обычно с любимыми женами, и общаются коттеджами, не снисходя до нижестоящих компаний. Самые же сливки организации предпочитают номенклатурные санатории, где публика утонченна и суперпартийна, и готовят получше, и сервис подинамичнее, и разговоры высокие - куда нам со шпионским рылом да в калашный ряд!

Как странно, Сергей, вспоминать все это в цивилизованной тюрьме с либеральным режимом, цветным телевизором, дартами и правом выписать книги даже из библиотеки Британского Музея. Почему с умилением вспоминаю я именно санаторий, где мне всегда было трудно жить, где я чувствовал себя, словно в тюрьме - малой части великого Мекленбурга? Помнится, жил я в одной палате с диссидентоведом и сыщиком, спящими с открытым окном, что для меня смерти подобно: просыпаюсь с полноценным насморком. Смеялись они до колик, когда я утром чихал до одурения, подтрунивали, что я не вхожу в море, когда вода ниже 25 градусов по Цельсию, и однажды взяли меня на пляже за руки и ноги (это жандарм и филер!), раскачали и бросили в морские воды, переполненные

медузами, холодными, как скорпионы, вползавшие когда-то в мою детскую кровать. Боже, каких историй я там наслушался! Один следил-следил за поэтессой, подрывающей устои, вошел за ней в подъезд, и там у них неожиданно вспыхнула любовь, затем в цирке роман завертелся с укротительницей тигров и проходил прямо на спящем хищнике; другой работал над крупным ученым, обставляя его агентурой, прокалывал колеса машины, организовывал обыски под видом грабежа квартиры, и полюбил его (клялся мне!), как личность, и поверил, как в Бога, и сейчас, когда, ученый почил и, по мекленбургским законам, признан гордостью нации, ходит, наверное, на его могилу, плачет и возлагает букеты цветов.

Впрочем, я надоел тебе воспоминаниями, Сергей, совсем забыл и о маленькой радости: назначили меня редактором тюремной газеты, и это щекочет мое тщеславие не меньше, чем получение нового чина в Монастыре.

А вообще и грустно, и тоскливо, и не знаешь, куда себя деть, и зачем жить - времени тут на философские раздумья хватает... Вот такие дела, Сергей, помнишь, как ты пел под гитару: "В Лондоне танки, в Лондоне танки, и вот уж в Темзе тонут янки. И взрывы, как грибы-поганки, и в стратосферу валит дым"? Взрывов пока не слышно и танков не видно, а я сижу в тюрьме и сидеть буду до славного переселения к большинству человечества (лет пять-шесть, наверное, скостят за блестящее редактирование газеты). Наконец я придумал себе достойную эпитафию: "Sic transit gloria intelligentiae". - "Так проходит слава разведки". Гниет здесь гордая латынь, аминь!

Наверное, Сережка, человечество идет к своему концу, и потому оно так опутано шпионством, люди вырождаются, проникаются все большим недоверием и ненавистью, грязь сыплется с неба, пустеет природа, испачканная воспетым нами прогрессом, затягивает ядерная отравка.

И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть, И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ, и дана ему власть над четвертою частью земли - умерщвлять мечом, и голодом, и мором, и зверями земными,

Бритая Голова блеснул на прощание глазенками, пожал руку через стол (не выходил, стыдился карликового роста) и сказал: "На вас возложена миссия государственного значения: найти и обезвредить Крысу. Это один из многих наших врагов. Их много, и они нам нужны, ибо борьба с врагом объединяет народ, и чем больше врагов, тем сильнее нация!"

Неуютно и тесно мне в камере, даже в столь шикарной, но еще теснее на воле, Сергей, где человек, словно комар над грохочущим вулканом, где все пылко, зыбко и непредсказуемо. Ради чего я жил, Сергей? Проще сказать, ради чего я только не жил: и ради Великой Теории, большого рояля, который никогда не умещался в моей голове и вскоре распался на куски, и ради крепости славного Мекленбурга, которого почему-то всегда застигают врасплох коварные вороги. Все это вранье, I lived for living, я жил ради того, чтобы жить, любил мотаться по миру, хорошо жрать и пить, и женщин, и новые улицы, и листать газеты, пока пальцы не почернеют от типографской краски. И все-таки, если по чести, я любил эту проклятую работу: зияющую бездну неопределенности, щекочущую нервы таинственность, дымок конспирации и горьковатый страх, когда ступаешь на канат. Я любил эту работу, я любил радость победы, когда вербуешь и чувствуешь власть и свою волю, я любил успех, когда горячо бьется пульс и гремит в ушах: "Ты победил!" Все это ужасно, и Бог вряд ли простит мне это, и все же я надеюсь, что Он простит и поможет -

помогал же Он в детстве возвращать домой маму!

Помнишь, Сережка, как ты закричал на меня: "Уходи вон из нашего дома, шпион!" Вот я и ушел, и, кажется, навсегда".

...Так мы и стояли друг против друга - два старых кореша, два мастера деликатных дел, два давних соперника. Любимая женщина лежала в глубоком обмороке, а товарищ Ландер и не думал просыпаться - Коленька не пожалел ему лошадиной дозы, всегда был щедр, легко давал деньги взаймы, наверное, и Енисея отправил в вечное путешествие с помощью такой же волшебной иглы.

- Ты прекрасно выглядишь! - сказал Челюсть (комплимент пришелся к месту, и я пригладил расплывшийся пробор). - Теперь нужно доставить его до судна, оно совсем рядом, а я на машине. Он вполне сойдет за пьяного матроса, загулявшего в портовом кабаке, я принес с собою голландскую форму, надо его переодеть...

Я кивнул головой, еще не зная, что делать. - Челюсть свалился на меня как снег на голову, исходил из него лучезарный свет бодрости, широкая улыбка бродила по лицу, выдающийся подбородок сливался со щеками, только уши лопухами врывались в эту гармонию, как кашель чахоточника в фугу Баха.

- Но сначала небольшой приятный сюрприз, - продолжал он резво, - читай, я специально расшифровал и отпечатал для тебя. - И протянул мне машинописный текст.

"Лондон, Тому. Мекленбургский народ... все прогрессивное человечество празднует... ура!., поздравляем... желаем успехов в работе и счастья в личной... ура! В связи с праздником - ура! - и определенными успехами в решении поставленных задач⁹⁰ руководством принято решение повысить вас в должности и досрочно присвоить вам звание... эт цэтэра, эт цэтэра". Подпись любимой Головы.

Я щелкнул каблуками и сказал просто, как солдат: "Служу великому Мекленбургу" хотя настроение было далеко не праздничное, как афористично говаривали незабвенные Усы, даже совсем наоборот.

- Это только начало! - Словно халвой набивал мне рот. - Дома тебя ждут еще награды. Операция прошла великолепно. Чисто сделано! Теперь доставим его на судно - и точка. Прекрасно сработано, старик!

Он зажег сигарету и по дурной привычке сунул спичку обратно в коробок - вдруг повалил оттуда дым, коробка зашипела, полыхнула и поскакала по полу, как горящая мышка-крыса.

Тут только я увидел, что мой друг напряжен, как струна, и пыжится в своих счастливых улыбках, а на самом деле бледен и чем-то смущен - впрочем, чему удивляться, ведь не каждый день приходится убивать своих друзей! Он не торопился одевать Юджина, и я видел, как за улыбками работают груды его серого вещества, прикидывая, оглушить ли меня лампой, придушить подушкой, проколоть иглой или прострелить, как шута горохового, из бесшумного пистолета.

Почему он не прикончил меня сразу? Вообще не собирался убивать, надеясь на сотрудничество? Любил старого друга? Тайна и еще раз тайна, "There are more things in heaven and earth, Horatio, than any dreamt of in your philosophy". - "Есть вещи на этом свете,

⁹⁰ Тут словно сто Чижиков поработали! Как это у первооткрывателя великого Уильяма? "Я, кажется, с ума сойду от этих странных оборотов, как будто сотня идиотов долдонит хором ерунду!"

Горацио, что недоступны нашим мудрецам".

- Время есть, - сказала я, - не будем суетиться, дернем по стаканчику, повод у нас хороший! - начал стелить я ласково, чуть не прослезившись по получении желанной звездочки. - Давай омоем великое событие!

Я плеснул в бокалы джин, вспомнив "гленливет", текущий по разбитой голове Юджина, и одновременно локтем прощупав в кармане палочку-выручалочку "беретту".

- За твоё здоровье, - отвечал он, расслабившись. - И помни, что должность и звездочку тебе пробил я, и не только это, не буду всего рассказывать... в общем, за тебя, старик! Тебя примут на самом верху!

Счастлив, безумно счастлив, тронут и польщен, низко кланяюсь, друг мой загадочный, и видится мне, как я приземляюсь в аэропорту Графа - владельца Крепостного Театра, оживленный проспект города Учителя, Беломекленбургский вокзал с памятником Буревестнику и Основателю Самого Лучшего в Мире Литературного Метода, чуть дальше монолит Поэту-Самоубийце со сжатым грозно кулаком - место поэтических состязаний мейстерзингеров и вагантов в период Первого Ледохода, поворот на кольцо Садов Шехерезады, площадь Саксофона, на которой давили усопклонников в день прощания, правый поворот на улицу Лучшего Друга Культуры, заживо похоронившего Зоценко и Ахматову, левый поворот, мимо хозяйственного магазина на Мост Кузнецов, а дальше... о любимый гастрон, куда частенько забегал юноша бледный со взглядом горящим... Стоп! Прошу выходить, леди и джентльмены, добро пожаловать, милые леди, спокойной ночи, вспоминайте нас. Роща. Поросль. Подросток. Струной веревка - и юнцу конец.

В эту минуту безумно взревел мотор, яхта резко оторвалась от причала и, быстро набирая скорость, побежала по темной воде.

Все-таки Кэти зачислили бы в шпионы - сидели в ней здоровые гены дочки полковника, борда за права белого человека в колониях. Пока мы рассыпались в любезностях, она незаметно выползла из обморока на палубу и повела фрегат навстречу стихиям... Куда? Можно и не задавать этот глупый вопрос, естественно, к беловатым дуврским скалам, где только и можно обрести покой и счастье в объятиях лучшей в мире полиции - Скотланд-Ярда.

- Мы что? Плыдем? - Он отставил бокал и вскочил на ноги. - Я совсем забыл об этой суке... надо ее остановить!

- Не беспокойся, дружище, далеко мы не уйдем и как-нибудь справимся с женщиной... - Я подошел к нему и похлопал по плечу, сейчас он выкинет руку из кармана и пропорет мне брюхо той самой иглой, на которую, как шашлык на шомпол, насадил бедного Юджина.

Но Челюсть бездействовал и тревожно вслушивался в уже ритмичную работу мотора, словно это было столь важно с точки зрения превращения пышущего здоровьем Алекса в череп бедного Йорика. Шляпа ты, Коля, бездарь и лопух, под стать твоим локаторам, шляпа ты, Коля, и балда, потерял форму, засиделся в кабинетах и на совещаниях, закрутился в словопрениях с Маней и Бритой Головой и совсем забыл об оперативной хватке, утратил былой собачий нюх.

Я еще раз ласково похлопал его по плечу и обнял за талию, словно перед танцем на катке Нечистых прудов, Змеиная лапа Алекса умопомрачительно изящнейшим образом прощупала оба нижних кармана куртки и, обнаружив ЦБ-447 (если не ошибаюсь, именно так называлась эта вершина научно-технической мысли с выдвигающейся иглой),

несуетливо и неназойливо извлекла сей предмет на свет Божий и переложила игрушку к себе в карман. Дурак, он даже руку держал в кармане штанов, на носовом платке, вытирал ее, неврастеник, прежде чем приступить к нейтрализации лучшего друга.

- Садись! Руки вверх! - скомандовал я. Только тогда он и заметил "беретту" в моей руке, калибр 6,4 мм, убийная сила что надо и скорострельность ненамного хуже, чем у пистолета-пулемета "венус".

- В чем дело, старик?

Старик! Так и пахло античным прошлым, когда неуклюжий и ушастый юноша в клешах открыл дверь заветного кабинета, и рванул ветер, и сверхсекретный документ, как змей бумажный, взлетел над площадью... много воды утекло с тех пор, старик, старина, старче.

Римма ему нравилась всегда, еще со времен ухаживаний за Большой Землей, и в последний раз, когда мы проковыляли от кабака у памятника Виконту де Бражелону к нам домой, он танцевал с ней нарочито сдержанно, на дистанции. Знал, что у дружка Алекса глаз, как ватерпас, - все сверху видно нам, ты так и знай! - все видит Алекс, хотя память на лица и ориентировка, скажем прямо, ни в какие ворота... В тот вечер я кемарил в спальне. Что же они делали? Танго, утомленное солнце нежно с морем прощалось, танго и снова танго, в эту ночь ты призналась, кожаный диван вполне вместителен, что нет любви. Впрочем, они встречались уже давно, и на дистанции он ее держал для конспирации.

Вдруг я почувствовал прилив крови к голове, казалось, что сейчас она брызнет фонтаном из носа и из ушей, сердце заколотилось, как у венецианского мавра... тыфу, черт! безумный Алекс! Успокойся, там же прыгал Чижик. Чижик-пыжик, где ты был? - Я за Коленькой следил.

Он смотрел на меня с удивленной миной, подняв бровь, как будто я без с тука вторге* ь ею сановный кабинет и помешал скольжению пачки "Мальборо" по секретным документам.

- Не двигайся и води себя прилично. Юджин рассказал мне все...

Он лишь поморгал растерянно глазами (быстрой реакцией никогда не отличался, разве только жену сумел подобрать в один вечер!): или не дошло, или дошло, но прикидывал, какие сведения мог передать мне Юджин (тот тихо отдыхал в своем загробном сне, снился ему, наверное, наставник Карпыч, отрывавший ученика от приятного процесса истошным воплем "Убери стул!"), или просто выигрывал время, чтобы собраться с мыслями.

- Что за шутки, старик? О чем ты говоришь?

Я не опасался его финтов - по самбо и прочим боевым дисциплинам Коля находился в последней пятерке, иногда я даже сдавал за него зачет по стрельбе, палил он позорно, курам на смех, ухитрился однажды даже в стену вклеить, и пуля отскочила рикошетом в инструктора; это вам не Алекс, стрелявший, как Вильгельм Телль, и по движущимся мишеням, и по тарелочкам, и ночью с оптическим прицелом, и на бегу, и кувыряясь по земле, и в прыжке с крыши сарая, не говоря уж о работе рукояткой в драке, когда пистолет пытаются выбить ногами, оставляя на руках кровоподтеки.

- Ты его классно затянул в работу, Коля, но удивительно, что не успел кокнуть после того, как он застал тебя с мини-камерой над документами... - Тут я побряцал на саркастической струне своей арфы.

Я ожидал, что он начнет ломать комедию и все отрицать, но, видимо, опасно было спорить с карающей Немезидой, и он не стал портить обедню.

- Что ж, все верно. В принципе, конечно.

- На кого ты работал? - Времени у меня оставалось мало.

- На англичан... на "Сикрет Интеллидженс сервис".

Дыму бы повалить из ноздрей Алекса, душе бы выскочить из ребер от справедливого негодования, но странное дело: то ли пусто уже было мое сердце, то ли устал я от всех передрыг, - не было праведного гнева в груди моей, не было! Ничего не шевельнулось, кроме горьковатой обиды, что меня обдурили. Но тут же представил я Самого-Самого и всю камарилью - что мне до них? До ликующих, праздно болтающих, обагривающих руки в крови? Но тут же стыдно стало от собственной беспринципности, чуть ли не от предательства Родины.

- Значит, все аресты и последние провалы - твоих рук дело? - подогрел я себя.

- Не все... только не води себя, как прокурор, Али, постарайся меня понять, - говорил он мирно и спокойно.

Урезонивать он умел, ловко примирял самые противоположные точки зрения ("с одной стороны"... "с другой стороны"... "истина всегда посередине" или "посередине истины всегда проблема"... "крайности сходятся"... "семь раз примерь, один раз отрежь"), Маня без него обходиться не мог, чувствовал себя как без рук, советовался почти по всем вопросам.

- И давно ты работаешь? - Как будто это имело значение, как будто скажи, что он вообще не Коля-Челость, а сэр Роберт Брюс Локкарт, и все бы тогда прояснилось и стало на свои места.

Наступила пауза, зашелестели, залопотали волны, старик Нептун ласкал бедра яхты, выпрыгнув из затяжного сна. Шум и ярость.

- Давно... - ответил он неопределенно, совсем взял себя в руки, словно обсуждали мы коловращение звезд на небе или выступление Самого на активе.

Знал он, конечно, много, и не только от Мани, - проложил надежные тропки и к Самому, докладывал кое-что тет-а-тет в обход Мани, и я своими ушами слышал от Челюсти, что Сам читал ему однажды собственные лирические вирши - не каждому поверял Сам свои душевные тайны.

- Работаю я давно... - повторил он и снова замолчал. - Чего ты от меня хочешь, Али? Покаяния? - В поднятой брови застряла грустная ирония.

- С чего это все началось? - спросил и с ужасом почувствовал, что совсем не эта история меня интересует, она мне до фени, что мне до всех нюансов его предательства, навиделся я всей этой фигни на своем веку, не главное это было сейчас, и не оно точило меня, как упрямый червь.

- Только давай без туфты, Коля, - добавил я. - Не надо мне насчет кризиса системы, прогнившего насквозь Мекленбурга, вечной любви к истине, свободных леди и джентльменах... Все это я хорошо знаю.

- А я и не собираюсь! - усмехнулся он. - Что мне жаловаться на нашу систему? Всем, чего я достиг, я обязан своей стране. Я частица системы, и не мне подвергать ее критике. Все очень просто, Али, не буду скрывать от тебя: мне нужны были деньги. Говорю прямо, не хочу морочить тебе голову, мы все же друзья. По крайней мере, были раньше.

- И неужели ты побежал в английское посольство... конечно, не дома, а где-нибудь за

рубежом?

- Зачем же так грубо? Я никогда не пошел бы добровольно. Меня прихватили на компромате, прихватили простенько, но крепко. Неужели тебе это так интересно?

- Ты рассказывай и поменьше задавай вопросов!

- За границу, как тебе известно, я выезжал довольно часто, но валюты постоянно не хватало, ты же знаешь наши мизерные командировочные... Приходилось вывозить кое-что на продажу, пользуясь диппаспортом: картины, антиквариат... Познакомился я в Париже с одним старичком и через него сбывал товар. Только не смотри на меня испепеляющим взглядом, как солдат на вошь, я обыкновенный человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Я люблю красивые вещи... а что можно купить у нас?

- Как же они тебя взяли? Выследили? Неужели ты не проверялся перед встречами с этим старичком? - уже дурачился я.

- Конечно, проверялся. Просто старичок оказался старым английским агентом, еще со времен Сопротивления, британцы быстро подключились к делу, все задокументировали... Дальше тебе должно быть ясно. Что мне оставалось делать, старик? - Он сказал это так просто и задушевно, словно мы сидели в баре недалеко от памятника Внуку Арапа Петра Великого, сидели и балакали, помешивая пиво соленой соломкой.

- Не соглашайся! - сказал я и даже застыдился своей непроходимой прямолинейности. Легко сказать "не соглашайся", а что дальше? А дальше англичане доводят все материалы до сведения настоятелей Монастыря, и забирают Челюсть добрые молодцы в "черный ворон", и увозят далеко-далеко, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Он посмотрел на меня с интересом и промолчал, деликатный человек, привыкший к глупости, слышался он ее вдоволь под куполами соборов.

- Выходит, англичане все это время знали и обо мне, и о Генри, и о других агентах? Значит, они знали и о "Бемоли"? - Тут я почувствовал наконец настоящую обиду и начал медленно закипать, заработал омертвевший мотор.

- Сколько лет ты работаешь в разведке, Алик? - улыбнулся он, - Какой же умный агент выкладывает своему хозяину все? Кое-что я, конечно, передавал, но большую часть утаивал. Иначе бы я давно сгорел! Будто ты не знаешь, что такое бюрократия в любой разведке! Что им агент? Всего лишь винтик в большой карьере, Агентов любая служба эксплуатирует как рабов, сжигает, спаливает до конца! Зачем мне было рассказывать о тебе и "Бемоли"?! Чтобы они тебя посадили? И снова подозрение на меня, а разве мало тех провалов? Нет, я ничего им не говорил, честное слово!

Тут беседа двух друзей была прервана драматическим выходом Кэти, бледной, как леди Макбет в ночь убийства, в распахнутой меховой куртке и ботфортах. Очень напоминала она расхвирепшую фурию, с такой неподдельной яростью я сталкивался лишь раз в жизни, когда сфотографировал в Амстердаме проститутку, сидящую за витриной и зазывающую клиентов улыбкой, сделал это на память, - кто знал, что они этого терпеть не могут? - так профур-сетка вылетела из своей норы и погналась за мною по улице, как собака за драным котом, призывая на помощь полицию и требуя засветить пленку, благо ноги Алекса на короткой дистанции никогда не подводили.

- Теперь я все поняла! - орала прозревшая Кэти (лицо ее в гневе стало просто прекрасным). - Вы говорили по-мекленбургски! Вы оба вражеские шпионы! Я вызвала по радио полицию, она с вами разберется! А ты... - это уже относилось персонально к

блестящему Алексу, - ты... самый последний негодяй, ты... (далее следовал довольно богатый арсенал слов, свидетельствующий о том, что дочки полковников не теряют времени даром в парикмахерских на Бонд-стритах и набираются знаний в народе).

- Что с тобой, милая? - попытался я мирно уладить конфликт. - Успокойся, Римма! - Непростительный кикс, даже в форс-мажорных обстоятельствах, когда думаешь об одном и том же.

Карие глаза округлились от гнева, и она бросилась на меня, как разъяренная тигрица, на миг мне показалось, что она даже порыжела и превратилась в Римму.

Я одним приемом завернул ей руку за спину, впихнул в спальню (спаленку) и запер дверь на ключ, не выпуская из рук "беретты". Некоторое время она колотила по дереву своими ласковыми кулачками, но потом умолкла - всему имеется конец, все течет, все меняется, количество превращается в качество, а остальные законы диалектики я так и не усвоил.

- Слушай меня внимательно, старик! - сказал он, - Будь благоразумен и не поддавайся эмоциям. Из-за чего сыр-бор? Неужели мы не сможем поладить? Операция прошла успешно, предатель схвачен, все о'кей!

- Ты предлагаешь мне работать на англичан? - У меня даже горло перехватило от его наглости.

- Что я, дурак? Давай думать о самих себе, найдем компромисс. Англичане даже не знают, что я здесь нахожусь. Конечно, я им кое-что передавал, но и дурил достаточно. Мы вернемся домой, и я порву с ними. Хватит! Любой агент рано или поздно проваливается, таков закон разведки, и следует вовремя остановиться.

Он не знал, что я оглушил Хилсмена, и рассуждал просто: дурында Алекс грузит Юджина на корабль, возвращается в Лондон, все шито-крыто, все абсолютно при своих.

- Какой тебе смысл возвращаться домой? Уж лучше дожидаться полиции... здесь тебе моментально дадут политическое убежище, осыпят наградами, обласкают... - Я напугал дым, играл с ним.

- Что мне тут делать? Работать мальчиком на побегушках? К тому же я люблю свою родину! Твоя воля, конечно, старик, но я хочу вернуться домой!

Не притворялся Челюсть и не лгал, он действительно любил свой Мекленбург, новую дачу на горе святого Николаса прямо у речки, среди сосен и лужаек, усеянных хвоей и шишками, и солнце, проступающее сквозь утреннюю туманную дымку, и пар, плывущий над рекой. И еще любил он медленно и значительно идти по коридорам Монастыря, ему уступали дорогу и неестественно выпрямлялись (они все привыкают к тому, что им уступают дорогу, и однажды на Мосту Кузнецов, когда в него неожиданно врезался мужик с рюкзаком, набитым пустыми бутылками, он обалдел и долго не мог прийти в себя от изумления), и обводить немигающими глазами затихший зал, взойдя на трибуну, и крутить карандаш в президиуме, и мчаться на черном лимузине на красный свет, слегка кивая козыряющим милиционерам, любил он скорость и, когда застревал в "пробках", мрачнел и хмуро рассматривал затурканных женщин с кошелками.

Он любил свой Мекленбург, никаких сомнений, что любил! И тогда я достал коробочку, переданную мне влюбленным антропосом Генри, и швырнул ему в морду - оттуда выкатилась и упала на пол запонка с профилем Нефертити, потерянная им у Генри, мой подарок в знак вечной и нерушимой дружбы.

Коробочка ухнула ему в губы, и по боксерскому подбородку потекла струйка крестьянской голубой крови.

– Зачем ты приходил к Генри? – теперь я уже допрашивал его всерьез.

– Я лично хотел проверить, что он из себя представляет. Я начал сомневаться в правдивости твоих отчетов, старик... Я решил, что ты гонишь липу. Извини.

– Врешь! Ты сказал, что я предатель! Ты поручил убрать меня сразу, как я вернусь из Каира!

– Убить тебя? И ты поверил этому старому дураку? Да он давно не ловит мышей! Ты мне совершенно не мешал! Мне нужен был Женя Ландер! Я боялся его, я боялся его разоблачений. После того, как он сбежал из Мекленбурга, я уже не мог его достать. Мне нужно было вытянуть его в Лондон, привязать к тебе, к "Бемоли"! Я это сделал. Я и не собирался тебя убирать!

Так он и признается, не такой дурак. Очевидно, я случайно чуть не попал под машину Генри, любил старик покататься после полуночи на своем драндулете, побаловаться со своим куратором, а днем поразвлекаться стрельбой по предметам, напоминающим кокосовый орех. И даже сегодня утром пришел он с любимой ко мне за благословением, а бельгийский браунинг так мал, что завалился в рукаве пальто с прошлого века.

– Понятно, что Юджин тебе мешал. Но почему ты не обратился к своим хозяевам? Они бы запросто его убрали... ведь речь шла о твоей безопасности.

Подул ветер, и яхта закачалась на волнах – мы стояли где-то посредине Ла-Манша. Ночь была нежна, в такие ночи лунатики выходят из своих насиженных углов, безумно улыбаясь, бродят по улицам и плывут по каналам в гондолах.

– Я просил англичан, но они категорически отказались. Сослались на свои дурацкие законы, ограничивающие работу спецслужб... на контроль парламента... на низкий авторитет СИС после дела Филби и еще на тысячу причин. Но они дали мне понять, что не будут чинить препятствий, если я сам займусь этим делом. "Достаньте мне адрес Ландера, – просил я, – остальное вас не касается!" И они раскопали адрес Ландера в Каире, и на том им спасибо! Я начал действовать в одиночку... забавно, правда? У тебя нет закутить? – Он волновался.

Я достал из ящика пачку сигар, которыми иногда пробавлялся. Он чиркнул спичкой, закурил и продолжал:

– Во время командировки во Францию я под другим паспортом перебрался в Лондон и там явился к Генри. Конечно, это было рискованно, но что я мог сделать? Наши не хотели ввязываться в поиски Ландера. Бритая Голова и слышать об этом не мог. И вообще мне неудобно было выступать перед Маней с какими-либо планами в отношении Ландера. Предатели – не мой участок работы, ими занимается другой человек, и моя инициатива могла показаться подозрительной другим заместителям Мани и ему лично. Другое дело, если Ландер всплывает в Лондоне, которым я непосредственно занимаюсь. И тем более в тандеме с тобой и всей "Бемолью". Понял, Али? Итак, я явился к Генри, придав себе некоторые внешние приметы Ландера и оставив его адрес в Каире. Я не сомневался, что он передаст тебе все и штатники заинтересуются делом... Можно, я выпью джина?

Я налил ему чистый джин* следя за тем, чтобы он не выкинул финта. Мозги Генри он запудрил лихо, ничего не скажешь! А я клонул на Рамона, святая простота, воистину дурак ты, Алекс, старый осел. Хотя он так ловко разыграл испанский акцент и прочее...

– Комбинация прошла на удивление гладко: Генри сообщил тебе, ты – Хилсмену и в Центр, тут уже инициатива исходила от тебя, и все дело Ландера само собой привязывалось к "Бемоли". Я снова овладел ситуацией и, главное, вытянул Ландера в Лондон. Твоими руками... но другого выхода не было, старик! Дальше все уже проще.

Самое интересное, что поведывал он эту историю совершенно спокойно, будто он и не был Крысой, прогрызшей днище корабля: такая, мол, приключилась история с географией, и вот сидим мы на яхте и обмениваемся мнениями.

– Я не вру. Во всяком случае, я не планировал убивать Ландера, я думал с ним встретиться и перевербовать...

Ха-ха, вывезти, перевербовать, побеседовать, так я и поверю. Знаем мы эти штучки, не лыком шиты: заманить предателя на корабль и там поговорить по душам, авось он и раскается, и согласится, по пути, между прочим, Ландер поскальзывается на мокрой палубе и мгновенно падает за борт... Впрочем, не довез бы его Челюсть до судна, ликвидировал бы по дороге.

– Мы действительно не хотели его вывозить или убирать. Только поговорить, и тут мы ничем не рисковали – ведь его семья оставалась в Мекленбурге, – продолжал он и неожиданно зевнул, заскрипев своей необъятной челюстью, не от желания подремать, а из-за нервозности – у меня самого такие штуки бывали.

– А зачем ты затянул меня в Кале? Неужели нельзя это было сделать в Брайтоне? – Я стал легко подыгрывать, выполз актеришка на сцену и начал корчить наивные рожи, будто и невдомек мне было, что вместе с Ландером планировал он отправить в лучший мир человека благородной внешности и характера, почитателя доброкачественных лосьонов, чей образ надолго врезался в память жителей Хемстеда.

– "Красная сеledка" с ирландцами, – отзевавшись, он вытер рот платком, – убивала сразу двух зайцев. С одной стороны, отвлекала противника от операции с Ландером, с другой стороны – укрепляла твои позиции. Разве не так?

Спасибо, друг, никогда не забуду, и спасибо за "с одной стороны" и за "с другой", знакомым холодком повеяло, чижиковым говорком, ароматами знакомыми дохнуло от монастырских стен. Где сейчас Чижики? Какую цидулу сочиняет и считает ли возможным, целесообразным и необходимым само существование Ла-Манша, в середине которого замерла наша скромная яхта, ожидая полицейский катер (меня – в каталажку, Челюсть же – в карету и на аудиенцию к премьер-министру, повесить орден Подвязки на шею, возвести в титул пэра и захоронить в Вестминстерском аббатстве – этого я перенести не мог, все, что угодно, только не это!). Итак, целесообразно ли пребывание пролива Ла-Манш в составе Северного моря?

– Инициатива вывоза Ландера в Брайтон и Кале целиком принадлежит мне. Центр об этом ничего не знал, он был поглощен операцией с "пивом" и ирландцами. Все разработано мною лично на корабле, Болонья тоже ничего не знал о деле Ландера, он выполнял лишь операцию с ирландцами и служил передаточным звеном. Мои шифровки, естественно, он читать не мог. Беседу с Ландером я предполагал провести лично...

И вдруг влез в одно ухо папаша Уилки и заорал: "O! what a fall was there my countrymen"; а Маня, почему-то в орехово-зюевских трусах, выпрыгнул в другое и продолжил:

"Then I, and you and all of us fell down whilst bloody treason flourished over us"⁹¹. "Кровавое предательство!" - повторили они уже дуэтом, оглушая мои смутные мозги.

- А какова роль Бритой Головы? - спросил я, выдвигая из ушей обоих маньяков.

- Нет никакой роли. Телеграммы, которые Болонья передавал тебе за подписью Бритой Головы, написаны мною... Бритая Голова не имеет к ним никакого отношения. Я знал, что на тебя действует авторитет высшего руководства. Как видишь, я не очень ошибся... Я был убежден, что ты мне поможешь.

Тонкая интуиция, потрясающее доверие к другу, преданность и порядочность, как же может обойтись Дон-Кихот без своего верного Санчо Пансы? Правда, идалго никогда и не замыслил убийства своего слуги... Черт побери, они с Риммой делают одно па, затем другое. Кожанный диван. Чижик мог и уйти в другую комнату. Что дался тебе этот диван? Очень он им нужен, у него наверняка для этих целей консквартира или приятели вроде Юджина. В конце концов по утрам Сергей в школе. Она встречает его в японском кимоно, он надевает мои тапочки, да-да, мои тапочки. Оба смеются от счастья... Он снимает с нее мой подарок... Я, кажется, схожу с ума!

- А какого черта ты направил этого дурака Пасечника к Жаклин? Зачем он попер к ней с подарками? В результате его засекли, а ее уволили... - И снова в глазах обаятельная пара и сцена у фонтана с чуть не прозвучавшим пистолетным хлопком. И лети душа Алекса далеко-далеко, туда, где синют морские края и шипят сковородки с заблудшими грешниками.

Он искренне расхохотался, будто бы и не мандражил - чертово самообладание было у моего дружка, - раскрыл пасть со своими клыками и превратился в одну огромную челюсть. Прекрасный рот, она, наверное, любила его целовать... языки их сплетались, как поганые змеи...

- Сработал, как говорится, человеческий фактор. Пасечник действительно дурак. Разве ты забыл, что такое наш гражданин за границей? Так что он проявил здоровую инициативу и решил сделать бизнес. Набрал икры и пошел к старой подруге... Никто об этом и не знал. Лишь на следующий день Болонья засек у своего агента валюту, и тот раскололся... Спишем это как брак, как human factor.

Интересно, а как и когда планировалось списать меня, на пароходе или в одном из портов? Ход мой дружок сделал, бесспорно, смелый, дерзости ему не занимать, удар - и один шар в угол, а другой - в середину: вывел штатников и меня на Юджина и озадачил скушающего Генри, осветил последние годы старца свежей идейкой - действительно, что может быть благороднее, чем убийство предателя Алекса?

Какой добрый друг, какой порядочный человек: англичанам не выдал и никак не завалил, наоборот, продвинул по службе перед тем, как пришить, - порядочный человек, патриот, великий гуманист, просто Эразм Роттердамский, помог боевому товарищу, спасибо, дорогой, спасибо!

И все-таки он и Римма - суки, Нормальный человек должен любить кладбища и уважать смерть, нет в этом ничего предосудительного. А они смеялись. Смеялись, а я работал, проверялся до пота, рисковал, верил, честно осуществлял "Бемоль". Боже, сколько

сгорело нервных клеток, сколько потрачено времени и сил! А они хохотали. Интересно, в какие моменты? Снова начинается, take it easy, не психуй, Алекс, не нажми случайно на курок "беретты".

- Подумай, старик, - продолжал старый друг. - Самое разумное - возвратиться в Кале и довести операцию до конца. Пока еще есть время. Обещаю тебе, что разорву с англичанами, найду для этого удобный предлог. Или уйду в отставку, а тебя предложу на свое место. Подумай, Алик, ведь жизнь и дружба выше политики, выше разведки, выше всего! Мы выведем тебя из игры... закроем "Бемоль"...

- Я уже выведен из игры... пришлось оглушить "Фреда"...

- Вот как? Это меняет дело. Кстати, Хилсмен на ножах с англичанами, они почти не обмениваются информацией...

Я его и не слушал, суд только начался, а он-то думал, что уже вынесен приговор. Много вариантов сидело в черепе моего дружка и во всех них - продырявленный труп великолепного Алекса⁹², и от этой мысли мне стало жарко, и снова накатились на меня волны ярости - плевать мне в конце концов на его предательство, но кто дал ему право распоряжаться моей единственной и бесценной жизнью? Обидно, что она путалась с ним или, не дай Бог, еще и любила серьезно, что обиднее всего, как и эта болтовня насчет кладбищ.

- Ну, а что за дама приходила с тобой к Юджину? - Словно спичку я у него попросил, никаких эмоций.

- Какое это имеет значение? Разные дамы... - И тут он раскололся, и залил его лошадино-аристократическую физиономию яркий румянец.

- Рыжеволосая, если я не ошибаюсь... - продолжал нажимать я, пер уже буфетом, топал, как слон, и плевать мне было на посудную лавку.

- Разные бывали... - сопротивлялся он вяло, затягивая спектакль,

- Это была Римма? - Мне уже нечего было терять. И ему, между прочим, тоже.

- Советую тебе обратиться к своему другу Виктору... кстати, мы через него тебя иногда контролировали... он был нашим внутренним агентом...

Не убил сим известием, нет! Жаль, конечно. Хотя вряд ли Совесть болтал им обо всем: он же хитрец. Совесть Эпохи говорил им обо мне только хорошее, это настоящий друг, хотя и агент, не мог он на меня капать, иначе никто бы меня за кордон не выпустил - такие мы с ним вели крамольные беседы.

- Это была Римма? - повторил я.

Тут он бросился на меня и ударил головой в грудь, сделал это бездарно и непрофессионально, за что и получил коленом в морду по высшему классу и отлетел на прежнее место, утирая кровь и слюни.

- Говори правду, гад! Или я выстрелю!

- Не думай, что я боюсь умереть... чихал я на это!

Он бросил взгляд в иллюминатор - уловил своими локаторами звуки мотора приближающегося катера. Или Кэти действительно дала "SOS", или очнулся Хилсмен и забил тревогу - сопротивление бессмысленно, пуля в лоб еще глупее, а эту суку заберут,

⁹¹ "О какой позор, соотечественники! И я, и вы, и все мы лежали ниц, и кровавое предательство цвело над нами!"

⁹² Виделся я себе почему-то лежащим ничком, скорчившимся, маленьким, в луже крови самой лучшей группы, и жирные мухи ползали по растрепанной голове.

приоденут, поселят в хороший коттедж с личным шофером в фуражке, выделяют жирное жалованье и даже зачислят в штаты СИСа - английской разведки. Служил он честно и верно, предал всех, одного Алекса, старого друга, сохранил в целости и сохранности, как сувенир молодости. Спасибо,

Я отступил и случайно задел тело Юджина, он и не думал просыпаться, очнется, наверное, в раю, вместе с Енисеем - Коленька яды не разнообразил.

- Что ты заводишься? Подумай, Алик, я тысячу раз мог тебя завалить, если бы захотел. Давно бы сидел ты в английской тюрьме. Но я уважал тебя, ценил нашу дружбу.

Ценил, конечно, ценил, не хотел наносить травму Римме, да и не с руки иметь в любовницах жену заключенного, гораздо удобнее пиратствовать в счастливой и здоровой семье: никто не настаивает на разводе, все блюдет конспирацию, сор из избы не выносят. Какой наглец, сукин сын, тебе бы сейчас на колени упасть перед Алексом, молить о прощении, пыль ему слизывать с ботинок, а ты...

- Ты жил с нею, сука?! - Я дрожал от ненависти. Глаза его блеснули, я убил бы его, если бы он сказал "нет", убил бы одним выстрелом.

- Я любил ее, старик. Мы любим друг друга...

Лучше бы он отрекся от нее, растоптал в грязи, заорал бы, что она жадюга и вытягивала из него драгоценности (кто же еще набил бриллиантами ее ларец? Кто еще? Может, и на англичан он работать стал из-за нее? Карамба, тысячу раз карамба!), что она последняя сука и сама его соблазнила.

- Врешь! - заорал я так, что брызги плеснули изо рта. - Врешь, гад! Закрой клюв!

- Да! Мы любим друг друга! - Словно в пику мне, словно красным покрывалом у бычьей морды.

- Врешь! Скажи, что врешь! Убью!

И тут он тоже заорал, трясаясь в истерике:

- Стреляй, идиот! Стреляй, кретин! Я люблю ее, и она любит меня, ясно? Как можно тебя любить? С твоим пижонством, с твоей маниакальной страстью к кладбищам, где ты заглядываешь в каждый гроб! Ты же чокнутый, ты же больной! Что ты не стреляешь? Боишься? Где же твое самолюбие? Кретин... мы даже в шутку хоронили тебя... да, да, играли в такую детскую игру, спорили, в какой костюм тебя напоследок одеть, и даже придумывали речи на похоронах... - Он осекся.

Спокойно, Алекс, спокойно, прости меня, Господи, прости меня, отведи в сторону дуло, чтобы, не дай Бог, не нажать на курок, не бери грех на душу, Алекс, пожалей себя, Христос жалел и нам велел, возлюби врага своего как самого себя...

- Замолчи, сволочь! Замолчи! - Пистолет дрожал у меня в руке и прыгал, как артист.

Но он уже не мог остановиться, ненависть вылетала из него, как кипящая лава из вулкана.

- Посмотри на себя, что ты такое? Обыкновенный алкаш с манией величия. Ты же бедолага, неудачник!

Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне. На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек. По правде Твоей избавь меня и освободи меня; приклони ухо Твое ко мне и спаси меня.

- Ты бездарь и дурак... - Гармошка его уже играла сама по себе.

Раскаленная игла впилась мне в голову, и я выстрелил. Один, два, три, четыре...

Он лежал на диванчике, струйка крови вытекала изо рта. Я поправил валик у него за спиной - спи спокойно, дорогой товарищ, печаль моя светла.

...Суд тянулся недолго, убийства я не отрицал, обвинения в шпионаже отверг категорически.

Кэти, к моему изумлению, отказалась давать показания, иногда навещала меня в тюрьме и приходит до сих пор, принося с собой яблочные пироги, между прочим, очень вкусные.

Генри и Жаклин благополучно отбились от уголовного дела, контрразведка рассчитывала на меня, но получила фигу в зубу.

Так я и живу, и дымятся на потухшем костре и обломки моей веры, и растерзанная душа, и бессмысленно прожитая жизнь, и за весь этот обман ненавижу я не знаю кого, наверное, самого себя.

Философ с ливерной фантазией рассказывал, что в Монастыре в свое время зрел гениальный планчик: задумали люди в кожаных куртках соорудить посредине Северного Ледовитого океана памятник Учителю высотой с небоскреб, а то и выше, чтобы падала от него тень на всю зажавшуюся Северную Америку, приводя в трепет менял и торгашей, дабы дрожали они от страха, прыгали, как букашки, и тряслись перед неминуемым возмездием за эксплуатацию трудового народа. Когда-то я восхищался этим, а сейчас мне смешно и противно, я ненавижу самого себя, и только Бог может мне помочь. Но достоин ли я Бога? Конечно, Он простит меня, но станет ли мне от этого легче?

Из газет я узнал, что в Мекленбурге веют новые ветры. Но что бы там ни дуло, слишком много осталось знакомых харь, а Монастырь стоит, как стояла и будет вечно стоять мекленбургская земля. Писем с родины я не получал, ибо в Австралии у меня никого не осталось.

В детстве мамин подполковник написал мне стишки:

"Он у нас смиренней баракаша, А на деле он - Антей. Алик - настоящий маршал Детской армии своей".

Сбылось.

И дальше, еще смешней:

"Спи, наш Алик, сладко спишься, Чтоб во сне ты увидал, Будто у тебя петлицы, На петлицах восемь шпал".

Сбылось...